МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 10

Издаётся с 2005 года

Омск

2015

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

М630 **Мир историка** : историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. – Вып. 10. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 472 с.
ISBN 978-5-7779-1832-1

Юбилейный, 10-й выпуск историографического сборника посвящен анализу предшествующей проблемной и тематической направленности издания, определению приоритетных проблемных полей, сложившихся как отражение социокультурных и интеллектуальных перемен в современной исторической науке, историографии, интеллектуальной истории. Прилагается общий библиографический список работ, вышедших за 10 лет существования издания, авторский указатель.

Выпуск также посвящен памяти выдающегося отечественного историографа Б.Г. Могильницкого (1929–2014). Публикуются статья, посвященная историографу, его отзывы на диссертации. Другими темами выпуска являются исследование общих особенностей научной деятельности, начиная со студенческих лет, взаимосвязи научного стиля с художественным творчеством, становление некоторых научных школ, образы ученых в культурной памяти современников и потомков. Одной из ключевых стала проблема успеха и неудачи в научной деятельности, их личной, социальной, политической, интеллектуальной подоплеки. Отдельный раздел посвящен рефлексии ученых о своей научной жизни в эпоху «развитого социализма», размышлениям об интеллектуальном облике советской науки. Раздел документов традиционно знакомит с неизвестными ранее историографическими источниками.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-7779-1832-1

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Десятый выпуск нашего альманаха – событие само по себе интересное для членов редакционной коллегии: меньше всего нам приходилось думать о каком-либо юбилее или «круглой дате». Скажем честно, каждый выпуск был для нас настоящим событием, и поэтому тот факт, что таковых получается теперь уже ровно десять, стал, если можно так выразиться, предвидимой неожиданностью: с одной стороны, поклонение перед магией чисел – лишь условность, а с другой – как интересно теперь оглянуться назад, в то время, когда сборник только начинал своё шествие.

За эти десять лет постепенно изменился и наш альманах, и круг авторов, и наша наука – смеем надеяться, в лучшую сторону, в том числе и благодаря нашей работе. Внимание к миру историка за эти годы стало нормальной и неотъемлемой частью исторического исследования, умение видеть не только пресловутый «историко-культурный контекст», но и методика того, как можно проследить связи между общими условиями бытования и жизненным путём того или иного члена исторического сообщества – стали распространённой и важной частью практики историографического исследования. В самом деле, как отмечал Карл Ясперс, «мысль целиком жива для нас только вместе с человеком, который ее мыслил. В философской мысли мы ощущаем личное существо, для которого она имела значении. Поэтому в историческом созерцании мы ищем философов, а не только свободно парящие мысли»[1]. Естественно, что мысль Ясперса может быть распространена и на представителей других научных дисциплин. Важным, на наш взгляд, является и то, что теперь все эти вопросы вызвали методологическую рефлексию – стремление понять, как мы приходим к конструированию «мира историков» и какую пользу это может принести нам для понимания высказанным ими идей.

[1] *Ясперс К.* Всемирная история философии. Введение. СПб., 2000. С. 159.

* * *

В несколько парадоксальном ключе мы решили посвятить юбилейный выпуск неудачам и провалам в историческом творчестве, а шире – вопросам о неоднозначных путях и перипетиях в жизни и деятельности историков. На самом деле, истории «неуспеха» – это такая же важная часть историографии, как и рассказ о достижениях. Попытка понять, почему определённым идеям и теориям не удалось стать общеразделяемыми тенденциями, почему некоторые научные школы не просуществовали долго, почему неожиданно кончились «нескончаемые» дискуссии, а ряду великих историков не довелось сделать то, что от них все ожидали, позволяет увидеть, как работают механизмы отбора и сохранения знания в исторической науке. Данный сюжет связан с фундаментальной проблематикой механизмов самоорганизации науки как культурной формы и научных сообществ с набором специфических корпоративных норм.

Возможно, это будет казаться ещё одним магическим действием, но нам бы хотелось, чтобы наш сборник, обращаясь к проблеме неудач или неоднозначных исходов, сам не стал в этот ряд. Мы не надеемся, конечно же, обсуждением вопроса, как будто неким колдовством, закрыть от себя такой неприятный вариант, но полагаемся на то, что стремление наших авторов к познанию сложной историографической реальности, их желание увидеть то, чего не видели до них в давно известных, казалось бы, темах, их огромное трудолюбие и, конечно же, любовь к материалу, служат самой надёжной защитой от бесполезного и скучного чтения. Нашим читателям – будь то студенты, ищущие свой путь в науке или просто материал для своей научной работы, или же зрелые учёные, которым стало интересно, как оценивается творческий и жизненный путь их коллег – будет что почерпнуть из материалов, которые мы публикуем в десятом выпуске «Мира». Ясно, что понимание успешности ценностно окрашено и, естественно, вариативно в зависимости от социокультурных реалий, уровня развития науки и ее места в обществе на различных хронологически очерченных этапах, степени автономности научного сообщества, личностных, в том числе психологических качеств, отдельных ученых. Тема успеха и неуспеха в отечественной историографии не

осмыслена как самостоятельная научная проблема, хотя отдельные сюжеты «казусов неуспешности» эпизодически проникают в «историографическое письмо», но все же чаще остаются «ненаписанной историей», пульсирующей на уровне кулуарных разговоров, и считаются недостойными в качестве тем для научной рефлексии. Однако антропологию академической жизни невозможно представить вне поля признания / непризнания имени ученого, его концепции или даже целого научного направления, поскольку наука коммуникативна по своей природе. А само научное поле структурировано конкурентной борьбой, согласно П. Бурдье, за овладение институциональным и символичским капиталом. На войне как на войне – используется как тяжелая артиллерия в виде госаппарата и чиновников – администраторов от науки, так и легкая кавалерия – наветы, сплетни, доносы, семейные кланы и т. д. Отдельные аспекты этой темы нашли отражение в работах, посвященных конфликтам в исторической науке. В частности, именно на страницах «Мира историка» впервые была опубликована статья А.В. Свешникова, получившая затем широкий резонанс[2].

В сборнике представлено 16 статей и 6 подборок документов. Статьи распределены по следующим рубрикам: «Нашему историографическому ежегоднику 10 лет», «Памяти Б.Г. Могильницкого», «Творчество в науке и личность историка», «Неудача в науке, ее облик, контексты, технологии и алгоритмы», «Историк в истории». Традиционным является раздел «Документы и материалы», которые по преимуществу отражают основную проблематику сборника.

Во вводной статье первого раздела мы попытались обозначить основные вехи «Мира историка» как одной из коммуникативных площадок современных историографов, в контексте становления и апробации антропологической парадигмы, складывания сетевой модели организации науки. Сетевые структуры в исторической науке возникают как стихийно, так и конструируются сознательно. Мы шли по пути сознательного конструирования такой структуры, при этом опирались «не столько на жесткое и чет-

---

[2] *Свешников А.В.* «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 231–261.

ко определенное видение программы, с четко формализованным определением базовых понятий и концептов, сколько на некую открытую и трансформирующуюся модель своего проблемного поля», что было нами манифестировано уже в первые годы существования издания[3]. И поскольку каждый номер имел свою особую авангардную проблематику, отражающую как исследовательские практики, так и больные проблемы функционирования научного сообщества в условиях смены познавательных парадигм, то постепенно очерчивалось новое пространство дисциплины историографии, что делало сборник, с одной стороны, эклектичным, а с другой – динамичным и открытым, лишенным имплицитного догматизма. Это сказалось на языке и стиле наших авторов, обусловило отчасти и столь широкое географическое представительство. Мы попытались провести статистические подсчеты авторского участия (составили общий библиографическй список и авторский указатель), проанализировать тематическую направленность, выделить проблемные поля. Нам это необходимо было для понимания общей картины сделанного и корректировки курса на будущее.

Второй раздел посвящен памяти выдающегося российского историографа Бориса Георгиевича Могильницкого. На уход ученого из жизни оперативно откликнулся «Диалог со временем»[4]. Отозвалась болью и в нашем сердце весть о его кончине. С Борисом Георгиевичем и нас связывали долгие теплые научные и человеческие связи. Он неизменно откликался на просьбы о статьях и рецензиях, давал интервью нашему изданию, с особой теплотой вспоминал Г.К. Садретдинова в сборнике, посвященном его памяти[5]. Теперь, увы, пришел черед помянуть и его самого. Мемориальный материал представлен статьей учеников Бориса Георгиевича – И.Ю. Николаевой и Л.Н. Хмылева, в которой ярко очерчен научный и человеческий образ мэтра. Важным дополнением к его портрету является публикация рецензий на докторские диссерта-

---

[3] «Мир историка» – кредо Школы (Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1–4, Омск: ОмГУ, 2005–2008) // Eidos. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Киев, 2009.

[4] Памяти Б.Г. Могильницкого // Диалог со временем. Вып. 48. М.: ИВИ, 2014. С. 5–6.

[5] *Могильницкий Б.Г.* Генрих Кутдусович Садретдинов в Томском университете // Мир историка. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 13–17.

ции. В этих текстах автор выступает как диагност современной исторической науки и ученый, демонстрирующий каноны исторического сообщества. Этот материал не только представляет интерес для биографов Б.Г. Могильницкого, давая возможность понять его человеческую и научную величину, но и выступает источником для понимания основных тенденций развития современной историографии.

Третий раздел «Творчество в науке и личность историка» в очередной раз ставит широкий круг проблем. Так, характерные для советской исторической науки особенности взаимоотношений научного и художественно-литературного стилей исторических произведений на примере крупных фигур отечественного исторического сообщества (М.В. Нечкиной, Е.В. Тарле, А.Е. Преснякова, М.В. Нечкиной, М.Н. Тихомирова, М.М. Богословского, И.И. Минца, Э.Б. Генкиной) исследовала Л.А. Сидорова. В остальных статьях раздела исследование творчества скорее сместилось к аспектам становления стиля и научного облика в студенчестве (статья А.В. Антощенко) и взаимоотношениям учителей и учеников разных школ и университетов, где творчеством можно признать как усилия самого учителя в формировании когорты учеников, так и практики научного труда, передаваемые по наследству этой когорте (статьи Т.Н. Поповой и А.А. Кузнецова). Импульсу, шедшему от профессионального научного сообщества к миру уральских историков-краеведов XIX в., посвящена статья Т.А. Набокиной. И, наконец, вновь мы обращаемся к образу В.О. Ключевского – в этот раз через «присвоение» классика в форме энциклопедических изданий 1930–1970-х гг. (статья О.В. Богомазовой).

Четвертый раздел посвящен уже анонсированной проблеме успеха и неуспеха, удачи и провала в исторической науке. Обращаясь к историографическим практикам и судьбам как известных, так и малоизвестных историков, авторы подходят к проблеме сквозь призму индивидуальных психологий, меняющегося социокультурного контекста, канонов и правил игры научного сообщества, а также тенденций развития науки с ее стремлением к переформатированию как исторического материала, так и критериев успеха как ценностных категорий. Так, анализ творчества В.В. Струве, предпринятый С.Б. Крихом, не только дает нам дополнитель-

ный импульс изучения феномена советской историографии сквозь призму социального заказа и индивидуальных стратегий, но и позволяет посмотреть на феномен авторских текстов, специфику их функционирования и закрепления в качестве образцов, а также их обратного влияния на творчество самого автора в специфическом поле советской историографии. В результате, по мнению С.Б. Криха, советская историография не столько «сага о героях и злодеях, сколько драма, в которой одни и те же лица, даже толком не сменив маски, играли тех и других». Две других статьи, А.А. Неварова и О.В. Телушкиной, посвящены становлению отечественной школы египтологии в конце XIX – начале XX в. и становлению, развитию и угасанию концепции восточного ренессанса в отечественной историографии, что может быть отнесено к категории исследований неудач не историков, а идейных и научных проектов и программ, что представляется важным при соотнесении этого процесса с общими тенденциями развития отечественной исторической науки второй половины XX в.

Раздел пятый «Историк в истории» с помощью воспоминаний, интервью, рефлексии непосредственных участников событий недавнего прошлого (А.В. Гордона, С.Г. Карпюка, А.А. Вигасина) ярко реконструирует события научной жизни в СССР в 1960–1990-х гг. Он обращен к особенностям профессионального быта и внешней социальной, культурной, политической среды. Раздел резонирует с предыдущей главой, ибо позволяет отчетливо понять роль социальных, идеологических, материальных, фискальных факторов в облике советских ученых последней генерации. Эти же факторы могли выступать и в качестве определяющих в алгоритмах неудач советских ученых. Методологическим характеристикам советской историографии, их слабым и сильным сторонам, быту научного сообщества в СССР в 1980-х гг. посвящено интервью с профессором Иельского университета Б.Р. Фостером, взятое С.Б. Крихом.

Последний раздел документов в этот раз представлен большой подборкой, посвященной жизненному, личному, общественному миру «апостола русской святости» Г.П. Федотова, подготовленной, по доброй традиции, А.В. Антощенко. Они создают новые представления об известном историке, очень усложняют видение

его внутреннего мира и внешнего окружения, мотивов жизни, творчества, политической борьбы, любовных переживаний, иллюстрируют сложности духовной, моральной, человеческой эволюции будущего историка.

Материалы дополняются документами о диссертационных «приключениях» Е.Д. Сташевского (подготовила Н.В. Гришина) и публикацией неизданной рецензии А.В. Флоровского на книгу Л.В. Черепнина из Пражского архива (публикует М.В. Ковалев).

В целом, нас уже давно не смущает определенная однородность, а иногда и эклектичность материалов. Главное же, что мы хотели показать – мир историка неотделим от самой истории, её постоянно живого течения, её нерва, а потому историк, который одновременно является частью истории и её писателем (и даже автором) и сам осознаёт это, – интереснейшая фигура, достойная отдельного издания.

В.П. Корзун

Раздел 1

НАШЕМУ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМУ ЕЖЕГОДНИКУ 10 ЛЕТ

В.П. Корзун, С.П. Бычков, С.Б. Крих

Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка»

Русская и европейская культурная традиция опираются на десятичный счет. И окончание одного десятка закладывает ощущение того, что была пройдена необходимая веха, как бы подталкивает к размышлениям о будущих планах. При этом сами историки в научной практике оперируют десятилетиями очень условно, скорее в качестве символических фигур сравнения и атрибутирования разных по содержанию и по обличию эпох, образы которых распространены в массовом сознании, и потому их можно легко использовать: «застойных 1970-х», «перестроечных 1980-х», «лихих 1990-х» и т. д. Давно существует понимание того, что ни один политический, социальный, культурный и интеллектуальный процесс не вмещается в прокрустово ложе математически и астрономически точно отсчитанных числовых циклов. И тогда любой юбилей – это прежде всего информационный повод для промежуточного мониторинга социальной и интеллектуальной реальности, актуализации имен и событий, очередной сверки канонов и нормативов. Подошедший первый (и, надеемся, не последний!) юбилей нашего историографического сборника подвел и нас к необходимости рефлексии о прошедшем «караване» десяти выпусков «Мира историка».

Вспоминая внешний к нему контекст, мы понимаем, что «Мир» существовал и существует по-прежнему в непростые для науки времена. Начинался он в годы, когда завершался период обильных грантовых дождей частных фондов, и прежде всего, ко-

нечно, фонда Сороса. Версий, зачем это делал Сорос, выдвигалось много, особенно после стремительного сворачивания и прекращения всех программ в 2003–2005 гг., но они так и остались предположениями. Крупный оригинальный сетевой проект МИОНов и связанных с ним сателлитных исследований и структур фонда Макартуров также завершился во второй половине 2000-х гг. После этого фактически не осталось больших иностранных частных игроков на пространстве грантов. Произошедшее переключение на отечественные, в основном государственные фонды, не смогло компенсировать потери предшествующего финансирования, что привело к сокращению обеспечения исследований гуманитарного характера в десятки раз.

Все это накладывалось на ухудшавшийся фон от волнообразно идущих экономических кризисов 2008 и 2011 гг., предшествовавших разбушевавшейся политической украинской катастрофе, сорвавшей политические и экономические элиты Европы и Америки в открытое противостояние с Россией. Фон интеллектуальной жизни в самой России также все меньше оставляет поводов для оптимизма. Реализуемая по Болонскому соглашению схема учебного и научного процесса в вузах, структурная их реорганизация, активное увеличение нагрузки преподавателей, неоправданно завышенные ожидания прорыва от введения магистратуры наряду с похоронами специалитета, введение ЕГЭ и, как следствие, стремительное снижение всего интеллектуального молодежного потенциала в очередной раз поставили вузовскую науку в ситуацию выживания. Введение большого количества публикаций из списков журналов ВАКа, систем научного рейтинга, усложнение процедур защит научных степеней, как и сама анонсированная реформа академической науки, также оставляют мало поводов для оптимизма. Пожар в начале 2015 г. в библиотеке ИНИОН как будто символически накладывает последние штрихи ко всей неоднозначной, почти катастрофичной картине.

Но еще раз возвращаясь в умозрении к этому контексту и к текстам нашего издания, понимаешь, насколько все-таки специфичен мир науки. Страницы нашего «Мира...» видятся нам как зал вечного храма, за стенами которого бушуют бури, а в нем светло и спокойно.

Размышляя, почему так случилось, мы чувствуем, что из «соросовской» эпохи нам досталось самое ценное. Это не деньги, которые оказались скоро потрачены, и не техника (хотя многое служит до сих пор), а наш «невидимый колледж», наши большие сети личного и интеллектуального общения. «Мир» стал печатной платформой единомышленников, многих из которых связала и многолетняя личная дружба. Именно в такой теплой атмосфере людей, не выстроенных по отношению друг к другу в иерархию служебных обязанностей структур «политического колледжа», и может появиться добротный интеллектуальный продукт, каким, смеем надеяться, и стал наш историографический сборник. В обстановке живого личного общения на совместных семинарах, круглых столах, конференциях, мастер-классах, путешествиях на поездах, автобусах, катерах, дружеских банкетах и чаепитиях возникало и родство душ, происходила диффузия идей, стремительно формировался набор будущих совместных программ и проектов.

При этом, что примечательно, два «политических» колледжа оказались прямо причастны к созданию и идеологии, проблематики и сетевой структуры издания. Институту российской истории РАН и центру «Историческая наука России» мы до сих пор благодарны за тот «десант», который они осуществили в 2000–2003 гг. на исторический факультет ОмГУ. А.Н. Сахаров, М.Г. Вандалковская, Л.А. Сидорова, А.К. Соколов, В.С. Тяжельникова, А.Н. Шаханов читали циклы лекций для студентов и всего исторического сообщества города, знакомили с методологическими достижениями социальной истории и историографии. В кулуарах же шла работа над написанием новых учебных пособий, программ. Тогда же и была написана коллективная монография «Мир историка. XX век»[1], которую по праву можно считать пилотным выпуском, «Миром историка – 0», ибо многие из концептуальных подходов и даже название появились именно тогда. Вторым «политическим колледжем», влияние которого трудно переоценить, стал Институт всеобщей истории. Роль Лорины Петровны Репиной, стоявшей у истоков нового научного направления – интеллектуальной истории, а также Российского общества интеллектуальной исто-

[1] Мир историка. XX век: монография / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Институт российской истории РАН, 2002. 476 с.

рии, издания «Диалог со временем» и в создании нашего сборника исключительно велика. Читая лекции в ОмГУ студентам и аспирантам, общаясь с нами в ранге эксперта и рецензента, она выступала и как инициатор новых направлений и проблематики исследования, нашедших свое продолжение на пространстве нашего сборника.

Добрым словом стоит помянуть и проведение конференций «Культура и интеллигенция России», главным идеологом и организатором которых была профессор В.Г. Рыженко. В их атмосфере, во второй половине 1990-х гг., еще задолго до проектов Сороса, стал формироваться новый фон проблематики, группы единомышленников из Петербурга, Москвы, Казани, Челябинска, Новосибирска, Иркутска, Кемерово, Петрозаводска. Большая часть этих ученых осталась в нашем дружественном кругу и до сих пор. Постепенно к ним добавилась и группа молодежи. И на сегодняшний день мы имеем сообщество, охватывающее пространство от Петрозаводска, через Москву, Тверь, Казань, Челябинск, до Новосибирска и самого Омска. В последние годы сюда добавились и активные контакты с украинскими и польскими коллегами. Всего же за 10 лет нашей работы в 10 выпусках, по нашим подсчетам, на страницах «Мира историка» публиковались ученые 7 стран, 20 городов России, 11 городов ближнего и дальнего зарубежья, находящиеся в 57 научных центрах. Детализация приведена в табл. 1.

Таблица 1

Авторская активность научных центров России, ближнего и дальнего Зарубежья на страницах «Мира историка»

Города	*Научные центры*	*Количество авторских материалов в выпуске «Мира историка»*									
		1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
1. Россия											
Омск	ОмГУ им. Ф.М. Достоевского	14	11	9	11	6	7	7	4	7	2
	ОмГПУ	1				1					
	ОмГАУ		1								
	ОмГТУ										1
Новосибирск	Госуниверситет			1							
	Педагогический университет	1				1			1	1	
	Институт истории							1			

Продолжение табл. 1

Города	*Научные центры*	*Количество авторских материалов в выпуске «Мира историка»*									
		1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Нижневартовск	Педагогический университет					1					
Томск	Госуниверситет	1				1	1	1			1
	Педагогический университет					1					1
	Университет систем управления и радиоэлектроники										1
Северск	Государственная технологическая академия					1					
Челябинск	Госуниверситет				3	1	1	4	1	2	3
	Южно-Уральский университет						1			1	
Екатеринбург	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина							1			
Казань	Госуниверситет (Федеральный университет)		2	4	2	1	1		1	1	
	Технологический университет			1	1				1		
Тверь	Госуниверситет					1		1	1	1	
Нижний Новгород	Государственный университет им. Н.И. Лобачевского							1		1	1
	Педагогический университет								1		
Волгоград	Волжский гуманитарный институт					1					
Чебоксары	Чувашский госуниверситет				1		2				
Липецк	Госуниверситет				1						
Рязань	Педагогический университет						1				
Саратов	Технический университет им. Ю.А. Гагарина							1			1
Сыктывкар	Госуниверситет		2	1			1				

Продолжение табл. 1

Города	*Научные центры*	*Количество авторских материалов в выпуске «Мира историка»*									
		1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Череповец	Гуманитарный институт				1						
Москва	ИВИ РАН	1					1	1		1	1
	ИРИ РАН								1	1	1
	Институт философии РАН				1						
	ИИМК РАН					1					
	Архив РАН									2	
	ИГИТИ							2			
	ИНИОН										1
	МГУ				3						1
	РГГУ				1			1	1	1	
	Российская академия госслужбы				1						
	ВШЭ						1	1	1		
	Институт Европейских культур			1							
Санкт-Петербург	Госуниверситет				1						
	Институт истории РАН				1						
	Государственный университет культуры и искусств		1								
	Александринская гимназия			1							
	Христианская гуманитарная академия		1	1							
Петрозаводск	Госуниверситет			2	1	1	1	1	1	1	1
2. Украина											
Киев	Институт истории Национальной академии наук Украины				2	1	1	1			
	Институт архивоведеня Национальной библиотеки Украины									1	

Окончание табл. 1

Города	*Научные центры*	*Количество авторских материалов в выпуске «Мира историка»*									
		1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Одесса	Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова					1					1
Харьков	Харьковский университет им. В.Н. Каразина						1	2		1	
Днепропетровск	Днепропетровский государственный университет им. О. Гончара							1	2	3	
3. Польша											
Лодзь	Академия гуманитарных и экономиических наук						1				
Познань	Университет им. Адама Мицкевича							2		1	
4. Чехия											
Прага	Европейский центр по воспитанию в духе прав человека под эгидой ЮНЕСКО		1								
5. Исландия											
Рейкьявик	Университет Исландии						1				
6. Канада											
Ванкувер	Университет Британской Колумбии									1	
7. США											
Принстон	Принстонский университет								1		
Нью-Хейвен	Йельский университет										

В жизни нашего единого сетевого сообщества за это время было все. Это и радостные моменты интеллектуального триумфа – выходы коллективных[2] и индивидуальных моногра-

[2] Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 684 с.; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая поло-

фий[3] и учебных пособий[4], защит докторских диссертаций А.В. Якубом, А.В. Свешниковым, В.Ю. Волошиной, В.Б. Шепелевой, кандидатских диссертаций Н.В. Гришиной, Ю.П. Денисовым, Н.А. Кныш, Т.В. Бернгардт. Широко отмечались юбилеи, в том числе и на страницах нашего сборника, Л.П. Репиной (вып. 3), В.П. Корзун, В.Г. Рыженко (вып. 4).

Но были и потери. Покинули профессию и стены университета молодые и вполне перспективные историографы: Б.А. Осадченко, П.В. Шевелева. Ушли из жизни некоторые историки и историографы, в том числе и активно присутствовавшие на страницах

вина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.; *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014. 256 с.

[3] *Якуб А.В.* Образ норманна в западноевропейском обществе IX–XII вв. Становление и развитие историографической традиции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. 461 с.; *Крих С.Б.* Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск, 2006. 252 с.; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010. 408 с.; *Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских практиках (региональный аспект). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.; *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: Проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 219 с.; *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 344 с.; *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.; *Кожевин В.Л.* Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 260 с.; *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб: Алетейя, 2012. 192 с.; *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии. М., 2013. 320 с. и др.

[4] Памятники как исторический источник: учебное пособие / А.В. Антощенко, В.В. Волохова. Петрозаводск, 2011. 180 с.; *Корзун В.П., Мамонтова М.А., Коновалова Н.А., Денисов Ю.П.* Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 144 с.; *Крих С.Б.* Советская историография древности: Восток, Греция и Рим: методическое пособие по спецкурсу по выбору (для студентов дневного и заочного отделений исторического факультета направления 030600.62 – «История»). Омск, 2013. 46 с.; *Крих С.Б., Метель О.В.* Перспективы историографических исследований: от антропологической модели к истории идей (на примере историографии Древности): методическое пособие по спецкурсу по выбору (для студентов дневного и заочного отделений исторического факультета направления 030600.62 – «История»). Омск, 2013. 34 с.

нашего издания: В.И. Матющенко, Г.К. Садретдинов, А.Д. Колесников и совсем недавно – Б.Г. Могильницкий. Эти стороны нашей жизни нашли свое отражение на страницах издания (вып. 5 посвящался памяти Г.К. Садретдинова, текущий выпуск – памяти Б.Г. Могильницкого).

В рецензиях на наше издание указывалось, что нам в целом удалось показать многоцветье и широту современной отечественной исторической науки[5]. Мы, прилагавшие много усилий для его становления, надеемся, что это так и есть на самом деле. В связи с этим хотелось бы поразмышлять над тем, что, на наш взгляд, получилось, что приносит нам самим научное и человеческое удовлетворение.

Композиционно «Мир» начинался с традиционных жанров академических изданий – больших статей и документальных приложений, когда публикуемый документ по истории науки сопровождался небольшой вводной статьей и обрамлялся необходимыми биографическими, библиографическими и смысловыми сносками. Но почти сразу мы нашли жанр, который стал выигрышным – это жанр научного интервью. За весь период было опубликовано с десяток интервью, но каждое стало «на вес золота». Интервью, в отличие от автобиографии, позволяет намного глубже и быстрее погрузиться в тот самый «мир историка», который мы неустанно взыскуем. Почти всегда в такой личной полуофициальной, полудружеской беседе историк и деятель культуры отклоняется от магистральной темы и всплывают сюжеты, которые очень трудно получить из других видов источников. Достаточно часто перед взором интервьюера проплывают не сухие научные штудии, а детство и юность, сомнения и определенности профессионального выбора, учителя и приятели и даже запахи и шум, предметы и интерьеры прошедших десятилетий. Научные наблюдения, предпочтения, концептуализация, конечно, тоже присутствуют, но они становятся ясными, прозрачными и обоснованными на таком живом личном фоне. И тогда сам историк, его социокультурная среда вдруг начинают захватывающе сиять всеми цветами радуги. И в результате интервью нежданно превращается в задушев-

[5] *Сидоров А.В.* Историография сегодня: миры историков, идей и читателей // Российская история. 2015. № 1. С. 216.

ную новеллу человеческого становления. Так, В.И. Матющенко, помимо размышлений о том, как он стал ученым, об учителях и ученой среде, делился интереснейшими деталями деревенской, спецпоселенческой жизни 1930-х гг., сюжетами из военного детства, послевоенного быта и обучения в Томском университете. Причем, как оказалось, часть этих деталей и сюжетов была неизвестна до того его лучшим ученикам. В.Л. Соскин делился подробностями быта Новосибирского Академгородка [37], С.О. Шмидт – воспоминаниями об отце и семейном окружении [233], А.Д. Колесников о военной юности и послевоенном периоде жизни [147, 148]. В некоторых случаях, так уж получилось, интервью брались незадолго до кончины наших коллег. При этом наше чувство скорби и горечи, слова последнего «прости» слегка смягчались тем, что буквально из самых рук смерти мы успевали выхватить замечательные живые авторские свидетельства ушедшей человеческой и научной жизни.

В последних выпусках мы стали добавлять рецензии на диссертации [234, 235]. И этот ход оказался удачным, хотя и не принципиально новым в современной историографической практике. Культура публичной научной рецензии на студенческие и магистерские работы была характерна в основном для дореволюционной научной традиции, как для гражданской, так и церковной (в публиковавшихся журналах ученых советов). В дальнейшем эта сторона историографического процесса была скрыта от глаз исследователя в архивах. На страницах рецензий интеллектуальный облик как рецензируемого, так и рецензента емко и оригинально представлен в этом жанре, активно манифестируются научные и личные позиции, и мы надеемся, что практика публикации рецензий будет продолжена.

Достаточно внимательно мы следили и за нашими коллегами в других историографических изданиях – «Диалоге со временем», «Днепропетровском историко-археографическом ежегоднике», «Ab Imperio», что нашло отражение в обзорных статьях В.Г. Рыженко [43] и О.И. Журбы [171], интервью А.С. Кикимбаевой [112].

Что нам удалось в проблемном, тематическом пространстве? Подсчет показывает, что всего за десять прошедших лет – выпусков было опубликовано порядка двухсот пятидесяти статей и ма-

териалов (около 300 печатных листов). Хронологический диапазон покрываемых исследовательским вниманием тем оказался очень обширным – от первой половины XIX в. вплоть до современности. В рамках антропологического поворота, преодолевая «безлюдность» истории науки, мы стремились актуализировать биографический жанр в единстве с творчеством и жизнью историка, как в большом социуме, так и внутри профессионального сообщества. Здесь сложившийся в «Мире» массив биографических исследований распадается на несколько групп.

Первая группа – это «классики» дореволюционной историографии, имена которых закреплены в историографических курсах и профессиональной памяти корпорации. В объектив исследовательского внимания вполне закономерно попали практически все крупные фигуры отечественного историографического процесса: М.П. Погодин, М.Т. Каченовский, Н.И. Кареев, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов. Рядом с ними стали не столь яркие на первый взгляд, но их коллеги и сотоварищи по историческому, университетскому сообществу столиц Н.А. Попов, М.С. Куторга, провинциалы Н.М. Ядринцев, Д.А. Корсаков. Статьи и материалы, посвященные им, оказались вполне оригинальными потому, что это был новый взгляд на, казалось бы, во многом избитые и банальные сюжеты и фигуры – через семейные, межличностные, внутринаучные фильтры, структуры общественного сознания и памяти, коммеморативные практики самого научного сообщества.

Здесь, конечно, были две «интонации», которые звучали от одного выпуска к другому. Первая – это фигура В.О. Ключевского в отечественной науке и культуре. Он был и остается средоточием отечественной историографии – все идет от него, и все к нему возвращается. И даже отдельный выпуск (вып. 7) с отдельным большим разделом, посвященным его памяти, с оригинальными материалами о семье и учениках Ключевского стал только сгустком общего массива публикаций. И вторая, мощная и чудесная тема – это личности и жизненный путь двух выдающихся ученых – отца и сына А.С. и И.А. Лаппо-Данилевских. Эффект от исследования интеллектуального феномена семьи ученых историка и математика оказался очень неожиданным и завораживающим, демон-

стрирующим всю силу человеческого разума и духа, преданности высшим идеалам науки до конца жизненного пути отца и сына Лаппо-Данилевских (вып. 9). Открытию и всестороннему исследованию этого феномена мы, бесспорно, обязаны В.П. Корзун.

Вторая изучавшаяся группа – ученые советского периода М.Н. Покровский, А.Л. Сидоров, М.А. Гудошников, И.М. Разгон – яркие представители советской исторической науки, в своей судьбе отразившие перипетии перехода от старого образа науки – к советскому. Положительной стороной всех исследований о них стало активное преодоление мифологемы первой половины 1990-х гг. о никчемности советской историографии. Образы всех выглядят привлекательно, драматично, как и сама эпоха и общественно-политический контекст, полный борьбы и противоречий, зачастую неразрешимых.

Третья группа представлена историками-эмигрантами – А.А. Кизеветтером, Н.П. Кондаковым, С.Г. Пушкаревым, Б.А. Евреиновым, Г.В. Вернадским, Н.И. Ульяновым. Активное исследование перипетий их эмигрантской жизни также отчасти позволило избавиться от мифологем перестроечного и раннего постперестроечного периода. Из комплекса публикуемых нами статей и материалов вполне ясно, что идеализировать как политическую, так и научную эмиграцию первой волны нельзя. Их жизненный мир был наполнен страстями, и зачастую отнюдь не чистого свойства, адаптация и вписывание в научное сообщество стран пребывания – тяжелым, бытовые условия – трудными. Несмотря на это, они продолжали научную деятельность, в основном остались преданными высшим идеалам науки.

Четвертая небольшая группа – особый мир церковных историков (А.В. Карташев, Е.Е. Голубинский, И.С. Бердников), вполне экзотично выглядящая на общем гражданском фоне, но, тем не менее, своей жизнью и творчеством хорошо подтверждающая некоторые общие особенности развития дореволюционной исторической науки России, тесную взаимосвязь всех интеллектуалов той эпохи с общественными и политическими течениями страны.

Пожалуй, одним из интересных достижений «Мира» можно назвать очень комфортное сосуществование на одной площадке «отечественников» и «всеобщников». Так уж сложилось в науке, что историография одна, но она распадается на два этих потока.

Горький опыт принудительной социализации и политизации науки в XX в. привел к тому, что сообщество всеобщников поневоле замыкалось. Специфичность сюжетов, их чрезвычайная отдаленность от современности позволяла, с одной стороны, отдав все нужные реверансы и пропев требуемые «мантры», чувствовать себя свободнее в научном поиске и исследованиях, и быть ближе к западной науке – с другой.

Эта невидимая граница между отечественными историками и «всеобщниками», историографами отечественной истории и всеобщей ощущается до сих пор. Но в нашем случае так счастливо случилось, что в «соросовскую эпоху» именно в неформальной среде смогли сдружиться историографы Омска, Казани и Петрозаводска. Совместное общение на экскурсиях с В.Д. Жигуниным (к сожалению, рано ушедшим из жизни), Е.А. Чиглинцевым, Г.П. Мягковым, А.В. Антощенко в Петрозаводске и в Омске на конференциях вспоминается до сих пор с особой теплотой. Сблизила всех общность историографического интереса и невероятные «кульбиты» жизненных путей самих участников процесса (А.В. Антощенко – выпускник ОмГУ, волею судеб занесенный в далекую Карелию), а Г.К. Садретдинов уникально связал своей личностью и знакомствами казанское, томское, омское исторические и историографические сообщества. Это тесное знакомство и общение привело к потоку статей и материалов об ученых – историках и историографах античности, средневековья, нового и новейшего времени в России и на Западе. И как результат, «Мир» в своих материалах дал возможность проследить параллельно два потока, два мейнстрима – сообщества «историков России» и «историков Запада» – фактически, от рубежа XIX–XX вв. до современности. Поэтому ***пятой группой*** изучаемых историков стали всеобщники: И.М. Гревс, Л.П. Карсавин, П.Г. Виноградов, В.П. Бузескул, Р.Ю. Виппер, Н.П. Грацианский, А.М. Ону, М.И. Ростовцев. Из «импортных» авторов были представлены М. Финли, А. Тойнби, Х. Шедер. Этот мир исследователей античности, средневековья и нового времени по-своему оригинально подтверждал и сложности методологических переходов, и специфику адаптирования к новым идеалам и социально-политической, культурной среды, зачастую помимо их воли и желаний в советский период и в пору эмиграции. Здесь тоже было две устойчивых интонации, два мотива – «Виноградов-

ский» и «Федотовский», сопровождавшиеся воистину жемчужинами документальных приложений, которые сформировались благодаря многолетним исследованиям А.В. Антощенко.

К ***шестой группе*** относятся представители нашего исторического сообщества, уже современники, с некоторыми их которых мы были знакомы лично (В.И. Матющенко, Б.Г. Могильницкий, А.Д. Колесников, В.Л. Соскин), продемонстрировавшие на страницах нашего издания преемственность традиций и ценностей университетской культуры в Томске, Омске, Новосибирске, соединившие своим научным творчеством две эпохи в науке – советскую и российскую, придавшие ей и особый сибирский колорит. И наконец, принципиальной новацией нашего издания стало наличие галереи образов женщин-историков: М.А. Островской, А.М. Панкратовой, М.В. Нечкиной, Е.В. Гутновой, В.П. Левашовой, Л.Т. Мильской, Е.И. Стецюк, В.М. Селунской, Е.И. Соловьевой, Л.П. Репиной, В.П. Корзун, В.Г. Рыженко, личности и творчество которых ярко знаменовали особенности гендерного перелома в самой исторической науке.

Помимо двух состоявшихся и, пожалуй, не ожидавшихся изначально тенденций исследований «Мира» (соединения всеобщников и отечественников и гендерного поворота), обозначилась и интересная особенность присутствия археологов на площадке историографов (В.И. Матющенко, В.П. Левашова). В определенной мере она сформировалась еще на рубеже XX–XXI вв., когда омские археологи и ряд их коллег в других научных центрах заявили о необходимости выхода археологии из эмпирического на историографический уровень. В последние годы жизни В.И. Матющенко в беседах с коллегами и в работе научного археологического кружка рассматривал и проблему создания историографии археологии[6]. Отчасти эта тенденция впоследствии реализовалась в монографии Н.И. Платоновой[7].

Наши знакомства с представителями научных сообществ ближнего и дальнего зарубежья обусловили и наш интерес к осо-

---

[6] *Горбунова Т.А., Герасимов Ю.В.* Теоретико-методологический семинар кафедры первобытной истории: взгляд в прошлое // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2014. № 2. С. 127–128.

[7] *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-история, 2010. 316 с.

бенностям национальных историографий – групп и концепций историков, специфике исторического и историографического письма, особенностей национальных нарративов и социально-культурной исторической памяти сообществ Украины, Германии, Франции, Канады, Скандинавии.

Особенности примерного тематического расклада статей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Примерный подсчет количества тематических статей «Мира историка» в 10 выпусках

Школы в науке	30
Нравы и традиции научной среды, диссертационная культура	20
Университетская и профессорская культура	20
Женщины в науке	12
Историки о своем поколении и месте в науке	10
Методологические, философские основания и поиски истории в прошлом и современности	10
Провинциальная и региональная наука	8
Историк-путешественник, очевидец событий	7
Исторический и историографический источники	6
Идеология и история, власть	6
Профессиональные коммуникации	8
Научные журналы как исследовательские и коммуникативные площадки	5
История глазами общественных и культурных деятелей	5
Социальный, политический заказ и историк	5
Политические и общественные идеалы историков	5
Исторический нарратив	4
Эмиграция – психологическая и научная адаптация	4
Коллективные труды историков	4
Историческая память общества	1
Образ науки	1
Преподавание истории	1
Интеллектуальная мода	1

Из таблицы ясно, что из больших проблемных полей, сформированных исследованиями авторов «Мира», по-прежнему магистральными остаются проблемы школ в науке (московская, петербургская, фигуры учителей и учеников, коммуникации между школами и с внешним научным и общественным пространством).

Эта проблематика сложилась уже достаточно давно, но на страницах «Мира» она дополнялась и обрамлялась изучением особенностей университетской культуры вообще. Становление университетской традиции в России через призму университетских уставов и государственной политики в дореволюционной России стали важным сюжетом многих исследований.

Очень много было сделано в продолжение исследований особенностей советской историографии – характера зависимости от государства, его идеологических кампаний, проектов, борьбы политических и научных групп. Важными особенностями исследований стали и сравнения столичной и провинциальной, сибирской науки, проанализированы причины и характер взаимодействия групп ученых, степень удачности реализации сибирских научных проектов.

На страницах предшествующих выпусков освещались и такие общеметодологические проблемы жизни научного сообщества, как мотивация неофитов, корпоративные ценности, ритуальная культура, конфликты и скандалы, и очень разнообразно исследованы каналы научных и общественных связей научного сообщества. Самой, пожалуй, мощной и перспективной, на наш взгляд, стала проблематика диссертационной культуры, сконцентрированная нами в выпуске 7.

И наконец, важными темами соприкосновения науки и общества, исторического и общественного мировоззрения стали темы, связанные с наблюдением историком инокультурной среды во время путешествий, история глазами деятеля культуры, образы истории и историка в общественном сознании.

Сделаны были шаги (правда, пока в основном нашими польскими коллегами) в сторону философии истории и философии исторического познания и сознания.

Особо хочется сказать и о внешнем облике издания. Мы понимали, что оно должно быть в добротной «оправе» и выглядеть стильно. Попытки поиска этого стиля видны тому, у кого все «кирпичики» лежат перед глазами. Рисунок обложки, практически ставший ее логотипом, рождался спонтанно, но оказался изданию впору. Символически он означает карту неведомого материка, что вполне ассоциируется с миром научного сообщества, до сих

пор полным неоткрытых и неисследованных страниц. Но круги сверх материка тоже глубоко символичны – это и среды, это и сети, и ниши и матрица. С 8-го выпуска несколько иначе стало выглядеть оглавление.

Смеем надеяться, что «Мир» стал вполне добротным академическим изданием, отвечающим большинству насущных учебных, методологических, историографических, общеинтеллектуальных и эстетических запросов исторического научного сообщества. Для студентов, магистрантов и аспирантов он далеко раздвигает границы учебников и учебных пособий, демонстрируя величие и всеобъемлющий характер историографического поиска. Для маститых, практикующих ученых он выполняет роль монитора и демонстратора тенденций развития истории, историографии, интеллектуальной истории, предоставляет новые виды опубликованных источников, требующих дальнейшего последовательного и широкомасштабного использования. Философам, культурологам и просто гуманитариям он открывает бесконечный микрокосм «Я» историка как личности и профессионала, мир тонкой интеллектуальной культуры, но при этом очень человечный, пронизанный бесконечными страстями и противоречиями.

Проложенные тропы и направления исследований ждут своих настойчивых и неутомимых продолжателей, и в этой связи наш сборник прямо адресован молодым гуманитариям. Помимо «чистой информации» о состоянии науки и ее служителей в разные периоды истории, он свидетельствует о вечной привлекательности научного поиска, радости научного труда, которые помогали и помогают выживать ученым в самые сложные тяжелые годы политических передряг и эмиграции. Образ вечной и торжествующей Клио по-прежнему владеет нашими думами и остается главным нашим стремлением и на последующие годы и выпуски.

Содержание 10 выпусков (2005–2015 гг.)

При составлении общего списка публикаций за 10 лет применена сплошная нумерация всех статей и материалов. Различия между используемыми круглыми и квадратными скобками в том, что круглые скобки с указанием фамилии были представлены в первичном оглавлении к выпуску, но в самой статье автор указывался только в подстрочнике. Квадратные скобки ставились нами там, где фамилия автора отсутствовала и в оглавлении выпуска, и в названии материалов и присутствовала только в подстрочнике, а иногда, когда это касалось статей редакторов, отсутствовала вовсе. На первых порах это диктовалось стремлением «дать дорогу» самому документу, не загромождая фамилией комментатора и составителя. Но это привело к тому, что при составлении общих списков документов авторы, зачастую с большим трудом переводившие с рукописного на печатный вариант первоисточники, внесшие вклад во введение источников в научный оборот, «улетучивались». Чтобы этого не произошло, мы и ввели квадратные скобки. Тематическое разделение, как и последовательность статей, сохранены нами в неизменном виде. Связано это с тем, что каждый номер был идейно и концептуально продуман, каждый материал композиционно обуславливался всем контекстным фоном выпуска. Разрывать «живую ткань» каждого выпуска ради алфавитного библиографического реестра мы не посчитали необходимым.

Текущий, 10-й выпуск также включен в общую нумерацию. Она находится возле каждой статьи или документа в оглавлении на с. 3–4 и заключена в круглых скобках справа от названия.

Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 460 с.

1. [Корзун В.П.] Введение. С. 3–5.

Антропологический аспект историографических исследований: теория и методология

2. *Мамонтова М.А.* Антропологические поиски современной отечественной историографии. С. 6–21.

3. *Ким С.Г.* История общества и история человека: конфликты и компромиссы в современной историографии ФРГ. С. 22–43.

4. *Сабурова Т.А.* Интеллектуальная интеграция в современных исторических исследованиях: формирование новых парадигм и аналитических стратегий. С. 44–63.

5. *Чеканцева З.А.* Методология истории в формировании современного профессионального историка. С. 63–74.

Историк и власть

6. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны). С. 75–95.

7. *Хряков А.В.* «Сотрудничество с Ваалом»: немецкие историки и нацизм. С. 95–121.

8. *Колеватов Д.М.* Научное сообщество как социальный фильтр («репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-е гг.). С. 121–141.

«Историографический быт» и повседневный мир историка

9. *Умбрашко К.Б.* Частная жизнь и «ученые занятия» университетского интеллектуала XIX в. С.142–198.

10. *Шаханов А.Н.* Историк С.М. Соловьев и его семья. С. 198–230.

11. *Свешников А.В.* «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. С. 231–262.

12. *Волошина В.Ю.* «Мы с тобой одной крови»: межличностные взаимоотношения как фактор психологической адаптации ученых в эмиграции. С. 262–275.

13. *Свешникова О.С.* «Впечатления путешественника, побывавшего в новом Китае». Взгляд официального советского археолога. С. 275–289.

Документы и материалы

14. Письма М.А. Островской С.Ф. Платонову (1906–1914 гг.) / [Мамонтова М.А., Быкова А.Г., вступ. ст., сост., коммент.]. С. 290–312.

15. Жизнь историка в переписке с другом (А.В. Карташев – С.П. Каблуков, 1909–1917 гг.) / [Бычков С.П., вступ. ст., сост., коммент.]. С. 312–358.

16. Переписка С.Г. Пушкарева и А.А. Кизеветтера / [Волошина В.Ю., вступ. ст., сост.]. С. 359–363.

17. *Сидоров А.Л.* Институт красной профессуры / [Осадченко Б.А., вступ. ст., сост., коммент.]. С. 363–408.

18. *Фоменко В.Т.* Воспоминания об Израиле Менделевиче Разгоне / [публ. подгот. С.В. Фоменко]. С. 409–432.

19. *Момильяно А.Д.* М.И. Ростовцев / [Крих С.Б., вступ. ст., пер. с англ., коммент.]. С. 433–457.

Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 490 с.

20. [Корзун В.П.] Предисловие. С. 3–5.

Историк и время: судьбы, стили жизни и творчества

21. *Крих С.Б.* М.И. Ростовцев и М. Финли: два типа ученого. С. 6–26.

22. *Волкова Ю.С.* Историк А.М. Ону в России и Великобритании. С. 27–36.

23. *Савицкий И.П.* Архистратиг русской археологии. С. 37–43.

24. *Воробьева Н.Н.* К характеристике отечественных церковно-исторических школ второй половины XIX – начала XX в. С. 44–57.

25. *Базанов П.Н.* Историк Н.И. Ульянов: ученый, заключенный, эмигрант. С. 58–77.

Историко-научное сообщество и власть: перипетии взаимоотношений

26. *Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х гг. С. 78–111.

27. *Володьков О.П.* Место и роль М.Н. Покровского в советской исторической науке: основные противоречия. С. 112–178.

28. *Рыженко В.Г.* «Просмотрено – исключить…» (о переходе к идеологическому наступлению на историков в провинции в начале 1930-х гг.). С. 179–198.

29. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйсь!»). С. 199–224.

30. *Кефнер Н.В.* Сибирские историки в фокусе идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия. С. 225–247.

Историк как очевидец события и его интерпретатор

31. *Мухина Г.А.* Как писали историю французские просветители. С. 248–273.

32. *Волошина В.Ю.* Повседневность гражданской войны глазами ученых. С. 274–292.

33. *Пучкова И.С.* П.Б. Струве о России (По материалам журнала «Русская Мысль»). С. 293–315.

34. *Георгиев П.В., Чиглинцев Е.А.* Российские историки в поисках политического идеала: В.П. Бузескул и Р.Ю. Виппер об афинской демократии. С. 316–325.

Материалы и документы

35. Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо / (вступ. ст., коммент. В.П. Золотарева и С.С. Канашкиной). С. 326–341.

36. Доклад А.Д. Александрова «Наука и коммунизм» / (вступ. ст., коммент. М.А. Мамонтовой). С. 342–376.

37. Историки послевоенного поколения о времени и о себе: интервью В.И. Матющенко, Б.Г. Могильницкого, В.Л. Соскина / (вступ. ст., разработка бланка интервью, интервьюер, коммент. Н.В. Кефнер). С. 377–429.

38. Свобода и несвобода: Мысли о Боге, революции и России (Комплекс документов из дневников С.П. Каблукова и замечаний З.Н. Гиппиус) / (вступ. ст., сост., коммент. С.П. Бычкова). С. 430–471.

39. «Семь лет я непрерывно борюсь за существование…». Письма В.П. Левашевой к Л.А. Евтюховой / (вступ. ст., коммент. О.С. Свешниковой). С. 472–483.

Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 494 с.

40. (Корзун В.П.) Вместо предисловия. С. 5–12.

41. (Корзун В.П.) Интервью с Лориной Петровной Репиной. С. 17–20.

42. Список научных публикаций доктора исторических наук, профессора Лорины Петровны Репиной. С. 21–41.

Историческая культура и профессиональные коммуникации

43. *Рыженко В.Г.* «Территория для диалогов» – особая миссия научного альманаха «Диалог со временем» в интеллектуальном пространстве конца XX – начала XXI в. С. 42–63.

44. *Якуб А.В.* «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: прошлое и настоящее внешней политики франкских императоров. С. 64–73.

45. *Еремеева С.А.* Забыть, чтобы помнить. С. 74–94.

46. *Чиглинцев Е.А.* «Лебединая песня революции?»: политическая актуализация античной истории в творчестве А. Блока после октября 1917 г. С. 95–106.

47. *Кучурин В.В.* Религиозный мир С.М. Соловьева. С. 107–136.

48. *Мамонтова М.А.* Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие. С. 137–156.

49. *Свешникова О.С.* Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры. С. 157–168.

Биография ученого в контексте эпохи

50. *Макарова Н.И.* Опыт деконструкции историографического образа ученого: В.И. Григорович. С. 169–181.

51. *Антощенко А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: становление преподавателем. С. 181–212.

52. *Бамбизова К.В.* Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса (конец XIX – начало XX века). С. 213–243.

53. *Волошина В.Ю.* Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции. С. 244–258.

54. *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* Н.П. Грацианский: путь в науку. С. 259–289.

Документы и материалы

55. Перевод «Энеиды» Вергилия в социокультурном контексте России конца XIX века (25 писем А.А. Фета Д.И. Нагуевскому) / [Алмазова Н.С., подгот. текста, предисл. и коммент.]. С. 290–333.

56. Письма П.Г. Виноградова ученикам / [Антощенко А.В., вступ. ст., сост., коммент.]. С. 334–375.

57. Переписка А.Е. Преснякова с друзьями / [Жуковская Т.Н., подгот. текста, предисл. и коммент.]. С. 376–438.

58. Письма П.П. Митрофанова С.Ф. Платонову 1901–1910 гг. / [Свешников А.В., Филимонов В.А., Пучкова И.С., подгот. текста, предисл. и коммент.]. С. 439–459.

59. Между двумя митрополитами. А.В. Карташев как историк русской церкви и политик в эмиграции / [Бычков С.П., сост., предисл. и коммент.]. С. 460–477.

60. Интервью Л.Т. Мильской / [Кефнер Н.В., вступ. ст., разработка бланка интервью, интервьюер, сост., коммент.]. С. 478–489.

Мир историка: историографический сборник / под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. 560 с.

61. [Бычков С.П., Свешников А.В., Якуб А.В.] От редколлегии. С. 5–7.

Женщины в мире науки

62. *Гришина Н.В.* Ученицы, слушательницы, почитательницы… Женщины в мире «мужской» науки (в конце XIX – начале XX в.). С. 8–28.

63. *Иванова Т.Н.* Женщины в судьбе В.И. Герье. С. 29–49.

64. *Антощенко А.В.* Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к истории). С. 50–75.

65. *Шевелева П.В.* Молодость историка (начало жизненного и профессионального пути М.В. Нечкиной). С. 76–118.

66. *Дребушевская Г.А.* Е.В. Гутнова о средневековом представительстве и проблемах демократии. С. 119–140.

67. *Бикеева Н.Ю.* «Осветившая тёмную меровингскую эпоху»: мирское и сакральное в агиографическом образе королевы Радегунды. С. 141–152.

68. *Гуржий А.И., Юсов С.Л.* Научная деятельность Екатерины Стецюк в Институте истории Украины. С. 153–170.

69. *Хряков А.В.* Немецкий историк Хильдегард Шедер: ресурсы научной карьеры. С. 171–196.

70. *Зезина М.Р., Living Кознова И.Е., Рогалина Н.Л., Рыженко В.Г., Сивохина Т.А.* Вспоминая уроки гармонии «ученого» и «женского»: к образу советского историка В.М. Селунской. С. 197–221.

71. *Свешникова О.С.* Женский взгляд. Археологическая экспедиция в гендерном измерении. С. 222–237.

Типология научных коммуникаций

72. *Алеврас Н.Н.* «Своя игра»: историк вне «школьной» традиции или опыт персонального выбора в пространстве историографического быта. С. 238–267.

73. *Солодянкина О.Ю.* Как знали и как преподавали историю иностранные гувернеры и гувернантки в России (XVIII – первая половина XIX в.). С. 268–284.

74. *Краснова Ю.В.* Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX в.). С. 285–303.

75. *Бычков С.П.* Трансформация коммуникаций русского церковного академического сообщества на рубеже XIX–XX вв. С. 304–321.

76. *Волошина В.Ю.* Коммуникативная практика научного сообщества русского зарубежья в контексте «профессорской культуры» (по материалам переписки А.А. Кизеветтера). С. 322–331.

77. *Кныш Н.А.* Образ советской исторической науки и историка в газете «Культура и жизнь» (к вопросу об особенностях коммуникативного пространства). С. 332–364.

78. *Воробьева О.В.* Тойнби и тойнбиана второй половины 50-х – начала 60-х гг. XX в. как феномены «духа времени». С. 365–386.

79. *Свешников А.В., Степанов Б.Е.* Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов. С. 387–411.

Документы и материалы

80. *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова», или «Обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова. С. 412–439.

81. *Малинов М.А.* «Хотя отчасти Сибирь наполнить духом живым» (письма Н.М. Ядринцева М.М. Стасюлевичу, стихотворение Н.М. Ядринцева «Север»). С. 440–448.

82. *Мамонтова М.А.* Первая русская женщина – магистр русской истории (подборка документов, посвященная М.А. Островской). С. 449–454.

83. *Корзун В.П.* «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды…» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной). С. 455–499.

84. *Антощенко А.В.* «Вторая муза историка» (стихотворения Г.П. Федотова). С. 500–506.

85. Письма Е.И. Стецюк (Публикация россыпи писем с краткими комментариями дочери Л.С. Кулик). С. 507–511.

86. *Гутнов Д.А.* Е.В. Гутнова в характеристиках Е.А. Косминского (Публикация из архива наследников Е.В. Гутновой её четырех официальных характеристик, составленных учителем, членом-корреспондентом Академии наук СССР Е.А. Косминским). С. 512–520.

87. Список научных трудов доктора исторических наук, профессора Валентины Павловны Корзун за период с 1998 по 2008 г. С. 521–531.

88. Список научных трудов доктора исторических наук, профессора Валентины Георгиевны Рыженко за период с 1998 по 2008 г. С. 532–552.

Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 437 с.

89. [Корзун В.П., Бычков С.П.] От редколлегии. С. 5–7.

In memoriam. Генрих Кутдусович Садретдинов как человек и ученый в мире науки

90. *Свешников А.В.* Памяти Генриха Кутдусовича Садретдинова (05.12.1939 – 10.11.2008). С. 8–12.

91. *Могильницкий Б.Г.* Генрих Кутдусович Садретдинов в Томском университете. С. 13–17.

92. *Рамазанов С.П., Кирсанова Е.С.* Два слова об Учителе. С. 18–23.

93. *Ерохин В.Н.* Памяти Учителя, который вёл и до сих пор ведёт по жизни своих учеников. С. 24–30.

Школы в исторической науке. Образ учителя

94. *Платонова Н.И.* Учитель и ученик: граф Сергей Григорьевич Строганов и академик Федор Иванович Буслаев. С. 31–51.

95. *Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения). С. 52–71.

96. *Мягков Г.П.* «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений. С. 72–98.

97. *Умбрашко К.Б.* Школа сибирских историков Е.И. Соловьевой. С. 99–115.

Коммуникативное пространство исторической науки: жизнь в историческом сообществе и вне его

98. *Рудковская И.Е.* Исторические труды эпохи позднего Просвещения: специфика структурирования текста в режиме кросскультурной коммуникации. С. 116–139.

99. *Синенко А.А.* Межпоколенческие коммуникации и формирование образа учителя русскими историками конца XIX в. С. 140–151.

100. *Гришина Н.В.* «Научное исследование… составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. С. 152–177.

101. *Антощенко А.В.* П.Г. Виноградов: долгое краткое возвращение в alma mater. С. 178–205.

102. *Колесник И.И.* Дендизм Гоголя: мода и творчество. С. 206–235.

103. *Бычков С.П.* Русские церковные историки академических центров и провинции как носители ценностей науки и обще-

ственного служения в некрологах последней четверти XIX – начала XX в. С. 236–255.

104. *Клюев А.И.* Н.П. Оттокар в коммуникативном пространстве Пермского университета в 1916–1922 гг. С. 256–275.

106. *Воробьёва И.Г.* «Личное дело» историка-медиевиста Арона Яковлевича Гуревича. С. 276–290.

Документы и материалы

107. (Антощенко А.В.) Воспоминания о жизни и творчестве П.Г. Виноградова. С. 291–315.

108. (Корзун В.П.) Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского. (Продолжение). С. 316–353.

109. (Волошина В.Ю.) Ученый в эмиграции: Из переписки А.А. Кизеветтера с А.Ф. Изюмовым. С. 354–368.

110. (Мягков Г.П.) О книге А.С. Шофмана «Не угаснет огонь Прометея». С. 369–370.

111. *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея. С. 370–410.

112. (Кикимбаева А.С.) Интервью с Мариной Могильнер и Ильей Герасимовым. 26 января 2009 года. С. 411–433.

Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 472 с.

113. [Корзун В.П.] От редколлегии. С. 6–8.

Диссертация как способ закрепления профессионального канона и контроля. Её значение в судьбе историка

114. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта. С. 9–21.

115. *Иванова Т.Н., Зарубин А.Н.* В.И. Герье как «надежный путеводитель» в научной карьере П.Н. Ардашева: к вопросу о складывании функций научного руководителя на рубеже XIX–XX вв. С. 22–42.

116. *Алмазова Н.С.* «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: история одной несостоявшейся защиты. С. 43–58.

117. *Боярченков В.В.* Местная проблематика в диссертационных исследованиях по русской истории середины XIX в. С. 59–84.

118. *Антощенко А.В.* Диссертации П.Г. Виноградова. С. 85–120.

119. *Бычков С.П.* Диссертация как завершение пути в науку. Особенности научного становления в стенах духовных академий русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. С. 121–139.

120. *Волошина В.Ю.* «У нас очень строго соблюдаются дореволюционные требования…»: отношение ученых-эмигрантов к организации магистерских экзаменов в зарубежье в 1920–1930-е гг. С. 140–153.

121. *Кефнер Н.В.* Подготовка диссертационного исследования советскими историками послевоенного поколения: социально-политические аспекты. С. 154–176.

Диссертация в современном научном сообществе историков

122. *Линдквист Оле.* Об усилении исследовательской направленности магистерских работ и докторских диссертаций по истории – собственный взгляд / [Антощенко А.В., перевод]. С. 177–186.

123. *Могильницкий Б.Г.* К вопросу об уровне современных докторских диссертаций по историческим наукам. С. 187–199.

124. *Рыженко В.Г.* Выбор пути в науку и подготовки кадров историков в Республике Казахстан в начале XXI в. (заметки «иностранного» члена диссертационного совета). С. 200–219.

125. *Посохов С.И.* Диссертация = бюрократическая наука? (или заметки по поводу «вечных проблем»). С. 220–232.

Культура университетской корпорации и особенности коммуникативных связей

126. *Вишленкова Е.А.* «Безвинно оплёванный профессор», или Характер университетской корпоративности в России первой половины XIX в. С. 233–255.

127. *Юсов С.Л.* Казанский период жизни и деятельности В.А. Голобуцкого (1943–1947 гг.). С. 256–271.

Методологические размышления современного историка

128. *Вжозек Войцех.* Исторический источник как реалистическое алиби историка. С. 272–294.

129. *Чеканцева З.А.* Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии. С. 295–317.

130. *Черепанова Р.С.* «Жили хорошо, потому что не знали, как мы живем…»: опыт и проблемы интерпретации устных биографических рассказов. С. 318–346.

Документы и материалы

131. *Филимонов В.А., Мягков Г.П.* Н.И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания. С. 347–352.

132. *Кареев Н.И.* Мои отношения к «Отечественным запискам» и «Русскому богатству» (1868–1918). С. 353–366.

133. *Алеврас Н.Н.* Речь на магистерском диспуте Г.В. Вернадского в контексте его диссертационной истории (к публикации источника). С. 367–380.

134. Речь Г.В. Вернадского на магистерском диспуте (Санкт-Петербургский университет, 22 октября 1917 г.). С. 381–384.

135. *Сидорякина Т.А.* «...Он не только обнаружил основательное знакомство с соответствующими историческими источниками, но и представил обстоятельный критический разбор и исследование по этому и другому вопросу...». С. 385–387.

136. Отзыв ординарного профессора В.О. Ключевского в историко-филологический факультет. С. 387.

137. *Гришина Н.В.* «Написать такую книгу подвиг не малый…». Речь, произнесенная Екатериной Яковлевной Кизеветтер, в честь защиты А.А. Кизеветтером магистерской диссертации. С. 388–391.

138. Кизеветтер Екатерина Яковлевна. Речь на обеде в честь А.А. Кизеветтера. 1903 г. С. 391–393.

139. *Антощенко А.В.* «Талантливый и оригинальный, увлеченный и трудолюбивый, очень ценный учёный» (эпизод из научной жизни Г.П. Федотова). С. 394–396.

140. Записка И.М. Гревса в историко-филологический факультет Императорского Петроградского университета. С. 396–397.

141. Отчёт о работе оставленного при Императорском Петроградском университете по кафедре всеобщей истории Георгия Федотова за 1914 г. С. 397–403.

142. *Блиев В.Р.* После духовно-академической службы: проблема достойного материального обеспечения по выходе в отставку в письмах И.Е. Троицкого И.С. Бердникову. С. 404–406.

143. Письма И.Е. Троицкого И.С. Бердникову. С. 406–410.

144. *Корзун В.П.* Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского. (Продолжение). «Невыносимая легкость бытия»: Гиссен. С. 411–414.

145. Письма И.А. Лаппо-Данилевского Е.Д. Лаппо-Данилевской (1930–1931 гг.). С. 414–426.

146. *Мамонтова М.А., Кефнер Н.В.* «И стал историком Сибири»: Александр Дмитриевич Колесников. С. 427–432.

147. Интервью А.Д. Колесникова (2004 г.). С. 433–438.

148. Интервью А.Д. Колесникова (2008 г.). С. 439–464.

Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 500 с.

149. [Корзун В.П., Бычков С.П.] От редколлегии. С. 6–10.

В.О. Ключевский. Век и личность ученого. Семья и быт

150 *Бычков С.П.* В.О. Ключевский и Е.Е. Голубинский. Общие черты социально-психологического и научного облика. С. 11–22.

151. *Воробьёва И.Г.* Оппонент В.О. Ключевского Н.А. Попов. С. 23–42.

152. *Богомазова О.В.* «Маленький сын большого отца»: фрагменты к биографии Б.В. Ключевского. С. 43–62.

Культура академического воспоминания как способ самоидентификации научного сообщества

153. *Савельева И.М.* «Уроки истории» ученой корпорации. С. 63–80.

154. *Вишленкова Е.А.* Мемориальная культура российского университета XIX века. С. 81–94.

155. *Сидорякина Т.А.* Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. С. 95–109.

156. *Иващенко В.Ю., Посохов С.И.* Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета. С. 110–139.

157. *Файер В.В.* «Слава богу, моя диссертация оказалась неудачной...»: особенности воспоминания в небольшой научной корпорации. С. 140–155.

158. *Умбрашко К.Б.* Мемуары Е.И. Соловьевой: взгляд историографа. С. 156–178.

Мэтры и ученики. Особенности научных коммуникаций

159. *Скворцов А.М.* «Вечерние беседы» как начальный этап становления учёного в антиковедческой школе М.С. Куторги. С. 179–192.

160. *Свешников А.В., Степанов Б.Е.* Как Карсавин не «вышел в классики». К вопросу о характере и контекстах механизма классикализации в постсоветской историографии. С. 193–204.

161. *Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.* Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930–1950-х гг.). С. 205–223.

162. *Камынин В.Д.* Субъективные заметки о становлении ученого-историографа и методах его руководства историко-научным коллективом: к 90-летию Олега Андреевича Васьковского (1922–1995). С. 224–252.

163. *Колесник И.И.* Научная школа: сетевая модель в украинском контексте. С. 253–283.

Соотношение индивидуального и коллективного в творчестве историка. Условия научной деятельности

164. *Могильницкий Б.Г.* Творческая лаборатория историка: дихотомия индивидуального и коллективного начал в его деятельности. С. 284–300.

165. *Базанов М.А.* Предыстория обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий. С. 301–329.

166. *Соскин В.Л.* О написании «Истории Сибири» (глава из книги). С. 330–355.

167. *Колеватов Д.М., Соганова Е.Ю.* Инструктивно-регулирующая деятельность ВАК: трансляция и закрепление нормативных рамок научного исследования в советский период. С. 356–369.

Методологические и философские поиски современной исторической науки

168. *Чеканцева З.А.* История ментальностей и интеллектуальный пейзаж XX века. С. 370–381.

169. *Поласик-Вжозек Каролина.* О воплощении антропологии в историческом исследовании. С. 382–389.

170. *Вернер В.* От истории наций к истории личности. Эволюция историографии с точки зрения «Несвоевременных размышлений (О пользе и вреде истории для жизни)» Ницше. С. 390–412.

Презентация современных научных изданий

171. *Журба О.И.* «Дніпропетровський історико-археографічний збірник» и его историографическая среда. С. 413–433.

Документы и материалы

172. *Гришина Н.В.* Дневник Бориса Ключевского (к публикации фрагментов источника). С. 434–438.

173. Борис Васильевич Ключевский. Дневниковые записи за 1897, 1901, 1902 гг. С. 438–444.

174. *Богомазова О.В.* «При Вашем сердце ко мне...» (к публикации письма Б.В. Ключевского А.И. Яковлеву). С. 445–446.

175. Письмо Б.В. Ключевского к историку А.И. Яковлеву (1936 г.). С. 447–452.

176. *Корзун В.П.* Учитель–ученик: последние письма (В.О. Ключевский и П.Н. Милюков). С. 453–455.

177. П.Н. Милюков – В.О. Ключевскому. С. 456.

178. В.О. Ключевский – П.Н. Милюкову. С. 456.

179. *Волошина В.Ю.* А.А. Кизеветтер о роли университетской профессуры в культурной жизни страны. С. 457–458.

180. *Кизеветтер А.А.* Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России. Прага, б/и, 1927, с. 15–18. С. 458–460.

181. *Антощенко А.В.* «Считаю долгом выразить Вам свою искреннейшую благодарность за неизменную любезность и энергическую поддержку» (письма П.Г. Виноградова редактору ЖМНП Л.Н. Майкову). С. 461–462.

182. Письма П.Г. Виноградова Л.Н. Майкову. С. 462–485.

183. *Ковалёв М.В.* «Многоуважаемый Профессор Антоний Васильевич!» (к публикации писем С.Г. Пушкарева к А.В. Флоровскому). С. 486–487.

184. Письма С.Г. Пушкарева А.В. Флоровскому. С. 487–495.

Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 8. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 336 с.

185. [Корзун В.П., Бычков С.П.] От редколлегии. С. 5–8.

«Мир ученого»: историография как история историков

186. *Скворцов А.М.* Н.А. Астафьев и В.В. Бауер: два «потерянных» ученика М.С. Куторги. С. 9–22.

187. *Воробьева И.Г.* Студент М.К. Любавский и профессор Н.А. Попов. С. 23–37.

188. *Захаров О.И.* Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева. С. 38–53.

189. *Крих С.Б.* Быть марксистом: крест советского историка. С. 54–78.

190. *Метель О.В.* Эрнест Ренан и процесс складывания «мифа об основателе» научного подхода к изучению проблемы происхождения христианства во французской историографии. С. 79–94.

191. *Крих С.Б.* Интервью с профессором Б.Д. Шоу. С. 95–103.

«Мир идей»: историография как история идей и текстов. Методология историографического исследования

192. *Лукьянов Д.В.* Принципы исторического конструирования реальности в современном социо-гуманитарном знании. С. 104–122.

193. *Журба О.И.* Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX в. в плену «украинского

национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры). С. 123–164.

194. *Леонова А.В.* О построении модели исследования регионального историографического процесса. С. 165–176.

193. *Умбрашко К.Б.* Развитие историографической мысли в XIX в. (на примере творчества М.Т. Каченовского и его учеников). С. 177–208.

194. *Коновалова Н.А.* Русский крестьянин и царь: два персонажа разных нарративов. С. 209–225.

195. *Бычков С.П.* О методологических проблемах определения зрелости научного сообщества (на примере церковных историков в академиях русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в.). С. 226–236.

«Мир читателя»: образы историков в художественных текстах

196. *Кузнецов А.А.* Художественная литература как историографический источник (на примере романа Н.И. Кочина «Нижегородский откос»). С. 237–256.

197. *Сидорова Л.А.* Академик А.М. Панкратова «сквозь магический кристалл» поэмы Наума Коржавина «Танька». С. 257–269.

Документы и материалы

198. *Антощенко А.В.* «Не могли бы Вы прислать мне, хотя бы только на прочтение, одну Вашу статью». С. 270–272.

199. Письма А.Д. Семенова-Тян-Шанского к Г.П. Федотову, 1933–1937 гг. С. 272–291.

200. *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого. С. 292–305.

201. Материалы историко-филологического факультета и Совета Императорского Казанского университета, связанные с организацией защиты магистерской диссертации приват доцента Университета Св. Владимира И.В. Лучицкого. С. 305–308.

202. Мнение доцента Н. Осокина о диссертации «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции», представленной на

степень магистра всеобщей истории приват-доцентом университета Св. Владимира И. Лучицким. С. 309–312.

203. Статья казанского корреспондента «Биржевых ведомостей» (Санкт-Петербург) от 10 ноября 1871 г. по поводу защит диссертаций в местном университете. С. 313–315.

204. Письма И.В. Лучицкого к Д.А. Корсакову, написанные им в период октября 1871 – апреля 1872 г. С. 316–331.

Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 507 с.

205. [Корзун В.П., Бычков С.П.] От редколлегии. С. 6–16.

А.С. Лаппо-Данилевский и его научное наследие

206. *Корзун В.П.* А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории. С. 17–40.

207. *Алеврас Н.Н., Корзун В.П.* Речь А.С. Лаппо-Данилевского на диссертационном диспуте. С. 41–50.

208. Речь А.С. Лаппо-Данилевского, произнесенная 9 мая 1890 г. на диссертационном диспуте в Санкт-Петербургском университете во время защиты магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований». С. 51–59.

209. *Бухерт В.Г., Корзун В.П.* «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой…». С. 60–61.

210. Письмо А.С. Лаппо-Данилевского М.А. Дьяконову от 12.05.1890 г. С. 61–64.

211. *Бухерт В.Г., Корзун В.П.* «Позвольте Вам выразить искреннюю признательность комиссии…». С. 65–66.

212. Письма А.С. Лаппо-Данилевского по поводу издания сборника «Русская наука». С. 66–69.

213. Интервью с Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским. С. 70–80.

Университетский устав 1863 г. и его значение в интеллектуальной истории России. Ученые сообщества в границах университетских и академических уставов – формальные процедуры и их корпоративное прочтение

214. *Посохов С.И.* Университетская реформа 1863 г. в ряду Великих реформ: историографический аспект. С. 81–102.

215. *Воробьёва И.Г.* Университетский устав 1863 г. и российское славяноведение. С. 103–110.

216. *Блиев В.Р.* Духовно-академические уставы 1869 и 1884 гг. как организационный фактор развития отечественной церковно-исторической науки. С. 111–121.

217. *Гришина Н.В.* От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. С. 122–145.

218. *Мамонтова М.А., Соганова Е.Ю.* Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930–1970-е гг. С. 146–175.

Путешествия ученых – научные и культурные экскурсы. Взгляд со стороны на национальные историографии и коммуникативные площадки «других» сообществ историков

219. *Кузнецов А.А.* Путь Э.Г. Эрстрёма в 1812–1813 гг.: географическое путешествие из Москвы в Нижний Новгород vs экскурс в историю России. С. 176–200.

220. *Антощенко А.В.* Г.П. Федотов: в поисках академической карьеры в США. С. 201–223.

221. *Шаталов Д.В.* «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества. С. 224–240.

222. *Будзанивская Н.В.* Отношения В.И. Вернадского и А.Е. Крымского как зеркало жизни интеллигенции. С. 241–252.

223. *Чеканцева З.А.* Историки, история и память в современной Франции. С. 253–267.

224. *Голубев А.В.* От структуры к движению: незавершенное путешествие из российской в канадскую аспирантуру. С. 268–288.

225. *Вжосек В.* Восемь тезисов о присутствии мифа в истории. С. 289–294.

Ученый в изменяющихся коммуникационных полях общества и науки

226. *Умбрашко К.Б.* «Нелепые толки нашего времени…»: М.П. Погодин против М.Т. Каченовского. С. 295–334.

227. *Еремеева С.А.* В.И. Вернадский и практика поминания в научном сообществе. С. 335–362.

228. *Журба О.И., Скиба И.А.* Коммуникации Владимира Валериановича Данилова, или Отечественный гуманитарий XX века на дисциплинарных и культурных порубежьях. С. 363–392.

229. *Селиванова О.В.* К портрету В.П. Бузескула – историографа (по материалам его переписки с И.Н. Бороздиным и Н.И. Кареевым). С. 393–401.

Документы и материалы

Архивные источники

230. *Антощенко А.В.* «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой…». С. 402–405.

231. Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и сопутствующие материалы. С. 405–440.

232. *Клюев А.И., Свешников А.В.* Письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну. С. 441–454.

Документы из жизни современного исторического сообщества

233. [Рыженко В.Г.] «Прожив столько, отбираешь то, что в какой-то мере соответствует твоему настрою, твоим сегодняшним взглядам, твоим увлечениям…» (фрагменты беседы с Сигурдом Оттовичем Шмидтом 16 мая 2012 г.). С. 455–479.

234. *Мягков Г.П.* Мастерская средневекового историографа и «нормативная» диссертационная позиция. С. 480–490.

235. *Алеврас Н.Н.* «Импрессионистская техника мелкого, насыщенного штриха…». С. 491–502.

Именной указатель авторов

Составитель: С.П. Бычков

Раздел 2

ПАМЯТИ Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

Л.Н. Хмылев, И.Ю. Николаева

Учить букве и укреплять дух[1]

Статья посвящена памяти и творчеству Бориса Георгиевича Могильницкого (1929–2014) – теоретика исторической науки, методолога, историографа, профессора Томского государственного университета. Авторы рассказывают о жизни профессора и его научной школе, используя его собственные произведения и воспоминания коллег и учеников о нём.

Ключевые слова: Б.Г. Могильницкий, А.И. Данилов, Томский государственный университет, историография, история в СССР, методология истории.

L.N. Khmylev, I.Yu. Nikolaeva

Learn letters and strengthen the spirit

Article is dedicated to the memory and works of Boris Georgievich Mogilnitskiy (1929–2014) – theoretician of historical science, methodologist, historian of history, professor of the Tomsk State University. The authors report on the life of professor, his scientific school, using his own writings and memories of colleagues and students about him.

Key words: B.G. Mogilnitskiy, A.I. Danilov, Tomsk State University, historiography, history in Soviet Union, methodology of history.

Борис Георгиевич Могильницкий – крупный ученый, гордость старейшего в Сибири Томского университета, широко известный в отечественных и зарубежных научных кругах историк

[1] Статья была впервые опубликована в сборнике «Методологические и историографические вопросы исторической науки», Вып. 25, посвящённом 70-летию Б.Г. Могильницкого. Для новой публикации в текст были внесены незначительные исправления.

и талантливый организатор науки. При этом – учитель, создавший солидную научную школу. И во всех этих ликах присутствует Личность: цельная, глубокая, интеллигентная. При всей гармонии своей натуры Борис Георгиевич потрясал удивительным умением хранить верность традициям, своим учителям, собственным принципам и одновременно быть всегда современным, открытым новому. Профессор Ю.В. Куперт так определил «императив Могильницкого»: сопричастность прошлому и ответственность за будущее. Перефразируя слова известного культуролога В.Л. Рабиновича, каждый из его учеников может сказать, что Борис Георгиевич – учитель, который учил нас букве, а укреплял дух.

Родился Борис Георгиевич в 1929 г. в г. Киеве в семье интеллигентов (мать – врач, отец – инженер), которую отличал высокий культурный уровень. Выросший в атмосфере интереса к литературе и различным видам искусства, он пронесет любовь к ним через всю свою жизнь. Этот широкий культурный кругозор, рано проявившийся в сфере обычного человеческого общения, стал основой стиля и его научного творчества. Высокий уровень общей культуры оказал решающее влияние на такие качества Могильницкого-ученого, как почти универсальный для историографа исследовательский диапазон, масштабное видение проблем, отсутствие крайностей как идеологического, так и теоретико-методологического плана, способность к пониманию иных взглядов, ничем не заменимая в области историографии.

В 1946 г. Борис Георгиевич поступил на историко-филологический факультет Томского университета. В это время факультет пополнился не только высококвалифицированными специалистами, но и людьми, прошедшими войну и обретшими нравственную самостоятельность. В послевоенный период на факультете начинали свою научную и педагогическую деятельность такие тогда еще молодые люди, ставшие впоследствии крупными учеными, как А.И. Данилов, М.А. Гуляев, Ф.З. Канунова и др. Для интеллектуального становления Бориса Георгиевича очень важным оказалось то, что это был именно историко-филологический факультет, не только прививавший студентам серьезное отношение к науке, но и дававший им широкую культурную ориентацию.

Вспоминает доцент филологического факультета О.Н. Киселева: *«Нас окружала творческая атмосфера. Историки и ли-*

тераторы дополняли друг друга. Наше поколение, пришедшее в сознательную жизнь после страшной войны, которую мы пережили подростками, после осознания губительности культа личности, верило, что впереди нас ждет интересная и разумная жизнь. Оптимистическое мироощущение окрыляло. Как-то сразу такие, казалось бы, разные люди, как Б.Г. Могильницкий, Н.Н. Киселев, Л.М. Горюшкин, В.А. Тюнин, заинтересовались друг другом и подружились… Местом общения был факультет и Научная библиотека. Они занимались общественной работой, любили вместе бывать в Научке, обсуждать в курилке животрепещущие вопросы, устраивали «мальчишники».

И хотя эти слова относятся к более позднему, постстуденческому времени, по ним можно представить тот микроклимат, в котором суждено было формироваться Б.Г. Могильницкому.

Уже в студенческие годы Борис Георгиевич занялся исследовательской работой.

Вспоминает Ю.В. Куперт: *«Борис был энтузиастом студенческого научного творчества. Во всяком случае, в спортивную жизнь его нам тогда втянуть не удалось. Почему-то думаю, что к лыжным прогулкам он пристрастился позднее. А вот на многочисленных тогда факультетских собраниях, теоретических конференциях (с участием студентов и преподавателей) его имя повторялось часто и всегда в положительном ключе. Сейчас-то мне ясно: решающую роль играла значительность личности этого молодого человека, которая, конечно, не могла оставаться незамеченной ни в научных дискуссиях, ни в повседневном общении».*

И все же ключевой фигурой в становлении Бориса Георгиевича как исследователя-историка явилась личность его учителя А.И. Данилова, под чьим руководством он начнет исследовательскую работу в студенчестве, напишет кандидатскую и докторскую диссертации, а после отъезда учителя в Москву по праву сменит его в должности заведующего кафедрой, руководителя основанной А.И. Даниловым научной школы и главного редактора первого в СССР специализированного ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки».

Александр Иванович имел богатый жизненный опыт. Фронтовик. Большой организатор науки и высшей школы (заведующий

кафедрой, ректор ТГУ, а впоследствии и министр просвещения РСФСР), крупный ученый, он не мог не быть бесспорным авторитетом в глазах многих и, конечно же, Бориса Георгиевича. Александр Иванович передал своему ученику тот интерес к истории и тот высочайший профессионализм, который был почерпнут им самим у А.И. Неусыхина – а тот, в свою очередь, являлся учеником известного отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного на трудах И.В. Лучицкого и Т.Н. Грановского – гордости русской исторической школы. Отсюда и высокой пробы профессионализм, интерес к источнику и аккуратное обращение с ним, отсюда и умение слышать голос «другого», и при этом способность корректно и твердо отстаивать свои взгляды.

Б.Г. Могильницкий: *«Во время известной компании против космополитов в 1949 г. я, тогда еще студент, задал Александру Ивановичу такой вопрос: “А правда ли то, что говорят, будто к нам едет космополит Разгон?”. На что Александр Иванович, нахмурившись, ответил: “Запомни, к нам едет крупный ученый, Лауреат Сталинской премии И.М. Разгон”».*

Круг научного и человеческого общения определил и характер становления Бориса Георгиевича как ученого. Начало его научной деятельности приходится на 1950–1960-е гг. Всем известно, что это было за время, когда не только история, но и все остальные науки только-только начинали освобождаться от идеологического диктата. Научные интересы Бориса Георгиевича были тогда связаны с творчеством историков-медиевистов. Так уж получилось, что эта отрасль исторической науки на протяжении почти всего советского периода оставалась на периферии идеологического контроля, что позволило ей сохранить и высочайший научный уровень, и связь как с дореволюционным, так и современным западным исследовательским опытом. В то время Борис Георгиевич опубликовал серию статей о выдающихся представителях отечественной дореволюционной науки, а творчество Д.М. Петрушевского стало темой его кандидатской диссертации. В царившей тогда обстановке высокомерного отношения к дореволюционным российским историкам как буржуазным идеологам и порой буквально оголтелой критики современных западных ученых Борису Георгиевичу одному из немногих удалось написать серь-

езные исследовательские труды, выделяя во взглядах тех и других то, что ему представлялось позитивным.

Кроме того, отличительной особенностью отмеченных работ явился анализ теоретико-методологических взглядов историков. Именно в этом проявилась связь молодого ученого с важнейшей тенденцией в развитии советской исторической науки того времени. Дело в том, что до конца 1950-х гг. историографические исследования почти исключительно посвящались конкретно-историческим и идейно-политическим взглядам историков. Перелом начался с монографии А.И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в.» (1958). С этого времени начинается систематическое изучение теоретико-методологических взглядов историков. Не случайно, что и ныне эта тенденция в историографии наиболее полно представлена многочисленными трудами исследователей томской историографической школы. Обращение к этой теме на рубеже 1950–1960-х гг. не только серьезно расширило сферу историографических исследований, но и имело принципиальное значение для понимания истории исторической науки.

Помимо этого, обращение к методологической проблематике в области историографии способствовало тогда возрождению в нашей стране методологии истории, загубленной в 1930-е гг. Собственно говоря, методологическая проблематика впервые после 1930-х гг. зазвучала в двух почти одновременно опубликованных фундаментальных исследованиях. Кроме книги А.И. Данилова, это монография И.С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959).

Итогом исследовательской работы Бориса Георгиевича в области русской дореволюционной историографии явилась докторская диссертация «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х гг.», защищенная в 1967 г. и опубликованная в виде монографии в 1969 г. Научное значение этого труда состоит в том, что он непосредственно связан с изучением центральной в советской историографии 1960–1980-х гг. проблемы кризиса отечественной исторической науки на рубеже XIX и XX вв. В монографии содержится глубокий и всесторонний анализ предкризисной теоретиче-

ской атмосферы в исторической науке, одновременно она вводит исследователя в атмосферу новых теоретических поисков русских историков уже периода кризиса науки. В связи с этим является вполне закономерным тот бесспорный факт, что лучшие достижения в области изучения кризиса отечественной исторической науки связаны с исследованиями Бориса Георгиевича и его учеников. Именно они, опираясь на уже накопленный опыт своего учителя, сначала преодолели негативное отношение к теоретическим концепциям, разработанным российскими историками в начале 1900-х гг., а соответственно, и негативную оценку кризиса в целом, а затем показали, что сам этот кризис представлял собой переход исторической науки на новый, более высокий уровень развития.

Монография Бориса Георгиевича имеет и более широкое значение. Дело в том, что она представляет собой концептуальный тип исследования, в котором осуществляется научный синтез. Вне этого исследовательского подхода невозможно осмысление крупных тенденций и структур, в конечном счете, закономерного характера функционирования и развития общественных организмов. Принципиально важно, что свой труд Борис Георгиевич написал в 1960-е гг., когда доминирующими в количественном отношении стали так называемые частные исследования. В историографии преобладали работы, посвященные одному и, естественно, отдельно взятому историку, а то и одному аспекту творчества одного историка. Предпринятая отделением истории Академии наук СССР грандиозная по замыслу попытка осмысления целостного и закономерного процесса развития исторических знаний (многотомное издание «Очерки истории исторической науки в СССР») на деле обернулась простой совокупностью разделов о творчестве огромного количества историков, сгруппированных по времени жизни последних и их дисциплинарной принадлежности. В области русской историографии концептуальные исследования в 1960-е гг. принадлежали только трем специалистам: кроме труда Бориса Георгиевича, это монографии А.Л. Шапиро («Русская историография в период империализма», 1962 г.) и А.Н. Цаматули («Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века», 1967 г.).

Как это ни парадоксально, но концептуальный тип исследования остается слабым местом и нынешней историографии. В по-

следние годы появилось немало попыток концептуального осмысления, особенно отечественной истории. Однако большинство из них не выдерживают серьезной критики. Это результат длительное время доминировавших частных исследований. Историки во многом утратили опыт создания крупных обобщающих трудов. В то же время очевидно, что дальнейшее поступательное развитие отечественной исторической науки связано именно с этим опытом. В области историографии монография Бориса Георгиевича всегда будет оставаться ярким примером наиболее плодотворного и перспективного типа исследования.

Насыщенная исследовательская работа конца 1960-х – начала 1970-х гг. совпала для Бориса Георгиевича с решением ответственных задач, связанных с руководством кафедрой, факультетом (с 1968 по 1972 г. он был деканом историко-филологического факультета, с 1974 по 1980 г. – деканом исторического факультета ТГУ). Одновременно он возглавлял и научно-организационную работу по изучению в Томском университете методологии истории и историографии всеобщей истории, в частности издание периодического сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (МИВИН). Знаменитые методологические семинары, проводившиеся под его руководством, собирали гуманитариев всех вузов города. А региональные конференции по методологии истории, историографии, источниковедению по географии участников и по научному уровню, безусловно, имели в реальности статус всесоюзных. При этом огромная преподавательская нагрузка. На лекциях Бориса Георгиевича нередко можно было увидеть «чужих» студентов, преподавателей, что нечасто случается в практике даже интересных и ярких лекторов.

Вспоминает профессор Л.Г. Сухотина: *«Не без грусти вспоминаю годы его деканства. Каждый день в определенные часы он был в своем кабинете, за рабочим столом. Всегда деловой, спокойный, доступный. Этот стиль руководства передавался и его заместителям – Б.С. Жигалову и С.Ф. Фоминых. Особо следует отметить его всегдашнюю доброжелательность, терпеливость и терпимость, которые, однако, вовсе не означают всепрощенчества, но сочетаются с прямотой и принципиальностью».*

Вспоминает Н.И. Майоров: *«Никогда не забуду своего первого практического занятия, на котором присутствовала кафедра.*

В перерыве ведущий преподаватель дисциплины подверг мою работу уничижительной, не вполне справедливой критике. Я был обескуражен, растоптан и только поддержка Бориса Георгиевича сохранила мое самоуважение. А через несколько лет я уже уверенно читал лекции по Древнему Востоку. И многих из нас спасала удивительная чуткость и тактичность шефа. Но при этом он мог прямо в лицо сказать тебе горькую правду, когда ты это заслужил».

Безусловно, все эти качества Бориса Георгиевича видел в нем его учитель, когда, уезжая в Москву, передавал ему свое «наследство».

Вспоминает профессор А.А. Говорков: *«Александр Иванович увидел в Борисе Георгиевиче Могильницком талант организатора. В середине 1960-х гг. он вызвал меня на беседу и предложил занять должность декана историко-филологического факультета. Однако считал наиболее подходящей кандидатурой на это место доцента Бориса Георгиевича Могильницкого. Но ему нужно было закончить докторскую диссертацию. И действительно, вскоре Борис Георгиевич стал деканом факультета и был им не один срок. При этом он сумел объединить вокруг себя талантливый, оригинально мыслящий и высококвалифицированный коллектив кафедры».*

Да, это были годы зрелости факультета, который жил бурной и насыщенной жизнью развивающегося организма со всеми его радостями и горестями. Были не только хвала и награды, были и очень трудные ситуации, в которых требовались смелость и гражданское мужество. В конце 1960-х гг. оттепель плавно начала переходить в заморозки. Сумятица в головах многих была изрядная. И необходимо было обладать мощным нравственным стержнем, чтобы не растеряться в то сложное и противоречивое время. Борис Георгиевич был одним из тех людей, которые не пытались приспособиться к изменившимся обстоятельствам, но, напротив, по мере сил пытались направлять ход событий в соответствии с собственным нравственным чувством, невзирая на трудности, а порой и опасности выбора позиции. Вот один из примеров.

Вспоминает О.Н. Киселева: *«В 1969 г. Н.Н. Киселев работал над докторской диссертацией по драматургии 20–30-х гг. XX в., и его статья о пьесе Н. Эрдмана “Самоубийца” была запрещена и вырезана из уже готового тома “Ученых записок ТГУ”.*

В тогдашних условиях политической подозрительности, чтобы идти против течения, необходимо было мужество и убежденность в правоте Николая Никитича. И Борис Георгиевич вместе с Фаиной Зиновьевной Катуновой выступили в обкоме партии в защиту Николая Никитича. Позднее, когда докторская диссертация Н.Н. Киселева из-за идеологических рогаток трудно проходила в ВАКе, Борис Георгиевич поддержал позицию Николая Никитича, чем способствовал утверждению диссертации».

В конце 1960-х гг. центр научных интересов Бориса Георгиевича переместился из области историографии в теоретико-методологическую область. С одной стороны, это было естественно: работая в сфере историографии, он всегда испытывал особый интерес к теоретическим вопросам и накопил к этому времени солидный опыт теоретического мышления, что является незаменимой основой методологических исследований. С другой стороны, обращение к методологии свидетельствовало о выборе позиции, в данном случае научной. Дело в том, что в 1930-е гг. методология была ликвидирована и заменена истматом как философской теорией исторического развития. И так продолжалось вплоть до начала 1960-х гг., пока не началось возрождение методологических исследований. Однако обстановка была противоречивой. Выдающийся ученый П.В. Копнин и его сторонники, возрождая гносеологические исследования, что было актуальной задачей тогдашнего философского знания, все же недооценивали роль собственного теоретического опыта исторической науки. Те, кто держался за дух и букву истмата, вообще не признавали за историками прав на собственные теоретико-методологические ориентиры. И в этих условиях в 1964 г. Борис Георгиевич публикует свою первую работу по методологии истории[2]. В сложной и противоречивой гносеологической ситуации 1960-х гг. Борис Георгиевич без колебаний выбрал то направление в развитии методологии истории, которое опиралось не на априорные теоретические конструкции всемирной истории, а на накопленный опыт конкретного исторического научного познания. Его позиция, как и позиция его учителя

---

[2] *Могильницкий Б.Г.* Объективность и партийность в историческом исследовании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964.

А.И. Данилова, была, безусловно, в этом плане новаторской и продуктивной. Но за всем этим новаторством высвечивалась связь с традицией, с крупными тенденциями в развитии отечественной дореволюционной науки и внимание к опыту западных коллег.

Свое понимание природы методологии истории Бориса Георгиевич изложил в ряде специальных исследований[3]. Основной идеей этих работой явилось положение, используя терминологию Бориса Георгиевича, о «среднем уровне» методологических исследований, или «теория действия». Методология истории похожа на слоеный торт. Она включает в себя целый ряд пластов, начиная от частных проблем (методы изучения народных движений, кризисных ситуаций в истории стран и регионов и т. п.) и кончая предельно общими проблемами, удаленными от конкретной практики исторического исследования. Обосновывая «средний уровень» методологии истории, Борис Георгиевич всегда стремился, с одной стороны, сблизить саму теорию с практикой конкретного исследования, с другой стороны, избежать сведения методологии к частным проблемам. В конкретной научной ситуации Борис Георгиевич в известной степени противопоставляет теорию «среднего уровня», или «теорию действия», как он ее стал называть в начале 1990-х гг., истматовской теории. В связи с этим Борис Георгиевич пишет, что если социологическая теория формулирует «общие тенденции исторического развития», то историческая теория объясняет «механизм конкретного исторического действия»[4].

---

[3] *Могильницкий Б.Г.* О некоторых вопросах методологии истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1976. № 6; *Его же.* О содержании понятия «методология истории» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 11. Томск, 1976; *Его же.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Его же.* К вопросу о теоретико-методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. М., 1989; *Его же.* Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Историко-методологические исследования в Томском университете (1950–1990 гг.) // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991 гг.). Новосибирск, 1992; *Его же.* Общая историческая теория как специфическая форма научного знания // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Ч. I. Социально-экономические и гуманитарные науки. Томск, 1993; *Его же.* Историческая наука и проблемы гносеологии // Россия в XX веке. М., 1994.

[4] *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческая теория. С. 7.

Накопленный опыт научного познания при разработке теоретико-методологических проблем наглядно проявился в решении Борисом Георгиевичем той проблемы, с которой начались его теоретические публикации, которая волнует его на протяжении всей жизни и которой он посвятил целую серию работ как историографического[5], так и теоретического[6] содержания – проблемы соотношения исторической науки и современности.

В перечисленных работах анализируются многочисленные аспекты проблемы, в фокусе которых стоит сознательное отношение историка-профессионала к современности. Суть решения Борисом Георгиевичем этого вопроса сводится к тому, что ученый в любом случае, при решении любой проблемы должен оставаться профессионалом, стремиться к объективным результатам в своей исследовательской деятельности, современность же является не только предметом познания, но и его питательной средой, выдвигает наиболее значимые, актуальные для данного времени проблемы, стимулирует научную деятельность. В данном отношении следует специально отметить, что при всей серьезной связи научного

---

[5] *Могильницкий Б.Г.* О некоторых аспектах отражения современности в трудах русских медиевистов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966. Вып. 4; *Его же.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала 900-х гг. Томск, 1969; *Его же.* О социальных функциях современной буржуазной исторической науки // История СССР. 1978. № 5; *Его же.* О социальной функции современной буржуазной историографии // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Часть II. Калинин, 1978; *Его же.* Буржуазная историческая мысль и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 13. Томск, 1979.

[6] *Могильницкий Б.Г.* Объективность и партийность в историческом исследовании; *Его же.* Объективность исторического познания и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск, 1967.; *Его же.* Принцип партийности в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 10. Томск, 1974.; *Его же.* О природе исторического познания; *Его же.* Выступление на конференции историков социалистических стран (Москва, 1978) // Общественные науки и современность. М., 1980 (на нем., англ., фр. языках); *Его же.* Историческая наука и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Новосибирск, 1983; *Его же.* Введение в методологию истории. М., 1989; *Его же.* Гражданское общество и историческое сознание // Гражданское общество и региональное развитие. Томск, 1994.

творчества Бориса Георгиевича с крупными переменами в истории нашей страны последних десятилетий ему никогда не было свойственно идеологическое метание, которое отличает нашу творческую интеллигенцию, и тем более конъюнктура в науке.

В цикле теоретических работ Бориса Георгиевича особое место занимают те, которые посвящены одной из центральных для историографии 1970-х гг. проблем – проблеме предмета историографии[7]. В 1970-е гг. по этой проблеме развернулась достаточно острая дискуссия, причиной которой послужило то, что общее, теоретического уровня понимание предмета и задач историографии заметно отстало от практики конкретных историографических исследований, между теорией и практикой историографии возникло существенное противоречие.

К этому времени едва ли не общепринятым было понимание предмета историографии как истории исторической науки. Однако уже были накоплены фундаментальные исследования об исторических знаниях, содержащихся в летописях, работы об исторических взглядах философов, публицистов, писателей и т. д. В среде специалистов все эти работы было принято считать историографическими. В то же время было непонятно, как подвести эти работы под сложившееся определение предмета историографии как истории исторической науки. Дело, разумеется, касалось не просто дефиниции, специалисты должны были прийти к единому мнению о содержании своей дисциплины и путях ее дальнейшего развития, хотя и дефиниция также была нужна.

Решение вставшей задачи первым нашел тогда Борис Георгиевич. Оно заключалось уже в самом названии опубликованной им в 1974 г. статьи «История исторической мысли как предмет историографического исследования». Под предметом историографии Борис Георгиевич предложил понимать не только историю исторической науки, но и историю исторической мысли, исторических знаний независимо от того, в какой интеллектуальной области

---

[7] *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Марксистские принципы критики буржуазной историографии // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. М., 1985. Т. I; *Его же.* Историческая наука и проблемы гносеологии.

они складываются. Разумеется, он понимал разницу между историческими знаниями, сложившимися в науке и за ее пределами, в связи с чем были поставлены две принципиально важные для историографии проблемы:

1) специфики формирования исторических знаний в науке, философии, художественной литературе, публицистике и т. д.;

2) соотношения, взаимовлияния научного и всех остальных видов исторических знаний.

И сам Борис Георгиевич, и его многочисленные ученики в своей исследовательской работе давно уже вышли за узкие рамки понимания задачи историографии как изучения истории исторической науки. Сформулированное им понимание предмета и задач историографии получило тогда широкое обсуждение в среде специалистов и стало общепринятым.

В середине 1980-х гг. Борис Георгиевич опубликовал две работы по проблеме специфики исторических законов[8]. Этими работами он включился в дискуссию о предмете исторической науки. Поскольку дискуссия протекала в аспекте сравнения истории и истмата по предмету назначения, в ней приняли участие многие философы и историки. Дискуссия имела принципиальное значение и для философии (истмата), и особенно для исторической науки, так как обсуждался вопрос о научном статусе последней.

Дискуссия началась как результат противоречий, в каком-то смысле даже нелепой ситуации, сложившейся в советском обществоведении того времени. Противоречивость ситуации была обусловлена взаимосвязанным процессом кризиса (деградации) истмата и уже начавшегося методологического перевооружения исторической науки. Позиция философов состояла в том, что задачей истмата является изучение общих исторических законов, а поскольку никаких других законов тогда никто не знал, постольку изучение закономерного характера исторического развития оказывалось монопольным правом истмата, на долю же исторической науки оставалось описание конкретного хода истории и показ ис-

---

[8] *Могильницкий Б.Г.* О специфических законах истории // Вопросы развития историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС. Днепропетровск, 1985; *Его же.* О специфических исторических законах // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 18. Томск, 1986.

торически индивидуального проявления открытых истматчиками общеисторических законов. Что это за законы, никто не объяснял. Нелепость ситуации состояла в том, что по официальной версии советской философии любая дисциплина имеет право именоваться научной только при условии, если она изучает законы, и хотя никто не отказывал истории в праве именоваться наукой, оказывалось, что она не обладает важнейшим качеством науки – изучением законов. Причем тогда, кажется, никого не волновало то обстоятельство, что истмат возродил эфемерную программу позитивистской социологии второй половины XIX в. по открытию системы общественных законов, с одной стороны, с другой – в примитивном виде воспроизвел неокантианское понимание предмета исторического познания. Задача группы историков, принявших участие в этой дискуссии, попросту говоря, состояла в том, чтобы доказать, что история – это тоже наука, но каждый обосновывал это по-своему.

В основе работ Бориса Георгиевича была мысль о том, что законы функционирования и развития общества многообразны, среди них есть и такие, которые являются предметом изучения только исторической науки и не входят в предмет истмата. Борис Георгиевич обосновал новую по тем временам идею об относительных исторических законах, действующих в ограниченных пространственно-временных рамках. Идея оказалась в высшей степени перспективной. Теперь понятно, что никаких общеисторических законов нет вообще, а провозгласивший задачу открытия таких законов истмат окончательно деградировал.

Борис Георгиевич неоднократно обращался к центральной в методологии истории проблеме – проблеме предмета исторического познания. Специфику исторической науки он видит в том, что она имеет дело с конкретными историческими событиями, с «конкретным ходом событий, образующих определенную историческую ситуацию»[9]. Одновременно Борис Георгиевич со всей определенностью утверждает, что «именно в сфере исторического синтеза и выражается природа истории как науки»[10]. Позиция Бо-

[9] *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческая теория. С. 3.

[10] *Могильницкий Б.Г.* Тенденции развития современной буржуазной исторической мысли // Вопросы истории. 1987. № 2. С. 67.

риса Георгиевича достаточно четкая и, что не менее важно, лишена крайностей: наукой историю делает синтез, но, в отличие от теоретической социологии (истмата) и чрезмерно социологизированной истории, этот синтез всегда учитывает конкретную историческую ситуацию, конкретный ход событий. Именно научный синтез, на основе которого создаются концептуальные исследования, позволяет, по мнению Бориса Георгиевича, осознать закономерный характер исторического развития.

С 1974 г. Б.Г. Могильницкий начал публикацию своих работ по проблеме альтернативности исторического развития[11]. Хотя первая статья называлась «Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции», думаем, что к идее исторической альтернативности учитель пришел не только от размышлений о ленинских взглядах. Подобно тому, как А.И. Неусыхин «переводил на марксистский язык» некоторые фундаментальные положения историко-социологической теории М. Вебера, Борис Георгиевич насыщал ленинские понятия теми умозаключениями, которые сложились у него в результате освоения многообразного историко-теоретического опыта как западных, так и отечественных ученых. В итоге идея была разработана им до уровня учения, которое без всяких натяжек может претендовать на статус фундаментального открытия в теоретико-методологической области, равных которому не было в последние десятилетия в отечественной методологической науке. В методологической литературе двух последних десятилетий, пожалуй, не было ни одной работы, в которой так или иначе не затрагивалась бы эта проблема, а понятие исторической альтернативности превратилось в фундаментальную категорию исторической науки. Значения этого открытия, как говорят в подобных случаях, трудно переоценить. Здесь нет нужды разъяснять содержание учения Бориса Георгиевича об историче-

[11] *Могильницкий Б.Г.* Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск, 1974; *Его же.* Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11; *Его же.* Историческая необходимость и историческая закономерность: выбор путей общественного развития // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. I. М., 1989; *Его же.* Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

ской альтернативности хотя бы потому, что об этом много написано. Хотелось бы кратко остановиться на его научном значении.

Прежде всего, необходимо отметить, что это учение, как и сама категория исторической альтернативности, имеет прямое и непосредственное значение для практики конкретного исторического исследования. Учение не на словах, а на деле означает тот самый «средний уровень» методологии истории, о котором неоднократно писал Борис Георгиевич и который помогает историкам осмыслить конкретные исторические ситуации как важнейшую задачу исторического исследования.

Учение об исторической альтернативности – это такое открытие, которое, по существу, изменяет сам тип исторического мышления, сложившийся в науке. На смену одномерному, однонаправленному видению истории приходит многомерное, учитывающее безграничное многообразие истории понимание, свободное от какой бы то ни было догматики. В теоретической физике такое понимание носит название релятивистского. Лучше всего о значении исторической альтернативности сказал сам Борис Георгиевич: «Принципиальное значение этой категории заключается в том, что она предупреждает всякую догматизацию истории, с каких бы позиций она не совершалась. Признание альтернативности в истории исключает упрощенно-детерминистский подход к ней, будь это представление об историческом процессе как реализации божественного плана или неуклонном прогрессе производительных сил, определяющем все другие стороны жизни общества»[12].

Борис Георгиевич хорошо был известен и в столичных кругах, уважаем в среде высокопоставленных властных фигур Томска и области. При этом, как выразилась О.Н. Киселева, Борис Георгиевич никогда не был человеком, который ничего не видит вокруг себя. Человек широкого кругозора и большой души, он проявлял неподдельный интерес к судьбам своих друзей и коллег. О том, что эта заинтересованность была искренней и действенной, свидетельствует много фактов.

Вспоминает А.А. Говорков: *«Приведу два примера, характеризующих нравственные качества Бориса Георгиевича как прин-*

---

[12] *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 5–6.

ципиального ученого и человека. На факультете многие помнят, что московские высокопоставленные чиновники недоброжелательно относились к И.М. Разгону, лауреату Сталинской премии, патриарху советских сибирских историков. Это сказалось и в том, что ему неоднократно отказывалось в присвоении звания заслуженного деятеля науки. В знак протеста против такого несправедливого отношения к И.М. Разгону Борис Георгиевич Могильницкий не давал согласия на посылку в Москву документов, позволяющих ему самому стать заслуженным деятелем науки. Его принципиальная позиция серьезно помогла пройти через ВАК моей докторской диссертации. Некоторые чиновники ВАК резко негативно относились к самой личности академика М.Н. Покровского. Диссертация подверглась дополнительному рецензированию. Но рецензенты дали положительный отзыв на работу. И все же были предложения, чтобы я сам отозвал работу из ВАК взамен присвоения мне должности профессора. По инициативе Бориса Георгиевича Могильницкого при поддержке И.М. Разгона от имени нашего совета был составлен дополнительный положительный отзыв, и только тогда ВАК решила присвоить мне степень доктора исторических наук».

Многим помогал Борис Георгиевич своим авторитетом. Широко известно так называемое тепличное дело 1980 г., к которому оказался причастным доцент В.С. Гуртьев. Чтение «Доктора Живаго» могло обернуться для него лишением работы, если не запретом на профессию, не будь заступничества Бориса Георгиевича. В аналогичных обстоятельствах оказывались и многие другие.

Вспоминает В.М. Мучник: *«В 1970-х гг. у нашей семьи, как и у многих других томских семей, возникли проблемы с самиздатом. Кампания, которая проводилась тогда всесильным ведомством, зацепила и нас. В доме родителей произошло то, что сотрудники КГБ называли изъятием. Забавно, что у нас изъяли книгу М.О. Гершензона о Чаадаеве в придачу с изданными письмами самого Петра Яковлевича. Я тогда учился в аспирантуре и предполагал, что это как-то отзовется на моей судьбе. Однако из аспирантуры меня не отчислили. Доучился. Защитился. И даже был оставлен на кафедре. При этом я всегда считал, что просто не сработал механизм обычно отлаженной работы органов. И только почти 20 лет спустя, абсолютно случайно, я узнал, что осечки*

не произошло, что к Борису Георгиевичу приходили, говорили ему о том, что меня следует из аспирантуры исключить. Характерно даже не только то, что учитель дал мне закончить аспирантуру и взял на кафедру, характерно, что он словом об этом не обмолвился. Насколько я знаю, аналогичным образом он поступал со многими другими людьми. Мы все уже забыли ощущения тех лет, забыли о том, что так поступить в те годы подразумевало не только высокую порядочность, но изрядное личное мужество, что так поступали далеко не все».

Не знаем, читал ли Борис Георгиевич в те годы самиздатовскую литературу, разделял ли в чем-либо «диссидентские» взгляды своих учеников. Знаем одно: он всегда ценил и уважал право личности на собственный выбор позиции, взглядов, круга чтения и т. п.

В контексте затронутой темы нельзя обойти молчанием вопрос об отношении Бориса Георгиевича к классикам марксизма. В перестроечные годы отношение к трудам Маркса, Энгельса, Ленина стало своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой эксперты от конъюнктуры с неподражаемой легкостью отделяли «истинных» историков от «прихвостней марксизма». Полутона в историографической полемике этих лет – вещь чрезвычайно редкая. Отчасти для этого имелись основания. О классиках марксизма в течение советского периода написаны буквально горы литературы. Их имена нещадно эксплуатировались, а их взгляды порой уплощенно интерпретировались, если не извращались. Борису Георгиевичу нередко приходилось обращаться к наследию Маркса и его последователей. И конечно же, как для человека, работающего в тех условиях, авторитет этого наследия был для него непререкаем. И все же, основная задача, которую преследовал Борис Георгиевич в своих многочисленных публикациях, по его собственным словам, состояла в том, чтобы «окончательно освободиться от догматического подхода к марксизму, лишь дискредитирующему его подлинное научное значение»[13]. Что он и делал, как это явствует из того же примера с учением об альтернативности. В своих работах Борис Георгиевич пытался выделить те продуктивные стороны их взглядов, которые имели перспек-

[13] *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческая теория. С. 3.

тиву для лучшего понимания общественно-исторических процессов. Это не означает, что его отношение к трудам классиков осталось неизменным. Уже в начале 1990-х гг. Борис Георгиевич писал в одной из своих статей: «…начинается, хотя и медленно, подспудно процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности»[14]. В последние годы у Бориса Георгиевича все чаще звучала мысль, что марксистский научный метод является хоть и важным, но всего лишь одним из многих необходимых для историка методов исследования.

В связи с этим становится понятным, почему Борис Георгиевич одним из первых среди отечественных методологов поставил вопрос об относительности исторической истины. Стиль его работы мысли не мог не привести к отказу от представления об истине как непреложном, раз и навсегда добытом знании: «Претензия на монопольное обладание всякой истиной, в том числе исторической, по самой сути своей несовместима с областью научного познания потому прежде всего, что она исключает свободу научного поиска, подменяя его движением по заранее намеченному пути к заведомо известной цели. Причем само определение этой цели, как и путей достижения ее, является прерогативой небольшой группы лиц – жрецов монопольной истины, ее бдительных и неустанных хранителей»[15]. Конечно, Борис Георгиевич не проповедовал известный принцип, сформулированный К. Беккером, – «каждый сам себе историк». И вообще «концептуальный анархизм» был не в его вкусе. Но он был поклонником сомнения как познавательного принципа, сомнения не расслабляющего, говоря его словами, волю исследователя, а оплодотворяющего его усилия. Отсюда, кстати сказать, и тот дух свободы, которым дышала возглавляемая им кафедра и его многочисленные ученики. Отсюда и взвешенная и мудрая гражданская позиция Бориса Георгиевича в наши сложные постсоветские годы. Он не искал врагов ни справа, ни слева, не примыкал ни к одному из противобор-

[14] *Могильницкий Б.Г.* Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 13.

[15] *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука и проблемы гносеологии. С. 713.

ствующих с яростью политических лагерей, но в своих статьях и публичных выступлениях постоянно отстаивал мысль о политическом диалоге как единственном условии конструктивной работы общества по созданию сильного и цивилизованного государства.

Нами уже не раз отмечалось, что «железный занавес» никогда не отделял поиски Бориса Георгиевича и его учеников от исследований западных ученых. Он всегда пристально наблюдал за теми сдвигами, которые происходили в западной науке. Одним из первых занялся в 1970-е гг. проблемой проникновения психоанализа в историческую науку, прежде всего США[16], одним из первых подметил такую важную тенденцию в развитии историографии, как «возрождение нарратива»[17], одним из первых начал анализировать те процессы, которые ныне именуются антропологическим сдвигом в историографии.

И дело здесь не только в приоритетах, хотя то, что Борис Георгиевич был одним из первопроходцев в лабиринте зарубежной исторической науки, несомненно, важно. Дело здесь в другом. В условиях кризиса идентичности, охватившего нашу науку в последние десятилетия, в условиях «концептуальной анархии» как следствия крушения безраздельного господства марксистской социологической теории, его историко-методологическая работа является знаковой. Знаковой в том смысле, что для Бориса Георгиевича в царящей атмосфере «смены вех» приоритетным являлось не поклонение каких-либо «измам» (будь то марксизм или постмодернизм), а следование профессионализму, который и является самой важной опорой ремесла историка.

Секрет творчества Бориса Георгиевича был одновременно сложен и прост. Думая о нем, невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина: «Любовь и тайная свобода внушают сердцу гимн простой». Пусть и далее звучит этот гимн в стенах Alma mater и душах тех, кто принадлежит к ней.

---

[16] *Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гульбин Г.К.* Американская буржуазная «психоистория». Критический очерк. Томск, 1985; *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986.

[17] *Могильницкий Б.Г.* Современная буржуазная историография ФРГ: возрождение нарратива // Вопросы истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987.

Рецензии и отзывы Б.Г. Могильницкого

Публикация избранных рецензий на диссертационные исследования, написанных Б.Г. Могильницким, показывает его взгляды на историю и методологию исторической науки.

Ключевые слова: методология истории, отзыв на диссертацию, Б.Г. Могильницкий.

Reviews and ratings B.G. Mogilnitsky

Publication of selected reviews of the thesis written by shows his views on the history and methodology of history.

Key words: methodology of history, review of the thesis, B.G. Mogilnitsky.

Издавая здесь избранные отзывы Б.Г. Могильницкого на диссертации его коллег, мы преследуем сразу несколько целей. Прежде всего, отзывы – это та часть научного творчества, которая может занимать весомое место у отдельных учёных, но при этом в массе своей остаётся за пределами долговременного научного интереса, оставаясь тесно связанной с разовым актом защиты самой диссертации. Кроме того, это особый жанр, выведение которого за рамки стабильного историографического исследования, обедняет круг историографических источников, а иногда выводит за скобки и те важные моменты, которые помнят современники и участники событий (защит и дискуссий), но редко имеют возможность надёжно узнать те, кто находится в другом времени или отдалён в пространстве. Соответственно, отзывы на диссертационные сочинения – это источник, проясняющий нормативные характеристики вступления в научное сообщество (что ставит проблему соотношения писаных и неписаных правил), и в этом процессе критически важна личность оппонента, его научные позиции, наконец, его идеалы.

В данном случае личность оппонента сама – достойный тщательного исследования предмет. Б.Г. Могильницкий выступал в своих отзывах экспертом и диагностом исторической науки, требовательным, вдумчивым, прозревающим перспективы. Наша публикация надеется заложить ещё один начальный камень в фундамент будущего исследования творчества замечательного учёного, которое, безо всякого сомнения, является одной из обязательных задач истории отечественной исторической науки XX–XXI вв.

Отзыв ведущей организации на диссертацию Т.А. Сидоровой «Формирование и развитие критического направления в английской историографии конца XIX – начала XX в.» (Казань, 2004), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук

Стремительный бег современной историографической революции, низвергающей одни имена и выносящей из небытия другие, не просто актуализирует изучение истории исторической науки, но и предъявляет к ней серьезные требования, обусловленные нынешним пониманием природы исторического и историографического знания.

Всякое историографическое исследование несет на себя печать своего времени, представляющего, образно говоря, ту вершину, с которой обозревается прошлое науки. Наличие такой точки обзора является необходимой предпосылкой поступательного развития науки. Ибо каждый раз открывается новая ретроспектива, позволяющая углубить наше понимание историографического процесса, в том числе и благодаря совершенствованию языка исследования.

Точно так же, как есть известный резон в знаменитой максиме о том, что каждое поколение заново переписывает историю, можно сказать, что создаваемый на каждом новом витке развития исторического знания образ Истории неизбежно ведет к изменению концептуальных взглядов на историю исторической науки и отдельных его персоналий, и чем радикальнее, как это происходит в наши дни, изменяется этот образ, тем значительнее является ломка историографической традиции.

В этом процессе, однако, имеются свои ловушки. Самая опасная из них заключается в соблазне «спрямить» эту традицию, оценивая прошлое науки с позиции ее современного состояния. Наконец, нельзя упускать из виду нравственно-этическую компоненту историографического исследования. Слишком часто, увы, возникает искушение, а нередко и сознательное стремление подчинить изучение прошлого науки конъюнктуре сегодняшнего дня.

Все это определяет не только актуальность диссертационного исследования Т.А. Сидоровой, но и объективные трудности, стоявшие перед его автором. Сразу же подчеркнем, что с этими трудностями Т.А. Сидорова в основном справилась. Предметом своего исследования она избрала системное изучение критического направления в английской историографии конца XIX – начала XX в.

как целостного, концептуально единого историографического феномена, которое автор характеризует как направление теоретико-методологического синтеза.

Центральной, системообразующей фигурой этого направления является Ф.У. Мэйтленд. Однако, в отличие от традиционного сведения к этому, бесспорно, выдающемуся историку всего направления, Т.А. Сидорова впервые в науке предприняла основательное исследование критического направления во всем его многообразии. Она определила его персональный состав, исследовала труды его представителей. И все же, и это совершенно справедливо, главное внимание в диссертации уделяется Ф.У. Мэйтленду.

Особенно большой интерес для читателя представляет вторая глава диссертации, в которой анализируется роль Ф.У. Мэйтленда в становлении критического направления. Думается, что именно в этой главе особенно плодотворно сказались современные представления о природе историографического знания, на которое опирается Т.А. Сидорова в своей реконструкции интеллектуальной биографии Ф.У. Мэйтленда. Основываясь на этих представлениях, она справедливо указывает, что разворачивающаяся в историческом контексте интеллектуальная биография ученого не может быть сведена лишь к его опубликованным трудам. Историк, пишет она, живет в нескольких временных измерениях, комбинация которых составляет сложный панорамный фон его научной биографии.

Тем самым в историографическое исследование неизбежно вносится субъективный элемент, что порождает нелегкую проблему адекватного воспроизведения исследователем биографии своего персонажа. Один из путей ее решения предлагает Т.А. Сидорова, когда пишет: «Поскольку контекст рукотворен, создается и задается историографом, который, конструируя его, сознательно вычленяет силы, управлявшие личностью в конкретной ситуации, формировавшей ее поведение и менталитет, он (историограф) ответственен за соблюдение неких пропорций, баланса, которые предотвратили бы возможность растворения личности в контексте» (с. 74–75).

Я бы только сделал одно существенное уточнение. Выдающийся историк, а в диссертации речь идет именно о таковом, не является пассивным объектом действия неких сил, управляющих его личностью и формирующих его поведение и менталитет. Чем более значительной является эта личность, тем большее влияние на эти силы оказывает она сама.

Впрочем, внимательный читатель диссертации тоже убедится в этом, знакомясь с предложенным Т.А. Сидоровой опытом интеллектуальной биографии Ф.У. Мэйтленда. Например, она признает, что Ф.У. Мэйтленду не были присущи такие характерные черты англичан, как высокомерно-снисходительное отношение к иностранцам, глубокая религиозность и холодная чопорность, более того, принимая во внимание многогранную научную, преподавательскую и общественную деятельность Ф.У. Мэйтленда, снискавшую ему огромный авторитет, мы вправе полагать, что эта деятельность в какой-то мере способствовала смягчению указанных черт английского характера.

Вторая глава, несомненно, является украшением диссертации. По существу, здесь мы находим даже нечто большее, чем интеллектуальную биографию. Автор воссоздает убедительный образ Ф.У. Мэйтленда – английского джентльмена викторианской эпохи и британского историка, сформировавшегося в рамках национальной традиции, наложившей печать на его восприятие истории своей страны. Поэтому совершенно справедливо Т.А. Сидорова в качестве исходного пункта при реконструкции образа Ф.У. Мэйтленда обращается к национальной компоненте в его личности: чертам характера и психологическому облику английского народа, его традициям, стереотипам поведения и мировосприятия, моральным нормам и менталитету, особенностям жизненного уклада и т. п.

Органическим продолжением второй главы являются IV и V приложения к диссертации, содержащие яркий материал о клане Мэйтлендов из Лодердейла, свидетельствующий об их видном положении в английской истории, а также воспроизводится их фамильный герб.

Большой научный интерес представляют страницы, на которых раскрываются отношения Мэйтленда со своими учителями, коллегами, в том числе П.Г. Виноградовым, и учениками. В особенности заслуживает быть отмеченным состоятельное исследование непростых отношений Ф.У. Мэйтленда с его ближайшим коллегой Ф. Поллоком. Дело даже не в степени одаренности каждого из них. Главное, их отношение к истории. Ключевым здесь является принципиальное положение автора: «Если для Ф. Поллока история была служанкой права, Ф.У. Мэйтленд трактовал право как часть истории, справедливо полагая, что право не развивается имманентно, обособлено от других сторон жизни, но в то же время оказывает существенное влияние на развитие общества» (с. 91–92).

Т.А. Сидорова аргументировано полемизирует с распространенным представлением о Мэйтленде как ученом, стоящим особняком в историографическом пространстве британской исторической науки. Следует согласиться с ней, когда она указывает на малую эффективность подхода, связывающего такого неординарного исследователя, как Мэйтленд, с какой-либо одной конкретной структурой. Гораздо убедительней представляется обоснованное автором диссертации предложение рассматривать наследие Ф.У. Мэйтленда в неформальном ключе как выдающегося члена «незримого колледжа» европейской исторической науки. Не без основания Т.А. Сидорова полагает, что он сумел, преодолев притяжение национальной историографии, создать свой «незримый колледж», подчиненный его профессиональным интересам и обусловленный ими.

Понятие «невидимого колледжа» как особой формы неформального, профессионального, интернационального сообщества ученых получило в диссертации разностороннее и убедительное обоснование. Думается, что введение этого понятия в широкий научный оборот в той его интерпретации, какую предлагает Т.А. Сидорова, будет способствовать более глубокому пониманию не только прошлого нашей науки, но и современной историографической ситуации.

Центральное место в диссертации занимают главы, раскрывающие место и значение критического направления в истории исторической науки и исторической мысли. С величайшей скрупулезностью здесь реконструируется созданная в трудах Ф.У. Мэйтленда парадигма «другой» социальной истории, его теория конституционного развития Англии и его изучение парламентской истории страны. Достоинством этих глав является включение взглядов Мэйтленда в широкий историографический контекст. Т.А. Сидорова исследует взгляды предшественников и коллег Ф.У. Мэйтленда, а также его учеников и последователей. Благодаря этому ей удалось реально раскрыть научную новизну концептуального подхода к изучению британской истории, обоснованного критическим направлением.

Закономерным итогом такого исследования явилась заключительная глава диссертации, в которой реально прослеживается влияние исследовательских стратегий и методологии критического направления на английскую и американскую историографию первой половины XX века. Это позволяет Т.А. Сидоровой сделать обоснованный вывод, что «до конца 50-х гг. XX в. английская и амери-

канская историография развивалась под знаком “критического” наследия, в русле “критической” парадигмы истории» (с. 369).

Другое дело, что следовало бы, наверное, указать, что уже в 1930–1950-е гг., когда основоположники школы «Анналов» развертывали свои знаменитые бои за «новую историю», методологические принципы этого направления, основывавшиеся на неокантианском идиографизме, явно являлись устаревшими, исчерпавшими свои эвристические возможности.

Т.А. Сидорова этого не делает в силу избранного ею метода изучения критического направления, в котором явственно прослеживаются черты его апологетики. Своеобразным выражением кредо Т.А. Сидоровой стала язвительная отповедь Е.В. Гутновой за ее претензии по поводу того, что в работах «парламентаристов» содержится мало собственно социальной истории в марксистском понимании. Т.А. Сидорова указывает, что эти претензии «не следует относить строго к недостаткам историописания британских исследователей, ни собственно критического направления, ни его последователей. Сложившись как историки в другой системе научных традиций, они не обязаны были соответствовать марксистско-ленинскому пониманию сущности сословий, парламента, королевской власти» (с. 352).

Конечно, «не обязаны были». Согласимся также с высказанной на следующей странице мыслью, что и «парламентаристы», и «корпоратисты» являлись конституционалистами, государственниками, относящимися к политическому направлению, имеющему иные цели и задачи, нежели у представителей историко-экономического направления. Но действительно ли все сводится к сложившемуся в европейской историографии принципу разделения труда между историками (с. 353)?

Ведь такое разделение предполагает взаимодействие и взаимовлияние различных направлений исторической мысли, что блестяще продемонстрировал в широком общеисторическом плане современник Мэйтленда М. Бобер, кстати, эффективно использовавший в своих трудах социально-классовый анализ, хотя тоже не был обязан «соответствовать марксистско-ленинскому пониманию» сущности феодальных и раннекапиталистических отношений. Сошлюсь также на новейшую исследовательницу английского парламентаризма О.В. Дмитриеву, успешно применяющую различные подходы в своей историографической практике.

Иначе говоря, ни на рубеже XIX–XX вв., ни столетие спустя «разделение труда» не обязательно ведет к обособлению различ-

ных исследовательских стратегий. Юридическую ограниченность Ф.У. Мэйтленда в исследовании институтов средневековой Англии хорошо видел его ближайший коллега П.Г. Виноградов. Следовательно, критику советскими историками «юридизма» Мэйтленда при всей ее идеологизированности никак нельзя целиком отнести на счет их дурного (марксистско-ленинского) воспитания. Она шла в русле отечественной историографии с ее традиционным интересом к широким социальным построениям.

Элементы апологетики критического направления можно обнаружить и в содержательной первой главе диссертации, характеризующей основные черты английской историографии второй половины XIX – начала XX в. Это проявляется в известной недооценке значения методологического кризиса на рубеже этих столетий. Нельзя сказать, что он прошел мимо внимания автора диссертации. На с. 46–47 содержится достаточно емкая его характеристика, которая, однако, в известном смысле повисает в воздухе. В определенном противоречии с ней эволюция методологических основ британской историографии в конце XIX века рассматривается в терминах не их кризиса, а поступательного движения к парадигмальному и методологическому синтезу, воплощенном в творчестве критического направления.

«Парадигматический синтез, – пишет Т.А. Сидорова, характеризуя триумфальный марш британской историографии в XIX в., итогом которого стало возникновение критического направления, – дал феноменальный результат – стал основой синтеза достижений британских историков XIX в. В области изучения национальной истории, прежде всего, средневековой, вобрав в себя восторженное отношение к ней романтиков, принцип строгой опоры на достоверные факты и беспристрастность авторской позиции позитивистов, увлечение фактологией и локальной тематикой неокантианцев. И как следствие – историки критического направления подвели итог эволюции британский историографии XIX в. и перебросили мост в историческую науку века XX» (с. 54–55).

И это при «утрате уверенности в познавательных возможностях истории как науки и объективном характере исторических знаний» (с. 46)! Здесь явное противоречие между констатацией такой природы методологического кризиса и впечатляющими достижениями методологического же порядка (парадигмальный синтез), которое, во всяком случае, нуждается в разъяснении.

С другой стороны, едва ли можно, строго говоря, постулировать парадигмальный синтез, осуществляемым критическим на-

правлением, так как здесь явно отсутствует, например, представляемое Т. Роджерсом влиятельное историко-экономическое направление.

Сказанное не ставит под сомнение основательность предпринятого автором анализа теоретико-методологической трансформации британской историографии на рубеже XIX–XX вв., но проблематика её кризиса нуждается в дальнейшем исследовании. Тем более, что во «введении» содержится многообещающее утверждение, что на рубеже XIX–XX вв. во многом в сходной ситуации оказались российские историки, которые могут апеллировать в теоретическом и практическом планах к опыту своих коллег – британских историков критического направления» (с. 2).

Указанные замечания носят характер пожеланий и, разумеется, не могут изменить общей высокой оценки представленного Т.А. Сидоровой на защиту диссертационного исследования. Его основные положения отличаются несомненной научной новизной и репрезентативностью в их обосновании.

Диссертация написана хорошим литературным, языком, удачно структурирована, логически выверена. Правда, автору не удалось избежать повторений, иногда дословных (см. на с. 361 и с. 368 дословное повторение мысли об устойчивости созданного представителями критического направления образа истории), и досадных опечаток в тексте (например, на с. 150 хоризма Ф.У. Мэйтленда).

Основные положения и выводы диссертации полностью отражены в ее автореферате и многочисленных опубликованных работах, включая две монографии.

Рецензируемая работа является оригинальным законченным исследованием, успешно решающим крупную научную задачу. Она полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям, по специальностям 07.00.09, а автор ее вполне заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв подготовлен профессором Б.Г. Могильницким, обсужден и утвержден на заседании кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета 19 марта 2004 г.

Заведующий кафедрой истории древнего мира,
средних веков и методологии истории,
заслуженный деятель науки РФ, профессор Б.Г. Могильницкий

Отзыв официального оппонента о диссертации С.А. Прокопенко «Проблемы и методы изучения демографических процессов в Испании раннего Нового времени (конец XV – XVII в.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»; Москва, 2011 г.

Казалось бы, далекая от сегодняшних проблем нашего общества диссертация Сергея Алексеевича Прокопенко является наиактуальнейшим исследованием. Как верно подчеркивает сам диссертант, цитируя в данном случае такого классика, как П. Шоню, «демография является ключевым элементом для объяснения системы цивилизации». Историческая демография, акцентирует историк, которая в немалой степени занимается мало изменчивой биологической природой человека, рассматривает процессы именно «большой продолжительности». Не повторяя мотивировок актуальности избранной темы самого Сергея Алексеевича, подчеркну: помимо прочего, мы имеем налицо проблему, явно звучащую в резонансе с процессами, происходящими в мире и, в частности, в современной России. Именно современность, как отмечал А.Я. Гуревич, по-настоящему актуализирует задавание вопроса прошлому. А. Азуан показал это на примере Испании, может быть, с некоторой категоричностью, называя в качестве примера страны, которая постоянно попадает в накатанную, но не ведущую к развитию колею, Испанию XVII века.

Оценка И. Валлерстайна, характеризовавшего русский путь как путь «обычной для России ухабистой истории», с известной степенью пусть меняющейся, но повторяемостью «пробуксовки», если не срывов модернизационных процессов в переходные периоды ее истории, со всеми вытекающими демографическими последствиями, заставляет нас с особой пристальностью вглядеться в проблемы Испании конца XVI – XVII в. и тем самым актуализирует тему диссертации и в социальном смысле.

Несомненна и научная новизна представленного диссертационного исследования. Комплексная работа на стыке исторической демографии, географии, социальной истории, истории медицины открывает принципиально иные исследовательские горизонты анализа конкретно-демографических процессов Испании раннего Нового времени. Без натяжки можно сказать, что, выполненное в таком регистре, это первое исследование не только в отече-

ственной испанистике, но и других отраслях истории раннего Нового времени. Причем представленная картина дается не в статично-стационарном режиме, но с помощью соответствующего концептуального инструментария рассматриваются возможности социально-дифференцированного анализа демографического поведения. Этот ход также придает работе пионерный характер.

Двигаясь к решению четко поставленных задач, С.А. Прокопенко использует применительно к постулируемой цели целый спектр хорошо продуманных и выверенных логикой развития научного знания приемов. Прежде всего, обращает на себя внимание системный взаимодополняющий друг друга метод исследовательского поиска, основанного на скрупулезном использовании анализа историографической практики и одновременно самой пластики исторической фактуры испанского материала. Органичное сочетание историографического и конкретно-исторического планов построения исследования обусловливает ее большую научно-информационную насыщенность. Обращает на себя внимание не только это, но и основательный багаж знаний из смежных дисциплин, без чего претензия на полидисциплинарность осталась бы пустым звуком.

Хотелось бы отметить еще один важный признак профессионализма рабочего почерка автора диссертации. Как всякому добросовестному ученому, Сергею Алексеевичу не приходит в голову отказываться, как это свойственно поверхностно обученным ремеслу авторам, от классического наследства европейской и отечественной науки. Речь идет, прежде всего, о марксизме. Проблема преемственности научной традиции решается в то же время в соответствии с тем, что с необходимостью предполагает недогматичный подход к ее редакции в новых условиях развития научного знания, обновлению средств и методов. Не просто постулируется, но на историографической фактуре анализа осуществляется ревизия формационно-классового ортодоксального подхода, со свойственным ему социальным и формационным редукционизмом, главным образом путем использования понятия многоукладности в исследовании испанского общества переходной эпохи.

Обращает на себя внимание так же то обстоятельство, что, в отличие от многих работ с претензией на системный подход, диссертант методологически выверенно и аргументированно выстраивает многоплановый регистр реализации такого подхода. В частности, заслуживает особо быть отмеченным то значение, которое придает историк рассмотрению народонаселения Испании как динамичной системы, включая в свой анализ происходившие миграции, и тем самым вслед за многими ведущими испанистами в

этой области уходит от узких мест «стационарного подхода». Наконец, системность проводимого исследования достигается выявлением важных линий взаимодействия демографических переменных с социальными, экономическими, ментальными и биологическими факторами, а это, в свою очередь, становится возможным в силу подхода к демографическим моделям как подсистемам, из которых и строится макрообщество. Иными словами, методолого-теоретические взгляды Сергея Алексеевича отличает вдумчиво-творческий подход как к прошлому наследству, так и к современным средствам обогащения научной традиции.

Не прибегая к разбору всей совокупности важных положений и выводов, к которым приходит автор рецензируемой работы, остановлюсь на наиболее важных с моей точки зрения.

Один из них касается пересмотра вопроса о хронологии и масштабах демографического кризиса в Испании XVII в. Автор диссертации, отдавая отчет, сколь спорны эти вопросы в мировой историографии, прибегая к помощи новейших исследований, в частности Р. МакКаа и Г. Переса Бриньоли, впервые введших в оборот облегченную версию инверс-проекции, отодвигает начало фазы демографического регресса в Кастильской короне на четверть столетия, т. е. вместо 1596–1602 гг. на 20-е XVII в. (с. 142, 244). Объясняется это значительным естественным демографическим потенциалом восстановления, который был реализован за счёт сокращения целибата в репродуктивных когортах и снижения возраста вступления в первый брак. Важную компенсаторную роль, отмечает автор, играли повторные браки: 30 % и выше от общего числа свадеб в этот период. Поскольку пандемия 1596–1602 гг. Арагонскую корону почти не затронула, а в Валенсии демографическая яма приходится на промежуток между 1609–1615 гг. и 1620, в Каталонии на 1620–1660 гг. (с. 245), то совокупность этих данных существенно корректирует сложившуюся картину. Разбор стадий демографического роста, осуществленный так же на региональном уровне, позволяет отнести испанскую модель гомеостазиса к так называемой «средиземноморской» или «южной» модели вопроизводства населения традиционного типа.

При этом модифицированная методология выделения динамичных региональных субмоделей по материалам поздних цензов, разработанная Эйрасом Роэлем и использованная в ходе диссертационного исследования, позволила Сергею Алексеевичу выявить на территории страны в XVI–XVII вв. четыре основные субмодели (северная, центральная, андалусийская, каталонская) и три «переходные», или смешанные (астурийская, майоркская и валенсий-

ская или левантийская), сделав вывод, что в этот период ведущую роль играла центральная субмодель, которой был свойственен больший удельный вес молодого населения, высокие показатели «индекса мускулинности», плодовитости, рождаемости, смертности и минимальным контролем за браками (с. 248). Этот блок исследовательских выводов, в равной степени как и блок заключений по III и IV главам работы, служит основой для двух важнейших макровыводов диссертации. А именно дает основания рассматривать Испанию как «пример многообразия вариантов развития, столь свойственного переходной эпохе». Реконструированная картина, справедливо заключает диссертант, выглядит много богаче стереотипов, заданных последующими веками «испанского декаданса» и либеральными мифами, которые некритично повторяли следующие поколения историков И, наконец, эта демографическая картина, полагает Сергей Алексеевич, позволит по-новому взглянуть на механизмы генезиса капитализма и проблематику обратимости общественного развития (с. 523).

Сразу оговорюсь, что соглашаясь с автором относительно такого уточнения, у меня как рецензента остаются сомнения в корректности некоторых более общих выводов. Сергей Алексеевич полагает, что показателем экономического восстановления Испании после опустошительной пандемии чумы являются продемонстрированные возможности демографического восстановления. В этот же ряд аргументации ставится и воссоздание новой «Великой Армады» к началу правления Филиппа IV и продолжение борьбы за европейскую гегемонию во время Тридцатилетней войны. Сюда же вписывается и «мощный исход» в Испанию на протяжении столетий переселенцев из «менее благополучной Франции», сохранивший свою инерцию вплоть до начала XVIII в. Однако приведенные примеры могут быть 1) интерпретированы как результат гипернапряжения ресурсов в продолжении инерционного курса универсалистской политики, 2) ревизованы лишь в случае уточнения региональной специфики развития районов, давших поток французской иммиграции. Во всяком случае, здесь возникает поле для дальнейшей дискуссии, в которой на другую чашу весов будет положен багаж материала и выводов В.М. Ракова, оценивающего испанскую модель развития в этот период как полупериферийную, а франко-английскую как модель стран-лидеров центра процесса Перехода в Европе[18].

---

[18] Подробнее см.: *Раков В.М.* «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999. (*Здесь и далее прим. Б.Г. Могильницкого.*)

Впечатляюще выглядит приведённая диссертантом динамика смертности кастильских провинций в Новое время, которая фактически ставит крест на многочисленных рассуждениях о глобальном характере так называемого «кризиса XVII столетия». Отсюда правомерен вопрос: меняет ли что-то эта информация в нашем видении агонии «испанского XVII века»? Сергей Алексеевич дает положительный ответ на этот вопрос. Переработка идей Норта и Томаса о вариантах перехода на путь капиталистического развития, применительно к анализу реакции на неомальтузианский кризис, позволила автору выделить среди прочих *модернизационный* вариант выхода – за счёт трансформации аграрного производства (внедрения новых сельскохозяйственных культур, в частности маиса, и огораживания земли), интенсивного развития межрегиональной торговли, что наблюдалось в Галисии, Кантабрии, Астурии, а также в Западной Андалусии. Доказанность наличия в Испании всего многообразия палитры трансформационных процессов, свойственных переходным обществам, на мой взгляд, конечно же свидетельствует в пользу анализа испанской модели не как примера типичной феодальной державы, запрограммированной на проигрыш капиталистическим соперникам, а как сложного процесса динамики соотношения старых и нового укладов, нелинейности генезиса капитализма, что впрочем не отменяет концептуально убедительной типологии процессов Перехода В.М. Ракова.

В этом же контексте весьма любопытен демографический материал, приводимый в IV главе работы «Социальная характеристика испанского общества», свидетельствующий как о большой социальной, имущественной, так и «производственной» картине испанского дворянства. Опять-таки целый ряд данных (выявленных, к примеру, В.А. Ведюшкиным на кастильском материале (с. 416) или Ф. Руиса Мартина, показавшего участие в оптовой торговле представителей даже родовой знати и грандов, причем с весьма условным различием аристократического и буржуазного элементов капитала в совместных торговых обществах (с. 421–422)) не позволяет полностью отсечь эту социальную категорию испанского общества от процессов «обновления».

Словом, если вести спор «по гамбургскому счету», то многие проблематизации Сергея Алексеевича «испанского декаданса» как абсолютного и необратимого выглядят более чем убедительными. Но остаются вопросы, которые все-таки трудно обойти. К примеру, следующий: как сопрячь эту картину с тем духовно-психологическим и культурно-нравственным процессом опускания испан-

ского общества конца XVI – пер. пол. XVII в., который был выявлен рядом работ испанских и российских исследователей?[19]

Высказанные в отзыве соображения не умаляют многочисленных достоинств работы, автор которой дает стереоскопичную многоформатную картину испанской историко-демографической динамики, заставляющей более глубоко задуматься о природе происходивших процессов. Содержание диссертации С.А. Прокопенко полностью отвечает сформулированной теме. Автор владеет широким спектром методов современного научного исследования, им собран и проанализирован масштабный массив историографического и фактического материала, значительная часть которого впервые введена в научный оборот. Выводы и концептуальные обобщения, сформулированные диссертантом в ходе исследования, логичны, обоснованы, хорошо аргументированы и в целом возражений не вызывают. Работа С.А. Прокопенко является актуальным, самостоятельным и завершенным комплексным научным исследованием, вносит значительный научный вклад в изучение историографии исторической демографии и новой истории Испании, в дальнейшее развитие прикладного взаимодействия между различными научными дисциплинами. Автореферат диссертации и публикации С.А. Прокопенко отражают основные положения диссертации.

Диссертация Прокопенко Сергея Алексеевича на соискание ученой степени доктора исторических наук является научно-квалификационной работой, решающей крупную научную проблему, и заслуживает присуждения автору ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», в соответствии с п. 8 положения ВАК о порядке присуждения ученых степеней.

Профессор кафедры истории древнего мира,
средних веков и методологии истории
Томского госуниверситета доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РФ, Б.Г. Могильницкий
2011 г.

---

[19] См., напр.: *Maravall J.A.* La literatura picaresca desde la historia social: siglos XVI y XVII. Madrid. 1986; *Папушева О.Н.* Кризис испанского общества конца XVI – пер. пол. XVII в. сквозь призму полидисциплинарного анализа ментальности пикаро (по материалам плутовского романа): дис. … канд. ист. наук. Томск, 2005; *Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Гл. VI. Томск, 2010. С. 308–359.

Отзыв официального оппонента на диссертацию Н.М. Морозова «Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» (Кемерово, 2014)

В условиях академической и социально-гражданской разноголосицы по поводу специфики российской цивилизации, как никогда актуальным с научной точки зрения и востребованной с общественной является попытка провести своеобразную экспертную инвентаризацию подходов к данной проблеме, имеющихся в отечественном гуманитарном пространстве XX–XXI вв. Диссертант справедливо отмечает, что «затянувшиеся поиски интеллектуалов цивилизационной идентичности России и национальной идеи по существу лишены предметности без обобщения знаний об основополагающих свойствах общества, о котором радеют» (с. 5).

При этом Н.М. Морозов очень точно квалифицирует назревшую актуальную задачу выработки адекватного подхода к решению проблемы этой специфики, указывая на те опасности, которые до сих пор ощутимы, и проявляются, к примеру, что в общественной, что в государственной риторике. Автор диссертации отмечает мировоззренческую дезориентацию общественного сознания, ставшего объектом манипуляций разного рода. Он пишет, что апологеты либерализма ратовали за вхождение в западную цивилизацию, глобализацию, не считаясь с тем, что подобного рода идеи не соответствовали реалиям и потребностям самой российской цивилизации. В чем проявляется четкость идейной и гражданской позиции Николая Михайловича Морозова.

В связи с этим нельзя не отметить и научно-теоретической актуальности рецензируемой диссертационной работы, еще раз подчеркнув и ее социальную ангажированность. Квалифицированные научные попытки определить целостность российской цивилизации, ее специфику, безусловно, имеют значение и для самоопределения государственно-политического сознания и сознания общественного.

Несомненна и новизна рецензируемой диссертации, заключающаяся не только в первой в историографии попытке систематизировать имеющийся в отечественной науке аналитический ре-

сурс исторического знания о российской цивилизации в эпистемологическом, пространственном и временном срезах, но и предложить авторскую версию структуры цивилизационного менталитета России, согласующуюся с устоявшимися в научной среде историческими фактами. Сразу же оговорюсь, что Николай Михайлович не всегда последователен в определении носителя этой специфической цивилизационной ментальности. В одних случаях четко оговаривается, что «метафора “российский менталитет” условно подчёркивала лишь консолидирующую роль русских в пространстве российской цивилизации, заполненном этническими сообществами и соответствующими им этническими менталитетами» (с. 230), в других, как это следует, например, из названий третьей и четвертой глав диссертации, речь идет именно о ментальности этнически русских. Думается, что наиболее адекватно авторская позиция формулируется в заключении, где пишется: «Тем не менее, в рассматриваемый период отечественные обществоведы перешли от изучения отдельных составляющих цивилизационного пространства, выступавших как часть, элемент более сложной социальной (этнической) системности, к выявлению и объяснению связности и природы отношений между ними, накапливая тем самым материал **для осознания в дальнейшем пространства российской цивилизации как целого** (выделено мною. – *Б.М.*)» (с. 388).

Достоинством диссертационного исследования Н.М. Морозова является методологическая оснастка работы, сформированная на принципах «неоклассической модели историографического исследования». Ее междисциплинарный характер не означает всеядности использования различных заимствований из цикла гуманитарных дисциплин и знания. Как постулирует сам диссертант, «рассматривая научную объективность в качестве цели, к которой следует стремиться, автор опирался на однозначное толкование категорий научных дисциплин, выступающих в качестве фильтров предпочтений, позволяющих обнаружить элементы неопределенности или двусмысленности в рассматриваемых умозаключениях» (с. 47).

Впечатляет источниковая база проделанной Николаем Михайловичем работы. Ее фундированный характер проявляется не просто в количестве задействованных историографических источников (в диссертации использовано 900 работ, в том числе более 50 – на иностранных языках), но в тщательном отборе привлекаемых исследований, имеющих репрезентативный характер. Можно утверждать, что из поля зрения автора работы не выпало ни одно

сколько-нибудь серьезное исследование, посвященное проблематике специфики российской цивилизации, написанное на рубеже XX–XXI вв. Эрудиция диссертанта проявляется также в профессиональном ретроспективном историографическом анализе, обращении к именам и научным идеям, выходящим за хронологические рамки исследования.

Важно подчеркнуть, что дополнительную четкость работе, ее логической структуре придает проблемная ранжированность источниковой базы, нашедшая отражение в композиции самой диссертации. Речь идет о выделении таких блоков как: 1) литература, связанная с интерпретацией таких понятий как «локальная цивилизация», «цивилизационный подход», «теория локальной цивилизации»; 2) труды, в которых переосмысляются эпистемологические основания в исследовании пространства и времени российской цивилизации; 3) исследования, посвященные обоснованию структуры менталитета россиян; 4) тот блок идей и подходов, в которых отражена проблема понимания российской власти и развития общества в фокусе российского менталитета.

В диссертации четко определены объектно-предметные параметры ее принадлежности. Н.М. Морозов определяет их следующим образом: «**Объектом настоящего исследования** является отечественная историография рубежа XX–XXI вв., представляющая собой комплекс научной литературы исторического, философского, политологического, экономического, социологического, психологического, культурологического характера, посвящённой проблеме познания общества. **Предметом исследования** выступает концептуальное пространство, сложившееся в процессе изучения российской цивилизации» (с. 39–40).

В полном согласии с поставленной в диссертации цели («оценить эвристический потенциал наиболее известных и получивших обоснование идей и концепций российских учёных, направленных на постижение сущности отечественной цивилизации в историческом контексте, и на этой основе представить платформу теоретического понимания ее целостности» – с. 41) корректно сформулированы задачи рецензируемого исследования, последовательно и аргументировано решаемые в работе.

Среди положений, вынесенных на защиту, особую значимость имеют следующие. С конца 80-х гг. XX в. система исторического знания о российской цивилизации переживала состояние дефиниционного тупика, связанного с кризисом в качестве методологического ориентира формационной теории; последующие влия-

ния антропологического, лингвистического и других поворотов, с одной стороны, расширили площадку апробации новых идей и познавательных моделей, посвященных объяснению разнообразных проявлений цивилизационной специфики общества и его институтов, с другой – внесли вместе с методологической разноголосицей и методологическую сумятицу, выражавшуюся в зачастую некорректном использовании того или иного методологического инструментария.

Автор рассматриваемой работы предлагает ряд собственных, согласующихся с наиболее перспективными подходами, наличествующими в историографии, дефиниций. Николай Михайлович, в частности, приходит к научно обоснованным выводам о целесообразности определения таких понятий, как «локальная цивилизация», «цивилизационный подход» и «теория локальной цивилизации», следующим образом. Он предлагает следующие дефиниции:

• «локальная цивилизация это часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтноса, объединённая комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации;

• цивилизационный подход – это методологическое направление, обеспечивающее изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтноса комплементарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации;

• теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, сфокусированных на неоклассической интерпретации проблемы менталитета в истории общества, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основании принципов цивилизационного подхода» (с. 112–113).

И, тем не менее, остается «за кадром» методологической рефлексии вопрос о соотношении цивилизационного и формационного подходов, хотя на с. 385 при характеристике первого из направлений в определении понятия «цивилизация» автор диссертации не исключает совместимости этих подходов. Он, в частности, пишет: «Новизна точек зрения заключалась в попытках включения в формационную аналитику элементов цивилизационной». Но при этом уходит от вопроса о том, как сообразуются более поздние и зрелые попытки определить понятие с формационным подходом.

Наиболее продуктивную и одновременно дискуссионную часть диссертационной работы составляет блок идей, нацеленных на определение специфики российской цивилизации через

специфику ее менталитета. Совершенно справедливо подчеркивая вслед за Ю.П. Малининым, что «синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации» (с. 8) и, оговаривая наличествующие противоречивые, если не взаимоисключающие определения понятий «ментальность» и «менталитет», автор предлагает свое видение проблемы. Нельзя не согласиться с позицией автора работы, что «наиболее убедительную теоретическую оснастку в ходе поиска и обоснования природы менталитета получила точка зрения о его принадлежности к **бессознательному уровню психики, выступающему в качестве первоначальной природной субстанции социального** (выделено мною. – *Б.М.*)» (с. 231). И в тоже время настораживают многочисленные оговорки относительно иррационального компонента как составляющей данного феномена. В этом смысле несколько противоречивой представляется собственная позиция Николая Михайловича о природе менталитета, которую, как пишет автор, «характеризуют психическое содержание инстинктов и архетипические формы: образы, идеи, мотивы и модели поведения, идентифицирующие врождённое бессознательное» (с. 242).

Весьма любопытной и в хорошем смысле провоцирующей выглядит попытка диссертанта выстроить структуру когерентных архетипов, формирующих структуру российского менталитета. И, тем не менее, само наполнение этой структуры вызывает вопросы. Не отрицая наличия обозначенных автором в этой структуре архетипов, невольно задумываешься, «а все ли они имеют специфически российский цивилизационный характер?».

В этом смысле содержание четвертой главы «Современная отечественная историография о российской власти и развитии общества в фокусе менталитета русских» видится более аргументированным и менее проблемным. Действительно, сложно отрицать, что мобилизационный тип развития российской цивилизации имел ментальную природу и специфика российского цивилизационного менталитета заключалась в том, что «державность» была одной из базовых установок, определявших горизонт ожиданий по отношению к высшим эшелонам власти среднестатистического россиянина.

Подводя итоги, еще раз подчеркну прочность методологической базы диссертационного исследования Н.М. Морозова, высо-

кую эрудицию и профессионализм в работе с разноплановым кругом источников, соответствующий критериям современной методологической культуры междисциплинарный характер работы, высокую научную значимость сделанных выводов и поставленных вопросов. Совершенно очевидно, что диссертация Н.М. Морозова найдет практическое применение. Многие ее положения и выводы могут быть востребованы в идеологической и политической деятельности, в научной и учебной работе, в подготовке научных трудов, курсов и спецкурсов по историографии, методологии истории, философии и истории России.

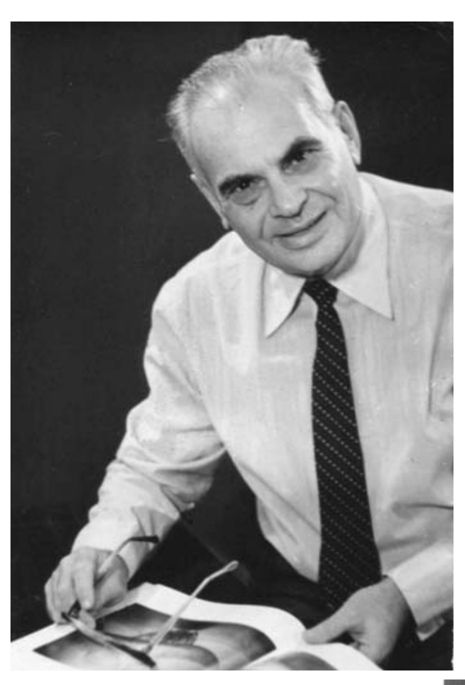
Текст диссертации соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и является научно квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное значение для развития истории исторической науки в целом и практики преподавания дисциплин гуманитарного и социально-экономического профиля.

Все это в совокупности дает основание утверждать, что представленная работа полностью отвечает всем требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», а ее автор – Н.М. Морозов – несомненно заслуживает присвоения ему искомой степени доктора исторических наук.

Проблематика, основное содержание и выводы диссертационного исследования отражены в индивидуальной и коллективных монографиях, а также в многочисленных статьях автора (в общей сложности их насчитывается тридцать девять, включая публикации в журналах, рекомендуемых ВАК).

Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен в соответствии с действующими правилами.

Официальный оппонент профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Могильницкий Борис Георгиевич
05.05.2014 г.

Б.Г. Могильницкий

***Б.Г. Могильницкий
в мантии профессора.
2000-е гг.***

В.П. Корзун с поздравлениями от омских коллег. 10.06.2009 г.

Б.Г. Могильницкий с учениками Н.М. Морозовым и Т.Ю. Николаевой 13.03.2014 г.

Раздел 3

ТВОРЧЕСТВО В НАУКЕ И ЛИЧНОСТЬ ИСТОРИКА

Л.А. Сидорова

Художественный образ и историческое исследование

Раскрывается влияние художественной литературы и искусства на творчество отечественных историков. Показано, что полученный ими культурно-психологический опыт положительно сказывался на уровне их научных работ.

Ключевые слова: историческая наука, художественная литература, живопись, театр, исторические исследования, Е.В. Тарле, А.Е. Пресняков, М.В. Нечкина, М.Н. Тихомиров, М.М. Богословский, И.И. Минц, Э.Б. Генкина.

L.A. Sidorova

Artistic image and historical research

The article reveals the influence of literature and art on the creativity of Russian historians. It is shown that the resultant of the cultural and psychological experience has a positive effect on the level of their scientific work.

Key words: historical science, literature, painting, theater, historical research, E.V. Tarle, A.E. Presnyakov, M.V. Nechkina, M.N. Tihomirov, M.M. Bogoslovsky, I.I. Mints, E.B. Genkina.

Как без музы истории Клио содружество муз было бы неполным, так и без знакомства с художественной литературой, театром, музыкой, изобразительным искусством не могла сформироваться творческая личность историка. Овладение художественным наследием прошедших эпох и интерес к современному искусству во многом служили развитию исследовательской актив-

ности историков, расширяя горизонты видения научных проблем, способствуя развитию междисциплинарности в научной практике.

В конечном счете, творческая разносторонность является одним из значимых факторов успешности профессиональной деятельности историка. Не случайно, что многие видные отечественные историки писали стихи, музицировали, рисовали, были знатоками и ценителями музыки и живописи, увлекались театральным искусством. В связи с этим особое звучание приобретают слова одного из самых успешных и плодовитых историков XX в. – Е.В. Тарле[1], с которыми он в письме обратился к своему заочному собеседнику: «Как все-таки мне повезло, что я гостил на земле после, а не до Пушкина и могу теперь о нем и Достоевском по ночам думать»[2].

Идея взаимопроникновения образного осмысления прошедшего и настоящего, места и роли в нем человека и научной интерпретации этих кардинальных мировоззренческих вопросов отразилась в рассуждениях А.Е. Преснякова[3] о значении искусства в интеллектуальной деятельности ученого.

Анализируя полученные впечатления от живописных, литературных, музыкальных произведений, он пытался найти объяснение той взаимосвязи, которую ощущал между собственным восприятием искусства и научного творчества. А.Е. Пресняков писал, что ему было трудно выразить, как это так выходило, что мысли об искусстве переплетались у него со всем окружающим, что они были «не посторонние, не о постороннем, а о нашем, своем мысли»[4].

Объясняя, как «все это лично остро переживаемое» сливается в нем «с рядом неотвязных вопросов о всей жизни, о творчестве,

---

[1] Тарле Евгений Викторович (1875–1955) – историк. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1896). В 1903–1917 гг. – приват-доцент Петербургского университета. С 1917 г. – профессор Петроградского университета. Член-корреспондент (1921), академик (1927). Преподавал в ЛГУ и МГУ.

[2] Цит. по: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 322.

[3] Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк, член-корреспондент РАН (1920). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, с 1907 г. – приват-доцент, с 1918 г. – профессор того же университета. В 1920-е гг. преподавал в ИКП и РАНИОН.

[4] А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 18 сентября 1906 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 556.

искусстве, истории», он указал на объединяющие черты художественного и научного творчества. Для А.Е. Преснякова они состояли в общности стремления к установлению истины. «Всюду то же, та же неустанная борьба за правду, свет, силу, искренность, и всюду те же неудачи», – заключал он, подчеркивая обнаруженное единство как в методах, достижениях, так и в возникавших проблемах.

Различие, по мнению А.Е. Преснякова, состояло лишь в способе подачи и интерпретации материала. Блестящие образцы различных видов искусств и исторические исследования «в форме будничной прозы»[5] решали общую задачу – приблизиться к пониманию окружающего мира.

Профессионализм в науке для большинства маститых российских историков был неотделим от художественного творчества. Научность изложения, по их мнению, не могла служить оправданием для нанесения ущерба русскому языку, его обеднения и засорения неоправданно заимствованными терминами.

Большую озабоченность по этому поводу выказывал М.М. Богословский[6]. В феврале 1916 г. он присутствовал на диспуте по докторской диссертации его коллеги по Московскому университету Д.Н. Егорова[7]. Как отметил М.М. Богословский, защита работы, посвященной процессу немецкой колонизации Мекленбурга в XIII в.[8], прошла весьма успешно. «Д.Н. отлично защищался, ни одного возражения не оставил без контрвозражения»[9], – писал он в своем дневнике.

Однако М.М. Богословский все же счел необходимым сделать отдельные замечания, касавшиеся стиля изложения соискателя. Кое-какие обороты в его работе показались ему недопусти-

---

[5] А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 18 сентября 1906 г. С. 557–558.

[6] Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – историк, академик (1921). Ученик В.О. Ключевского. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1891). Профессор Московского университета.

[7] Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) – историк, член-корреспондент АН СССР (1928).

[8] *Горяинов А.Н., Ратобыльская А.В.* Дмитрий Николаевич Егоров // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004. С. 390.

[9] *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 152.

мыми и нарушавшими общее положительное впечатление. «Я отметил некоторые крылатые слова Д.Н. Егорова, показывающие порчу русского языка в устах ученых, например, "инфериорная масса" вместо – "низший слой населения"; "дорога хорошей обстроенности и большой протяженности", "засвидетельствованность" и т. д. – Перечислял историк особенно запомнившиеся и возмутившие его термины и словосочетания, риторически взывая: – Где ты, язык Тургенева?!»[10]

Облекать строго научные сочинения в стилистически выверенные формы, в которых сочетались бы языковое богатство, точность терминологии и яркие психологические образы исторических персонажей, было задачей неимоверно сложной, но для отдельных историков достижимой.

Литературный слог М.Н. Нечкиной[11], А.З. Манфреда[12], Е.В. Тарле, других исследователей – мастеров слова получил высокую оценку в научном сообществе советских историков, был примером для подражания и следования[13].

О таланте академика Евгения Викторовича Тарле, не только историка, но и, по праву, писателя, говорил К.И. Чуковский[14]. 8 ноября 1950 г. он выступил на его чествовании в связи с 75-ле-

---

[10] *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919)... С. 153.

[11] Нечкина Милица Васильевна (1899–1985) – историк, академик АН СССР (1958). Окончила Казанский университет (1921). Слушательница ИКП. Доктор исторических наук (1936), профессор (1935). Преподавала в МГУ, АОН при ЦК ВКП(б) (КПСС), возглавляла Научный совет «История исторической науки в СССР» при Отделении истории АН СССР.

[12] Манфред Альберт Захарович (1906–1976) – историк. Окончил РАНИОН (1928). Доктор исторических наук (1950), профессор (1953). Преподавал в МОПИ, МГИИЯ. В 1948–1976 гг. – в Институте истории АН СССР.

[13] См., напр.: *Манфред А.З.* Милица Васильевна Нечкина – мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 22–28; *Зайцев А.Д.* Литература и история: [Рец. на: Нечкина М.В. Декабристы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982] // Литература в школе. 1983. № 6. С. 64–66; *Поляков Ю.А.* Вечера у академика Тихомирова // Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999. С. 230; *Его же.* Серебряное стило М. Нечкиной (О литературном мастерстве историка) // Там же. С. 234–251; *Каганович Б.С.* Указ. соч. и др.

[14] Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков) (1882–1969) – русский советский писатель, литературный критик, переводчик.

тием со дня рождения, которое состоялось в Отделении истории и философии АН СССР[15]. Восхищение К.И. Чуковского, известного писателя, переводчика и литературоведа, прекрасно знавшего цену слова и образа, вызвало «художническое восприятие былого», присущее Е.В. Тарле.

К.И. Чуковский отметил особый дар этого историка «легко воскрешать в своем воображении любую эпоху», показывать историю «во всей ее живой драматичности – всех ее великих и малых людей». «Люди былых поколений, давно уже закончившие свой жизненный путь, все еще у него перед глазами суетятся, интригуют, страдают, влюбляются, делают карьеру, заискивают», – произнес писатель и сделал ударение на том, что исторические персонажи для Е.В. Тарле – «не марионетки, не призраки, не абстрактные представители тех или иных социальных пластов, а живые люди».

Также К.И. Чуковский подчеркнул, что благодаря художественно-психологическому стилю подачи исторического материала свое восприятие событий и людей прошлого Евгению Викторовичу удавалось передавать читателю. «И он с таким виртуозным искусством, такими горячими свежими красками, в такой динамике страстей и тревог изображает их перед нами в своих книгах, воспроизводя самую сущность их личностей, что и мы начинаем ощущать их живыми людьми», – констатировал писатель.

Природа этого дара Е.В. Тарле была для К.И. Чуковского очевидна: он был не только историком, но и художником[16].

Соединение этих качеств очень рано заявило о себе в творчестве М.В. Нечкиной. Еще в выпускных классах гимназии она, начав серьезно пробовать себя на поэтическом поприще и одновременно мечтая стать «профессором социологии»[17], отстаивала право женщин заниматься писательским ремеслом и развивать их творческие способности.

Убежденность в своем предназначении выкристаллизовывалась, например, в заочной полемике М.В. Нечкиной с сужде-

[15] Вестник Академии наук СССР. 1951. № 1. С. 90.

[16] Цит. по: Е.В. Тарле и К.И. Чуковский. Переписка // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 95–96.

[17] «…И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. С. 71.

ниями В.Г. Белинского[18]. Прочитав его статью «“Жертва”. Литературный эскиз. Соч. г-жи Монборн»[19], она протестует против ничтожной роли, отведенной знаменитым литературным критиком представительницам прекрасной половины человечества.

Не претендуя на сложную систему доказательств, базирующуюся на знании философии, психологии, литературы и прочих областей гуманитарного знания, которого, как она сама признавала, у нее еще недоставало, М.В. Нечкина, отвергая подход В.Г. Белинского, руководствовалась «одним здравым смыслом». Его тезису – «женщина-писательница с талантом жалка»[20] – она противопоставила свой: «Женщина с искрой Божьей не должна ее заглушать в себе, а, напротив, развивать ее для счастья человечества»[21], нисколько не сомневаясь, что она сама станет именно такой женщиной.

Проблема языка и стиля исторических исследований, включения их в перечень обязательных элементов для оценки качества книг по проблемам истории неоднократно поднималась в советской исторической науке. В целом понимание необходимости создания колоритных и, вместе с тем, научных работ осознавалась, как и то, что далеко не всякий историк способен был писать именно на таком уровне.

Вместе с тем высказывались и противоположные мнения о значении художественности в исторических сочинениях. Более того, на всем протяжении открытого и потаенного противостояния историков поколений «старой» и «красной» профессуры образность ткани исторического повествования представителям молодой марксистской генерации часто казалась не только излишней, но и методологически вредной, уводящей от марксизма.

В качестве подтверждения приведем весьма показательные строки из дневника И.И. Минца[22]. Предваряя их, заметим, что

---

[18] «…И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. С. 63.

[19] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953. С. 221–233.

[20] Там же. С. 226.

[21] «…И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. С. 63.

[22] Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – историк. Участник гражданской войны. Окончил ИКП (1926). Профессор ИФЛИ (с 1932 г.). Зав. кафедрой истории СССР МГУ (1942–1949) и МГПИ им. Ленина (1950–1972). Академик АН СССР (1946).

Исаак Израилевич хорошо знал и ценил художественную литературу. Он внимательно следил за появлявшимися новыми произведениями, отдельные места из которых записывал и хранил. 28 августа 1977 г. И.И. Минц рассказал, как искал свою тетрадь с выписками из художественной литературы. «Все перерыл», – подытожил он потраченные усилия, полагая, «труд многих лет работы» пропал. Но, продолжал И.И. Минц, когда «отчаялся и махнул рукой, вдруг увидел тетрадь перед собой на столике в спальне»[23].

Этот крошечный эпизод из жизни историка, находившегося на олимпе советской исторической науки, интересен по целому ряду причин. Во-первых, он отразил его интерес к художественной литературе; во-вторых, показал его устойчивость и долговременность; в-третьих, само место обнаружения заветной тетради говорит о том, что сделанные записи им перечитывались, служили источником для раздумий.

Также надо сказать, что Исаак Израилевич был лично знаком с рядом советских писателей. Ему довелось общаться с М. Горьким[24], он дружил с С.Я. Маршаком[25]. Однако все это вместе взятое не повлияло на его скорее негативное восприятие присутствия художественных образов в исторических исследованиях, которому он, как типичный «красный профессор», отдал неизбежную дань.

Утро 28 ноября 1942 г. застало И.И. Минца возвращавшимся поездом в Москву из Свердловска, где он присутствовал на сессии Академии наук СССР[26]. В пути он читал «Нахимова»[27]. Эта книга Е.В. Тарле была посвящена жизни и деятельности знаменитого русского адмирала П.С. Нахимова – героя Крымской войны и обороны Севастополя, погибшего в 1855 г. на Мамаевом кургане.

---

[23] «Из памяти выплыли воспоминания…» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 444.

[24] Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков) (1868–1936) – русский советский писатель, в советской традиции основоположник социалистического реализма.

[25] Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) – русский советский поэт, переводчик, литературный критик.

[26] В Свердловске (ныне Екатеринбург) в эвакуации находились высшие структуры Академии наук СССР.

[27] *Тарле Е.В.* Нахимов. М., 1940.

Отзыв И.И. Минца о прочитанном был, по существу, отрицательным. Книга, созданная в обстановке все нараставшей военной угрозы и пользовавшаяся заслуженным читательским интересом, страдала, по его мнению, двумя недостатками. Его неприятие вызвали как методология исследования, так и форма изложения материала.

Критически отозвавшись о стиле книги Е.В. Тарле, он высказал сомнения и во владении автором марксизмом, объединив и взаимообусловив оба этих упрека. «Написано в его обычной манере: детали, мелочи, литературные виньетки и украшения, отступления в подробности, но, в общем, не в ладу с Марксом» [28], – считал И.И. Минц.

Более того, он опасался, что художественность и насыщенность разноплановым документальным материалом, которым была полна книга, ее патриотическая направленность могли сформировать у читателя ряд превратных, с позиций историков-марксистов, представлений о характере самой войны и императорской власти. «Можно подумать, – негодовал И.И. Минц, – что Крымская война была справедливой и со стороны Николая Палкина[29]»[30]. В его глазах патриотизм работы Е.В. Тарле не выглядел достаточно «советским», как того требовали партийно-идеологические установки, а обилие фактов объективно провоцировало читателя на домысливание.

Использование художественных образов в советской историографии было, во многом, так же обусловлено личностным фактором. Индивидуальность историка, вне зависимости от его генерационной принадлежности и приверженности какой-либо методологии, во многом определяла стиль и исследовательский почерк ученого.

В октябре 1948 г. в Институте истории АН СССР состоялось обсуждение работы Э.Б. Генкиной[31], посвященной государ-

---

[28] «Из памяти выплыли воспоминания…» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. С. 70.

[29] Николай I Павлович (1896–1855) – император всероссийский (1825–1855).

[30] «Из памяти выплыли воспоминания…» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. С. 70.

[31] Генкина Эсфирь Борисовна (1901–1978) – историк. Окончила Коммунистический университет им. Свердлова и ИКП, там же преподавала (1930). С 1938 г. –

ственной деятельности В.И. Ленина. На этом заседании она пыталась отстоять возможность сохранения в своем тексте фрагментов из воспоминаний А.В. Луначарского, в которых содержалось описание манеры поведения В.И. Ленина во время заседаний Совнаркома.

Ей был высказан упрек, что в погоне за обилием материала она приводила «факты, которые не могут явиться типичными и ни в какой степени не могут характеризовать работу Ленина как председателя Совета народных комиссаров». Особые нарекания вызвало использование образа заразительно смеющегося и подшучивавшего над коллегами В.И. Ленина.

Нисколько не сомневаясь в достоверности этой ленинской черты, один из выступивших на этом заседании, И.А. Хренов[32], полагал, что «для характеристики работы СНК, где присутствует вождь, едва ли стоит указывать, что смех оглашал зал». Свои возражения он подкреплял тем, что этот факт не был типичным и «ни в какой степени не мог характеризовать работу вождя»[33].

Обсуждение работы Э.Б. Генкиной было долгим. Она приняла все замечания и пожелания рецензентов, кроме единственного. «Но одним я не поступлюсь – это ленинским смехом», – сказала она. Удалить из текста образ смеющегося В.И. Ленина было для нее равносильным тому, чтобы «выбросить из работы всю интимную прелесть живой истории»[34].

Вопрос о художественности исторического нарратива поднимался в советской исторической науке неоднократно. В начале 1960-х гг. на волне появившегося в ней в тот период времени сциентизма даже возникла необходимость отстаивать право историков на использование изобразительных средств в изучении прошлого.

в ИФЛИ. Доктор исторических наук (1939). Профессор МГУ (1943–1958), старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

[32] Хренов Иван Александрович (1906–1975) – историк. Окончил МИФЛИ (1938). Участник Великой Отечественной войны. В 1948–1949 гг. – в Институте истории АН СССР. В 1949–1953 гг. – сотрудник ЦК ВКП (б). С 1953 г. работал в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (заместитель директора, директор, старший научный сотрудник).

[33] Архив ИРИ РАН. Д. 388. Л. 77.

[34] Там же. Д. 333. Л. 121.

Осенью 1962 г. М.Н. Тихомиров[35], выступавший поборником исследований, написанных интересно, живым, богатым языком, критически оценил художественные достоинства книг по истории. «Многие исторические труды нашего времени пишутся и небрежно, и невероятно скучно», – утверждал он. Для него было аксиомой, что единство содержания и формы так же обязательно для историка, как и для художника. «Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт», – считал М.Н. Тихомиров. «Историк – это и писатель», – полагал он, уверенный, что при ином отношении к делу историку «нечего браться за свой труд»[36].

Владению словом и литературному мастерству историка М.В. Нечкина, чье «серебряное стило» было высоко ценимо и общепризнано, посвятила специальное, небольшое по объему, но глубокое по содержанию исследование[37].

Ее очень волновала проблема литературного оформления научного труда – проблема, важность которой была для нее очевидной. Между тем, констатировала она, «ею не интересуется ни одна научная дисциплина, ни одна отрасль какой-либо смежной дисциплины»[38]. Милица Васильевна заострила внимание на ряде художественных приемов, применявшихся писателями и историками при создании образов минувших эпох, событий или исторических деятелей, на важности интуиции исследователя в этом процессе.

Она коснулась вопроса об отборе в процессе творчества писателей конкретных признаков и обобщенных понятий, призванных воссоздать в сознании читателя не их простую сумму, а «богатое целое»[39]. Основываясь на анализе произведений классиков русской литературы XIX в., М.В. Нечкина сделала вывод, не менее значимый для исторической науки, чем для литературоведческих специальностей.

---

[35] Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – историк, академик АН СССР (1953). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1917). Профессор МГУ (1939).

[36] Цит. по: *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999. С. 230.

[37] *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

[38] Там же. С. 206.

[39] Там же. С. 9.

Наблюдая, что «самая ткань художественного изложения состоит, как правило, из ритмично построенной цепи простых конкретных констатаций, не часто перемежающихся обобщающими понятиями или даже отдельными фразами чистого рассуждения, сотканного из абстрактных понятий», она выделила главное – способность автора донести до читателя основную мысль своего труда.

Точно такую же проблему решает в своей исследовательской практике историк, подбирая факты для раскрытия избранной им темы. В связи с этим для него весьма значим опыт работы со словом литераторов. В нем сокрыт механизм воздействия литературного произведения на читателя, которое тем сильнее, чем больше свободы оставлено ему писателем.

«Все конкретные слова лежат в русле авторского обобщения, нередко еще не высказанного автором сразу и прямо», – писала М.В. Нечкина. Тем не менее они «ведут читателя к известному выводу, который делает он сам», – отмечала она и констатировала, что «это его работа и его наслаждение»[40].

Конечно, специфика научного и литературного труда вносит свои коррективы. Работы историков должны отвечать критерию научности, что предполагает совершенно иную степень доказательности, определенность и даже дидактичность сделанных выводов. Однако анализ и использование опыта литературной интерпретации факта для историков также небесполезен.

Не подлежит сомнению, что арсенал изобразительных средств исследователя напрямую зависит от его эрудиции, степени знакомства с мировым и отечественным искусством, умения вплетать свои художественные впечатления в ткань научного повествования. М.В. Нечкина подчеркивала, что «литература, музыка, живопись, скульптура, театр, кино создают неизмеримое, совершенно изумительное расширение личного жизненного опыта»[41].

Возможность аккумулировать знания человечества, воплотившиеся в различных видах литературы и искусства, опосредованно сказывалась на характере исследовательской деятельности историков. Она отражалась в содержании их работ, прежде всего в постановке целого круга проблем – психологических и нравст-

[40] *Нечкина М.В.* Указ. соч. С. 21.
[41] Там же. С. 19.

венных. Исследования, выходившие из-под пера историков, обладавших широким художественным кругозором, часто создавались на стыке с другими гуманитарными дисциплинами и обладали бóльшим воздействием на читателя, как профессионала, так и любителя.

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005.

2. Архив ИРИ РАН. Д. 333.

3. Архив ИРИ РАН. Д. 388.

4. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953.

5. *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011.

6. *Горяинов А.Н., Ратобыльская А.В.* Дмитрий Николаевич Егоров // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004.

7. Е.В. Тарле и К.И. Чуковский. Переписка // Вопросы истории. 2006. № 1.

8. *Зайцев А.Д.* Литература и история: [Рец. на: Нечкина М.В. Декабристы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982] // Литература в школе. 1983. № 6. С. 64–66.

9. «…И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013.

10. «Из памяти выплыли воспоминания…» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007.

11. *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

12. *Манфред А.З.* Милица Васильевна Нечкина – мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 22–28.

13. *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

14. *Поляков Ю.А.* Вечера у академика Тихомирова // Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999.

15. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999.

16. *Поляков Ю.А.* Серебряное стило М. Нечкиной (О литературном мастерстве историка) // Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999. С. 234–251.

17. *Тарле Е.В.* Нахимов. М., 1940.

Т.Н. Попова

Личность и творчество: фрагменты персональной истории профессора Новороссийского университета А.И. Маркевича

Представлено исследование личности и судьбы профессора Новороссийского университета Алексея Ивановича Маркевича (1847–1903). Авторский интерес направлен на «повороты» и «вызовы» судьбы, повлиявшие в той или иной мере на формирование личности, характер индивидуального почерка, доминантную тематику исследований и репутацию в науке.

Ключевые слова: личность, творчество, характер, персональная история, университет, историография, культурный код нации, первичная этничность, ситуационная этничность, научная репутация, научное наследие.

T.N. Popova

Personality and creativity: fragments of personal history professor Novorossiysk University A.I. Markiewicz

The article investigates the identity and fate of Novorossiysk University Professor Alexei Ivanovich Markiewicz (1847–1903). Author's interest is directed to «turn» and «challenges» of fate, influenced in one way or another in the formation of the personality, the character of individual style, the dominant themes of research and reputation in science.

Key words: personality, creativity, character, personal history, university, historiography, cultural code of the nation, ethnicity, primary, situational ethnicity, academic reputation, scientific heritage.

Новороссийский университет, считавшийся провинциальным на фоне столичных – Петербургского и Московского, – со дня своего основания и до времени упразднения (1865–1920) тем не менее пополнил историографический пантеон учеными разного «калибра». Одни стали «классиками» еще при жизни и оставались таковыми в последующей литературной традиции (Ф.И. Успен-

ский, Р.Ю. Виппер, Э.Р. Штерн); другие, малоизвестные в пору своего бытия, вдруг ворвались в мировое научное пространство в последние лет тридцать, заявив о своей принадлежности к великому наследию прошлого (П.М. Бицилли); третьи, весьма почитаемые современниками, позднее канули в реку забвения либо претерпели метаморфозы своего образа в интерпретациях разных эпох (И.А. Линниченко, Е.Н. Щепкин); четвертые, не столь известные при жизни, были незаслуженно забыты практически до сего дня (В.Э. Крусман); пятые, рядовые на поприще исторической науки, прошли серой тенью, подчас с клеймом «посредственности», через все времена (Е.П. Трифильев)[1]. Конечно, это разделение весьма условно, и трудно определиться с «нишами» для всех, кто служил в Новороссийском университете.

Фокус нашего интереса направлен на «повороты» и «вызовы» судьбы, повлиявшие в той или иной мере на формирование личности, проекция которой на творчество конкретного ученого обусловила и характер индивидуального почерка, и доминантную тематику исследований, и репутацию в науке – прижизненную и «в скрижалях» истории.

«Герой» этой биоисториографической анатомии – профессор Новороссийского университета Алексей Иванович Маркевич (1847–1903), представлявший 15 лет кафедру русской истории историко-филологического факультета и прошедший путь от приват-доцента (1880) до ординарного профессора (1893).

Образ А.И. Маркевича в глазах современников

24 декабря 1895 А.И. Маркевич (далее – А.И.) был уволен «от службы согласно прошению»[2]. Этот официозно-фразеологический камуфляж скрывал истинную причину отставки: возбуждение криминально-политического дела. А.И. обвинили в «неблагонадежности» и нарушении таможенных норм: ученый провез из Австро-Венгрии в Российскую империю нелегальную литерату-

[1] Історія Одеського університету (1865–2000) / гол. ред. В.А. Сминтина. Одеса, 2000; Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т. 1–4. Одеса, 2000; Одеські історики. Т. 1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009 и др.

[2] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 8. Д. 16. Л. 4–6, 68–71, 131–133; Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 77–77 об.

ру, а позже, в процессе прокурорского дознания, в его обширной домашней библиотеке были обнаружены книги и журналы, запрещенные цензурой. А.И. грозил арест, но вмешательство высокопоставленных родственников и друзей привело к тому, что «дело замяли». Мало того, А.И. была назначена пенсия в размере оклада ординарного профессора и предоставлено право ношения соответствующего мундира. Однако в главном, что составляло призвание этого человека, А.И. было отказано: ученый навсегда лишался возможности преподавать в университете[3].

Трагический «эпизод» в судьбе А.И., приведший к его отставке из Новороссийского университета, существенно не повлиял на его научную репутацию и положение в научном сообществе. А.И. оставался действительным членом многих научных обществ: Одесского общества истории и древностей, Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, Общества Нестора-летописца при Университете св. Владимира, Научного общества имени Т.Г. Шевченко, Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии и др.; действительным членом архивных ученых комиссий – Таврической, Нижегородской, Костромской, Воронежской; участником X съезда русских естествоиспытателей и врачей (Киев, 1898); постоянно публиковался в журналах «Киевская старина», изданиях научных обществ, в «Журнале министерства народного просвещения» и проч. Особое место в деятельности А.И. занимали археологические съезды: он был участником II–IV (Санкт-Петербург, 1871; Киев, 1874; Казань, 1877) и VI–XII (Одесса, 1884; Ярославль, 1887; Москва, 1890; Вильно, 1893; Рига, 1896; Киев, 1899; Харьков, 1902) съездов, представляя на них Новороссийский университет, Одесское общество истории и древностей, Таврическую архивную комиссию. В постуниверситетский период А.И. избирают действительным членом Императорского Русского археологического общества (1896), Екатеринославской губернской архивной комиссии (1903), отмечая «великие заслуги в деле изучения Южной России»[4]; более 200 его работ появляются в центральных и региональных изданиях.

---

[3] ГАОО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 17. Л. 42–43, 77; Д. 133. Л. 1–1 об.
[4] ГАОО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 125. Л. 11–12, 16.

Невероятную активность в последние годы жизни приобретает просветительская деятельность ученого. По отзывам современников, мало кто из известных ораторов в Одессе мог сравниться с А.И. в лекторском мастерстве[5]. В глазах своих почитателей А.И. был не просто профессор-лектор, но «целый подвижной университет»[6]: «…огромная память, большая эрудиция, находчивость в подыскании предмета, живость и подчас остроумное изложение – таковы были свойства его таланта, привлекавшие слушателей»[7].

Одновременно А.И. состоял на государственной службе: по Императорскому Человеколюбивому обществу в звании почетного попечителя Одесского женского благотворительного общества и по министерству юстиции в звании почетного мирового судьи г. Одессы; получил чин действительного статского советника (равный по званию генерал-майору); активно работал в Одесском биржевом комитете, был секретарем ревизионной комиссии по богоугодным заведениям Херсонского губернского земства, председателем Комиссии по переработке устава Одесского городского педагогического музея, занимался организацией архивных учреждений в Одессе и проч.

Современники, друзья и коллеги А.И. единодушно отмечали его плодотворную работу в различных обществах и организациях. Ярким показателем того авторитета, который заслужил ученый своей научной и общественной деятельностью, стала церемония его похорон 7 июня 1903 г. Телеграммы и письма с выражением соболезнования поступили от российских и украинских научных обществ, университетов, ведущих представителей исторической науки: П.С. Уваровой, В.С. Иконникова, М.С. Грушевского, С.И. Иловайского и проч.; венки возложили А.Л. Бертье-Делагард, Э.Р. фон-Штерн, Л.Н. Рубинштейн (известный одесский адвокат, из семьи которого вышли четыре доктора наук, в том числе С.Л. Рубинштейн и Н.Л. Рубинштейн) и др. А.И. хоронила вся

---

[5] *Дорошевич В.М.* Собрание сочинений. Т. 4. Литераторы и общественные деятели. М., 1905. С. 97.

[6] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904. С. 20–21.

[7] *Афанасьев Г.* На могилу А.И. Маркевича // Одесский листок. 1903. 10 июня.

Одесса без разделения на национальности и социальный статус: представители городских властей, общественных организаций, учебных заведений, ученые, коллеги, студенты, рабочие одесских железнодорожных мастерских траурной колонной прошли по улицам города. Многочисленные некрологи свидетельствовали о высокой оценке, которую давали А.И. как ученому, педагогу, общественному деятелю и человеку: «замечательный знаток русской истории», «усердный работник на почве народного просвещения», «великолепный лектор»[8].

Даже с учетом «некрологической панегирики», следует признать, что А.И. оставил достаточно объемное научное наследие. С 1874 по 1903 г. – практически за 30 лет – им было опубликовано около 400 работ[9], из них 6 монографий (включая курсы лекций) и свыше 20 крупных исследований. Условно весь период публикаторской деятельности можно разделить на «предуниверситетский» (1874–1879), «университетский» (1880–1895) и «постуниверситетский» (1896–1903). Наиболее плодотворным стал университетский период, за эти годы вышло 160 работ, из них 4 монографии – «О летописях» (1883), «История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв.» (1888), «Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки» (1890), «Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII в.» (1895) – и 16 крупных исследований – «О русских летописях», выпуск 2

---

[8] Некрологические заметки // Отчет Императорского Новороссийского университета за 1903 год. Одесса, 1904. С. 13; *Иловайский С.* Маркевич А.И.: Некролог // Записки Крымского горного клуба. 1903. № 7. С. 3–7; *Рудаков В.Е.* Ал.Ив. Маркевич: некролог // Исторический вестник. 1903. Т. 93, сентябрь. С. 964–970; Похороны А.И. Маркевича // Одесские новости. 1903. 8 июня; Алексей Иванович Маркевич // Южное обозрение. 1903. 6 июля и др.

[9] Библиографический указатель, посвященный А.И. Маркевичу, включает 408 позиций. Однако следует учитывать два обстоятельства: по мнению авторов, данный указатель нельзя считать исчерпывающе полным, возможна вероятность обнаружения новых публикаций А.И., в первую очередь – его публичных выступлений и статей в прессе; цифра 408 означает лишь количество публикаций, но не наименований работ, которые часто выходили в разных изданиях повторно. См.: Маркевич Алексей Иванович (1847–1903): биобиблиографический указатель / сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; науч. ред., автор вступ. ст. Т.Н. Попова. Одесса, 1997.

(1885), «Марковичи» (1890), «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» (1891), «Описание актов, принадлежащих гр. М.М. Толстому» (1891), «Торговля и промышленность» (1894), «Город Качибей или Гаджибей – предшественник Одессы» (1894) и др.

Однако в отличие от корифеев историографии XIX в. А.И. не создал многотомных сочинений концептуально-значимого характера. В его творчестве доминировали так называемые «малые формы»: популярные лекции, речи, рецензии, воспоминания, разведки, заметки, публикации и проч. По дисциплинарно-проблемному принципу в исследованиях А.И. можно выделить несколько срезов: всеобщая история, история России, история славян, история Украины, история Одессы и Новороссийского края и др. – первый; историография и источниковедение, биографистика и библиография, археография, этнография, генеалогия, дипломатика, историческая география и др. – второй; история образования и научных учреждений, история украинской и русской литературы, история казачества, экономическая история и проч. – третий и отнюдь не последний срез его деятельности на поприще исторической науки. Это многообразие жанров и тематики – достоинство, свидетельствующее о широте творческого диапазона ученого, и одновременно его уязвимость.

Практически все близкие А.И. люди отмечали его невероятную одаренность: огромную работоспособность, исключительную память, широчайшую эрудицию, быстроту реакции, способность одновременно заниматься разными видами деятельности, ораторское искусство, оригинальность и искрометность суждений. Г.Е. Афанасьев, коллега А.И. по университету, известный специалист по истории Франции XVIII в., вспоминал: «На моих глазах он написал доклад в 20 страниц, в котором нужно было обдумывать каждое слово, продолжая разговаривать со мной и слушать музыку жены»[10].

Жизненная наполненность А.И., доброта, безотказность в просьбах кому бы то ни было («Слабость проклятая – неумение отказывать», – говорил он сам о себе с обычным добродушным юмором), привычка скрупулезно относиться к своим многочисленным общественным обязанностям бесспорно отвлекали его от научной

---

[10] ГАОО. Ф. 157. Оп. 1 . Д. 108. Л. 6–6 об.

работы, которая требовала самоотверженности и самоотдачи. А.И. напоминал сторуких языческих божков, пытаясь вместить в краткий отрезок человеческой жизни безмерность своих интересов. Возможно, именно поэтому его деятельность во всех сферах – научной и общественной – отличалась, как очень точно заметил друг и коллега А.И., профессор Новороссийского университета И.А. Линниченко, в большей степени экстенсивным характером, ей недоставало глубины и основательности[11].

Сам А.И. со свойственной ему скромностью и критичностью в оценке собственных знаний и трудов признавался в том, что в его сочинениях «мало школы». Его работам действительно недоставало системности и «академической шлифовки», завершенности форм и мыслей. И если в лекциях – в разговорной речи – «шероховатость» изложения компенсировалась ораторским даром, то в печатных трудах этот недостаток приводил к тому, что практически все рецензенты и критики называли «многословностью» и «неудобочитаемостью». Наиболее значительные труды А.И. – его монографии по истории и историографии местничества, которые стали основой магистерской и докторской диссертаций, – имели значительный объем даже по канонам историописания XIX в. Рецензенты ведущих исследований А.И. упрекали его в том, что текст более напоминает черновой вариант, нежели завершенное научное сочинение[12].

Несмотря на весьма жесткую оценку монографий А.И., его репутация в научном мире была достаточно высокой. Об этом свидетельствует хотя бы факт переписки С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. С.Ф. Платонов, человек закрытый, сдержанно и даже с определенным скепсисом относившийся к импульсивности и сверхобщительности А.И.[13], тем не менее в письме к П.Н. Милюкову (от 24 января 1891 г.; А.И. в это время еще не был ординарным

---

[11] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914. С. 222.

[12] Критическое обозрение. 1879. № 21. С. 24–29; Историческая библиотека. 1880. № 1. С. 6–8; Киевская старина. 1883. Т. 6. № 8. С. 745, 748; Русская мысль. 1888, июль. С. 337–339.

[13] Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. проф. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 238.

профессором, хотя защитил докторскую диссертацию) пишет: «Сообщу Вам по секрету: А.И. Маркевич <…> не усомнился бы сделать попытку признать Вашу работу докторской, если бы она была подана в Одессу»[14]. Ответ П.Н. Милюкова: «Очень мне было лестно прочитать в Вашем письме, что <…> Маркевич готов сделать меня доктором…»[15] Речь шла об известных претензиях П.Н. Милюкова придать его магистерской диссертации статус докторской. И хотя легкая ирония присутствует у обоих историков, фигура А.И. признается вполне авторитетной для научной оценки.

Коллеги по ученому цеху дарили А.И. свои работы, и его рецензии (около 50) публиковались в престижных научных изданиях. Среди авторов книг, на которые давал рецензии А.И. Маркевич, – его учителя, известные российские и украинские ученые: Ф.И. Леонтович, Ф.И. Успенский, М.Г. Попруженко, В.Г. Васильевский, В.Г. Дружинин, И.А. Шляпкин, А.М. Лазаревский, Арс.И. Маркевич, В.П. Горленко, Н.Н. Оглоблин, Н.Д. Чечулин и многие другие.

Бесспорно, и М.С. Грушевский, упрекавший А.И. за множество «дрібниць» (мелочей), и И.А. Линниченко, считавший, что А.И. в исторической науке взял на себя роль «только рассказчика и библиографа», по-своему были правы. Публичные выступления были формой проявления богатой творческой натуры А.И. – формой его любви к людям, к общению. «Популяризатор в душе», А.И. стремился к народной аудитории, «…просвещение широких масс манило его»[16], – отмечал Г.Е. Афанасьев. Обладая прекрасной памятью, невероятной эрудицией, ораторским даром, А.И. Маркевич мог практически без подготовки прочесть лекцию на любую тему из области истории и литературы. Его успеху у слушателей способствовали и внешние данные: массивная фигура (уже с молодых лет), крутой, высокий лоб, роскошная шевелюра, громкий отчетливый голос, эмоциональная, свободная речь. Живость, остроумие и доброжелательность в общении привлекали к нему

---

[14] Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). С. 244.
[15] Там же. С. 90.
[16] ГАОО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 108. Л. 6 об.

обожавших его слушателей и завораживали любую аудиторию[17]. «Редкий библиофил, обладавший громадной памятью, – писал об А.И. его однофамилец и друг – Арсений Иванович Маркевич, глава Таврической ученой архивной комиссии (с 1908 г.), – он представлял неисчерпаемый источник сведений, указаний, которыми… охотно делился со всеми»[18].

Судьба и личность

А.И. – человек общительный, с живым темпераментом, высоким жизненным тонусом и одновременно отличающийся добросердечием и мягкостью (натура, безусловно, более склонная к экстраверсии, напоминающая гипертимно-эмотивный тип по К. Леонгарду), получил, вероятно, многие из этих черт «по наследству».

А.И., малороссиянин по паспорту, из старинного рода Марковичей-Маркевичей, прилуцкой его ветви. Среди представителей этого знаменитого шляхетского фамильного клана много ярких, незаурядных личностей, известных своей деятельностью на государственном, общественном, научном и культурном поприще. А.И. гордился своими предками и создал собственную версию истории рода[19].

Истоки формирования личности А.И., конечно, в детстве. Его отец – Иван Петрович (1819–1854), корнет в отставке, служивший в знаменитом Ахтырском гусарском полку и обладавший, вероятно, достаточно пылкой натурой, в значительной в мере расстроил родовое имущество. Однако детство А.И. – обычного барчука из семьи мелкопоместного украинского дворянства – прошло в родовом имении в селе Смоши Прилуцкого района Полтавской губернии. Жизнь была размеренной, всей семьей ездили в гости, в имения к соседям и родственникам; рядом, в селе Туровка, проживал Н.А. Маркевич, известный историк, с которым отец А.И. был в дружеских отношениях[20]. Работая в конце своей жизни над биографией Н.И. Костомарова и описывая обстановку, в

---

[17] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. С. 3–4, 8–10.

[18] *Маркевич Арс.И.* Памяти А.И. Маркевича // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1903. № 35. С. 27.

[19] *Маркевич А.И.* Марковичи. Киев, 1890. 55 с.

[20] ГАОО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–23.

которой прошли детские годы будущего ученого (воспитание на природе в соответствии с заповедями Ж.-Ж. Руссо), А.И, возможно, вспоминал и свое детство.

Первоначальное образование А.И. получил домашнее: грамматика и русская литература, математика, история, французский язык. Первыми книгами (А.И. отличался ранним развитием и начал осваивать грамоту с трех лет) стали французские романы, в частности сочинения Поль-де-Кока (1794–1871), которые были известны во всей Европе и многократно переводились на русский язык. Наряду с ними маленький Маркевич читал произведения Н.И. Костомарова. В семье любили русскую поэзию: отрывки из поэм и стихов Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, К.Ф. Рылеева (поэма «Наливайко») и др. сохранились в детских тетрадях младшего поколения Маркевичей. Судя по этим фактам, особой системы в подборе литературы для чтения не было, хотя нельзя не признать, что с малых лет А.И. был знаком с лучшими поэтическими образцами русской литературы первой половины XIX в. Поэзия Дениса Давыдова, вероятно, имела и культовое значение, напоминая о принадлежности главы семейства к легендарному Ахтырскому полку. История «по-Костомарову» не могла не впечатлить маленького Маркевича.

Детский, отроческий и юношеский периоды в жизни А.И. можно условно определить по географическому принципу – месту пребывания нашего героя: «смошинский», «киевский» и «московский». Первый удар судьбы А.И. испытал в раннем детстве: в семь лет он остался круглым сиротой. Детская идиллия в «смошинские годы» сменилась «годами странствий». Ранние гимназические годы (середина – вторая половина 1850-х гг.) прошли в Киеве[21], однако, не завершив гимназический курс, А.И. подался в Москву. Детство и отрочество закончились слишком рано, еще не сформировавшимся юношей – беззащитным и материально не обеспеченным – А.И. вынужден был сам пробивать себе путь, вкусив все тяготы «хождения по мукам». «Московская юность» была насыщена поисками работы: приказчик перчаточного магазина, репетитор, актер. Богемная жизнь втянула в себя молодого чело-

[21] *Маркевич А.И.* Несколько слов о Н.Д. Богатинове // Русский архив. 1899. Кн. 4. Вып. 12. С. 567–569.

века, и только большие способности и исключительная «жизненная сила» способствовали тому, что период «бури и натиска» в жизни А.И. не привел к печальному исходу. Возможно, тяга к образованию сыграла свою положительную роль: А.И. стал слушателем разных курсов, учился в школе межевых топографов Константиновского межевого института (1861) и, наконец, оказался вольнослушателем физико-математического факультета Московского университета.

«Образовательный период» будущего профессора Новороссийского университета пришелся на 1860-е гг. – время бурное, неоднозначное. Вращаясь в радикальной московской студенческой среде, А.И. пытался следовать ее канонам. Подчас эти «каноны» приходили в противоречие с его личностными качествами и пристрастиями, и сквозь флер юношеского самообмана высвечивались сложные конфигурации его исканий. Столичное студенчество признавало «настоящими науками» только естественные, но А.И. тянет к гуманитарным наукам: он начинает посещать лекции профессоров-историков, в том числе С.М. Соловьева. Презрение к метафизике и почитание принципов Огюста Конта способствовало тому, что раннее увлечение позитивизмом наложило свой отпечаток на последующее научное творчество А.И., но отнюдь не умалило его интереса к иным философским системам. Чтение художественной литературы считалось у студентов «бездельем», однако доскональное знание романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» было долгом каждого «мыслящего реалиста». А.И. безумно любил читать и поглощал все, что попадалось в руки, но его юношеское мировоззрение формировал «Современник». Н.А. Некрасов навсегда остался любимым писателем, а критерием оценки всех литературных произведений для него стала категория «общественной пользы».

Очередной перелом в судьбе А.И. произошел в преддверии его двадцатилетия: он оставляет Москву и возвращается в места своего детства. К этому времени (1866–1867 гг.) определилось его материальное положение: А.И. получил наследство и благодаря обширным родственным связям в родных местах сразу же вошел в круг «золотой молодежи» провинциального высшего общества. Став завсегдатаем балов, «прожигая жизнь» на увеселениях, «мо-

таясь» на тройках по имениям местных помещиков, он все же не забывал о своем стремлении получить образование[22].

Выбор был сделан в пользу Юридического лицея князя Безбородко в Нежине[23], ставшего «прибежищем» молодых дворян Полтавщины. Именно здесь А.И. встретил своих первых наставников и учителей. Среди них – Н.Г. Александрович, бывший магистр Московской духовной академии, преподавал в лицее латынь и заведовал библиотекой. Человек безупречной репутации, он стал бесплатно давать частные уроки А.И. и помог ему подготовиться для поступления. Позже Н.Г. Александрович приобщал уже лицеиста-Маркевича к чтению новейшей литературы, обсуждал с ним проблемы современной жизни, дарил редкие книги, которые в то время нельзя было приобрести в довольно «глухом» Нежине[24].

Путь в историческую науку открыл А.И. Иван Васильевич Лашнюков (1823–1869), предложивший любознательному юноше для специальных занятий эпоху Российского централизованного государства; вскоре между учителем и учеником установились дружеские отношения. М.В. Нечкина проницательно заметила, что именно студенческие годы являются важным этапом в формировании ученого: определяется любимая отрасль избранной специальности, рождается первая тема[25]. В полной мере эта мысль справедлива и в отношении А.И.: на всю жизнь история России XV–XVII вв. станет объектом серьезных исследований А.И., история – осознанно избранной специальностью, а историография – любимой областью творчества.

Влияние И.В. Лашнюкова на А.И. оказалось сильным и долгосрочным, но не продолжительным по времени личных контактов: уехав преподавать в Университет св. Владимира, И.В. Лашнюков вскоре скончался. А.И. оставил лицей и поехал в Одессу. Вы-

---

[22] Одесские новости. 1895. 25 декабря. № 3501; *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. С. 11–12.

[23] Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881; Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900.

[24] Одесские новости. 1896. 29 февраля. № 3561 .

[25] *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 84.

бор Одессы и Новороссийского университета ознаменовал новый этап в жизни А.И., который принес ему и новый «вызов» судьбы: согласно правилам приема в Императорский Новороссийский университет, он не мог стать ни студентом, ни вольнослушателем, так как не имел диплома об окончании классической гимназии и не завершил полный курс лицея.

Так же как в Нежине, жизнь подарила А.И. в Одессе много судьбоносных встреч. Среди них встреча и последующая затем дружба на всю жизнь с В.С. Иконниковым, сыгравшим значительную роль в научном восхождении А.И.; удачный брак с Л.С. Москалевой, ставшей верной соратницей мужу; патронат профессора А.М. Богдановского (бывшего директора Ришельевского лицея, с 1865 г. – проректора университета) и др. Благодаря А.М. Богдановскому А.И. получил возможность заниматься в университете «частным образом», «вне всяких формальностей»[26]. За полтора года А.И. «прошел» четырехлетний университетский курс, выдержав одновременно дополнительный экзамен в Ришельевской гимназии, и в декабре 1869 г. получил диплом кандидата «по разряду исторических наук» в качестве вольнослушателя[27].

Итак, в 22 года А.И. стал обладателем университетского диплома, но весь его «образовательный период» оказался весьма дискретным: классическая гимназия (Киев) – школа межевых топографов Межевого института (Москва) – университет (Москва) – лицей (Нежин) – университет (Одесса). Все эти многочисленные «образовательные ступени» не дали А.И. завершенного, системного знания. Несмотря на его безусловную одаренность и невероятную эрудицию, определенная профессиональная поверхностность, отсутствие «ученой дисциплины ума»[28], синдром infarinato

[26] Краткий отчет Императорского Новороссийского университета в 1868/69 академическом году. Одесса, 1869. С. 7; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. С. 182–183, 659–660; *Маркевич А.И.* А.М. Богдановский [Некролог] // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. С. 8–10; *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания. С. 225.

[27] Протоколы заседания Совета Императорского Новороссийского университета. 1869. 23 декабря. [Одесса, 1869]. С. 170–171; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. С. 182–183, LXXVIII.

[28] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания. С. 225–226.

(по Стендалю) были характерны для А.М. как исследователя на протяжении всей научной деятельности.

Этому способствовали и обстоятельства «вхождения» А.И. в университетскую корпорацию: «научная судьба» А.И. не вписывалась в традиционный канон. Обычно этап формирования («профессорский стипендиат», подготовка диссертации, защита), сменялся этапом «продуктивным», на котором университетский преподаватель еще молод, но уже не homo novus в синклите ученых[29]. А.И. «профессорским стипендиатом» не был, готовил диссертацию фактически самостоятельно. «Заочник» (по современной терминологии) в Новороссийском университете, причем по «ускоренной программе», он остался «заочником» и на этапе «формирования университетского ученого»: приват-доцентом университета А.И. стал в 1880 г. по собственному прошению (а не по приглашению факультета) после защиты магистерской диссертации (в 1879 г. в Киевском университете при поддержке В.С. Иконникова) и, будучи человеком уже достаточно зрелым, в университетской жизни оставался homo novus. События 1884 г., позволившие министру народного просвещения графу И.Д. Делянову назвать А.И. «человеком смуты»[30], в еще большей мере способствовали потере твердых позиций в университетском сообществе.

Возможно, активная общественная деятельность А.И. после событий 1884 г. (секретарь Одесского биржевого комитета (1886), секретарь Одесского комитета торговли и мануфактур (1886), действительный член Одесского Славянского общества св. Кирилла и Мефодия (1887), действительный член Одесского общества истории и древностей (1887) и др.), стремление как можно быстрее

---

[29] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания // Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 306–348; Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). С. 21–22.

[30] В январе 1884 г., на подъеме своей академической карьеры, А.И. был обвинен в том, что при чтении лекций об эпохе Александра I непочтительно отзывался об особе императора: рассказывал о нем анекдоты, правомерно расценивая их в качестве исторических источников. Служебное расследование длилось до сентября 1884 г.: А.И. получил серьезное предупреждение, еще на пять лет был оставлен приват-доцентом и не произведен в соответствующий чин в очередной срок, а его учебная деятельность была взята под особый контроль со стороны администрации университета; фигура А.И. стала объектом «негласного надзора» полиции.

защитить докторскую диссертацию (1888) объяснялись желанием утвердить свой авторитет, компенсировать неудовлетворенность своим положением на факультете. А.И. жаловался И.А. Линниченко (вероятно, в конце 1884 или в начале 1885 г.), «что при теперешнем отношении к нему факультета ему трудно надеяться на кафедру…»[31]. Однако события 1884 г. и их последствия не сделали А.И. более осмотрительным: «сюжет с анекдотом» привел к «сюжету с контрабандой» в 1895 г.

«Всеядность жизни» (И.А. Линниченко), открытость для всего нового, нашли свое выражение в описи литературы, изъятой в 1895 г. на границе Австро-Венгрии и России, и в описи книг, найденных позже при обыске личной библиотеки А.И. в Одессе (к 1903 г. она состояла из 15–16 тысяч томов, включавших 5 000 наименований, в том числе 300 – на украинском языке). Диапазон интересов историка был невероятно широк: среди «запрещенной» литературы были сочинения А.И. Герцена, М.П. Драгоманова, П.А. Кулиша, Ф. Лассаля, И.С. Нечуй-Левицкого, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, С.М. Степняка-Кравчинского, А.К. Толстого, П.Я. Чаадаева, Н.Г. Чернышевского, Т.Г. Шевченко; Веры Засулич, Софьи Ковалевской; альманах «Русалка Днестровская», брошюра «Правда о кончине Александра II»; газеты «Народное дело», «Свободная Россия», «Колокол», «Социалист», «Календарь Народной Воли» (1883) и мн. др. Все оппозиционные направления – от крайне революционных до умеренно-либеральных – социально и национально ориентированные, были в сфере внимания ученого.

Пытаясь понять сущность этого человека, не стоит забывать о том факте, что его мировоззрение и личностный стержень во многом сформировались в эпоху революционной ситуации в России середины XIX в.: А.И. – «воспитанник 60-х годов». «Народность» – главный идеал А.И. Обращение к идее народности было знаковой чертой общественной жизни и историографии 1860–1870-х гг. Реформирование общероссийской действительности как бы вынесло народ на ее авансцену и буквально «заставило» либерально и демократически настроенных ученых-историков обратиться к образу народа, к поиску именно в истории народа

[31] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания. С. 217–218.

объяснения всех противоречий исторического процесса. П.Н. Милюков, оценивая позже ситуацию, сложившуюся в исторической науке 1860-х гг., тонко заметил: «В поклонении “народности” сходятся Костомаров и Буслаев, Щапов и Бестужев-Рюмин, Забелин, Афанасьев… Бросить мертвый механизм бездушных юридических форм, обратиться к живому материалу, наполняющему формы, – таков общий лозунг в эти годы»[32]. В этот своеобразный «историографический феномен», не вполне и поныне осмысленный[33], органично вписался А.И., находившийся в период «пика» данной социокультурной и историографической ситуации в Москве, – по сути, в центре событий, в жадно впитывающем все новое студенческом мире. Калейдоскоп событий, вплетенных в личную историю А.И., наложил свой отпечаток на его идеалы, проекцию которых можно найти и в тематических пристрастиях, и в теоретических выкладках, и в образе жизни: «публичной», с бесчисленными обязанностями, с бессчетным количеством прочитанных для «широкой аудитории» лекций – все это составляло смысл жизни А.И., убежденного просветителя, видевшего именно в такой деятельности свою гражданскую миссию ученого по отношению к обществу и к своему народу.

Можно сказать, что А.И. старался придерживаться либеральной позиции: его общественный статус, желание сделать академическую карьеру и заниматься любимым делом – изучать и преподавать историю – детерминировали его роль либерала-просветителя. Эта позиция была обусловлена и его личностными качествами: миролюбивый и благодушный человек, он с одинаковым уважением и сердечностью относился к людям, полярным по своим научным и политическим взглядам, не любил конфликтов и стремился везде и всюду вносить «мир и лад». М.С. Грушевский и И.А. Линниченко – фигуры, оппозиционно настроенные по отношению друг к другу, – в одинаковой мере были близки А.И., для которого была свойственна широта взглядов. Являясь одним из провозвестников новых тенденций в общественной и научной

---

[32] *Милюков П.Н.* В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 198.

[33] *Сахаров А.Н.* Иван Егорович Забелин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 71.

жизни, он намного опережал свое время – монометодологичное по стилю научного мышления и крайне конфронтационное по социально-политическим и национальным платформам. По своим убеждениям А.И. органично входил в тот круг радикальной университетской профессуры последней трети XIX – начала XX в., для которой было характерно стремление к реализации широких культурно-просветительских программ, но чья конкретная деятельность в своем предназначении – быть интеллектуальным рупором эпохи – неизбежно приводила ее в стан «опальной профессуры». А.И. трудно назвать революционером. Он был вполне добропорядочным «подданным». Но его «благонадежность» часто давала «сбои», балансируя на грани дозволенного, и тогда «смута» вырывалась наружу, доставляя неприятности, подрывая карьеру, но создавая Судьбу.

Личность – творчество – научная репутация

Оценки научного наследия А.И. его современниками и друзьями достаточны скромны. М.С. Грушевский разделил научные интересы А.И. на так называемую «официальную специальность», которая спроецировалась на тему «Московщина XVII в.» и «личные, субъективные, неофициальные интересы» – прошлое Одессы и ее окрестностей, история украинских дворянских родов, история российской и украинской литературы[34]. Отмечая ценность многих работ А.И., М.С. Грушевский тем не менее поставил под сомнение долгосрочность «следа» ученого в науке[35].

Однако следует учитывать тот факт, что критерии любой оценки весьма «подвижны» и относительны, они зависят от выбора «концепта». М.С. Грушевский «оценивал» творчество А.И. в первую очередь по степени принадлежности последнего к украинской идее. Фигура А.И. интересовала М.С. Грушевского в качестве типичного репрезентанта генерации украинцев по происхождению и украинофилов по убеждениям. Анализируя личность и творчество А.И., М.С. Грушевский исходил из определения по-

[34] *Грушевський М.* Памяти Олексія Маркевича // Записки Наукового Товариства імени Шевченка. 1903. Т. LV. Кн. V. С. 5.

[35] Там же. С. 6–7.

следнего как типичного представителя «родовитої задніпрянської шляхти», которому были свойственны все характерные черты этого слоя украинской интеллектуальной элиты[36]. Отсюда и вывод – о «поверхностном», «неглубоком» украинофильстве: А.И. так и не «заговорил» на украинском языке, хотя был украинцем «родом» (и по паспорту – «малороссиянином»); проблематика наиболее крупных его трудов – далека от истории Украины. М.С. Грушевский почти обвиняет А.И. – «українофіла поглядами» – за то, что «він вибрав для своїх спеціяльних праць таку безмірну далеку, абсолютно для України чужу тему, як родові рахунки московського боярства, хоч міг би, розуміється, вибрати теми дуже живі й для Українця близькі»[37].

Несмотря на эту «филиппику», А.И. прекрасно понимал значение украинистики. В своих публикациях на страницах «Киевской старины» и в других изданиях он обращал внимание на то, «как серьезна, как тщательна работа малороссов за пределами России», без результатов которой, без того «обширного научного материала, какой разработан в Галиции», немыслимо изучение российскими учеными «южно-русской истории»[38]. Но его очень беспокоили внутренние разногласия между учеными, представителями разных регионов украинских земель – Галиции, Буковины и Украины (имея в виду под последним названием территорию, по выражению М.С. Грушевского, «російської України»). Эти разногласия, по мнению А.И., оказывали негативное воздействие на развитие науки, мешали всестороннему исследованию истории и этнографии украинского народа[39]. В этой позиции – трезвое понимание ситуации ученым и человеком, искренне болеющим за свой народ.

У И.А. Линниченко, близкого друга А.И. и его коллеги по университету, подход к оценке творчества последнего иной. Убежденный монархист и, несмотря на свои украинские корни, приверженец российской великодержавности, И.А. Линниченко считал, что «отрицательная литературы 60-х годов» (т. е. революци-

---

[36] *Грушевський М.* Памяти Олексія Маркевича. С. 2.

[37] Там же. С. 5.

[38] А.М. [Рец. на: Записки Научного общества имени Т.Г. Шевченко. Т. XXV–XXX] // Киевская старина. 1899. Т. 7. № 12. С. 138–148.

[39] Там же.

онно-демократическая идеология. – *Т.П.*) негативно повлияла на А.И. – «заразила его скептицизмом» довольно поверхностного толка[40].

А.И. принадлежал к тому типу ученых, у которых критическое (рефлексивное) начало было развито значительно сильнее, нежели конструктивное. Не было теории, в которой он, признавая ее оригинальность («остроумность»), не находил бы в то же время предмет для критики и несогласия. Поэтому ему трудно было идентифицировать себя с каким-либо конкретным научным направлением. При рассмотрении любого вопроса А.И. всегда предлагал ряд решений, находя в каждом свои преимущества и недостатки, и в конечном счете предоставлял самому читателю право самостоятельного выбора. Однако именно в этом И.А. Линниченко видит недостаток (уязвимость) А.И. «Привычка к критицизму quand meme убила в нем… способность к творчеству научного построения, – выносит И.А. Линниченко суровый приговор своему другу, – и поэтому он не мог примкнуть ни к какой школе, ни к какой научной теории»[41].

И все-таки как едины в подборе эпитета М.С. Грушевский и И.А. Линниченко, эти по сути идейные противники: «поверхностный украинофил», «поверхностный скептик»…

В попытках определения категориального профиля А.И. следует учитывать тот факт, что научно-педагогическая деятельность университетской профессуры (как в России в целом, так и в украинских землях, входивших в состав двух империй) в XIX – начале XX в. во многом зависела от структуры их мышления, ценностных ориентиров, формирующихся в сложной социокультурной атмосфере. Ментальность интеллектуальной элиты в украинских землях, входивших в Российскую империю – многонациональное государство, жестко иерархизированное чиновничье-бюрократической системой, пронизывающей и университетское образование, и науку в целом (особенно ее гуманитарные разделы), не могла не складываться из противоречивых пластов, порождая разнообразие типов.

---

[40] *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. С. 13.

[41] Там же. С. 226.

Среди университетской профессуры были личности, идентифицирующие себя с одним-единственным типом культуры. Для их мышления была характерна структура так называемого «взаимоисключающего сознания» (вне зависимости от его конкретной нацио-культурной окраски). Одновременно значительную группу представляли личности, для которых была свойственна «лояльность» по отношению к разным национальным культурам: их мышление формировалось в структурах так называемых «многочисленных национальных и культурных приверженностей»[42]. Если первый тип отражал сознание личности в категориях так называемой «первичной этничности»: сознание личности в этом случае выступает как установленное и неизменное явление, которое определяется кровными связями, общим происхождением, языком и культурой, – то второй – в категориях «ситуационной или факультативной этничности»: сознание личности в данном случае преднамеренно подчеркивается либо приглушается в зависимости от ситуации. При этом второй вариант распространен не менее широко, чем первый. В большинстве общественных ситуаций люди не лояльны по отношению только к одному объекту, а находятся в сети лояльностей – к роду, племени, профессиональной группе, церкви, клубу и проч. В многонациональных государствах совершенно естественно наличие личностей, которым свойственна более, нежели одна, «национальная» лояльность или сознание. В частности, в украинских землях, входивших в Российскую империю в XIX в., нормальным явлением было считать себя одновременно и малороссом, и русским. Рассматривать подобное явление в категориях «ассимиляции» (т. е. растворения, присоединения к господствующей национальности), «русификации» – было бы слишком упрощенным подходом. В то же время, в ходе развития украинского национального возрождения многие из его представителей пришли к выводу о том, что движение сохранится только в том случае, если на место естественной иерархии многочисленных

[42] *Магочий П.* Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3. На наш взгляд, предложенные П. Магочием и И.И. Колесник (см. ниже) теоретические концепты имеют значительный эвристический и методологический потенциал для постижения культурной и интеллектуальной истории Украины.

лояльностей или национального сознания придет структура взаимоисключающего сознания: нельзя быть русским из Малороссии или поляком из Украины. По такому пути пошел В.Б. Антонович.

Весь ход украинского национального возрождения можно трактовать как историю конфликта между структурой многочисленных культурных и национальных лояльностей с одной стороны и структурой взаимоисключающего сознания – с другой. Этот конфликт по-разному влиял на личности, которые оказывались в нем: иногда травматично, а иногда и творчески, отражая в то же время и специфику формирования той или иной личности, и ее индивидуальный выбор, и эволюцию строя мышления в зависимости от ситуационной заданности. Для Н.И. Костомарова и П.А. Кулиша, например, была характерна «подвижность», инверсия двух типов структур национального сознания в разные периоды их жизни и деятельности.

Специфика социокультурной ситуации безусловно накладывала свой отпечаток на историографическую ситуацию. А.И. на протяжении всей своей жизни мыслил в категориях «многочисленных лояльностей». Истоки этого – в семье, в «московской юности», в одесской ауре, в едином научном поле российской науки и т. п. Мировоззренческий профиль А.И. нашел свое выражение в диапазоне его исследовательской проблематики и в теоретико-методологических подходах к ее решению. В то же время для его друзей А.С. Грушевского и И.А. Линниченко, находящихся «по разные стороны баррикад», был характерен один и тот же тип мышления – в «структурах взаимоисключающего сознания» (во всяком случае, на рубеже веков), основанный на принципах «взаимоисключающих культурных приверженностей». По отношению к оценке научного наследия А.И. это проявлялось, прежде всего, в акцентуализации национальной идеи у М.С. Грушевского и политико-идеологических приоритетов у И.А. Линниченко. Для последнего в значительной степени была свойственна нетерпимость и как свойство характера (в отличие от толерантности самой сущности А.И.), которая проецировалась на разных уровнях – личностном, политическом, научном.

Добродушие А.И., глубокая интеллигентность его натуры отнюдь не исключали твердости его убеждений, и это принципи-

альное свойство личности А.И. также отмечали его друзья. А.И., по словам того же И.А. Линниченко, любил ходить на поклон к авторитетам и одновременно выступал против всяких авторитетов. Об этом свидетельствует, в частности концепция местничества, предложенная А.И. и не принятая многими его коллегами в большей мере из-за так называемых вне-научных факторов, – она противоречила официально признанным концепциям местничества С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

История местничества и, шире, история России XV–XVII вв. прошла главной темой, подаренной И.В. Лашнюковым, через все творчество А.И. Неслучайно, составляя в конце жизни «Список моих работ», А.И. начинает его с рубрики «Исследования», под которой в первую очередь перечисляет публикации, посвященные истории Российского централизованного государства (литеры «А», «Б», «В»)[43]. Работы А.И. по истории местничества стали вторым специальным исследованием (после Д.А. Валуева, «Симбирский сборник», М., 1845) в российской историографии XIX в. и первым – в украинской.

В отличие от С.М. Соловьева, который заострял негативные следствия местнических норм, так как рассматривал местничество только как фактор, препятствующий утверждению Российского государства, и В.О. Ключевского, который определял местничество в системе привилегий аристократии, консервативных с точки зрения историко-политического прогресса, А.И. видел в местничестве регулирующую систему отношений. В этой системе, по его мнению, по мере формирования Российского государства служебный принцип постепенно брал вверх над родовым; привилегии аристократии распространялись на слои служебного дворянства; центральная власть использовала эту систему сначала как рычаг в борьбе с пережитками удельной децентрализации, а затем уничтожила, как только необходимость в этой системе отпала. И, наконец, А.И. был убежден в том, что на изменение этой системы повлияло само изменение социально-политической структуры российской действительности[44].

[43] ГАОО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 2. Л. 65–74.

[44] *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Одесса, 1888. С. 488.

А.И. занял особую позицию в оценке местничества: 1) он категорически против каких-либо аналогий между московским местничеством и подобными формами в западноевропейских государствах (эти мысли – во многом развитие идей Д.А. Валуева, одного из столпов славянофильства), акцентируя внимание на оригинальность этого института в истории России; 2) он против выделения – гипертрофии – оппозиционной сути местнических протестов. Для него местничество не является достаточно весомой привилегией аристократии, а предстает скорее в виде определенного аналога табели о рангах в конкретную эпоху, не только не имея серьезной антиправительственной направленности, но, напротив, выступая своеобразным средством воздействия на социально-политические взаимоотношения со стороны самого правительства[45].

Новизна исследовательского подхода А.И. в том, что он впервые рассмотрел явление местничества в его эволюции, на широком конкретно-историческом фоне, обусловившим эту эволюцию, проанализировав практически все относящиеся к проблеме материалы, что позволило ему сделать вывод о преувеличении в историографии значения местничества как прерогативы аристократического сепаратизма.

В отзывах современников концепция местничества, предложенная А.И., не получила детального анализа. Критические замечания в основном сводились к критике формы: объемность материала и отсутствие системности в его изложении; неточности в формулировках и применяемых понятиях, что приводило к определенным логическим противоречиям; вопросы, поставленные самим автором и оставшиеся в исследовании без ответа; необоснованные экскурсы в иные научные сферы и др.[46] Замечания по существу, сделанные почти всеми рецензентами, характеризовались явной приверженностью последних к мнениям авторитетов – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Значительное влияние В.О. Клю-

---

[45] *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. С. 486, 492, 587 и др.

[46] *Иконников В.* [Рец. на:] Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Одесса. 1888. X. 611 с. // Университетские Известия. 1889. № 7. С. 1–11; Библиограф. 1888. № 12. С. 400–402; Русская мысль. 1888, июль. С. 337–339.

чевского на школу советских специалистов (несмотря на общую критику его как представителя либерально-буржуазной историографии и эклектика как методолога) в этой области привело к тому, что основополагающие постулаты в оценке местничества, утвердившиеся в официозе российской историографии XIX – начала XX в., практически вошли в официоз советской науки.

Пожалуй, только С.О. Шмидту принадлежит фактическая «реабилитация» А.И., которого именно он вернул в «большую историографию». Концепция местничества, сформулированная С.О. Шмидтом на новом уровне развития науки, во многом учитывает основные положения концепции А.И.[47] С.О. Шмидт отдает должное А.И. в том, что последний «кропотливо» изучил «всю доступную ему документацию», исследовал местничество «детально», «по царствованиям», в его работах «много ценных конкретных наблюдений»; он – «крупнейший знаток истории местничества»[48]. Одновременно С.О. Шмидт обращает внимание на (по его выражению) «любопытное явление», характерное для историографии местничества в целом: историки, которые специально изучали местническую документацию – Д.А. Валуев, А.И. Маркевич – весьма осторожны в своих суждениях; для историков же, детально не знакомившихся с местническими материалами во всем их многообразии, свойственны достаточно «решительные» выводы[49].

Среди тех, кто занял самостоятельную платформу, – А.И. Его выводы – формулировочно деликатны, осторожны; такое впечатление, что А.И. в недоумении разводит руками: «Я бы хотел сказать иное, но источники не позволяют…» Позиция А.И. – принципиальна – и она выражает функциональное предназначение профессионального историка – разоблачать исторические мифы (хотя, разумеется, подобная проблема им сформулирована не была).

---

[47] *Шмидт С.О.* Местничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 382–383; *Его же.* Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М., 1973. С. 264–266, 300–301, 346 и др.; *Его же.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 330–380.

[48] *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. С. 264, 266; *Его же.* У истоков российского абсолютизма. С. 189.

[49] *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. С. 264.

А.И. подошел вплотную, но не сумел четко обозначить те положения, которые, следуя в его «ключе» рассуждений, высказал С.О. Шмидт. Традиционный взгляд на местничество, пишет он, «…на поверку оказывается крайне односторонним…»[50].

Историографическое наследие А.И. и его личность ученого-историка плодотворно оценивать и сквозь призму «культурного кода нации». Украинская культура, рассматриваемая как матрица национальной историографии, детерминировала константные черты и специфику всех компонентов организации научного творчества. Анализируя творческое наследие, в соответствии с ведущими параметрами «культурной генеалогии украинской исторической науки», можно выделить ряд типичных черт, свойственных А.И. как представителю «ученого цеха»[51].

«*Родинність*», выступая как признак социального бытования и психического склада украинцев, в то же время предстает и в форме организации научной деятельности в условиях безгосударственности и институциональной нелегитимности культурной жизни в Украине. На протяжении XVIII–XIX вв. культурные и научные традиции во многом поддерживались дворянско-старшинскими кланами – семьями Марковичей – Маркевичей, Репниных – Волконских, Белозерских – Кулишей, Максимовичей – Тимковских, Лазаревских, Антоновичей, Драгомановых – Косачей и проч. Это выражалось и в представительстве родовых фамилий в научных, общественных, культурных и бюрократических структурах, во взаимной поддержке членов семьи и в осознании значимости своих фамилий в национальной культурной истории, в акцентуализации генеалогических изысканий. В жизни и творческой деятельности А.И. Маркевича это нашло свое выражение в стойком интересе к генеалогическим исследованиям по истории своего рода; в неоднократной поддержке, которую ему оказывали родственники в сложные периоды его жизни. «*Антеизм*» («селянскість») как генетическая черта «украинского культурного пространства» обусловила интерес к проблемам народа – его быта, сознания, творчества, культурных традиций. «Народность», «народ» – ве-

---

[50] *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. С. 334, 373.

[51] *Колеснік І.І.* Українська культура та історіографія: історія ментальностей // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 34–36; *Ее же.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013. С. 175–216.

дущий объект научного интереса А.И., главный критерий его оценки исторических событий и исторических личностей, исходный пункт его источниковедческих приверженностей. «*Стихійна барокковість*» – нашла свое выражение в красноречии, эмоциональности литературного стиля А.И., преобладании информации над структурой и систематикой; придала «камерный» («этюдный») характер большинству его произведений, обусловила преобладание «малых форм» – статьи, разведки, эссе, рецензии, биобиблиографии – в определенном синкретизме энциклопедизма и дилетантизма, профессионализма и аматорства. «*Мовно-літературна стихія*» украинского романтизма, с его стержневой этнографической составляющей, сформировали особый интерес к фольклору, обусловили гипертрофию народного творчества в источниковедческой ориентации исследований, способствовали библиографически-источниковедческой акцентуализации: культ источников, документальный поиск, коллекционирование, преобладание археографической практики в структуре научной работы и «антикварной традиции» в археографической деятельности А.И.

Как тип исследователя, А.И. в большей мере – «историк-библиограф», «историк-археограф». Однако было бы слишком опрометчиво и некорректно в научном отношении не оговаривать значительную условность подобной систематики. «Маркевич-критик» – одновременно достаточно сильная составляющая его творческого облика[52].

Омельян Прицак, анализируя творчество М.С. Грушевского, справедливо отмечал, что «кожен великий історик є еклектик, тобто вибирає для кожної часткової сфери дослідження методи

---

[52] О критическом стиле мышления А.И. еще в «ранний» – «предуниверситетский» – период его научной деятельности свидетельствует неопубликованная рецензия А.И. на работу А. Смирнова, посвященную «Слову о полку Игореве» (Воронеж, 1877, 1879), написанная в конце 1877 – начале 1878 г. и свидетельствующая о глубоком понимании А.И. филологических, палеографических, исторических и источниковедческих проблем, стоявших в поле исследовательского поиска в XIX в. См.: *Яценко Б.І.* О.І. Маркевич про «Слово о полку Ігоревім» // Українське літературознавство. Львів, 1976. Вип. 27. С. 108–113; *Его же.* Маркевич Алексей Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом); ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб., 1995. Т. 3: К–О. С. 293–294.

пізнання, які для тої цілі найкраще надаються. Але він, звичайно, намагається зберегти монізм у загальному синтезі»[53]. Эту методологически продуктивную мысль можно проецировать и на анализ структуры историографических классов, и на определение принадлежности того или иного ученого к конкретному классу (направлению, течению, школе).

Такие фигуры российской историографии, как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, современники А.И., как Н.И. Костомалов, П.А. Кулиш и М.С. Грушевский в украинской историографии – слишком объемны по своему научному и мировоззренческому диапазону. Каждый из них создал собственную историософски-методологическую систему, которую далеко не всегда можно «уложить» в рамки конкретного историографического класса.

В этом ключе можно рассматривать и творчество А.И., обладавшего колоссальной научной эрудицией, испытавшего на себе влияние различных концептуальных и методологических систем и предпринявшего попытку создать собственную версию исторического синтеза. Говоря о теоретико-методологических позициях А.И., следовало бы, вероятно, выделить несколько историографических традиций, переплетение которых сложило непростой узор системы его взглядов на историю: 1) влияние романтизма, его «левого крыла» – либерального, с характерным для него синтезом просветительски-романтических идей: историзм как стиль научного мышления, «органическая» модель исторического процесса, акцент на роль народа и самобытность национальных историй наряду с идеей всеобщности человеческой цивилизации и признанием единых закономерностей развития любых социокультурных феноменов и проч.; 2) влияние этнографизма, особенно свойственного украинской вариации романтической историографии, с его пристальным вниманием к народному быту, фольклору, специфике национальной духовности и культуры; 3) влияние позитивизма с его акцентом на источник, научные методы исторического исследования, стремлением к сциентизму историописания, к «коллективистской истории» как главному объекту изучения, к социологическому методу в исторических исследовани-

---

[53] *Пріцак О.* Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. Київ; Кембрідж, 1991. С. 5.

ях, к принятию теории многофакторности исторического процесса с особым интересом к социально-экономическим проблемам истории и проч.; 4) влияние либерально-демократических идеалов (подчас вплотную приближающихся к революционным традициям), с их своеобразным синтезом антисамодержавной модели политического устройства с идеей эволюционного прогресса, основанного на расширении культурно-просветительского потенциала общества и одновременно острым интересом к проблемам революции и проч. В последние годы жизни А.И. испытал, по-видимому, влияние также ряда неопозитивистских и неокантианских положений, касающихся в первую очередь оценки «законотворческой миссии» исторической науки, проблемы прогресса в истории; идей «психологизма» и «коллективной народной психологии» в интерпретации исторического процесса и проч.

Историографическая практика на рубеже XX–XXI вв. высвечивает оригинальную картину: многие из концептуальных положений высоких научных критиков А.И. сейчас подвергаются переосмыслению и корректированию, и одновременно целый ряд вскользь брошенных замечаний, приведенных фактов, намеченных пунктирно возможных направлений исследований, зафиксированных в многочисленных «малых формах» (не говоря уже о его концепции местничества и монографических изданиях) творчества А.И., привлекают внимание современных ученых своей точностью наблюдений, прогнозов и выводов[54].

---

[54] *Розуменко Ю.Г.* Этнографическое изучение населения юга Украины в XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Киев; Минск, 1986; *Шип Н.А.* Интеллигенция на Украине (XIX в.). Историко-социологический очерк. Киев, 1991; *Болдирев О.* Одеська громада. Історичний нарис про українське національне відродження в Одесі у 70-ті рр. XIX – почат. XX ст. Одеса, 1994; *Гончарук Т.Г.* История Хаджибея (Одессы): 1415–1795. Популярный очерк. Одесса, 1997; *Непомнящий А.А.* Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 7; Історія Хаджибея (Одеси). 1415–1795 рр. в документах / За ред. канд. іст. наук Т.Г. Гончарука. Одеса, 2000; *Чопп И.Л.* Крымско-Кавказский горный клуб. Одесса, 2000; *Гирич І.* «Народництво» та «державництво» в української історіографії // Молода нація: Історія. Філософія. Політологія. Альманах. 2000. № 4. С. 5–30; *Талина Г.В.* Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40–80-х гг. XVII в.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2001; *Нагірняк О.* Українознавчі дослідження у Новоросійсьому університеті наприкінці XIX – на початку XX ст. // Пам’ять століть. 2004. № 6;

1. Алексей Иванович Маркевич // Южное обозрение. 1903. 6 июля.
2. *А.М.* [Рец. на: Записки Научного общества имени Т.Г. Шевченко. Т. XXV–XXX] // Киевская старина. 1899. Т. 7. № 12. С. 138–148.
3. *Афанасьев Г.* На могилу А.И. Маркевича // Одесский листок. 1903. 10 июня.
4. *Болдирев О.* Одеська громада. Історичний нарис про українське національне відродження в Одесі у 70-ті рр. XIX – почат. XX ст. Одеса, 1994.
5. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881.
6. *Гирич І.* «Народництво» та «державництво» в української історіографії // Молода нація: Історія. Філософія. Політологія. Альманах. 2000. № 4. С. 5–30.
7. *Гончарук Т.Г.* История Хаджибея (Одессы): 1415–1795. Популярный очерк. Одесса, 1997.
8. *Гончарук Т.Г.* Нащадки українських козаків та «народження Одеси». Одеса, 2006.
9. Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 8. Д. 16.
10. Государственный архив Одесской области. Ф. 150. Оп. 1. Д. 2; 5; 17; 108; 125; 133.
11. *Грушевський М.* Памяти Олексія Маркевича // Записки Наукового Товариства імени Шевченка. 1903. Т. LV. Кн. V.
12. *Дорошевич В.М.* Собрание сочинений. Т. 4. Литераторы и общественные деятели. М., 1905.
13. *Иконников В.* [Рец. на:] Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Одесса. 1888. X. 611 с. // Университетские Известия. 1889. № 7. С. 1–11.
14. *Иловайский С.* Маркевич А.И.: Некролог // Записки Крымского горного клуба. 1903. № 7. С. 3–7.
15. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900.
16. Історія Одеського університету (1865–2000) / гол. ред. В.А. Сминтина. Одеса, 2000.
17. Історія Хаджибея (Одеси). 1415–1795 рр. в документах / За ред. канд. істор. наук Т.Г. Гончарука. Одеса, 2000.

Кушнір В.Г. Українці Одеси: до етнографічної спадщини О.І. Маркевича // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Вип. 16. Одеса, 2005; *Гончарук Т.Г.* Нащадки українських козаків та «народження Одеси». Одеса, 2006; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009 и др.

18. *Колеснік І.І.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013.

19. *Колеснік І.І.* Українська культура та історіографія: історія ментальностей // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 34–36.

20. Краткий отчет Императорского Новороссийского университета в 1868/69 академическом году. Одесса, 1869.

21. *Кушнір В.Г.* Українці Одеси: до етнографічної спадщини О.І. Маркевича // Записки історичного факультету / Одеський національний університет имені І.І. Мечникова. Вип. 16. Одеса, 2005.

22. *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания // Речи и поминки: сборник статей по истории русской литературы и биографические воспоминания. Одесса, 1914.

23. *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904.

24. *Магочий П.* Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3.

25. *Маркевич А.И.* А.М. Богдановский [Некролог] // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. С. 8–10.

26. *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890.

27. *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Одесса, 1888.

28. *Маркевич А.И.* Марковичи. Киев, 1890. 55 с.

29. *Маркевич А.И.* Несколько слов о Н.Д. Богатинове // Русский архив. 1899. Кн. 4. Вып. 12. С. 567–569.

30. Маркевич Алексей Иванович (1847–1903): биобиблиографический указатель / сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко; науч. ред., автор вступ. ст. Т.Н. Попова. Одесса, 1997.

31. *Маркевич Арс.И.* Памяти А.И. Маркевича // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1903. № 35.

32. *Милюков П.Н.* В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.

33. *Нагірняк О.* Українознавчі дослідження у Новоросійсьому університеті наприкінці XIX – на початку XX ст. // Пам’ять століть. 2004. № 6.

34. Некрологические заметки // Отчет Императорского Новороссийского университета за 1903 год. Одесса, 1904.

35. *Непомнящий А.А.* Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 7.

36. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

37. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания // Овсянико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 306–348.

38. Одеські історики. Т.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009.

39. Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. проф. В.П. Корзун. Омск, 2003.

40. Похороны А.И. Маркевича // Одесские новости. 1903. 8 июня.

41. *Пріцак О.* Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. Київ; Кембрідж, 1991.

42. Протоколы заседания Совета Императорского Новороссийского университета. 1869. 23 декабря. [Одесса, 1869].

43. Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т. 1–4. Одеса, 2000.

44. *Розуменко Ю.Г.* Этнографическое изучение населения юга Украины в XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Киев; Минск, 1986.

45. *Рудаков В.Е.* Ал.Ив. Маркевич: некролог // Исторический вестник. 1903. Т. 93, сентябрь. С. 964–970.

46. *Сахаров А.Н.* Иван Егорович Забелин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000.

47. *Талина Г.В.* Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40–80-х гг. XVII в.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2001.

48. *Чопп И.Л.* Крымско-Кавказский горный клуб. Одесса, 2000.

49. *Шип Н.А.* Интеллигенция на Украине (XIX в.). Историко-социологический очерк. Киев, 1991.

50. *Шмидт С.О.* Местничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1976. Т. 9. 1966. С. 382–383.

51. *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М., 1973.

52. *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

53. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.

54. *Яценко Б.И.* Маркевич Алексей Иванович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом); ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб., 1995. Т. 3: К–О. С. 293–294.

55. *Яценко Б.І.* О.І. Маркевич про «Слово о полку Ігоревім» // Українське літературознавство. Львів, 1976. Вип. 27. С. 108–113.

А.А. Кузнецов

К.Н. Бестужев-Рюмин, С.В. Ешевский и П.И. Мельников (Андрей Печерский) в 1840-е гг.: будущие историки и их учитель

Представлен анализ работ историков А.С. Гацисского, К.Н. Бестужева-Рюмина, П.А. Усова, Е.Ф. Шмурло, С.И. Архангельского, посвященных изучению обучению С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина в нижегородской гимназии. Рассматриваются вопросы формирования историков К.Н. Бестужева-Рюмина, С.В. Ешевского и влияния на них учителя П.И. Мельникова.

Ключевые слова: Нижний Новгород, гимназия, П.И. Мельников (Андрей Печерский), С.В. Ешевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, историография.

A.A. Kuznetsov

K.N. Bestuzhev-Ryumin, S.V. Eshevsky and P.I. Melnikov (Andrey Pechersky) in 1840th: the future historians and their teacher

The present article contains the analysis of the materials and the studies of historians A.S. Gatsisky, K.N. Bestuzhev-Ryumin, P.A. Usov, E.F. Shmurlo, S.I. Arkhangelsky. These texts devoted to the study of education of S.V. Eshevsky, K.N. Bestuzhev-Ryumin in gymnasium of Nizhny Novgorod. Deals with formation of historians K.N. Bestuzhev-Ryumin, S.V. Eshevsky and influence their teacher P.I. Melnikov.

Key words: Nizhny Novgorod, gymnasium, P.I. Melnikov (Andrey Pechersky), S.V. Eshevsky, K.N. Bestuzhev-Ryumin, historiography.

Крупные российские историки, урожденные нижегородцы Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) и Степан Васильевич Ешевский (1829–1865) не раз становились героями историографических исследований. При всей проработанности биографии и сюжетов о Бестужеве-Рюмине как историке, источниковеде, философе истории и историографе, о Ешевском как историке колонизации России, перехода от античности к Средневе-

ковью, русского масонства и др. нижегородская часть их жизни – детство, отрочество и юность – исследована мало. А она очень важна, поскольку в Нижнем Новгороде и его окрестностях прошли детство и юность С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина, там они формировались как личности с многообразными интересами.

С другой стороны, сегодня в самом Нижнем Новгороде К.Н. Бестужев-Рюмин и С.В. Ешевский как фигуры, которыми можно гордиться, выставлять как научных и культурных деятелей, таковыми не являются. И это при том, что уже в конце XIX в. первый председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии А.С. Гациский внёс К.Н. Бестужева-Рюмина в перечень лиц[1], биографии которых надо обязательно написать из-за их вклада в развитие важного культурного феномена российской истории – Нижегородчины. Важное место в этом биографическом списке занимает и С.В. Ешевский[2], поскольку А.С. Гациский представил компилятивно-реферативный опыт биографии этого историка вместе с его первым опубликованным историческим опусом о визите Петра I в Нижний Новгород[3]. Внимание А.С. Гациского к Ешевскому проявилось в создании «Воспоминания» об историке[4]. И уже в данном случае А.С. Гациский, повествуя о С.В. Ешевском, не мог обойтись без обращения к отношениям его с К.Н. Бестужевым-Рюминым. Однако избирательность Гациского очевидна: его любимым героем из пары К.Н. Бестужев-Рюмин – С.В. Ешевский был второй. Дело в том, что жизненные пути Ешевского и Гациского пересеклись в 1855–1858 гг. в Казанском университете. Студент Гациский слушал лекции историка Ешевского. Оба в своё время покинули Казань. Гациский перебрался в Санкт-Петербургский, а Ешевский – в Московский университет. Тем не менее че-

[1] *Гациский А.С.* Люди Нижегородского Поволжья // *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 259. № 38.

[2] Там же. С. 261. № 118.

[3] *Гациский А.С.* Степан Васильевич Ешевский (1825–1865); Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 г. (Публичное чтение ученика VII класса Нижегородской гимназии С.В. Ешевского на торжественном акте гимназии 22 октября 1845 г.) // *Гациский А.С.* Люди Нижегородского Поволжья… С. 345–354, 355–358.

[4] *Гациский А.С.* Воспоминание о С.В. Ешевском. Нижний Новгород, 1865. 10 с.

ловеческое обаяние последнего сказывалось, и 1865 г. Гациский с благодарной памятью обращался к образу, биографии и научному творчеству Ешевского.

Более «пропорционально» равновесное отношение к Бестужеву-Рюмину и Ешевскому демонстрировали нижегородские историки А.К. Кабанов и С.И. Архангельский в начале XX в. После преждевременной смерти А.К. Кабанова в 1922 г. С.И. Архангельский уже в одиночку изучал их биографии и творческое наследие[5].

Имеющееся историографическое противоречие: изученные в достаточной мере вопросы формирования историков К.Н. Бестужева-Рюмина и С.В. Ешевского со времени учёбы в университете, их научного творчества vs туманные, фрагментарные представления о нижегородском периоде их жизни и бытия – подталкивает к постижению фигур крупных историков через их общение, в котором постоянно актуализируются образы детства, совместного времяпрепровождения.

А потому многое для постижения их дружбы, которая «родом из детства», даёт изучение общения Константина Николаевича Бестужева-Рюмина со Степаном Васильевичем Ешевским. В паре Бестужев-Рюмин – Ешевский каждый мог сказать по отношению к визави пушкинское: «Мой первый друг, мой друг бесценный» (написано за три года до рождения С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина). А затем логично следует: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Чтобы приблизиться к пониманию личности К.Н. Бестужева-Рюмина, неизбежно надо знать и понимать С.В. Ешевского, и наоборот. Ни один биограф С.В. Ешевского не может обойтись без его представления К.Н. Бестужевым-Рюминым, и наоборот[6]. Каждый из них по отношению к другу

---

[5] *Архангельский С.И.* Исторические взгляды С.В. Ешевского // Средние века. Вып. VI. М., 1955. С. 324–344; *Его же.* К.Н. Бестужев-Рюмин // Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края. Т. 1. Вып. 1 Исторический. Н. Новгород, 1926. С. 58–65. О неопубликованных опытах С.И. Архангельского по С.В. Ешевскому см.: *Кузнецов А.А.* С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки казанского университета. Т. 153. Серия «Гуманитарные науки». Кн. 3. С. 209–210.

[6] См., например: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1897. С. 11, 15–

был и тем, что римляне называли alter ego – «второе я». Таких уникальных обстоятельств и условий для изучения жизни и творчества того или иного историка, как для С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина, немного. Это преимущество усиливается еще и тем, что оба учились вместе или рядом, стали историками, затем породнились – К.Н. Бестужев-Рюмин женился на сестре друга – Елизавете Васильевне Ешевской. Общение друзей не прерывалось на протяжении всей недолгой жизни С.В. Ешевского, но и после 1865 г. К.Н. Бестужев-Рюмин не раз возвращался к памяти друга, родственника и единомышленника. В 1870 г. вышло трёхтомное сочинение покойного историка С.В. Ешевского. Первый том открывался очерком о Ешевском, принадлежавшим перу К.Н. Бестужева-Рюмина[7].

К.Н. Бестужев-Рюмин оказался в данном случае в сложной роли. Ему пришлось смешивать жанры. Ученый Бестужев-Рюмин выступал в привычной роли историка науки – историографии. Однако беспристрастного взгляда не могло получиться: ведь писалось в память о друге, близком человеке, к которому питались самые нежные чувства. Вторая ипостась автора очерка наиболее ценна для того, чтобы понять самого Бестужева-Рюмина. Он, его детство, как в зеркале, отражаются в жизни Ешевского. И в других историографических текстах К.Н. Бестужев-Рюмин не боялся задействовать личный опыт и обращался к образам рано ушедшего друга и их общих детства и юности. Всё это позволяет приблизиться к пониманию той среды, того социокультурного контекста, в которых развивались историки Ешевский и Бестужев-Рюмин. Автобиографические, эпистолярные, мемуарные и историографические тексты Бестужева-Рюмина разнообразны, и у части из них сложная судьба.

Например, переписка Ешевского и Бестужева-Рюмина. Письма историков друг к другу хранятся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО), Государственном историческом музее

18, 29, 30, 47, 57, 167–169, 231, 347, 348, 373, 375, 378; *Киреева Р.А.* Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 237.

[7] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский. Биографический очерк // Сочинения С.В. Ешевского: в 3 ч. М., 1870. Ч. 1. С. I–LXXXVII.

и др. Интерес к переписке проявляли разные историки. В Нижнем Новгороде ею занимались С.И. Архангельский и А.К. Кабанов. В начале XX в. в Нижний Новгород вернулся его уроженец, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, будущий член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский. Среди нижегородских архивистов он встретил другого выпускника истфила Московского университета – А.К. Кабанова. После революции Архангельский возглавил нижегородское краеведческое движение и подводил под него научную основу[8]. Для этого он установил переписку с академиком С.Ф. Платоновым. В письме от 29 октября 1925 г. С.И. Архангельский сообщил о подготовке им совместно с А.К. Кабановым в 1914–1915 гг. публикации переписки С.В. Ешевского с К.Н. Бестужевым-Рюминым. Но проект не состоялся из-за отсутствия средств. Архангельский просил у академика финансовой помощи для ее издания. С.Ф. Платонов не смог материально помочь, и переписка опять не была опубликована, как явствует из письма С.И. Архангельского от 20 августа 1926 г.[9] Часть этого эпистолярного комплекса «Ешевский – Бестужев-Рюмин», оказавшегося в руках А.К. Кабанова и С.И. Архангельского, недавно обнаружена, и будут предприниматься усилия для её публикации. Тем не менее фрагменты этих писем надо привести, поскольку С.И. Архангельский, отчаявшись их издать, наиболее любопытные отрывки ввел в статью «К.Н. Бестужев-Рюмин» в «Трудах нижегородского научного общества по изучению местного края» в 1926 г. Там же автор цитировал и другие письма, отрывки которых были приведены впервые в книге Е.Ф. Шмурло о К.Н. Бестужеве-Рюмине. Кроме них, источниками для Е.Ф. Шмурло послужили историографические тексты К.Н. Бестужева-Рюмина и его неизданные мемуары. В 1900 г. академик Л.Н. Майков напечатал «Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина», но их сравнение с отрывками мемории, цитированных

---

[8] См. подробнее: *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. ст. Вып. 9. Н. Новгород, 2005. С. 167–190.

[9] *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 2006. С. 160–164.

Шмурло, показывает: либо это были разные тексты, либо Л.Н. Майков подверг их существенным сокращениям. Поэтому эти источники надо использовать как равноправные. Задействовал Е.Ф. Шмурло и автобиографические сведения своего героя, посланные им в словарь С.А. Венгерова[10]. Ссылался он на ряд журнальных статей, посвященных К.Н. Бестужеву-Рюмину. Ценность очерку Шмурло придают приведенные им сведения, почерпнутые из личных бесед с Бестужевым-Рюминым.

Разбросанность по разным изданиям, архивам материалов, освещающих детство и юность С.В. Ешевского, К.Н. Бестужева-Рюмина в Нижнем Новгороде, подталкивает к их сбору и осмыслению. Только так, используя исследовательский приём Е.Ф. Шмурло, можно изучать процесс формирования интереса к истории, его сложность и противоречивость у двух нижегородских мальчиков 1830–1840-х гг. Из их обширного мира детства XIX в. в данной статье акцент сделан на пребывании будущих историков в гимназии. Вопросы формирования мировоззрения, круга чтения, за исключением необходимых случаев, не разбираются.

* * *

В 1842 г. отец С.В. Ешевского из Костромской губернии переехал на службу в Нижний Новгород. Степан Ешевский был принят в нижегородскую губернскую гимназию. Этот эпизод запечатлел Бестужев-Рюмин: «Живо помню, как осенью 1842 г. к нам в III класс в урок латинского языка привели тщедушного, худого мальчика, которого тут же и проэкзаменовал учитель. Мальчик этот был Ешевский, и тогда уже поражавший болезненным видом. Он отвечал хорошо и поступил в IV класс, где хорошо учился и скоро стал первым в своем классе»[11]. И Косте Бестужеву-Рюмину тоже довелось побывать в положении новичка нижегородской гимназии. О себе он написал в некрологе старшего гимназического товарища и тоже будущего историка Евгения Александровича Белова (1826–1895): «В конце 1840 г. привез ме-

---

[10] Впрочем, они не несут оригинальной информации о юношеских годах К.Н. Бестужева-Рюмина: *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 6 т. СПб., 1886–1904. Т. III: Бенни–Боборыкина. 1892. С. 187–189.

[11] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. IV.

ня отец в Нижний и поместил в благородном пансионе при гимназии. Толпа школьников, по обыкновению, осадила новичка, кто бил, кто щипал. В этой толпе оказался только один человек, который принял меня под свою защиту и ласково отнесся ко мне – это был ученик шестого класса, Белов»[12]. Видимо, били и щипали не всех, а тех, кто был слаб. Применительно к Александровскому дворянскому институту, где Бестужев-Рюмин проучился год, он писал о том, что его как более слабого обижали сверстники-барчуки, воспитанные в девичьей и на конюшне[13].

Возможно, слабость, тщедушность, а также третирование более сильными сверстниками стали одним из мотивов сближения Бестужева-Рюмина с Ешевским. «С этих пор начинаются мои личные воспоминания, хотя впрочем мы сблизились более в то время, когда Ешевский был уже в V классе. Первым поводом к нашему знакомству были приватные уроки греческого языка, которые мы втроём (Ешевский, я и М.И.Ч. (вероятно, Чугунов, упомянутый в опубликованных «Воспоминаниях» К.Н. Бестужева-Рюмина один раз только по фамилии. – *А.К.*) одноклассные с Ешевским) брали у нашего директора, бывшего когда профессором греческого языка. Добрый, теперь уже покойный М.Ф.Гр. был охотник учить по гречески, учил даром; но, к сожалению, весьма неаккуратно и по своей грамматике, бестолковой и скучной. Никто из учеников не выучился по гречески ни у нас в гимназии, ни в университете, где он был профессором»[14].

В некрологе П.И. Мельникова (1819–1883) Бестужев-Рюмин раскрыл инкогнито преподавателя греческого языка и посвятил ему отнюдь не лестные характеристики. Этот же преподаватель ранее учил П.И. Мельникова в Казанском университете: «…греческий язык – Грацинский, отличавшийся даром не уметь ничего не передать, что я знаю по горькому личному опыту»[15]. В «Вос-

---

[12] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Е.А. Белов (некролог) // ЖМНП. 1895. № 12. Ноябрь и декабрь. С. 102.

[13] Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года). Изданы академиком Л.Н. Майковым // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXVII. № 4. СПб., 1900. С. 15.

[14] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. IV.

[15] *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников (некролог) // ЖМНП. 1883. № 3. С. 43.

поминаниях» добавлены штрихи к портрету Грацинского: любил выпить и был бестолков[16]. Тем не менее, так закладывались основы гуманитарной культуры, пригодившейся в формировании обоих историков.

В очерке о С.В. Ешевском К.Н. Бестужев-Рюмин повествует о гимназии, где они учились. «Гимназия нижегородская с пансионом, при ней открытом (пансион этот преобразован был в институт только в 1844–45) считалась если не лучшим, то одним из лучших заведений в казанском округе. То время, о котором мы теперь говорим, было завершением старого периода его существования, последним временем полного господства старой педагогии: с открытием института потребовался для двух заведений двойной комплект учителей и потому приехало много новых лиц из Казани и из петербургского Педагогического института; эти приезжие привезли с собою новое обращение и новые педагогические приемы. Эту перемену ощутило на себе наше поколение. Когда мы поступили в гимназию, господствовала полная патриархальность. Каждую субботу секли ленивых, для чего директор являлся с особой торжественностью в класс и вызывал по списку своих жертв; учителя дрались в классе, один учитель математики… брал ученика за волосы и тащил его через класс от доски к скамейкам и от скамеек к доске; другой учитель географии и русского языка в первом классе, заметив, что мальчик грызет ногти, велел ему взять в рот кусок мелу; он же заставлял двух виновных учеников таскать друг друга за волосы. В преподавании были тоже курьезы. Урок неизменно задавался следующим образом: учитель читал по книге то, что надо было выучить, а ученики, следя по своим книгам, зачеркивали то, что учитель пропускал в чтении; если в программе (составленной в Казани) было что-нибудь не входившее в учебнике, тогда учитель доставал, откуда Бог послал, недостающее. Самым блистательным обращиком того, что бывало в гимназиях, служит один из наших учителей математики… который ни разу… ни сам не говорил в классе, ни учеников не спрашивал… Между учителями той эпохи были впрочем и очень порядочные. Таким был учитель латинского языка Е.Т. Летницкий…»[17]

---

[16] Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года)… С. 15.
[17] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. IV–V.

Если эти слова не являются преувеличением, то какие же нравы царили в других учебных заведениях Казанского округа, не таких хороших, как нижегородская гимназия? На фоне учителей уходящего поколения достойно, опять-таки, выглядит преподаватель классической дисциплины – латыни. Итак, в положительном ключе Бестужев-Рюмин из своих и Ешевского учителей называет тех, кто, хотел или нет мемуарист, представляют дисциплины, закладывающие основы историко-филологической подготовки. Но самой большей похвалы Бестужева-Рюмина в его очерке о Ешевском заслужил другой преподаватель.

«Самым лучшим учителем того времени был П.И. Мельников… П.И. Мельников мало занимался самим преподаванием: редко говорил в классе, никогда не слушал ответов учеников, не исполнял самых основных начал педагогии. Говорят, что в начале своей педагогической деятельности он усиленно работал для классов; но по неопытности требовал слишком много для учеников. Египетская династия по Шамполиону, философские взгляды на падение Западной Римской империи (составленные для этого свои записи он напечатал же тогда в “Литературной газете”), персидская история в эпоху Сассанидов входили в его преподавание. Неудача этих требований охладила его: он впал в рутину; но если случалось ему замечать, что кто-нибудь из учеников интересуется историческими вопросами, он говорил с ним по целым часам, звал его к себе на дом, давал книги, спрашивал о прочитанном, толковал, и, таким образом, поддерживал интерес. Говорил он всегда превосходно, книги выбирал интересные. Оттого многие ему чрезвычайно обязаны… в особенности Ешевский и я»[18].

Завышенные ожидания Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского) (1818–1883) от начавшегося преподавания и дальнейшее педагогическое фиаско, о которых Бестужев-Рюмин только слышал, служат мемуаристу-историографу для того, чтобы объяснить и простить тот недостаток, который был присущ и учителю математики («ни сам не говорил… ни учеников не спрашивал»). Насколько мало зла было в Мельникове-Печерском по сравнению с его коллегами, чтобы его изъяны в педагогике не

[18] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. VI.

стали основанием для отнесения к плеяде учителей-ретроградов! Е.Ф. Шмурло приводил рассказы К.Н. Бестужева-Рюмина о преподавательской манере П.И. Мельникова: 1) ученик по сговору с гимназистами во время ответа вставил фразу «а у Эвениуса на дворе дрова стоят», и Мельников ничего не заметил; 2) Ешевский специально свой ответ довел до середины и начал повторять уже сказанное, Мельников заподозрил повтор, но ученик легко переубедил его в этом[19].

С точки зрения современной педагогики игнорирование обучения предмету тех детей, которые не мотивированы его изучать, немыслимо. Как показывают материалы, использованные Е.Ф. Шмурло, грамотные и профессиональные учителя в гимназии были (см. ниже). Но в тех текстах Бестужева-Рюмина, где роль Мельникова в формировании интереса к истории у детей подчеркнута, его более квалифицированные коллеги-преподаватели почти не упоминаются.

П.И. Мельников-Печерский запомнился Бестужеву-Рюмину и тем, что целенаправленно культивировал в нем, Ешевском и других любовь и уважение к прошлому только потому, что питомцы проявляли интерес к истории. Подобным характеризовался и Е.А. Белов, «еще в гимназии, под руководством... П.И. Мельникова, получивший склонность к занятиям историей»[20].

К роли Мельникова-Печерского в формировании историков Ешевского и Бестужева-Рюмина еще предстоит вернуться. В очерке же, посвященном Ешевскому, упоминается еще одно гуманитарное увлечение друзей и связанный с ним педагог. «В 1844 г. открылся институт. Я, бывший пансионер, перешел в это новое заведение и на год мы расстались с Ешевским; но в этот год мы часто видались по праздникам и в вакации; то он заходил к нему, то он ко мне. Тогда мы показывали друг другу свои первые литературные опыты: Ешевский писал стихи, я больше прозу. Ешевский был строгим критиком этих опытов и по правде очень справедливым. Стихи Ешевского были очень гладки, хотя и не показывали особого поэтического дарования. Через год на одной из…

---

[19] *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина… С. 11. Прим. 2.

[20] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Е.А. Белов… С. 103.

литературных бесед… Ешевский читал свои стихи, между прочим одно стихотворение “К звезде”. Директор гимназии (не тот, о котором говорилось выше, а другой) заметил: “Надеюсь, что Ваша звезда не с волосами” (то есть стихотворение писано не к женщине): так ревниво охраняли тогда нас даже от свежего юношеского чувства. Тогда же Ешевский познакомил меня с их новым учителем словесности. Этот учитель был человек бесспорно даровитый, и нам после старого преподавания словесности казался чем-то особенным. Как учитель, он был хорош тем, что требовал тщательной обработки слога и научения образцовых писателей; в его воззрениях на литературу было много своеобразного и далеко не всегда правильного; к тому же, кроме знания словесности русской и отчасти французской, он не обладал никакими знаниями; даже Байрона, которому он поклонялся… он знал по французскому переводу. Ешевский имел с ним в последствии столкновение, которое показывает, как рано развилось в нем требования, гораздо более серьезные, чем требования самого учителя: он писал сочинение о Фритьофе и занялся отыскиванием в доступных ему книгах сведений о Норманах и их жизни, а учитель желал определений отношений Тегнеровой поэмы к теории и гладкого изложения. Ешевский кинул тетрадь, учитель рассердился; едва уладили дело»[21].

Речь в последнем случае идет об издании в 1841 г. переведенной Я. Гротом поэмы Тегнера под названием «Фритиоф, скандинавский богатырь». Сама поэма была переложением исландской саги о норвежском герое. Несмотря на конфликт Ешевского и безымянного в рассказе Бестужева-Рюмина учителя, последний представляется более грамотным и профессиональным педагогом, который много дал друзьям, будущим историкам. Более того, казалось бы, в литературоведческой работе гимназиста Степана Ешевского обнаруживаются контуры ремесла историка. Его глубинный интерес к произведению толкал юношу на поиск сведений, позволяющих воссоздать историко-культурный контекст сюжета о Фритиофе. Может быть, уже в сборе материалов для постижения переложенной скандинавской саги определялся интерес

[21] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. VI–VII.

Ешевского к истории Западной Европы в Средние века? В столкновении с преподавателем-словесником можно увидеть и отстаивание Ешевским тех требований к оформлению любого гуманитарного текста, которые обуславливают легкость чтения исторических его и Бестужева-Рюмина трудов и поныне.

В ссоре С.В. Ешевского с учителем угадываются и те черты характера историка, которые усугубили течение его болезни (инсульт) и скорую смерть. Бестужев-Рюмин деликатно описывал горячий нрав Ешевского: он «по своему характеру, принадлежал к числу людей, которые охотно жертвуют собственным покоем тому, что считают своим долгом… Больной и нервный, он, может быть, вносил чересчур много страстности в свои прения»[22]. Известно, что с заседаний Ученого совета Московского университета С.В. Ешевского выносили порой с нервным припадком.

В очерке Бестужева-Рюмина зафиксировано складывание его крепкой дружбы с Ешевским после года отдаления, а также – возможность узнать о круге чтения друзей. «В 1845 г. Ешевский перешел в VII класс; а я, оставив институт, был переведен отцом в гимназию. Здесь мы были почти неразлучны: вместе ходили по коридору гимназии; сходились то у него, то у меня, то в знакомых семействах и преимущественно в одном, где радушно принимали гимназистов потому, что дети тоже были в гимназии. Много мы толковали в это время и много спорили; я был в обаянии от Белинского и от Григорьева (странное сопоставление, возможное только в молодые года) и бредил Жорж Зандом. Ешевский мало верил первому, никогда не читал второго; впрочем начинал сдаваться третьей; в университетские годы он читал много ее романов и горячо заступался за них. Его занятия были серьезнее моих: я весь предался чтению литературному почти исключительно, перечитывал старых и новых писателей, читал Жорж Занда, Гюго, Гете; а он предпочитал чтение историческое: так я знаю, что в эту пору он прочёл Баранта “Histoire des ducs de Bourgone”»[23]. Ешевский и Бестужев-Рюмин всегда отслеживали ее новинки, участвовали в литературно-художественной жизни России.

[22] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. LIX.
[23] Там же. С. VII–VIII.

Возращаясь к воспоминаниям Бестужева-Рюмина о юности, надо упомянуть интересный педагогический эксперимент П.И. Мельникова в нижегородской гимназии. «Литературные беседы… введены были переведенным незадолго перед тем в С.-Петербург попечителем Казанского учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным. Каждый месяц назначалась такая беседа и для нее один из учеников VI и VII класса должен был приготовить сочинение; сочинение это читалось в присутствии других учеников и всего гимназического начальства; кто из учеников хотел, тот мог возражать; завязывался спор. Этот диспут, записанный учителем вместе с сочинением, посылался в Казань на рассмотрение профессора словесности; отчеты профессора о достоинствах присылаемых отовсюду сочинениях печатались в "Правительственных распоряжениях" (тогдашний журнал округа). С трепетом ждал каждый из них, что-то скажет К.К. Фойхт об его сочинении. При таком порядке беседы эти… должны были иметь в себе много театрального, подготовленного: действительно, для некоторых учеников возражения приготовлял учитель; сказанное негладко выглаживалось в письменном изложении; бывало после беседы приготовляешь сочинение для отсылки в Казань и сочиняешь на досуге ответы на возражения… В 1846 г. наше начальство, желая доказать, что гимназия не пала после отделения института… затеяло пригласить губернского предводителя и губернатора. Сочинение было моё "Борис Петрович Шереметев". Сочинение понравилось и тогда сделали второй опыт: Ешевский читал своё сочинение "О местничестве". Эти-то беседы описал П.И. Мельников в "Нижегородских ведомостях", которые он тогда редактировал. Описание это перепечатано в "Москвитянине"… Это описание не совсем беспристрастно уже и потому, что автор статьи был главным руководителем беседы… Действительно, мы серьезно готовились к своим сочинениям; прочитывали все доступные нам источники»[24].

Вот в этих сведениях, вероятно, и надо искать причины любви К.Н. Бестужева-Рюмина и С.В. Ешевского к П.И. Мельникову. Трепетное отношение друзей к своему наставнику выявляется из их переписки, что подметил еще С.И. Архангельский: «Имя ру-

---

[24] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. VIII–X.

ководителя бесед П.И. Мельникова часто мелькает в переписке молодых друзей. "Нельзя-ли тебе как-нибудь достать лекции Павла Ивановича. Ты не поверишь, как они интересуют меня. Мы, т.-е. я, Смирнов и Протасов чрезвычайно обрадовались известию о них. Исполнив мою просьбы, ты чрезвычайно обяжешь меня и отчасти их". (Письмо Ешевского к Бестужеву, Казань 1847 г.). "У нас в городе лекции П.И. о смутном времени составляют самую общую новость, их было две, в них весь П.И. Новые взгляды, резкие характеристики лиц, смелые фразы, как, например, что Иван Васильевич мучился больше своих жертв. Многие от них в восторге, в том числе и твой покорный слуга". (Письмо Бестужева-Рюмина от 22-го января 1848 года)»[25]. Через 35 лет Бестужев-Рюмин вспоминал об этих лекциях: «Оставив весной 1846 г. гимназию, Мельников получил место чиновника особых поручений при губернаторе. В эту ли зиму, или следующую, в зале Александровского института Мельников прочел несколько лекций о Смутном времени и в Нижнем Новгороде в особенности… В этих лекциях, кроме интересного очерка Нижегородской местности (по сотной грамоте), любопытны были некоторые характеристики, например, сочувственная характеристика Грозного. У меня в памяти осталось одно замечание о том, что Грозный подвергая опале князей, при помиловании переводил их из той местности, где у них были предковские вотчины, в другую»[26]. Не будет преувеличением сказать, что Иван Грозный вызывал интерес Бестужева-Рюмина как историка[27]: не случайно второй том его «Русской истории» был доведен до смерти первого русского царя. Его эпоха волновала воображение и историка Ешевского – с 1855 г. возглавляя кафедру русской истории в Казанском университете, он задумывался в Казани о написании докторской диссертации по проблемам истории России, как это следует из письма некоему Ивану Кондратьевичу: «Теперь я понемногу работаю для докторской диссертации по Русской истории. Очень хотелось бы по поводу биографии Курбского представить сколько возможную характеристику современного

[25] *Архангельский С.И.* К.Н. Бестужев-Рюмин… С. 59.

[26] *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников… С. 46.

[27] *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина… С. 183.

общества. Московский быт среди Польского и Литовского материалов…»[28] Этот исследовательский вектор в творчестве С.В. Ешевского не состоялся. В связи с этими обстоятельствами закономерен вопрос: насколько А.П. Мельников поспособствовал интересу питомцев к эпохе Ивана Грозного?

Бестужев-Рюмин, будучи студентом, продолжал поддерживать знакомство с Мельниковым: «“Мельников обещал мне доставить на время моего пребывания в Нижнем рукопись запрещенных Стоглавом книг. Я думаю сделать их описание и передать Калачеву”. (Письмо Бестужева от 25 мая 1849 года)»[29].

Итак, беседы, подготовки к ним способствовали тому, что П.И. Мельников оставил в душах питомцев неизгладимый след и чувство благодарности, а сам пребывал в их памяти как лучший учитель (в посвящении ко второму тому «Русской истории» (1885) К.Н. Бестужев-Рюмин среди имён учителей – университетских профессоров – указал П.И. Мельникова[30]). Тем не менее, ряд вопросов применительно к «школе» П.И. Мельникова остается актуальным. Уже упоминались беседы, на которых Бестужев-Рюмин и Ешевский выступали с докладами о Шереметеве и местничестве соответственно. Затронул Бестужев-Рюмин в статье о друге и его доклад о пребывании Петра I в Нижнем Новгороде в 1722 г.

Благодаря этому докладу в российский исторический «текст» прочно вплетены слова первого российского императора над могилой Минина о том, что «здесь покоится спаситель России». Данное выступление Ешевского было напечатано в «Нижегородских губернских ведомостях», чьим редактором был П.И. Мельников. Затем он приложил усилия, чтобы доклад Ешевского после его смерти был переопубликован А.С. Гациским. Источниковедческий анализ текста С.В. Ешевского показал, что он был сфабрикован. Не обнаружено никаких источников о том, что Пётр I почтил своим вниманием и словами погребение Минина, а в тех источниках, следы которых обнаруживаются в тексте гимназиста

[28] Письмо С.В. Ешевского некоему Ивану Кондратьевичу от 1855 г. (копия) // Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1827. Оп. 824. Д. 23. Л. 137.

[29] *Архангельский С.И.* К.Н. Бестужев-Рюмин… С. 60.

[30] Впервые на это указал: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина... С. 12.

С.В. Ешевского, нет такого сведения. Инициатором мистификации был П.И. Мельников, и через своего ученика он обеспечивал ее удостоверение[31]. Косвенным аргументом в пользу этого предположения является набор источниковедческих фактов мистификаций П.И. Мельникова, которые выявляются в последнее время.

Он неоднократно выступал в печати с различного рода сенсациями, связанными с историей Нижегородского края – Дятловы горы в XIII в., «Абрамов городок», «Старый городок», «Лобков хронограф» – и другими сюжетами, вызвавшими весьма скептические оценки у современных исследователей[32]. Недавно в сочинениях П.И. Мельникова обнаружены еще две уникальные версии исторических событий, требующие верификации. В готовящейся к публикации работе В.Т. Илларионова «Старообрядцы. К политической истории старообрядцев»[33] рассказывается о демонстрации А.П. Мельниковым, сыном П.И. Мельникова, рукописи отца. «Старообрядческая рукописная книга в 212 страниц, в дубовом переплете, отделанном в кожу, с двумя рядами медных за-

---

[31] *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения (далее – МЧ): сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород, 2011. С. 186–206; *Кузнецов А.А.* Погребение Кузьмы Минина: вопросы остаются // МЧ: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород, 2012. С. 171–177.

[32] *Кузнецов А.А.* Вопросы истории Нижегородского Поволжья в XII – первой трети XIII в. // Роль Нижнего Новгорода в сохранении Российской государственности: матер. науч. и метод.-практ. конф. (Нижегородский государственный педагогический университет, 30 марта 2011 г.). Н. Новгород, 2011; *Чеченков П.В.* Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Н. Новгород, 2010. С. 20–22; *Его же*. Об одном топонимическом недоразумении // Проблемы исторической демографии и исторической географии. Вып. 2. М.; Н. Новгород, 2010. С. 99–108; *Хачко А.Ю.* Как звали Минина (купчая 1602 г.) // МЧ. Н. Новгород, 2003. С. 7–11; *Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // МЧ. Н. Новгород, 2010. С. 125–137.

[33] *Кузнецов А.А.* Неизвестные работы В.Т. Илларионова о старообрядчестве и нижегородском краеведении // Личность в науке. XX век. Люди. События. Идеи. В.Т. Илларионов (1901–1985). Н. Новгород, 2012. С. 126–136.

стежек. П.И. Мельниковым утверждалось, что эта рукопись содержит надписи Питирима. На первой странице рукописи написано автором “В лесах”: “Принадлежит Павлу Мельникову”. С первого листа рукописи, и на каждом последующем, рукою же П.И. Мельникова: “Сия рукопись Керженские ответы поданные преосвященному Питириму епископу, а после архиепископу Нижегородскому и Алатырскому основателем диаконовщины или кадильников диаконом Александром в 1719 году как надо полагать подлинник до 1846 года находившийся в нижегородском архиерейском доме, а в 1846 году сентября 30 преосвященным Иоанном епископом нижегородским и арзамасским впоследствии а именно с 1847 года архиепископом Донским и Новочеркасским подарена много им любимому чиновнику особых поручений при нижегородском военном губернаторе князе Урусове надворному советнику а после действительному статскому советнику Павлу Ивановичу Мельникову написавшему [слово неразборчиво] несколько сочинений о русском расколе старообрядства и известному в русской литературе под всевдонимом Андрея Печерского В 1860 году в С. Петербурге когда он писал письма о расколе напечатанные в Северной пчеле 1862 года и потом изданных отдельным оттиском сия рукопись бывшая у него на письменном столе случайно упала на пол”. На 110 листе рукописи надпись П.И. Мельникова прерывается. Но на обороте 210 страницы рукою писателя надписано: “Сия книга Керженские ответы Александра диакона Питириму (после) архиепископу Нижегородскому в 1846 году подарена (после) действительному статскому советнику Павлу Ивановичу Мельникову преосвященным Иоанном, епископом Нижегородским, после архиепископом Донским. До того принадлежала Нижегородскому архиерейскому дому. В 1860 году, когда Мельников писал свои <u>Письма о расколе</u> сия книга лежавшая у него на столе случайно упала на пол и дубовая доска, составляющая правую половину переплета переломилась. При этом оказалось что на эту половину приклеено было три листочка, начиная с того на котором сие пишется приклеены были только по краям. Открыв эти листки, а также и один находящийся в начале рукописи, Мельников увидел бумагу, относящуюся к началу XVIII столетия и касающуюся нижегородского раскола, а на первом листке надпись <u>Вопросы Пи-</u>

тиримовы, писанные почерком сходным с почерком архиепископа Питирима. Это заставляет предполагать, что сия рукопись есть подлинник, предъявленный Александром диако*ном Питириму, находившийся до 1846 года в Нижегородском архиерейском доме* Д.С.С. Мельников".

Затем следовал постскриптум: "На последнем листке, где на одной стороне писан допрос раскольников, после 1783 года, на другой стороне написано о аллилуйи вопро 18. олар вопро 112. о двух естествах 75 по видимому также рукою архиепископа Питирима. Почерк был мною сличаем, с питиримовскими бумагами нижегородской духовной консистории. Почерк Питирима литографирован в издании М.П. Погодина. П. Мельников. 1865 г. Ноябрь. Спбург."».

Эти листки, описанные П.И. Мельниковым, до сего времени не обнаружены. Были ли они? Их «обретение» и дальнейшее исчезновение укладывается в схему фабрикации мистификаций источников: «Здесь и история неожиданного открытия текста, его перевода и последующего таинственного исчезновения оригинала»[34]. В силу этих обстоятельств сведение Бестужева-Рюмина о том, что у Мельникова была рукопись запрещенных Стоглавым собором книг, тоже надо проверять.

П.И. Мельников использовал разные способы внедрения мистификаций в научное историческое поле, применявшиеся в XIX в.: цитировал утраченные источники, следы которых не находили, ссылался на пересказ легенд от лиц, которые умерли, приводил взаимоисключающие версии… И если Ешевский стал инструментом в одной из схем легализации «исторического факта» о речи Петра I над могилой Минина, то зрелый профессиональный историк Бестужев-Рюмин выступил разоблачителем еще одного «уникального сведения» своего учителя. «О письме Ф.И. Шереметева слышал я от Мельникова еще в сороковых годах в такой редакции: "Выберем Мишу Р[оманова]: он парень добрый, и нам с ним будет повадно". Источником для Мельникова служил князь Н.И. Трубецкой, бывший некоторое время в Нижнем, где и я его видел… Письма Мельников сам не видал, и я подивился Костома-

[34] *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 515.

рову, который о нем заговорил печатно»[35]. К.Н. Бестужев-Рюмин подразумевал примечание в книге Н.И. Костомарова о Смутном времени: «Известный наш даровитый писатель П.И. Мельников, занимавшийся некогда сам смутной эпохой, много видевший в разных местах старых актов, относящихся к тем временам, сообщил мне, что знает о существовании письма Федора Шереметьева к Голицыну, находившемуся тогда в плену, где было сказано: "Выберем Мишу Романова, он молод и еще глуп". Смысл этого письма таков, что бояре склонились к выбору Романова, между прочим, потому, что, при его молодости и неопытности, думали править сами и поступать по своей воле»[36]. В другом письме о Смуте Бестужев-Рюмин более жёстко прошелся по профессиональной репутации Мельникова-историка: «Писал я Вам и о знаменитом письме Федора Ивановича Шереметева и его происхождении. Авторитет Мельникова и вообще невелик: он был человек легковерный и увлекающийся»[37].

Подтверждение последнему тезису обнаруживается в некрологе Мельникова, где Бестужев-Рюмин, следуя принципу «aut bene, aut nihil», указал на легкость необычайную своего учителя в выборе до 1854 г. тем исследования и творчества – исторических и литературных: студент «Мельников умел кое-что вынести из университета… увлекался изложением персидской истории Эрдманна, на основании лекций которого составил очерк истории Сассанидов, нигде не напечатанный. Не знаю, как он познакомился с буддизмом; но именно к этой эпохе его жизни относится (читанная им мне в 1847 г., и вероятно пропавшая) философская статья в буддистском духе»[38]; «К Пермской эпохе относится его первое литературное произведение, появившееся в "Отечественных записках" 1839 г… "Путевые записки от Тамбовской губернии до Сибири", где так много археологических указаний… Во время своего учительства Мельников занимался и литературою: в Лите-

---

[35] Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898. С. 30 (письмо 1 октября 1893 г.).

[36] *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII века. Т. III. Московское разорение. СПб., 1868. С. 294.

[37] Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени… С. 34 (письмо 6 октября 1893 г.).

[38] *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников… С. 43.

ратурных прибавлениях к Русскому Инвалиду 1840 г. есть его статья: “Рим и варвары” и первая его повесть, не совсем удачное подражание Гоголю; в Отечественных записках тоже было много его статей, из которых самая интересная “Нижний Новгород в Смутное время”»[39]; «Когда государь Николай Павлович был в Нижнем, ему угодно было приказать узнать, нет ли потомков Минина. Исследование, переходя из рук в руки, поручено было наконец Мельникову (что помнится и было напечатано в Отечественных записках)…» В 1845 г. Мельников получил место редактора Нижегородских губернских ведомостей… Здесь Мельников напечатал свою “Историю Суздальско-Нижегородского княжества” и “Биографию Кулибина”. Осенью 1845 г. Мельников съездил в Москву и Петербург… откуда привёз тогда еще новинку: “Отношения Новгорода к великим князьям” С.М. Соловьева, которым увлёкся; следы увлечения его видны в его “Истории Суздальско-Нижегородского княжества”»[40]. К этому надо добавить, что до 1854 г. П.И. Мельников рассыпал в московской, нижегородской и симбирской губернских газетах очерки о мордве, собранные затем в книгу «Очерки мордвы». Эти свидетельства указывают на то, что П.И. Мельников всячески стремился утвердиться в исторической науке, откуда его исторг случай на студенческой попойке[41]. Все попытки П.И. Мельникова исправить эту трагедию обернулись естественными для любительской периферии исторической науки XVIII–XIX вв. средствами (мистификации, подлоги, фальсификация источников и др.). Они, будучи неразоблаченными, на долгое время не позволяли увидеть того, что Мельников был любознательным и поверхностным дилетантом, хотя Бестужев-Рюмин, а возможно, и Ешевский, осознал это достаточно рано и деликатно показал в своих текстах. Любовь и уважение Бестужева-Рюмина к учителю не застила ему глаза – истина была дороже. Однако сам он полагал, что и С.В. Ешевский поддержал бы его в критической оценке учителя: «В 1839 г. осенью Мельников был переведён учителем в Нижний, где я его и застал в 1840 г. В другом месте я… выразил то мнение, что, не бывши педагогом (артистическая

[39] *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников… С. 44.
[40] Там же. С. 45–46.
[41] Там же. С. 43–44.

натура мешала ему), Мельников был полезен тем, кто хотел заниматься. В ком он видел это желание того он умел и заинтересовать, и повести. Я убежден, если б Ешевский был жив, то он подтвердил бы это; это скажет – я уверен в том – Е.А. Белов, тоже ученик Мельникова»[42].

В 1845 г. гимназист Ешевский поспособствовал утверждению «факта» о словах Петра I праху Минина. Сам Ешевский, став профессиональным историком, не возвращался к сюжету о Петре и Минине. Неизвестно, как он характеризовал свою гимназическую работу с высоты профессиональной подготовки, но высокий уровень его академических исследований позволяет предполагать, что скептически.

Мельников пренебрегал азами педагогического ремесла, о чём свидетельствует практика привлечения своих мотивированных учеников к обучению других гимназистов: «П.И. Мельников получил на месяц отпуск и в продолжении этого месяца его уроки в старших классах были заняты учителями, а в меньших (III и IV) отданы мне и Ешевскому»[43]. Надо указать на парадоксальную ситуацию: стартовые позиции преподавательской деятельности и научных изысканий выпускника Казанского университета Мельникова и его учеников – отроков Бестужева-Рюмина и Ешевского – почти совпали, но если наставник в академических штудиях остался на любительском и, порой, на антинаучном уровне, то питомцы, выросшие до уровня профессионалов-историков, существенно продвинули вперед российскую науку о прошлом.

Мельников, о котором много и охотно писал Бестужев-Рюмин, заслонил других преподавателей, кроме оставивших о себе крайне негативные впечатления. Между тем, в «Воспоминаниях» Бестужев-Рюмин указывает на то, что математика трудна была для него в геометрической части (здесь проявились и учитель-изверг, и педагог, который ничего не мог объяснить; Л.Н. Майков указал фамилию одного из них – Штейн, но не смог его идентифицировать), а алгебра же, благодаря учителю Руммелю, не была камнем преткновения[44]. В ненапечатанных воспоминаниях Бес-

---

[42] *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников… С. 44.

[43] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. X.

[44] Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года)… С. 15.

тужева-Рюмина Руммель фигурирует и как временный преподаватель ботаники, который заинтересовал учеников, чего нельзя было сказать о другом учителе ботаники. Выпускник Гатчинского института В.И. Иванов, привлеченный директором гимназии Грацинским из уездной школы, оказался «замечательным учителем» по истории. Он и Е.Т. Летницкий, единственные учителя, не имевшие высшего образования и специальной педагогической подготовки, по мнению Бестужева-Рюмина, были лучшими учителями. Другой историк, Е.А. Розов, кандидат Казанского университета, не был хорошим педагогом, но запомнился Бестужеву-Рюмину тем, что давал читать книги, откуда мальчик почерпнул первые сведения о летописях. Надо ли упоминать, что К.Н. Бестужев-Рюмин считается основоположником источниковедения и летописеведения в России! К.Н. Миловидов, магистр из Киева, читал гимназистам авторский курс по истории церкви, поскольку учебника не существовало. Не «особенно даровитый» преподаватель русской словесности и логики В.Л. Баев (возможно, тот, с кем горячо повздорил С.В. Ешевский – *А.К.*) познакомил Бестужева-Рюмина с лекциями Плетнева о русских писателях (в 1847 г. Бестужев-Рюмин опубликовал в «Нижегородских губернских ведомостях» статьи о русских писателях – *А.К.*). Учителя законоведения Жаворонкова, по мнению Бестужева-Рюмина, выпускники нижегородской гимназии, «поступавшие на службу», не раз поблагодарили за его курсы[45].

Переложение, вместе с цитатами, неопубликованных воспоминаний К.Н. Бестужева-Рюмина в книге Е.Ф. Шмурло не позволяет точно определить, где преподавали эти учителя – в гимназии или Александровском институте. Кажется, что в сознании Шмурло они перемешались. В таком случае опосредованно дошли впечатления Бестужева-Рюмина о смене поколений преподавателей в нижегородских учебных заведениях. Поэтому в вышеприведенном перечне педагогов надо видеть тех, кто сменил в нижегородской гимназии горе-учителей и сделал ее одним из лучших заведений в Казанском округе (см. выше). Инициатором этого переворота К.Н. Бестужев-Рюмин называет губернского пред-

---

[45] *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина… С. 13–14.

водителя дворянства Н.В. Шереметева, попечителя гимназии и дворянского института[46].

Именно с Н.В. Шереметевым сошёлся отец Константина – Николай Павлович Бестужев-Рюмин, когда с 1826 по 1843 г. почти безвыездно жил в Кудрёшках[47]. Они находились в Горбатовском уезде, в котором повсеместно были разбросаны владения Шереметевых. Близость Н.П. Бестужева-Рюмина и Н.В. Шереметева позволяет выяснить ряд деталей в биографии Константина Бестужева-Рюмина. Когда мальчика толкнул гимназический надзиратель Пеликан (бывший шереметевский садовник), Н.П. Бестужев-Рюмин пожаловался директору гимназии и даже пригрозил побить обидчика. Директор отнесся к этому весьма равнодушно. Но все изменилось – Пеликан стал особенно деликатен с К.Н. Бестужевым-Рюминым по сравнению с другими гимназистами, когда Бестужев-старший заявил, что сообщит об этом Н.В. Шереметеву[48]. С учетом близости последнего с семейством Бестужевых-Рюминых выглядит не случайным выбор темы сочинения, триумфально озвученного гимназистом Бестужевым-Рюминым в 1846 г. на беседе «Борис Петрович Шереметев». На беседе присутствовал, как указано выше, губернский предводитель – Н.В. Шереметев, родственник героя гимназического исследования. А затем П.И. Мельников, инициатор литературных бесед, опубликовал эту беседу в «Нижегородских губернских ведомостях». Знание того, что П.И. Мельников подтолкнул гимназиста С.В. Ешевского разрабатывать тему посещения Петром I могилы Минина с целью угодить интересам Николая I, подражавшего первому русскому императору, а также видевшего в Минине символ народности знаменитой уваровской формулы[49], делает факт обращения К.Н. Бестужева-Рюмина к биографии Б.П. Шереметева неслучайным. В обоих случаях П.И. Мель-

---

[46] *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина… С. 12.

[47] Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года)… С. 7.

[48] Там же. С. 14.

[49] *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии. С. 191–193, 195; *Кузнецов А., Маслов А.* Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1435–1437.

ников верноподданнически действовал в угоду власть имущих – императора (С.В. Ешевский) и нижегородских губернских властей (К.Н. Бестужев-Рюмин). Но с этими историко-политическими опытами связаны первые исследовательские шаги нижегородских гимназистов – будущих историков.

По текстам, связанным с Бестужевым-Рюминым, можно восстановить и еще одну важную фигуру в нижегородском историческом знании того времени. К.Н. Бестужев-Рюмин указал, что С.В. Ешевский первоначально поступил в Казанский университет не без влияния профессора Н.А. Иванова. На следующих страницах Бестужев-Рюмин возвращает в историографию его полузабытое имя. Н.А. Иванов долго влиял на выстраивание системы преподавания истории в Казанском учебном округе. По мнению Бестужева-Рюмина, Н.А. Иванов стоял выше всех хороших профессоров Казанского университета. Его «обширный и многосторонний ум, громадная память и необыкновенный дар слова» не были и в малой толике реализованы из-за буйства нравов студентов, профессоров и жителей Казани. По причине нехватки профессоров Иванов читал в тамошнем университете и русскую историю, и всеобщую историю, и историю философии, самостоятельно разработав эти курсы. Подобную самостоятельность он, выпускник Казанского университета, немного поучившись в Дерптском профессорском институте (сведение из некролога Е.А. Белова), проявил и в подходе к истории России. Его первый и последний опус по этой теме «Россия», напечатанный под псевдонимом, был замечен Шафариком, но получил резкую (и незаслуженную, по мнению Бестужева-Рюмина) отповедь О.М. Бодянского, которая вынудила Иванова отказаться от продолжения. Поэтому «Иванов последних годов был не тем, чем он должен был быть»[50].

В рассказе об Н.А. Иванове К.Н. Бестужев-Рюмин упомянул еще и свидетельства А.С. Гациского, которому довелось слушать лекции С.В. Ешевского в Казанском университете. Именно Гациский первым указал, что Ешевский поехал в 1846 г. в Казанский университет под влиянием профессора Иванова, что в 1855 г. «ему пришлось заменить своего бывшего наставника» на кафедре русской истории, что лекционный курс Ешевского стал продол-

[50] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский… С. XI–XIII.

жением курса лекций Н.А. Иванова[51]. В одном из первых откликов на смерть Ешевского, принадлежавшем перу Гациского, указано, что в 1855 г. Николай Алексеевич Иванов был еще в силе и производил неизгладимое впечатление как лектор, но после визита министра народного просвещения он удалился в Дерпт, уступив место тому, кому советовал поехать учиться в Казанский университет[52]. Е.Ф. Шмурло не упоминает Н.А. Иванова, за исключением того, что его учеником был гимназический преподаватель истории Е.А. Розов. Ещё раз Бестужев-Рюмин подробно написал о влиянии Н.А. Иванова на формирование историка Е.А. Белова[53].

П.И. Мельников почти полярно разошелся со своим учеником К.Н. Бестужевым-Рюминым, да и с А.С. Гациским, в оценках Н.А. Иванова. Об этом можно узнать из очерка П.А. Усова, работавшего после смерти П.И. Мельникова в 1883 г. с его бумагами. В них Н.А. Иванов – злой человек, но блестящий профессор, получивший огромное влияние. Он, согласно Мельникову, считал, что история в округе преподавалась плохо, и стремился заменить прежних преподавателей-историков своими бывшими слушателями-учениками. Но «уйти» П.И. Мельникова ему не удалось, поскольку тот пользовался покровительством графа Уварова. Последний поспособствовал, чтобы Мельников вошёл в состав Археографической комиссии, в чем отказали Иванову. Затем П.И. Мельников обнаружил ошибки в текстах Н.А. Иванова «Россия» и «посмеялся над ними», не преминув в «Начальствующих распоряжениях по Казанскому учебному округу» намекнуть на то, что Иванов на свой лад перекраивает историю. Уже после того, как П.И. Мельников прекратил преподавание в гимназии, Н.А. Иванов ему открыто сказал, что не мог терпеть его как учителя, поскольку тот не уважает старших и мимо их «входит в сношения с самим министром». Мельников был убежден, что Иванов отыгрывался на его учениках во время вступительных экзаменов в университет, но они все равно поступали, а Ешевский, заменивший Иванова на кафедре, – лучший пример того, как Мельников готовил учеников[54].

---

[51] *Гациский А.С.* Люди Нижегородского Поволжья... С. 348, 350–351.

[52] *Гациский А.С.* Воспоминание о С.В. Ешевском... С. 3–4.

[53] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Е.А. Белов… С. 102–103.

[54] *Усов П.А.* Этнограф-беллетрист // Исторический вестник. 1884. № 12. С. 31–32.

Согласно А.С. Гацискому, замена в 1855 г. на кафедре русской истории С.В. Ешевским Н.А. Иванова произошла по причинам, не связанным с талантами обоих. Экзамены, на которых Иванов пристрастно и предвзято общался с учениками Мельникова, неизвестны, кроме одного. На нем в 1847 г. (когда Мельникова уже не было в гимназии) проверяли К.Н. Бестужева-Рюмина и других его гимназических товарищей. Н.А. Иванов строго отнёсся к географии и спрашивал её по тем нормам, которых нижегородские гимназисты не знали. Бестужев-Рюмин получил оценку «три», а сочинение вообще пересдавал. Тем не менее он выпустился из гимназии[55]. Речь об истории в данном случае не шла, а сам эпизод не стал поводом для того, что К.Н. Бестужев-Рюмин в чем-то обвинял Н.А. Иванова.

Настойчивое, акцентированное подчёркивание Бестужевым-Рюминым достоинств Иванова в статье о Ешевском и некрологе Белова создает впечатление, что автор полемизировал с Мельниковым, с его мыслями, которые отразились в тексте П.А. Усова. В некрологе Мельникова, принадлежащем перу Бестужева-Рюмина, Иванов вообще не упоминался. На первый взгляд, этому предположению противоречит то, что статья о С.В. Ешевском, где впервые встречается «похвала» Н.А. Иванову, была напечатана в 1870 г., за дюжину лет до кончины П.И. Мельникова. Однако летом 1869 г. К.Н. Бестужев-Рюмин с П.И. Мельниковым совершили совместное путешествие от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга и Перми[56], в котором они много общались. А уже через год после вояжа в статье о Ешевском превозносится Иванов. Он же заслуживает добрых слов Бестужева-Рюмина в некрологе Белова. Если догадка о скрытой полемике К.Н. Бестужева-Рюмина с П.И. Мельниковым верна, то и в данном случае ученик противостоит субъективности своего наставника.

* * *

Детство и юность С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина в непростых условиях нижегородской гимназии способствовали складыванию их дружбы, которая подпитывалась на протяже-

---

[55] Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года)… С. 19.
[56] *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников… С. 48.

нии многих лет воспоминаниями о совместных годах. Эти их настроения, взаимная тёплая дружеская привязанность Ешевского и Бестужева-Рюмина подтверждаются письмами, процитированными С.И. Архангельским в статье о Бестужеве-Рюмине: «Когда есть что-нибудь на душе, мне и хотелось бы что высказать человеку близкому, в то же время я не всегда бываю в состоянии, а нынешний год более, чем когда-нибудь, я чувствовал потребность быть близко около тебя, потому что давно уже мне не было так тяжело» (письмо Ешевского к Бестужеву от 1854 г.). Тем же отвечает Бестужев Ешевскому. «Грустно думать, мой милый, что люди иногда близкие не знают друг о друге ничего. Я уверен, что ты меня любишь по старому, знаю, что и ты уверен во мне, но между тем я едва знаю, что делается с тобой, и потому сам редко имею случай говорить с тобой» (письмо Бестужева к Ешевскому от 26 сентября 1849 г.). «Ты самый близкий ко мне человек, а в таких минутах мнение близких людей больше всего занимает и трогает нас. Ничто меня не отдалит от тебя. Я почувствовал давно уже это, хотя и была минута, когда я чуть было не отшатнулся от тебя, но и она доказала, как ты близок ко мне» (письмо Бестужева-Рюмина от 1850 г.).

* * *

Среди источников сведений о гимназических годах Ешевского и Бестужева-Рюмина преобладают тексты второго. В другой части документов имеется группа, которая является промежуточной. Её составляют письма С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина, приведенные в исследованиях Е.Ф. Шмурло и С.И. Архангельского. Кроме того, в книге Шмурло имеется переложение рассказов Бестужева-Рюмина и его неопубликованных воспоминаний. Всем этим свидетельствам противостоят цитаты из записей П.И. Мельникова, приведенные в книге П.А. Усова. Книга Е.Ф. Шмурло и тексты Гациского определили появление четкой схемы: учитель П.И. Мельников воспитал будущих историков С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина. Между тем, комплексное исследование текстов К.Н. Бестужева-Рюмина показывает, что он весьма критически относился к П.И. Мельникову как историку-исследователю, а потому низводил его роль до уровня педагога, поддержавшего и развившего интерес учеников к истории.

Все эти тексты главной, осевой фигурой гимназической юности К.Н. Бестужева-Рюмина и С.В. Ешевского делают П.И. Мельникова. Он заслоняет других учителей – и плохих, и хороших. Он внёс существенный вклад в культивирование интереса Ешевского и Бестужева-Рюмина к истории. Залогом этого стали личные качества П.И. Мельникова, его неподдельная одержимость прошлым, позволяющая перешагивать через рамки научной этики и корректности, даже тех, которые были приняты в XIX в. Мельникову было тесно в рамках академического знания, и он компенсировал этот интеллектуальный дискомфорт литературным творчеством. К ним надо отнести и продуцирование псевдоисторических сведений, и поныне живущих в историографии. Очевидно, что две составляющие единого постижения прошлого у П.И. Мельникова разделились у его учеников. И Ешевский, и Бестужев-Рюмин разводили деятельность на литературном поприще и служение Клио. На поприще истории они стали, в отличии от гимназического наставника, профессионалами, а Бестужев-Рюмин – одним из основоположников источниковедческой критики, которая по определению дезавуирует мистификации, подобные мельниковским. Как указывалось, П.И. Мельников повлиял на то, что его ученики взыскующе вглядывались в эпоху Ивана Грозного. Можно добавить, что К.Н. Бестужев-Рюмин и Е.А. Белов унаследовали от учителя и интерес к Смуте. Более того, К.Н. Бестужев-Рюмин критиковал своего наставника по отдельным вопросам изучения Смуты. Непрофессиональные попытки Мельникова внести вклад в написание Римской истории или истории Сасанидов, как знать, могли привести к тому, что С.В. Ешевский стал заниматься всеобщей историей. Однако эту догадку надо проверять, и ключ к этой верификации может заключаться в переписке С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина.

---

1. *Архангельский С.И.* К.Н. Бестужев-Рюмин // Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края. Т. 1. Вып. 1 Исторический. Н. Новгород, 1926. С. 58–65.

2. *Архангельский С.И.* Исторические взгляды С.В. Ешевского // Средние века. Вып. VI. М., 1955. С. 324–344.

3. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Е.А. Белов (некролог) // ЖМНП. 1895. № 12. Ноябрь и декабрь. С. 102–106.

4. *Бестужев-Рюмин К.Н.* П.Ив. Мельников (некролог) // Исторический вестник. 1883. № 3. С. 43–49.

5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский. Биографический очерк // Сочинения С.В. Ешевского: в 3 ч. М.: Тип. Гречина и К., 1870. Ч. I. С. I–LXXXVII.

6. *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 6 т. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1886–1904. Т. III: Бенни–Боборыкина. 1892. С. 187–207.

7. Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года). Изданы академиком Л.Н. Майковым // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXVII. № 4. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1900. С. 1–59.

8. *Гациский А.С.* Воспоминание о С.В. Ешевском. Н. Новгород, 1865. 10 с

9. *Гациский А.С.* Люди Нижегородского Поволжья // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 2001. С. 255–372.

10. *Киреева Р.А.* Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 237–244.

11. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII века. Т. III. Московское разорение. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1868. 346 с.

12. *Кузнецов А.А.* Вопросы истории Нижегородского Поволжья в XII – первой трети XIII в. // Роль Нижнего Новгорода в сохранении Российской государственности: матер. науч. и метод.-практ. конф. (Нижегородский государственный педагогический университет, 30 марта 2011 г.). Н. Новгород: Книги, 2011. С. 102–121.

13. *Кузнецов А.А.* С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Серия «Гуманитарные науки». Книга 3. С. 204–212.

14. *Кузнецов А.А.* Неизвестные работы В.Т. Илларионова о старообрядчестве и нижегородском краеведении // Личность в науке. XX век. Люди. События. Идеи. В.Т. Илларионов (1901–1985). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. С. 126–136.

15. *Кузнецов А.А.* Погребение Кузьмы Минина: вопросы остаются // Мининские чтения: сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород: Кварц, 2012. С. 171–177.

16. *Кузнецов А., Маслов А.* Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канунами. Историче-

ские исследования в России за последние 25 лет. М.: АИРО XXI, 2013. С. 1425–1461.

17. *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 2006. С. 160–164.

18. *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. ст. Вып. 9. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 167–190.

19. *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 186–206.

20. Письмо С.В. Ешевского некоему Ивану Кондратьевичу от 1855 г. (копия) // Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1827. Оп. 824. Д. 23.

21. *Пудалов Б.М.* Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. Н. Новгород: Ред.-изд. отдел Центрального архива Нижегор. области, 2010. С. 125–137.

22. *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.

23. *Усов П.А.* Этнограф-беллетрист // Исторический вестник. 1884. № 12. С. 25–72.

24. *Хачко А.Ю.* Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 7–11.

25. *Чеченков П.В.* Об одном топонимическом недоразумении // Проблемы исторической демографии и исторической географии. Вып. 2. М.; Н. Новгород: НИЭЛ, 2010. С. 99–108.

26. *Чеченков П.В.* Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. С. 20–22.

27. *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев: Тип. Маттисена, 1899. 418 с.

А.В. Антощенко

О значении студенческих конкурсных сочинений в формировании профессиональных историков в дореволюционных российских университетах (случай Г.П. Федотова)*

Изучение «случая Г.П. Федотова» позволяет автору выяснить принципы определения тем конкурсных сочинений, их связь с проблематикой семинарских занятий, критерии их оценки профессорами, причины, влиявшие на отказ от продолжения разработки темы сочинения в магистерской диссертации.

Ключевые слова: биография Г.П. Федотова, университетское образование в России в начале XX в.

A.V. Antoshchenko

On significance of students' competition works in formation of professional historians in pre-revolutionary Russian universities (George Fedotov's case)

The study of George Fedotov's case allows the author to find out principles for defining the topics of students' competitive works and their relation to the problems discussed in the seminars, and professors' evaluation criteria, as well as the factors influenced the failure to develop these works into the master's thesis.

Key words: biography of George Fedotov, university education in Russia in the beginning of the 20th century.

Поощрение в виде медалей за успехи в овладении науками утвердилось в императорском Московском университете сразу же после его открытия[1]. Университетские уставы 1804 г. закрепили и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 13–01–00170 «Апостол древнерусской святости Г.П. Федотов (1886–1951)».

[1] *Букатина Г.Е.* Награды императорского Московского университета // Наука и жизнь. 2005. № 3. URL: http://www.nkj.ru/archive/articles/874/ (дата обращения: 12.06.2014).

распространили эту практику на все российские университеты[2]. Общеуниверситетский устав 1835 г. модифицировал и детализировал опыт награждения медалями студентов: если раньше речь шла о поощрении студентов, «отличившихся добронравием и успехами», проявленными по итогам ежегодных испытаний, то теперь предполагалось ежегодно предлагать специально «задачи» от каждого факультета «с назначением, за удовлетворительное во всех отношениях по каждой задаче сочинения, золотой, а за лучшее после того, если оно близко к требуемому достоинству, серебряной медали»[3]. И далее подчеркивалось: «При сем будут принимаемы в соображение успехи и нравственность студентов»[4]. Уставом также была определена процедура подачи и оценки конкурсных сочинений, которые должны были предоставляться декану «в свертке» под девизом с указанием в отдельном запечатанном конверте, кто скрывается под данным девизом. После анонимной оценки сочинения в заседании факультета профессорский совет утверждал это решение и объявлял имена победителей, вскрыв конверт с девизом и соответствующим ему именем. «Раздача медалей» производилась «в торжественном собрании по прочтении составленных в факультетах обозрений содержания присланных на задачи ответов»[5]. Наконец, уставом «дозволялось» печатать по решению совета победившие сочинения «на счет университета»[6].

Университетский устав 1863 г. вполне в духе времени закрепил эти положения, поместив их в отделение «О сроке учебного курса, испытаниях и поощрительных мерах к учению»[7] и добавив к медалям еще один, своеобразный вид награждения – «почетный отзыв». Однако более значимым было не это расширение поощрительных форм, а повышение их значимости: сочинение, удостоенное медали или поощрительного отзыва, засчитывалось как кандидатская диссертация и позволяло ее автору при окончании всех испытаний «с отличным успехом» завершить университет-

[2] См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 28 (1804–1805). С. 582 (§ 118), 600 (§ 115), 613 (§ 115).

[3] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 10 (1835). Ч. 1. С. 849 (§ 103).

[4] Там же.

[5] Там же. С. 850 (§ 105).

[6] Там же. С. 850 (§ 106).

[7] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 38 (1863). Ч. 1. С. 632 (§ 96–97).

ское образование со степенью кандидата[8]. Теперь совет решал не только вопрос о публикации таких сочинений, но и о количестве задач, предлагаемых факультетами своим учащимся, что значительно увеличило число конкурсных сочинений.

Университетский устав 1884 г., казалось бы, повторил основное положение о конкурсных сочинениях устава 1863 г., уточнив, опять же в духе времени, что «число задач устанавливается ежегодно факультетскими собраниями, по принадлежности; общее же число медалей определяется советом университета, по рассмотрении заявлений факультетов о предложенных ими задачах и *с разрешения попечителя* (курсив мой. – *А.А.*)»[9]. Однако важнее было изменение статуса выпускников: вместо званий «кандидатов» и «действительных студентов» они теперь удостаивались дипломов I и II степени, в результате чего значимость конкурсного сочинения понижалась.

Предварительное знакомство с биографиями многих выдающихся российских историков позволяет говорить о важной роли, которую сыграли конкурсные сочинения в их становлении профессионалами, занимающимися изучением прошлого. Однако специальных исследований этой формы испытания-поощрения не предпринималось. В данной статье будет рассмотрено в качестве case study медальное сочинение Г.П. Федотова (1886–1951), снискавшего себе в годы эмиграции славу выдающегося историка-медиевиста, одинаково хорошо ориентировавшегося в истории как западноевропейского, так и русского средневековья. При этом будет использоваться его же метод индивидуализации, который позволит за уникальными чертами этого факта его биографии иногда увидеть, но зачастую лишь наметить некоторые характерные или «типические» черты, отличающие эту форму испытания-поощрения в российских университетах дореволюционной поры. Тем самым в статье будет предложено не только и даже не столько решение, сколько постановка вопросов, связанных с ее значением в становлении историка-профессионала.

Г.П. Федотов был переведен из Петербургского технологического института на историко-филологический факультет сто-

---

[8] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 38 (1863). Ч. 1. С. 632 (§ 94. Примечание).

[9] ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 4 (1884). С. 472 (§ 134).

личного университета по заявлению, написанному им 17 августа 1906 г. незадолго до его второго ареста и двухлетней высылки из России за участие в антиправительственной деятельности саратовских социал-демократов. В Германии он начал занятия историей на философском факультете в Берлинском университете, который вынужден был покинуть осенью 1907 г., так как был выслан из Пруссии «навсегда» за участие в нелегальном политическом собрании русских эмигрантов. В немецком столичном университете он прослушал ряд курсов и участвовал в практических занятиях в так называемых просеминариях. В письмах к своей возлюбленной – Т.Ю. Дмитриевой – он упоминал лекции по исторической философии, «очень беглый, но остроумный и интересный» курс по всемирной истории (в осеннем семестре предлагался обзор средневековой истории) профессора Г.Г.Л. Дельбрюка и курс по истории Востока, читавшийся профессором К.Ф. Леманом-Хауптом, а также занятия по латинской палеографии и средневековой латыни[10]. В летнем семестре Г.П. Федотов прослушал курсы по истории древней Греции профессора Э. Мейера, по логике и теория познания профессора К. Штумпфа, по истории политических теорий профессора О. Хинтце и по античной культуре профессора У. фон Виламовица-Мёллендорфа, а также спецкурсы о духовной жизни Берлина профессора Л. Гейгера и об аграрном вопросе в России профессора К. Баллода и занимался английским языком и в историческом просеминарии[11].

Думается, что особое влияние на него оказали лекции и участие в просеминарии по исторической философии профессора М. Дессуара, последователя В. Дильтея[12]. Во всяком случае, попытки применить принципы дильтеевской концепции понимания

[10] *Федотов Г.П.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1996–2014. Т. 12.: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. 2008. С. 68.

[11] Данные о профессорах, лекции которых слушал Г.П. Федотов, любезно предоставлены на основании его матрикула № 5577 des 96 сотрудницей отдела исторических коллекций архива Берлинского университета Дагмар Зимель (Dagmar Seemel), которой я выражаю искреннюю признательность за это.

[12] См. о нем подробно: *Steiner R.* Von Seelenrätseln, Anthropologie und Anthroposophie, Max Dessoir über Anthroposophie. Dornach, 1983; *Thom N.* Zwischen Idealismus und Psychologismus – Max Dessoirs Theorie der Ästhetik und allgemeinen Kunstwissenschaft. München, 2010.

(Verstehen) явно просматриваются в публикуемых в данном выпуске «Мира историка» письмах-исповеди Г.П. Федотова Т.Ю. Дмитриевой, написанных им во время рождественских каникул 1906–1907 гг. В целом же начинающий историк определил свое отношение к немецким маститым коллегам как к специалистам в области исторической аналитики и к националистически настроенным ученым, что особенно четко проявилось в характеристиках его собственных занятий в Йенском университете в 1907/08 академическом году[13].

После возвращения в Россию Г.П. Федотов восстановился в Петербургском университете, и ему зачли четыре семестра занятий в немецких университетах, поскольку в ходатайстве декана историко-филологического факультета Ф.Ф. Зелинского утверждалось, «что Федотов за время болезни и лечения (sic! – *А.А.*) за границей занимался предметами своего факультета»[14]. Занятия историей в родном университете на старших курсах Георгий сосредоточил в семинарии И.М. Гревса, о котором ему много рассказывала его возлюбленная Т.Ю. Дмитриева, учившаяся у Ивана Михайловича на Высших женских курсах. Правда, первоначальное увлечение и даже восхищение Георгия учителем постепенно ослабевало под влиянием скепсиса товарищей по гревсовскому семинару. «Гревсу совершенно чужда острота и энергия в постановке вопроса, – писал Г.П. Федотов в письме к Т.Ю. Дмитриевой 7 декабря 1908 г. – Он меньше всего – аналитический ум, несмотря на его любимое Quaero[15]. Quaero – это лишь фраза. Он не ищет, но мастерски рисует и строит. В нем живет историк-художник, который был мне тем более приятен после моих немецких аналитиков. Но, конечно, надолго он уже не удовлетворяет. Самое ценное в нем – это его религиозное отношение к науке. Но ведь, в этих словах есть и внутреннее противоречие»[16].

Однако скепсис не помешал ему оставаться «патриотом Гревса» и согласиться на предложение учителя подготовить конкурсное сочинение после того, как прошло обсуждение очень удачно-

---

[13] *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12. С. 90–91, 94–95.
[14] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47244. Л. 37, 44; Там же. Д. 16112. Л. 21.
[15] Я ищу (*лат.*).
[16] *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12. С. 127.

го доклада Г.П. Федотова об Августине Блаженном в семинаре И.М. Гревса. «У Ивана Михайловича никто не занимается Августином, – писал Георгий своему постоянному корреспонденту 8 марта 1909 г. – У всех апатия, а больше всего у способных историков. Зависит это, мне кажется, оттого, что сюжет наш более литературно-критический, чем исторический. Но я почему-то люблю Августина, т. е. самого Аврелия Августина. Конечно, он во многом дрянь, но и я такая же, и я давно не читал книги с таким захватывающим интересом, как его "Исповедь". Мне казалось, что я сам переживал бы то же на его месте (это всегда так кажется), а психолог он изумительный. И вот следы этого любовного отношения к Августину, должно быть, сказались в реферате. Я боялся за него; когда перечитывал дома, он мне показался плохим, но успех был больше, чем я мог думать. Иван Михайлович предложил мне взять работу по Августину, а эту ночь я никак не мог заснуть от нервов. Этого со мной давно не бывало»[17].

В этой самооценке легко заметить ряд значимых моментов, характеризующих процесс выбора тематики для конкурсных сочинений. Во-первых, их темы, как правило, были связаны с проблематикой семинарских занятий, что стало типичным после введения этой формы организации занятий со студентами на историко-филологических факультетах университетов с середины 1860-х гг. Во-вторых, темы нередко предлагались ведущими профессорами с учетом научных интересов их подопечных. В-третьих, в данном случае Г.П. Федотов указывал на «апатию» способных студентов к изучению творчества Августина, связывая это со спецификой источника и особенностями исследовательского подхода к нему. Хотя, возможно, речь должна была идти об утрате смысла написания конкурсных сочинений в условиях, когда получение медали за него не давало никаких реальных преимуществ при окончании университета. В период после Первой русской революции незаинтересованность в литературно-критическом исследовании еще больше усиливалась общей апатией, распространившейся среди студенчества, бывшего в первых рядах инициаторов революционных выступлений. Наконец, в-четвертых, тема сочинения предполагала возможность реализации оригинального теоретико-методо-

[17] *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12. С. 136–137.

логического подхода, свидетельствующего о сформированных умениях и навыках научно-исследовательской работы конкурсанта.

К сожалению, текст работы Г.П. Федотова не удалось обнаружить, но отзыв, составленный И.М. Гревсом на сочинение ученика, позволяет реконструировать его основные положения, которые получили одобрение учителя, а также понять наметившиеся расхождения между ними, намеки на которые Георгий высказывал ранее в письмах Т.Ю. Дмитриевой.

В духе Петербургской школы историков ученик по предложению учителя двигался от источника к фактам и проблеме. Отправным пунктом этого движения являлось определение автобиографии как литературного жанра и теоретическая оценка ее значения для историка. И.М. Гревс с одобрением отмечал самостоятельное отношение к предмету ученика, который, в отличие от скептиков, отрицающих значение автобиографии как исторического источника в силу ее субъективности, занял своеобразную позицию «критического защитника». Особо при этом учитель отмечал методологический мотив такого подхода ученика: «он вместе с тем причисляет автобиографию к категории памятников, необходимых для историка, считающего важным “*индивидуализированное* (курсив мой. – *А.А.*) изучение жизни личности”»[18]. Такой подход, идущий, очевидно, от Ф. Ницше, выделявшего принцип индивидуализации в познании вслед за А. Шопенгауэром, явно отличался от характерного для И.М. Гревса представления типических черт эпохи в творчестве выдающегося деятеля культуры. Следующий за этим пассаж еще больше подчеркивал расхождения. Если Г.П. Федотов считал автобиографию вспомогательным источником, который раскрывает те черты сознания изучаемого автора, которые «не нашли одновременного литературного выражения» в его произведениях, то И.М. Гревс шел дальше: «Только сам переживший способен раскрыть историю своего раз-

---

[18] *Гревс И.М.* «Исповедь» бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи (Сочинение, написанное Г.П. Федотовым на тему, предложенную историко-филологическим факультетом, по средневековой истории) // Федотов Г.П. Собр. соч. Т. 1: Абеляр. Статьи 1911–1925 гг. 1996. С. 313. Перв. публ.: Отчет о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С. 351–357.

вития, если обладает нравственной добросовестностью и критическим самосознанием и захочет поведать современникам и потомкам правду о себе. Если же он промолчит о своем прошлом или не сумеет воздержаться, повествуя о нем, от неправды или фантазии, искажающих воспоминания, – продолжал учитель, – то историк, может быть, будет лишен самых важных средств для начертания биографии»[19]. Однако такой крен в сторону саморефлексии изучаемого автора лишал оснований главный принцип, который проводил Г.П. Федотов при критическом разборе «Исповеди». На основе внешней и внутренней критики источника, учитывающей «психологический» и «философский» характер этого жизнеописания, начинающий исследователь реконструировал «один ряд вероятных сведений», достоверность которых подтверждалась выявлением другого ряда «критически восстановленных приблизительных истин», извлекаемых из других источников. «Если совпадут *обе вероятности*, добытые разными путями, – подчеркивал автор медального сочинения, – то образуется вероятность высшего порядка, которая должна лечь в основу окончательного суждения о Confessiones как историческом источнике»[20]. Только применительно к ранней юности Августина, считал Г.П. Федотов, такая проверка не применима, так как его сочинений или писем той поры не сохранилось, что потребовало от исследователя скрупулезной формальной (анализ построения и стиля произведения) и содержательной (выявление в нем моментов воспоминания и творчества, т. е. объективного и субъективного, как отметил И.М. Гревс, пользуясь привычными позитивистскими критериями) критики. В результате молодому историку удалось, по мнению И.М. Гревса, доказать возможность отделить в произведении Августина объективный факт от его субъективного толкования, порождаемого «множественностью мотивов творчества». Однако здесь учитель, следуя теперь уже за учеником, признавал важность такого источника, каким является «Исповедь», не для восстановления биографии как летописи событий, а для воссоздания «истории души» (Seelengeschichte) в реально изображаемой обстановке ее развития. Оценивая первую часть работы как лучшую, И.М. Гревс очень

[19] *Гревс И.М.* Указ. соч. С. 313.
[20] Там же. С. 314.

точно подметил те методические принципы, которыми руководствовался его ученик и которые обычно связывают с методологической концепцией Verstehen. «Сквозь изложение ярко светятся симпатичные свойства, живущие в авторе, – высокая трудоспособность и интенсивное трудолюбие, задушевное увлечение вопросом, обладание материалом и самостоятельное отношение к проблеме. Правда, действует он и побеждает трудности скорее чутким органом мягкой и тонкой *поэтической интуиции*, чем острым ножом суровой и мелочно точной критики. Но живая нота *реконструирующего воображения* (курсив мой. – *А.А.*) не подавляет в нем вполне сознательного и определенно научного отношения к предмету и тщательной подготовки»[21].

Отправляясь от общих положений, характеризующих автобиографию как источник и раскрывающих специфику «Исповеди», Г.П. Федотов в трех последующих частях работы предпринял «частные экскурсы, раскрывающие и укрепляющие основные выводы». Во второй части он, по характеристике И.М. Гревса, осуществил «очищение текста» от «многочисленных мотивов» создания произведения, вызвавших искажение объективных фактов воспоминаний их более поздним толкованием. Причем характеристика «многочисленных мотивов» дает довольно полное представление о методике работы Г.П. Федотова с текстом. Он устранял примеси «теологической тенденции, философской и религиозной переработки, этического поучения, пессимистического гиперболизма кающегося грешника, субъективной идеализации активно мыслящего теоретика и художественного творчества писателя с ярким поэтическим талантом»[22]. Такая позитивистская в своей основе процедура, по мнению И.М. Гревса, позволила ученику подготовить существенный и верно освещенный материал для характеристики языческого периода жизни и мировоззрения Августина.

Третья часть работы, очень кратко охарактеризованная в рецензии учителя, представляла результаты изучения учеником манихейских элементов у Августина. Они были достигнуты благодаря тщательному анализу догматических и политических трактатов великого отца западной церкви, направленных против Ма-

---

[21] *Гревс И.М.* Указ. соч. С. 315.
[22] Там же. С. 313.

ни и его последователей, к которым он сам принадлежал некоторое время. Вместе с тем Г.П. Федотову пришлось глубоко вникнуть в космологические и этические воззрения Августина. «Пытаясь восстановить процесс освобождения его от восточного манихейского дуализма, о котором много (но не легко понятно) говорится в “Confessiones”, автор сумел показать, как к торжеству единства и гармонии в его духе привели не одни христианские влияния, но и вложенное в него богатое наследие античной образованности»[23], – завершал оценку достоинств этой части работы И.М. Гревс. Правда, он не мог знать, что и в данном случае существенную роль в проникновении ученика в душу Августина сыграли не только его исследования трактатов этого великого мыслителя, но и эмпатия, то, что сам Г.П. Федотов назвал «моя жизнь в Августине»[24]. Это подметила Е.Н. Федотова, охарактеризовавшая, со слов своего мужа, значение его занятий «Исповедью» в семинаре И.М. Гревса, из которых выросло его медальное сочинение. «Этот семинар сыграл большую роль в миросозерцании Г.П. Федотова, – писала она. – Первым шагом было ярко выраженное манихейство, освобождающее Бога от ответственности за мировое зло»[25]. Сделать дальнейшие шаги к христианству, как это сделал когда-то Августин, ему еще предстояло. И собеседник-спутник на этом пути, к тому же «изумительный психолог», был как нельзя кстати.

Оценка четвертой части сочинения И.М. Гревсом продолжала позитивную характеристику эффективности сравнительного рассмотрения «Исповеди», его ранних философских произведений и писем. В качестве заслуг своего ученика он отметил успешное решение запутанного вопроса о влиянии платонизма на мысль Августина, а главное – постановку и предварительное освещение сложной проблемы «из области психологии эмоций и воли», которая была «твердо двинута вперед сравнительно с тем, что высказывалось до сих пор»[26].

[23] *Гревс И.М.* Указ. соч. С. 316.

[24] *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12. С. 137.

[25] *Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris, 1988. С. VIII.

[26] *Гревс И.М.* Указ. соч. С. 317.

Наконец, при характеристике заключения медального сочинения вновь обозначались расхождения учителя и ученика. И.М. Гревс считал, что «не следует противополагать резким образом в “Исповеди” то, что изображает жизнь самого Августина, а что окружающую его жизнь». «В первой части он сам хорошо показал, – вновь подталкивал ученика к собственному решению учитель, – что Августин сознательно стремился представить не только индивидуального человека, но и человека вообще: и вот сам опыт обобщенного изображения человека в его природе и в его идеале является ценною характеристикой типичной культуры в лице одного из лучших ее гениев»[27].

Думается, что именно такой подход к истории И.М. Гревса его ученик считал религиозным, заключавшим в себе, с его точки зрения, противоречие, а также взглядом художника, а не ученого. Ключ к пониманию религиозных оснований исторических представлений учителя дает характеристика их другой его ученицей М.Е. Сергеенко: «Он любил слово “идеал” и его можно назвать “служителем идеала”. В это расплывчатое понятие он вкладывал очень точное содержание: он считал своей обязанностью служить Богу, абсолютной истине и абсолютному добру, и занятия историей раскрывали перед ним – а через него и перед его учениками – как постепенно через века ошибок и преступлений, человечество начинало улавливать брезжущий свет этого добра, этой истины»[28]. Такое представление учителя об истории могло восприниматься Г.П. Федотовым только как телеологическое, т. е. имеющее заранее заданную цель, что не соответствовало представлениям ученика уже в это время[29]. К этому следует добавить и весьма скептическое отношение к «историческому христианству», характерное для студенческих лет Г.П. Федотова[30].

---

[27] *Гревс И.М.* Указ. соч. С. 317.

[28] К истории антиковедения в России. Воспоминания профессора, доктора исторических наук М.Е. Сергеенко (публ. Е.В. Федоровой) // Труды кафедры древних языков. Труды исторического факультета МГУ. 2000. Вып. 15. С. 309.

[29] «Вторая муза историка» (стихотворения Г.П. Федотова) / публ. А.В. Антощенко, коммент. Д.Д. Гальцына // Мир историка. Вып. 4. Омск, 2008. С. 400–404.

[30] *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12. С. 144.

Свои сомнения в правоте учителя Г.П. Федотов выразил в небольшом эссе под красноречивым названием «О гении»[31], явно отсылающим к последней фразе отзыва учителя о его конкурсном сочинении. В нем он попытался обосновать для себя «принципы гениальности» (именно так первоначально называлась рукопись). Метафорическая и афористическая манера изложения, заимствованная, очевидно, у Ф. Ницше, значительно затрудняет понимание собственной позиции молодого автора, которая, очевидно, к тому же и не была определена им до конца. Однако эти стилистические особенности не препятствуют выявлению расхождений ученика с учителем.

Наиболее важными принципами гениальности Г.П. Федотов готов признать вечность и общепризнанность, хотя это признание сопровождается парадоксами, столь характерными для его стиля мышления. Вечность отличает значимость гениев от значения временных кумиров человеческих дум и поступков, которые, однако, оказывают значительно большее влияние в тот или иной момент времени как на жизнь общества, так и на жизнь отдельного человека, чем великие мыслители. Другой принцип – общепризнанность, хотя при этом нет согласия в понимании значимости гениев. Для прояснения последнего парадокса Г.П. Федотов обращался к Ф. Ницше, размышлявшему о значении гениальности в своей работе «Человеческое, слишком человеческое». Ответить на вопрос о том, кто выступает судьей при столкновении противоположных ценностей, утверждаемых гениями, позволяет ему ницшеанский принцип жизнеутверждения, требующий, в понимании Г.П. Федотова, принятия мира во всей его сложности и противоречивости[32]. «Но мало сказать “Да”. Надо всему сказать “Да”, если хочешь царствовать над всеми, – писал начинающий историк в своем эссе “О гении”. – Отсюда в гипотетическом построении гения не должна отсутствовать универсальность. Она чаще всего и отождествляется с гением. Когда мы проверяем на себе этот закон, от непрерывности пространственной значимости

[31] См.: НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 13–28.

[32] Ср.: *Федотов Г.П.* Deus sive Amor // Вестник РХД. 2001. № 198. С. 92. Следует отметить, что в интерпретации Г.П. Федотова отождествлялись различные для Ф. Ницше понятия «жизнеутверждения» и «мироутверждения».

гения углубляясь в неизменность его во времени, мы видим: каждое лето нашей жизни открывало нам новые сокровища в, казалось, исчерпанных навек рудниках. Новыми глазами смотря на мир, мы видели новые алмазы в "великом" искусстве. М[ожет] б[ыть], мы утрачивали прежде найденные? Кто знает? Чувство обладания делает таким уверенным, что человек не замечает утраты. Особенно когда происходит подмена, и вместо драгоценного камня в его руках блестит стекло, которое называется привычкой, воспоминанием, имением. Неисчерпаемость кажется нам божественным свойством, а благодарность – религиозной добродетелью. Так рождается религия вечного гения»[33].

Однако такой подход, который был свойственным скорее его учителю И.М. Гревсу, указывал, с точки зрения ученика, на происхождение понятия гениальности, но не на значение ценностей, создаваемых гением. В своем стремлении по-кантовски разграничить объекты логики, этики и эстетики, со времен античной Греции в своем единстве обеспечивавших гармонию восприятия мира (а значит, и человеческих ценностей), Г.П. Федотов указывал на иную возможность его видения через призму эстетики («в греческом смысле», – отмечал начинающий историк, подчеркивая тем самым чувственность как основу такого подхода) и практики (как область рациональной деятельности). Рассматривая различные формы истины – истина как должное, истина как правдивость или откровенность, истина как ценность, создаваемая в научном творчестве, – Г.П. Федотов вновь обращался к ницшеанскому стилю аргументации, проводя сближение и различение ученого и художника. Ученого отличает «жажда расширения чувственных элементов мира», т. е. стремление «все видеть». «Это материально-объективное влечение, которое создает для науки непреодолимую данность реального, – развивал аргументацию Г.П. Федотов. – Но элементы хотят быть оформлены. Их бесстрастность тревожит. Они ищут гармонии. Законы этой гармонии, в границах бессодержательной логики, не те же ли, что законы эстетической гармонии? Система идей не та же ли это симфония? Это охотно допускают о метафорическом творчестве. Философия – произведение искусст-

[33] НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 19.

ва. Почему не науки вообще? Не потому ли только, что принудительная данность ее элементов в своей конкретности мешает последнему синтезу. Ученый похож на художника, который раздавлен под изобилием ненужных ему чувственных форм. Ученый – это художник, в котором рецептивная способность не покоряется синтетической до конца.

А художник? Но он-то и есть возлюбленный сын Эроса. Таинственные законы творчества все же без остатка сводятся к жадному проникновению и повелительному синтезу. В этом синтезе тайна, но все тайны синтеза утопают в тайне художественного синтеза»[34].

Художественный синтез, с которым готов был мириться Г.П. Федотов в эссе «О гении», подвергался им критике как способ понимания и объяснения мира культуры историком в другом эссе, написанном примерно в то же время. В нем Г.П. Федотов пытался решить теоретико-методологические вопросы соотношения субъективизма и объективизма в историческом исследовании, навеянные указанием неокантианцев на необходимость учитывать активную роль историка в формировании предмета исследования и его принадлежность к миру изучаемых им культурных ценностей. Преодолеть односторонность субъективистского и объективистского взглядов на историю, с точки зрения Г.П. Федотова, позволит правильное понимание принципов представления исторической реальности. Указывая на кажущуюся возможность эстетического и беспристрастного описания прошлого, образцы которого дали представители французской школы «историков-эпикурейцев» на рубеже XIX–XX вв., он отмечал их принципиальные недостатки. Они заключались в том, что, с одной стороны, в сфере эстетики непримиримые противоречия «ретушируются» и «примиряются», и тем самым история теряет значение реальности, превращаясь в театрализованное представление, а с другой – ее средствами ценности создаются, тогда как задача историка – их изучение посредством понимания. «Художник может творить свободно, – утверждал Г.П. Федотов. – Ученый должен творить истину. Истина – вне его, она навязывается ему со всей силой принудительной необходимости. А где же истина говорит то, что проти-

[34] НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 24–24 об.

воречия сливаются в мировой культуре, что их можно взвесить на одних весах ценностей?» И далее: «Кто вам сказал, что историк должен искать гармонию, синтеза ценностей? Это необходимо для художника, который сам создает ценности. Историк должен только открыть, понять их»[35]. Возможность понимания противоположных систем ценностей дает только «имморализм», который означает «равную восприимчивость к добру и злу, смесь возвышенности и порочности, где влечения – в диком злорадстве – сменяют друг друга»[36]. Последнее утверждение живо напоминает строки из его письма-исповеди Т.Ю. Дмитриевой[37], в котором Г.П. Федотов давал детальный психологический анализ своих взаимоотношений со своей возлюбленной. Это позволяет заключить, что, указывая на невозможность для исторической науки «обойтись без помощи сумасшедших и преступников», он имел в виду, прежде всего, самого себя. Таким образом, положение маргинала, определяемое с точки зрения «здравого смысла» и общепринятой морали, в сочетании с «довольно крепкой логической способностью», признаваемой за молодым исследователем его друзьями и коллегами, создавало возможность превращения Г.П. Федотова в «культурного историка» нового типа, способного сделать хаос противоположных ценностей культуры научным объектом и представить его в живых и целостных образах, которые раскроют всю противоречивость прошлой реальности. Или, говоря его собственными

[35] *Антощенко А.В.* «Когда любишь, тогда понимаешь все». Предисловие к публикации // Диалог со временем. Вып. 37. М., 2011. С. 312–313.

[36] Там же. С. 313.

[37] Ср.: «У Жоржа было одно хорошее свойство, только одно; и это одно было единственным содержанием его души, источником всего доброго и злого – восприимчивость. У Жоржа никогда не было ничего своего, что он родил бы и выносил в душе; он жил впечатлениями. Он отдавался им всецело. Они были для него его единств[енной] реальностью. Он переживал жизнь на сцене так же, как и кругом себя. Только искусство действовало еще сильнее действительности. Когда, бывало, он зачитывался каким-н[ибудь] писателем-публицистом, он становился рабом его, был весь в кругу его идей. И только после ему удавалось освободиться от его чар, переработать в себе его мысли. Зло влияло на него так же, как и добро. Поэтому единств[енная] черта его души – была по самому существу своему – имморальна. Он одинаково легко мог бы быть и безупречно нравственным, и низким негодяем. Если он еще будет жить, то он м[ожет] быть и тем и другим».

словами: «Он сумеет вскрыть глубоко каждое образование культуры там, где оно превращается в свою противоположность. Зло в добре и добро во зле бросаются ему в глаза без всякого напряжения воли, с каким морально здоровые люди оплатят даже слабые попытки к беспристрастию. Его беспристрастие будет одинаково далеко и от оптимистической фальши ретушеров и от тупой нечувствительности объективистов. И он найдет достаточно резкие краски, чтобы его образы не утратили значения реальности; острота его восприятия спасет его от схематизма, к[оторы]й любит обращать в шутку серьезные вещи. И, наконец, если его голова работает правильно, он не остановится на этом хаосе, но сделает его научным объектом в истинном смысле слова. Не примирит его, как художник, а изучит его, изучит его связность и общность, его повторяемость и индивидуальность, вот что поставит он своей задачей. В этой страсти и холодной красоте логической мысли он найдет, б[ыть] м[ожет], примиряющее начало своей разнузданной, смятенной души, и произведенные ею труды дадут читателю не только чувство дионисийской оргии жизни, но и ее аполлонического преодоления в научном сознании»[38].

В цитируемом пассаже, как и в ведущем к нему понятии «имморализма», вновь отчетливо проявляется влияние Ф. Ницше. Основу для его восприятия составляла некоторая общность мировосприятия, чем обусловливался и характер восприятия этого влияния. Оно порождало не эпигонство, а стремление к самостоятельному размышлению над проблемами, которые ставил и по-своему решал немецкий философ, т. е. можно утверждать, что Г.П. Федотов не принимал готовые решения значимых и для него проблем, а стремился к их самостоятельному пониманию *в стиле* (а пользуясь терминологией Г.П. Федотова, можно сказать «в духе») Ф. Ницше.

Таким образом, мы видим три элемента, формирующих методологию начинающего историка. Классическая концепция понимания в истории сочетается, с одной стороны, с ницшеанскими идеями мировосприятия и мироутверждения в антиномической противоречивости действительности и, с другой стороны, с позитивистским критическим отношением к историческим источни-

[38] *Антощенко А.В.* Указ. соч. С. 313–314.

кам и исторической реальности, которая должна быть рационализирована в результате познания, ведущего в конечном итоге к синтетическому, непротиворечивому знанию о прошлом. Первые два шли от личной судьбы начинающего историка (прежде всего – от осмысления Г.П. Федотовым его чувства любви к Т.Ю. Дмитриевой и их взаимоотношений) и от учебы в немецких университетах, третий также начал складываться во время учебы в Германии и окончательно оформился под влиянием учителя – И.М. Гревса, отношение которого к истории имело совсем иные истоки – романскую (прежде всего французскую) историографию. Эти влияния оказывались по сути противоречивыми. И дело здесь не столько в различии истоков – германских и романских (в конце концов, они вполне уживались в позитивизме, методологические требования которого были универсальны для всех ученых-историков, независимо от их национальности), сколько в противоположности предпосылок познания. Идущий от А. Шопенгауэра через Ф. Ницше принцип индивидуализации противоречил типизации, к которой подталкивал Г.П. Федотова его учитель своим пониманием гения как «лучшего выразителя» типичных черт культуры в ее идеале. Как «верный ученик» И.М. Гревса, Г.П. Федотов в студенческих работах и во время подготовки магистерской диссертации стремился «примирить» это противоречие. Однако в конце своей жизни, осмысливая значение своих попыток синтеза «в духе» учителя, он пришел к выводу, что они были бесперспективны. «Я с благоговением относился к Гревсу, моему учителю, и отказаться от его исторических идей было очень тяжело, – писал он 10 апреля 1950 г. своей последней любви, З.О. Микуловской. – В сущности, я имел смелость пойти своей дорогой, только расставшись с ним (и с Россией). В тепличной храмовой атмосфере его гармонического идеализма я, вероятно, никогда бы не осуществил ничего своего»[39].

Однако вернемся ко времени написания и оценки конкурсного сочинения Г.П. Федотова, чтобы понять влияние этой работы на его становление историком. 1909/10 академический год стал не только завершающим университетское образование юноши, но

---

[39] Письма хранятся в архиве В.В. Янцена в г. Галле (Германия), а их копии любезно предоставлены мне для исследования, за что приношу ему искреннюю благодарность.

и определившим его окончательное решение посвятить себя науке. Если весной 1909 г. он еще упоминал в письме Татьяне о периоде, когда приходилось приспосабливаться к жизни без смысла и теряться среди множества ценностей[40], то весной 1911 г. он уже вполне определился, что можно «отдать жизнь» только науке[41]. Думается, что немаловажное значение в этом сыграла высокая оценка И.М. Гревсом его конкурсного сочинения «“Исповедь” бл. Августина как исторический источник для его биографии и для истории культуры эпохи». При этом учитель, что представляется типичным, не только предлагал тему исследования для конкурсного сочинения, но и подталкивал ученика к определенному решению, которое шло бы в русле теоретико-методологических установок научной школы, которую он возглавлял. Но в результате возникает вопрос: почему же тогда тема медального сочинения не стала основой для магистерской диссертации?

Отчасти ответ на данный вопрос дает анализ статьи Г.П. Федотова «Письма бл. Августина (Classis Prima)», выросшей из четвертой части медального сочинения ученика и помещенной в юбилейном сборнике в честь учителя[42]. Начинающий историк вновь в духе петербургской школы отталкивался от источника, которым в данном случае выступали письма, чтобы представить изображение «истории души» одного из отцов Западной Церкви. Причем возможность для такой постановки проблемы и ее решения предоставлялась рассмотрением переломного периода в развитии мировоззрения адресанта писем – завершения складывания его христианского сознания. При этом молодой исследователь стремился выявить с помощью писем не только, и даже не столько истоки тех или иных идей Августина Блаженного и их разработку, формирование его христианского мировоззрения, сколько изменения в его психологии, сопровождавшие этот процесс. «Когда читаешь их одно за другим, – писал Г.П. Федотов о “первой группе” из 30 писем в сохранившейся обширной корреспонденции Ав-

[40] *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12. С. 135–136.
[41] Там же. С. 151.
[42] См.: *Федотов Г.П.* Письма бл. Августина (Classis Prima) // Федотов Г.П. Собр. соч. Т. 1. С. 51–79. Перв. публ.: К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса. Сборник статей его учеников. СПб., 1911.

релия Августина, – становится до обязательности наглядна огромная перемена в духовной личности их автора. На протяжении нескольких страниц перед нами вырастает новый человек – другой Августин. Его интересы, метод мышления, взгляды и самый язык – все решительно меняется»[43]. В понимании собственно содержания его мировоззрения Г.П. Федотов следовал в русле, намеченном в исследованиях В. Тимме. Только в одном месте статьи российский историк уточнил положение своего немецкого коллеги. Если последний на основе анализа ранних трактатов мыслителя отмечал его отход от идеализма в теории познания к большему признанию значения чувственного восприятия, то Г.П. Федотов, опираясь на письма, показал переход от идеализма к дуализму в гносеологии и психологии Августина[44]. В целом же письма позволяли дать характеристику эволюции эмоционального состояния их автора, выявить нюансы настроений, показать превращение его из экстатического «искателя истины» в «ее мнимого обладателя», систематически разрабатывающего собственные философские основы и готового фанатично отстаивать найденную веру. Показательно, что Г.П. Федотов отказывался от детальной характеристики последних 7 писем Августина из «первой группы», «потому что у нас нет критической истории его развития за этот период, подобной той, какую дал Thimme для первых лет его литературной деятельности»[45]. В целом значение писем как источника, запечатлевшего изменение психологического настроения в связи со складыванием христианского сознания Августина, падает в условиях, когда оно приобретает характер утвердившейся системы.

Таким образом, данная статья, как представляется, еще раз подтвердила недостаточность узкого источниковедческого подхода к проблеме, который был задан учителем при определении темы конкурсного сочинения. Но в то же время это позволяет точнее уяснить его значение: в сочинении должны были быть продемонстрированы прежде всего навыки источниковедческого анализа, а не достигнуты содержательные результаты решения научной проблемы. Этот вывод подкрепляется еще и тем, что вырастал

---

[43] См.: *Федотов Г.П.* Письма бл. Августина (Classis Prima). С. 58.
[44] Там же. С. 62–65.
[45] Там же. С. 76.

из семинарских занятий, целью которых, несмотря на своеобразие проведения их «падре»[46], были все же выработка и закрепление умений и навыков исследовательской работы[47]. Но такая укорененность в семинаре, который предполагал коллективное участие в нем нескольких студентов, оказывалась чреватой возможной конкуренцией. В том же юбилейном сборнике была опубликована статья товарища Г.П. Федотова по гревсовскому семинару А.А. Тэнтела «К вопросу об обращении Августина»[48].

Однако более существенными фактами, повлиявшими, очевидно, на отказ Г.П. Федотова от дальнейшей разработки темы, представляются публикации, появившиеся в это время. За год до выхода статьи о письмах Августина увидела свет монография профессора Московского университета В.И. Герье «Блаженный Августин»[49]. В 1911 г. в печати появился резко критический отзыв на эту книгу, написанный профессором Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковским[50]. Основной пункт его критики заключался в том, что Августина неправомерно исследовать вне контекста истории догматов и без учета различий их интерпретации отцами западной и восточной церквей. «Образ Августина раскрывается нам в одностороннем, западно-церковном понимании и тем самым значительно затушевывается в своей подлинной конкретности, – отмечал Н.Н. Глубоковский. – Этому много способствовало еще и то, что автор намеренно и принципиально не

[46] Наиболее обстоятельно специфика семинаров И.М. Гревса представлена в монографии: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 248–283.

[47] См.: *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 138–160.

[48] *Тэнтел А.А.* К вопросу об обращении Августина // К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса. С. 411–430.

[49] *Герье В.И.* Блаженный Августин. Зодчии и подвижники Божьего Царства. Ч. I. М., 1910. Книга первоначально публиковалась в виде отдельных статей в ЖМНП.

[50] *Глубоковский Н.Н.* Блаженный Августин в изображении русского светского историка. О книге проф. В.И. Герье «Блаженный Августин. Зодчии и подвижники Божьего Царства. Ч. I. М., 1910» // Труды Киевской духовной семинарии. 1911. I, 1. С. 125–162. Благодарю Д.Д. Гальцына, указавшего на эту работу.

хочет замечать важнейшего свойства в избранной личности, уклоняясь от всего специально богословского»[51]. В рецензии содержался критический выпад и против И.М. Гревса: «Некоторые, конечно, не затрудняются до назойливости повторять, что это “великий отец церкви” (ср. проф. И.М. Гревс в Новом Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона, т. I, столб. 128), каким титулуют его иногда и протестанты, но православный Восток всегда почитал и чтит Августина лишь “блаженным”»[52]. История догматики восточной церкви для Н.Н. Глубоковского представлялась единственным стандартом оценки Августина, в работе о котором должна присутствовать критика несоответствий его богословия православному учению. В том же 1911 г. вышла статья доцента Казанской духовной академии П.И. Верещацкого «Плотин и блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме»[53], обратившегося к истории догматов. Наконец, в это же время работу над докторской диссертацией об Августине начал преподававший в Московской духовной академии И.В. Попов[54]. Думается, что в таких условиях вполне разумным было решение Г.П. Федотова обратиться к другой теме для подготовки магистерской диссертации.

1. *Антощенко А.В.* «Когда любишь, тогда понимаешь все». Предисловие к публикации // Диалог со временем. Вып. 37. М., 2011.

2. *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 138–160.

3. *Букатина Г.Е.* Награды императорского Московского университета // Наука и жизнь. 2005. № 3. URL: http://www.nkj.ru/archive/articles/874/ (дата обращения: 12.06.2014).

4. *Верещацкий П.И.* Плотин и блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Православный собеседник. 1911. № 7–8. С. 171–197; № 9. С. 305–328.

[51] *Глубоковский Н.Н.* Указ. соч. С. 132.

[52] Там же. С. 131.

[53] *Верещацкий П.И.* Плотин и блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Православный собеседник. 1911. № 7–8. С. 171–197; № 9. С. 305–328.

[54] Результаты исследования были позже опубликованы в виде монографии: *Попов И.В.* Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 1916. Т. 1. Ч. 1–2. В следующем году она была защищена как докторская диссертация.

5. «Вторая муза историка» (стихотворения Г.П. Федотова) / публ. А.В. Антощенко, коммент. Д.Д. Гальцына // Мир историка. Вып. 4. Омск, 2008. С. 400–404.

6. *Герье В.И.* Блаженный Августин. Зодчии и подвижники Божьего Царства. Ч. I. М., 1910. Книга первоначально публиковалась в виде отдельных статей в ЖМНП.

7. *Глубоковский Н.Н.* Блаженный Августин в изображении русского светского историка. О книге проф. В.И. Герье «Блаженный Августин. Зодчии и подвижники Божьего Царства. Ч. I. М., 1910» // Труды Киевской духовной семинарии. 1911. I, 1. С. 125–162.

8. К истории антиковедения в России. Воспоминания профессора, доктора исторических наук М.Е. Сергеенко (публ. Е.В. Федоровой) // Труды кафедры древних языков. Труды исторического факультета МГУ. 2000. Вып. 15.

9. НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 28 (1804–1805).

11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 10 (1835). Ч. 1.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 38 (1863). Ч. 1.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 4 (1884).

14. *Попов И.В.* Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 1916. Т. 1. Ч. 1–2.

15. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

16. *Тэнтел А.А.* К вопросу об обращении Августина // К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса. С. 411–430.

17. *Федотов Г.П.* Deus sive Amor // Вестник РХД. 2001. № 198.

18. *Федотов Г.П.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1996–2014. Т. 1: Абеляр. Статьи 1911–1925 гг. 1996; Т. 12.: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. 2008.

19. *Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд. Paris, 1988.

20. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16112; 47244.

21. *Steiner R.* Von Seelenrätseln, Anthropologie und Anthroposophie, Max Dessoir über Anthroposophie. Dornach, 1983.

22. *Thom N.* Zwischen Idealismus und Psychologismus – Max Dessoirs Theorie der Ästhetik und allgemeinen Kunstwissenschaft. München, 2010

Т.А. Набокина

Роль Казанского университета в становлении известных уральских историков-краеведов XIX в.

Рассматриваются факторы, влияющие на становление авторитетных среди современников уральских историков-краеведов XIX в. – Ф.А. Прядильщикова, Н.К. Чупина, Д.Д. Смышляева, А.А. Дмитриева. Автор подчеркивает значимость интеллектуальной среды «alma mater» – Пермской гимназии и Казанского университета, а также сложившиеся в ходе обучения личностные взаимоотношения краеведов и встречающихся на их пути героев, повлиявших на их жизненный путь. Внимание читателя обращается на особенности провинциального круга общения. Не остались в стороне личные трагедии историков-краеведов, стимулировавшие их к занятию местной историей.

Ключевые слова: уральское краеведение, провинциальная среда, Пермская губернская гимназия, Казанский университет, Пермская губерния, Оренбургская губерния, Ф.А. Прядильщиков, Н.К. Чупин, Д.Д. Смышляев, А.А. Дмитриев, историк-краевед.

T.A. Nabokina

The role of the Kazan University in the development of the established Russian historians of the 19th century

The article examines the factors influencing the formation of the established Russian historians of the 19th century – F.A. Pryadil'shchikov, N.K. Chupin, D.D. Smyshlyaev, A.A. Dmitriev. The author emphasizes the importance of intelligence-social environment «alma mater» – Perm of school and of the University of Kazan, as well as formed during training personal relationships ethnographers and occurring on their way heroes that influenced their way of life. The reader's attention is drawn to the particular provincial social circle. Not left aside the personal tragedy of historians, stimulated them to engage in local history.

Key words: Ural local, provincial environment, Permian high school, the University of Kazan, Perm region, Orenburg region, F.A. Pryadil'shchikov, N.K. Chupin, D.D. Smyshlyaev, A.A. Dmitriev, regional scientist.

Современные биоисториографические исследования представляют особый тип исторической биографии. Их принципы, позволяющие определить мотивацию поступков личности и его индивидуальное сознание, положены в основу нашей статьи. Современные историографы не просто воссоздают факты биографии известных людей, но и осмысливают систему тех идей, которые лежали в основе их научной деятельности. Обратиться к этим вопросам на региональном материале, отражающем процессы развития историко-краеведческого знания, пытаются многие современные историки и историографы региональной истории на примере фигур историков-краеведов и персоналий «второго плана»[1].

Однако история успеха и неудач провинциальных историков практически не рассматривалась в историографии. В ряде случаев воссоздание биографии и интеллектуального портрета уездных историков[2] усложняется отсутствием источников личного происхождения, наиболее значимых для исторической биографии. Тогда историками проводится анализ эмоционально-психического и интеллектуального образа историка-краеведа посредством обращения к нарративу некрологов, рецензий, а также личной и служебной переписки.

Авторитетные историки-краеведы, герои нашей статьи, представляли уральскую провинциальную культуру и сами являлись

[1] См.: Человек второго плана в истории / отв. ред. Н.А. Мининков. Вып. 1–7. Ростов н/Д, 2004–2011; *Бердинских В.А.* Александр Вештомов – первый историк Вятского края // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. / ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск, 2012. С. 320–325; *Егорова Н.П.* А.С. Гациский как собиратель и исследователь экономических и статистических материалов по Нижегородской губернии // Там же. С. 333–338; *Роднов М.И.* Начало научной карьеры Р.Г. Игнатьева на Южном Урале // Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011. С. 6–35; Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX в. / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2014. 181 с.; *Тугай Т.И.* Представители оренбургской губернской администрации и краеведческих обществ в изучении Казахстана и Средней Азии (втор. пол. XIX – нач. XX в.) // Вестник Оренбургского государственного университета. № 5 (141). Оренбург, 2012. С. 176–182.

[2] Термин введен вятским историком, доктором исторических наук, профессором В.А. Бердинских. См.: *Бердинских В.А*. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003. 528 с.

ее социокультурными феноменами. Взаимодействия в провинциальной среде оказывали непосредственное влияние на теоретические и практические навыки краеведов, их способность к исследовательской деятельности и творчеству.

Прежде чем начать разговор об известных нам уральских краеведах, следует вспомнить справедливое замечание К. Мангейма о том, что личность формируется благодаря современным интеллектуальным веяниям и течениям, «свойственным специфической социальной группе, к которой она принадлежит… Ее привлекают только те течения и тенденции времени, которые сохраняются в ее специфической социальной среде»[3].

В XIX в. Урал, сырьевой и промышленный центр Российской империи, интенсивно осваивался и изучался многими столичными учеными, которые задавали импульс местным силам региона. В первой половине XIX в. культурная жизнь уральской провинции оживилась за счет создания театров, библиотек, музеев, развивающихся провинциальной периодической печати и народного образования, а также благодаря организации статистических комитетов, которые, собирая статистико-экономические данные, организовывали историческое и этнографическое обследования губернии, разбор местных государственных и частных архивов, описание, изучение, систематизацию и сохранение памятников древности, а также публикацию материалов, полученных в результате перечисленных работ[4]. На волне общественного подъема во второй половине XIX в. на Урале возникали общества, решающие государственные задачи (сбор статистических сведений для отчета губернатора, изучение соседних азиатских стран, приведение в порядок архива упраздненного генерал-губернаторства) и постепенно становящиеся официальными краеведческими организациями – Оренбургское отделение Императорского русского географического общества, Уральское общество любителей естествозна-

[3] *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / пер. с англ. Е.Я. Додина. М., 2000. С. 51.

[4] Положение о Пермском губернском статистическом комитете // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 208. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2; Положение об Оренбургском губернском статистическом комитете // Государственный архив Оренбургской области. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

ния, Оренбургская и Пермская ученые архивные комиссии, Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания.

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. история провинции впервые в отечественной историографии была заявлена как самостоятельная исследовательская проблема. Умы провинциалов оказались в сфере влияния идей А.П. Щапова и Н.И. Костомарова, которые рассматривали провинцию как основной субъект исторического развития. Теории историков-федералистов имели принципиальное значение для деятельности провинциальных историков, так как аргументировали их право разрабатывать историю родного края. Идея децентрализации исторической науки, стремление писать историю не из Москвы или Петербурга, а снизу – стала стержнем теории «областничества» А.П. Щапова[5].

Воодушевленные идеями историков, краеведы интересовались всеми сторонами прошлого своего края, с большим трепетом и любовью писали исторические сочинения, самоорганизовывались и транслировали провинциальному читателю в местную периодику результаты своих исследований. Весь исторический нарратив краеведов наполнен патриотическими чувствами и настроениями. Занятия историей для них всегда оставались любительскими, поскольку не были основными. Представители местной интеллигенции большую часть своего времени посвящали основной работе (среди них были учителя, чиновники и другие представители местной интеллигенции), а история увлекала их в свободное время. Поэтому занятия краеведением были направлены на получение социально ориентированного типа знания, для удовлетворения своего личного и общественного интересов к местной истории. Его истоками могли быть завораживающие рассказы родителей, старожилов или учителей истории о прошлом, имеющиеся предметы старины и древние книги, передающиеся среди местных жителей из поколения в поколение.

Системное знание о крае подрастающее поколение получало в одном из местных учебных заведений. Среди авторитетных,

[5] *Щапов А.П.* Новая эра // Собрание сочинений. Доп. том к изд. 1905–1908 / вступ. ст. М.А. Гудошникова. Иркутск, 1937. С. 16; *Смищенко Р.С.* Русский федерализм А.П. Щапова // Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: матер. конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул, 1998. С. 154–156.

по оценке современников, на Урале своими блестящими талантливыми преподавателями и выпускниками славилась Пермская губернская (мужская классическая) гимназия[6]. В ней работали выпускники институтов и университетов Российской империи[7]. Наряду с преподавательской они занимались литературной, научной и общественной деятельностью, что расширяло их коммуникативное пространство и притягивало внимание обучающихся. Например, директор гимназии И.Ф. Грацинский (1844–1884), помимо решения проблем вверенного ему учебного заведения, занимался цензурой неофициальной части «Пермских губернских ведомостей». Учителя состояли членами Пермского губернского статистического комитета, чем также привлекали внимание к себе и своей деятельности на поприще изучения родного края.

Воспитанники гимназии становились служащими разных учреждений, учителями, врачами, писателями, общественными деятелями, учеными. Наиболее успешными были известный русский ориенталист, профессор Петербургского университета И.Н. Березин, профессор технологии Московского университета М.Я. Киттары, юрист, профессор Петербургского университета А.И. Вицин, профессор, историк Московского университета П.Н. Кудрявцев и т. д. Среди них авторитетность заслужили общественный деятель и знаток истории Перми Д.Д. Смышляев, историки Урала Ф.А. Прядильщиков, Н.К. Чупин, А.А. Дмитриев.

Однако какими бы блестящими и авторитетными не были преподавательский состав и библиотека alma mater, дальнейший успех краеведа зависел от его личных качеств. Успешный краевед был любознательным организованным энциклопедистом, подвергающим верификации исторические факт и источник. Исследователь всегда имел свое видение проблемы и готов был его отстаивать, вступая в дискуссии, невзирая на авторитет оппонента. Так, создание многотомного, очень трудоемкого и многолетнего труда «Пермская старина» потребовало от историка-краеведа А.А. Дмит-

---

[6] *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее: крат. ист.-стат. очерк. Пермь, 1994. 256 с.

[7] *Нечаев М.Г.* Пермская модель народного образования XVIII – начала XX в. URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/permskaya-model-narodnogo-obrazovaniya-xviii---nachala-xx-vv.html (дата обращения: 5.11.2014).

риева «подвижничества», подчинение всей своей жизни одной цели. Личности такого нравственного закала и беспримерного трудолюбия встречались среди провинциальных исследователей XIX в. – учитель А.А. Дмитриева Ф.А. Прядильщиков, Н.К. Чупин, Д.Д. Смышляев. Современники Н.К. Чупина выделяли его как оригинального типа краеведа-энциклопедиста. По словам близкого друга Д.Д. Смышляева, Наркиз Константинович был человеком, горячо любившим свой край и посвятившим служению ему всю свою жизнь. Он обладал отличной памятью, был «ходячим архивом», готовым со всяким поделиться неисчерпаемым запасом своих знаний, «вечный затворник, зарывшийся в книги, архивные дела, рукописи, карты и планы»[8] – он напоминал, по замечаниям современников, тип средневекового монаха.

Сложнее приходилось самородкам из крестьянской среды. В первой половине XIX в. среди учеников Пермской губернской гимназии было много детей из малоимущих семей, которым администрация разными способами оказывала помощь. Среди них был бывший крепостной Строгановых **Федор Афанасьевич Прядильщиков** (1811–1870). В его судьбе важную роль сыграла владелица Очерского завода графиня Софья Владимировна Строганова. На заводе отец Федора занимал должность управляющего. Графиня осчастливила 8-летнего мальчика и двух его братьев отпускной. Через год, в 1820 г., Ф.А. Прядильщиков получил от конторы Камско-Воткинского казенного завода, где он был маркшейдерским учеником, отпуск для обучения в Пермской гимназии. Действительно, для бывшего крепостного это был счастливый билет.

На средства С.В. Строгановой (500 руб. в год) Федор Прядильщиков окончил Пермскую мужскую гимназию, затем продолжил обучение за казенный счет на историко-филологическом факультете Казанского университета. Университет играл роль механизма вертикальной социальной мобильности. Социализация начиналась уже с момента поступления. Для бывшего крепостного Ф.А. Прядильщикова, теперь кандидата по словесному отделению, назначение старшим учителем российской словесности в alma mater

---

[8] *Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. С. 246.

в 1835 г. стало закреплением успешного роста. Учителем словесности в Пермской гимназии он проработал 10 лет, где в первые годы работы (1837–1839) тесно сотрудничал со ссыльным, окончившим тот же Казанский университет, писателем и историком церковного раскола П.И. Мельниковым-Печерским. Перед молодым человеком открывалась широкая перспектива научной работы, дающая возможность стажироваться за границей. Но этим планам не суждено было осуществиться. На одной из студенческих вечеринок отличник Мельников, человек горячего темперамента, повел себя неосторожно и допустил ряд предосудительных высказываний. Дело дошло до администрации университета и властей. Поездку за границу отменили, а сам П.И. Мельников был сослан в Пермь. На Урале он увлекался историей, что сближало его с коллегой Ф.А. Прядильщиковым. Одна из причин увлечения П.И. Мельникова историей кроется в его родословной: в Перми в конце XVIII в. служил советником Пермской гражданской палаты его дед И.Ф. Мельников.

Об этих преподавателях-выпускниках историко-филологического факультета Казанского университета долгое время вспоминали их известные ученики, «любимчики», будущие друзья – Н.К. Чупин и Д.Д. Смышляев. Для Д.Д. Смышляева Федор Афанасьевич был знающим и усердным преподавателем, гуманным педагогом. Д.Д. Смышляев и Н.К. Чупин отмечали инициативность Ф.А. Прядильщикова в проведении в гимназии литературных бесед, посвященных творчеству отечественных писателей и поэтов, в которых, наряду с гимназистами, принимали участие преподаватели. Это создавало благоприятную атмосферу для развития творческой уральской интеллигенции. Он же отвечал за гимназическую фундаментальную библиотеку с учебными пособиями и книгами для учителей, выступал за открытие ученической библиотеки. Будучи активным организатором и авторитетным учителем, Ф.А. Прядильщиков делился со своими учениками, близкими по духу, собранным им историческим материалом по истории Перми, записанными рассказами старожилов. Исследования Ф.А. Прядильщикова были изданы после его смерти благодаря стараниям его любимого ученика, такого же простого происхождения, как и

сам учитель, И.В. Вологдина[9]. Летопись Ф.А. Прядильщикова легла в основу труда А.А. Дмитриева «Очерки из истории губернского города Перми с 1845 по 1890 г.».

По рекомендации преподавателей выпускники Пермской гимназии, известные в будущем историки-краеведы, мечтали о зачислении на историко-филологический факультет Казанского университета. Д.Д. Смышляев, в отличие от Н.К. Чупина, этой возможности лишился из-за желания отца передать ему свое крупное торговое дело. Хотя условия для успешного зачисления в университет были у обоих: оно происходило автоматически на основании аттестата классической гимназии и личного прошения на имя ректора о зачислении[10].

Казань в 1840-е гг. была крупным административным, культурным и образовательным центром России. В научном плане Казанский университет переживал в это время период большого подъема. Профессура состояла из известнейших ученых, формировались новые научные школы. Относительная удаленность Казанского университета от надзирающего ока властей играла свою роль. Все это создало особый «микроклимат», когда в условиях николаевской реакции «университет пользовался большой свободой; только что из-за границы вернулись молодые профессора, нелицемерно отдававшиеся науке; лекции политической экономии, теории финансов, статистики читались без всяких урезок; студенты изучали подробно теории Сен-Симона, Фурье и других новей-

---

[9] Вологдин Иван Васильевич – уроженец Очерского завода (ныне – город Очер) Оханского уезда Пермской губернии, сын крепостного служителя Строгановых В.Я. Вологдина. В 1856 г. окончил заводское училище, потом получал образование самостоятельно. Прядильщиков оказал на него большое влияние, проживая после томского периода в Очере. Входил в состав Пермской губернской ученой архивной комиссии и других научно-просветительских обществ. Опубликовал ряд статей по истории и этнографии Пермского края. См.: *Вологдин И.В.* Ф.А. Прядильщиков, летописец города Перми с 1781 по 1845 г.: (биогр. заметка) // Пермские губернские ведомости. 1891. 24 апр. Исследовательские работы Ф.А. Прядильщикова опубликованы в местных периодических изданиях «Пермские губернские ведомости» (1874–1880) и «Пермские епархиальные ведомости» (1881), а также в «Русской старине». См.: Обращение раскольников в православие в 1788 году // Русская старина. Т. 1. Вып. 1–6. 1870. С. 389–390.

[10] *Жуковская Т.Н.* Университеты и университетские традиции в России: курс лекций. Петразоводск, 2011. 141 с.

ших экономистов; рабство и крепостное право громились с кафедры, публично разоблачался отживший бюрократический порядок»[11]. Эти условия повлияли на становление либерала в Н.К. Чупине, известном в России и за границей как образцовый знаток уральского края, всегда готовый помочь ближнему не только словом, но и делом. «Талантливый и бескорыстный труженик, с громадной эрудицией и характером аскета», **Наркиз Константинович Чупин** (1824–1882) был чужим в среде горных чиновников, – характеризовал его Д.Н. Мамин-Сибиряк[12]. У него были очень важные качества, способствовавшие его уважению и симпатии в обществе: благожелательный и обладающий хорошим чувством юмора, разумный и справедливый, погруженный в учебу и всегда готовый помочь своему однокурснику. В университете проявился внутренний стержень Н.К. Чупина, который позволял ему не терять голову и упорно идти к достижению поставленных целей. Он полностью посвящал себя слушанию лекций, занятиям в библиотеке и лабораториях.

Н.К. Чупин глубоко верил в науку, просвещение и труд. Большое влияние на формирование его исследовательских качеств оказали преподаватели Казанского университета. Заведующий кафедрой славянских наречий В.И. Григорович, которого Н.К. Чупин считал своим учителем и был на всю жизнь его любимым учеником, передал студенту свое увлечение наукой. Под руководством В.И. Григоровича Н.К. Чупин сделал первые шаги в науке, приобщился к исследовательской работе. В.П. Григоровичу нравились начитанность и разносторонность студента[13]. Поддержка Григоровичем Н.К. Чупина даже после его отъезда из Казани помогли ему выстоять и найти применение своим знаниям и способностям в Екатеринбурге. Успешность Н.К. Чупина на историко-филологическом факультете прервалась придиркой профессора Ф.И. Фатера, который не допустил Н.К. Чупина, знатока 20 языков, к экзамену по древнегреческому, объяснив, что причина этого поступка кроется в прогулах уральским краеведом лекций профессора.

---

[11] *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 8.

[12] Цит. по: *Гомельская С.З.* Н.К. Чупин. Свердловск, 1982. С. 5.

[13] *Михайлов И.И.* Казанская старина // Русская старина. 1899. № 11. С. 412.

В итоге Н.К. Чупин перешел вольнослушателем на естественно-исторический факультет, оставив в прошлом возможность остаться на кафедре славянских наречий.

Большой след в судьбе Н.К. Чупина оставила встреча с еще одним ярким ученым Казанского университета – Д.И. Мейером. Профессор говорил с университетской кафедры о свободе и независимости человеческой личности, о пагубности крепостного права, о необходимости борьбы с беззаконием. Решение сдавать экзамен по юридической специальности возникло у Наркиза Константиновича случайно – под влиянием соседей по квартире, слушателей камерального факультета. Студенты усердно занимались политэкономией, химией, сельским хозяйством. В 1850 г. Наркиз Константинович представил к защите диссертацию «История и статистика металлургической промышленности в России». Значительное место занял в ней материал о горнозаводской промышленности Урала. Диссертация была успешно защищена, и 7 декабря 1850 г. Н.К. Чупин был утвержден кандидатом юридического факультета по разряду камеральных наук. Его «всеядность» оценил современник: «...он окончил университет по трем факультетам: камеральному, филологическому и историческому».

Именно в Казанском университете были заложены энциклопедические знания Н.К Чупина. Он с одинаковой глубиной и основательностью осваивал гуманитарные и естественные науки. О нем нельзя точно сказать, «физиком» был или «лириком». Числясь студентом историко-филологического факультета и успешно осваивая его программу, он параллельно посещал лекции по геогнозии профессора П.И. Вагиера, лекции профессора Н.Н. Зинина по технологии, профессора К.К. Клауса по химии, профессора Е.Ф. Аристова по анатомии. Эти знания пригодились Н.К. Чупину в годы его преподавательской деятельности в Уральском горном училище еше в студенчестве. Приезжая домой на каникулы, он читал курсы геологии и геогнозии, применяя полученные на лекциях знания, младшим товарищам по Пермской гимназии, готовившимся к поступлению в университет.

В Казанском университете под влиянием помощником библиотекаря университетской библиотеки А.И. Артемьева, совмещавшего редакторскую деятельность в неофициальной части «Казанских губернских ведомостей», Н.К. Чупин опубликовал свои пер-

вые краеведческие работы. Интересу способствовали горная библиотека и ценная находка – татищевская библиотека[14].

Перед Наркизом Константиновичем встал вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути, на который пытались оказать влияние преподаватели Казанского университета. Д.И. Мейер рекомендовал готовиться к магистерскому экзамену и искать себе место работы в центре России: «...на востоке Ваши труды не оценят, Вы не найдете работы по душе, погубите себя». Профессор В.И. Григорович также не мог помочь Н.К. Чупину закрепиться в университете. Очень хотел Наркиз Константинович остаться на какой-нибудь должности при университетской библиотеке, однако ему и в этом было отказано: «будет больше читать, чем следить за порядком библиотеки, и приведет ее в хаотическое состояние». Еще один фактор способствовал возвращению Н.К. Чупина на Урал – подорванное местным климатом и усталостью здоровье. В 1851 г. завершился очень важный университетский период в жизни краеведа.

У Н.К. Чупина сложилась двойная жизнь: с одной стороны – горного чиновника, управляющего Уральским горным училищем, и жизнь погруженного в свои исследования ученого. Вторая жизнь была в приоритете. Он способствовал становлению крупнейших учебных заведений края, был любимым учителем для нескольких поколений уральских инженеров и техников, носителем подлинной учености и культуры. Он в течение 10 лет участвовал в образовании и работе Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Члены УОЛЕ передавали ему «на рассмотрение» рукописи работ, которые он рецензировал, тщательным образом редактировал, дорабатывал и дополнял. К тому же у него сложилась богатейшая библиотека: у него было почти все, что «когда-либо напечатано об Урале и прилегающих к нему землях…»[15]. Из наиболее интересных статей Н.К. Чупин составлял для себя конволюты (сборники). У него были подборки по разным направлениям. Была особая подборка трудов профессоров Казанского университета. Н.К. Чупин играл роль транслятора провинциального знания

---

[14] *Чупин Н.К.* Библиотека В.Н. Татищева в Екатеринбург // Московские ведомости. 1860. Сентябрь.

[15] Записки Уральскаго общества любителей естествознания. Т. X. Вып. 1. Екатеринбург, 1887. С. 316.

в столицу. Огромная часть информации об Урале, появившаяся в работах столичных исследователей, была сообщена именно Наркизом Константиновичем. На такую плодотворную работу Чупина вдохновляли консультации для всех, кто нуждался в его помощи, бескорыстно делился знаниями. Помощь приносила Н.К. Чупину большое удовлетворение.

Одно его имя служило для образованной публики веским доказательством серьезности. Н.К. Чупин был научным центром Уральского края и оказывал поддержку местным исследователям, чем приобрел себе имя русского ученого. Современники считали, что он должен был жить «не в глуши, а в столице, и занимать должность, соответствующую больше его выдающимся дарованиям». Но Н.К. Чупин в переписке отрицал эту идею, утверждая, что его благополучие состоит в том, что он хорошо себя чувствует и в глуши, «а для столицы он не бойкий». Его упрекали в том, что он прячет свои исследования от других ученых, публикуя их в местных изданиях. Свои труды историк-краевед адресовал широким кругам читателей, поэтому его считают выдающимся популяризатором краеведческих знаний. Труды уральского историка-краеведа являлись вкладом в русскую науку, и значение их было не только местным.

Дом Наркиза Константиновича был открыт для друзей. Круг его общения составили К.Д. Шугаев, А.С. Данковский, И.Д. Белов, А.Ф. Барбот-де-Марни. Многолетняя тесная дружба и совместная историко-краеведческая работа связывали Н.К. Чупина с Д.Д. Смышляевым. Дмитрий Дмитриевич так вспоминал об их встречах: «Мне часто случалось бывать в Екатеринбурге, и первый мой визит по приезде туда был к Наркизу Константиновичу. Встретив меня со свойственным ему радушием, он завладевал мной. Беседам, чтению у нас не было конца. Много хорошего вынес я из наших бесед». По оценке историка С.З. Гомельской, роль Д.Д. Смышляева в судьбе Н.К. Чупина огромна. Беспомощный и «не бойкий» Н.К. Чупин чувствовал рядом с собой деятельного, ценящего его труды Д.Д. Смышляева. Они друг друга хорошо дополняли и взаимообогащали.

Интеллектуально развитый **Дмитрий Дмитриевич Смышляев** (1828–1893) по окончании Пермской гимназии по совету

Ф.А. Прядильщикова мечтал поступить в Казанский университет. Однако отец распорядился судьбой сына иначе, решив передать ему свое коммерческое дело. Большое влияние на интерес Дмитрия Дмитриевича оказали условия, созданные его отцом, для будущего обучения сына. В доме имелась обширная библиотека, в которой, по отзывам современников, имелись библиографические редкости, оригинальные старинные рукописи и списки. По поручениям отца Дмитрий Дмитриевич посетил Москву, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, разные города Сибири и Юга России. Заинтересованный историей, он проводил большую часть своего времени не в мире неинтересных ему финансистов, а преимущественно в кругу представителей науки и искусства. Дмитрий Дмитриевич постоянно расширял свое образование, но переживал, что отец не решался отпустить его в университет.

В 1851 г., после долгих колебаний, Дмитрий Емельянович отправил своего сына для завершения его образования за границу с профессором Московского университета Н.И. Анненковым и известным московским деятелем С.А. Масловым. Лондон и «добродушная» Германия, как называет Дмитрий Дмитриевич эту страну в своем дневнике, была для него в отношении приобретения научных познаний сущим кладом[16]. Там он с увлечением посещал лекции профессоров. Эта поездка имела для него огромное образовательное значение[17].

Вернувшись из-за границы в Пермь, он хотел посвятить себя исключительно научным занятиям. Этому способствовали трагические события в его жизни: он пережил смерть родителей, жены и детей[18]. Смыслом для него на 29 лет вперед стала обществен-

---

[16] Цит. по: *Лисовой Н.Н.* Д.Д. Смышляев: от Перми до Иерасулима // Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 256.

[17] *Смышляев Д.Д.* (Опыт биографического очерка) автор Н.П. Солодовникова // Пермские губернские ведомости. 1900. 19, 22, 24, 25, 30, 31 марта; 21, 23 апреля.

[18] В 1853 г. (Смышляеву – 25 лет) он похоронил мать, а в 1857 (29 лет) – отца (в 1832 г. на новом Егошихинском кладбище на деньги отца была построена церковь Всех святых по проекту И.И. Свиязева. Дмитрия Емельяновича похоронили под алтарем этой церкви). В 1856 г. (28 лет) Дмитрий Дмитриевич женился на Марии Петровне Васильевой, дочери советника казенной палаты Петра Исидоровича Васильева, но счастливы они были недолго: сначала умерли два маленьких сына, а в 1864 г. (ему – 36 лет) в Берлине умерла и любимая жена.

ная, редакторская и научная работа. Дмитрий Дмитриевич тщательно собирал всевозможные сведения о Пермской губернии, выписывал массу русских и иностранных книг, трактующих об интересующем его предмете (языки он знал в совершенстве), и таким образом постепенно составил богатую специальную библиотеку о Пермском крае, которую в 1867 г. пожертвовал Пермской мужской гимназии.

Эпоха Д.Д. Смышляева – это время поиска активных, инициативных лидеров, способных показать направление движения провинциальной мысли. Образованный, активный Д.Д. Смышляев стал лидером умственного оживления Перми. Он обладал важным качеством – умением правильно организовывать пространство вокруг себя. У обаятельного и авторитетного Д.Д. Смышляева появились последователи. В сентябре 1855 г. в Пермской мужской гимназии преподавал казанский историк Н.А. Фирсов, который принимал активное участие в общественной жизни города, вошел в кружок интеллигенции, сплотившийся вокруг Д.Д. Смышляева[19]. Уехав в 1860 г. из Перми в Казанский университет, Н.А. Фирсов не прерывал связи с Пермью. Он публиковался в «Пермских губернских ведомостях», в 1859 г. вместе с Д.Д. Смышляевым готовил к изданию «Пермский сборник», разрабатывал его программу, переписывался с авторами, редактировал материал. Он был членом Пермской губернской ученой архивной комиссии, продолжал собирать материалы по истории края и, в частности, по истории народного образования в Пермской губернии. Учеником Д.Д. Смышляева считал себя А.А. Дмитриев, который в своей оценке учителя отказал ему в учености[20]. Но работа Дмитрия Дмитриевича заложила основы краеведческой культурной традиции в Пермском крае.

Александр Алексеевич Дмитриев (1854–1902) также окончил Пермскую гимназию, а в 1876 г. – историко-филологический факультет Казанского университета. Специализировался на русской истории под руководством профессора Д.А. Корсакова, ко-

[19] *Смышляев Д.Д.* Автобиографический очерк. Пермь, 1895 // ГАПК. ФПИ. Д. 400.

[20] Цит. по: *Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. С. 222.

торый сформировал А.А. Дмитриева как исследователя местной истории. Обучаясь на третьем курсе, под влиянием чтения Новгородских летописей и темы для годичного курсового сочинения «Библиографический разбор Третьей Новгородской летописи и отношение ее к прочим Новгородским и Лаврентьевской летописям» будущий известный историк-краевед углубился в обширную область русского летописания. Третий курс университета он посвятил изучению многотомного «Полного собрания русских летописей», а на четвертом трудился над «Собранием государственных грамот и договоров», «Актами историческими», «Актами Археографической экспедиции». Университетская работа была полезна для улучшения исторической подготовки А.А. Дмитриева, заставив самостоятельно работать над первоисточниками.

Двухгодичная специальная работа над источниками Новгородской истории привела его, уроженца Пермского края, к мысли специально заняться историей Пермской земли, составлявшей некогда часть обширных Новгородских владений. «Может быть, моя мысль и не воплотилась бы в дело, если бы по окончании университетского курса мне пришлось бы служить не в моем родном крае, куда, впрочем, я стремился неудержимо. Благодарю Бога за столько счастливое сочетание обстоятельств моей жизни». Сам А.А. Дмитриев отмечал свою прекрасную подготовку к преподаванию истории Пермского края. Целью жизни он обязан Казанскому университету в лице его уважаемого профессора Д.А. Корсакова, «который на научном поприще был моим первым и лучшим руководителем»[21].

Поселившись в Перми, с готовым планом предстоящих научных работ, А.А. Дмитриев познакомился с Д.Д. Смышляевым. «Он был для меня лучшим руководителем при начале изучения собственно Пермской истории. Его драгоценная по содержанию книга "Источники и пособия для изучения Пермского края"» стала для меня настольной». Он высоко почитал труды Н.К. Чупина, считая их образцовыми, а самого Наркиза Константиновича, с которым он никогда не был лично знаком, считал «третьим учителем в деле изучения местной истории».

---

[21] *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1889. С. 4.

А.А. Дмитриев отмечал, что всю жизнь работал одиноко как частный любитель, без материальной, «зато при нравственной поддержке тех, кто любит и уважает науку». Для него профессионализм среди историков был важной характеристикой, которая позволяла создать целостную оригинальную историю края. В своих размышлениях он называл пермскую историю той почвой, на которой «он отдыхал душой». Интересна помета, сделанная им под текстом автобиографии: «Впрочем моим предприятиям не сочувствуют, некоторые жалкие завистники из людей одной со мной профессии и не знаю почему – чиновники Оренбургского учебного округа. Последнее обстоятельство едва не заставило меня в 1888 г. бросить навсегда неблагодарную учительскую службу и поступить в Археологический институт, почтивший в прошлом году избранием меня в свои члены и только нравственная связь с гимназией, в которой я и сам учился, и научные интересы, по отношению к давно изучаемому мною краю удержали меня от такого намерения». Однако на свои бесценные краеведческие исследования А.А. Дмитриев получал высокие отзывы от историков[22]. За большие заслуги в изучении истории края и за сборник «Пермская старина» А.А. Дмитриев был избран почетным членом Пермской губернской ученой архивной комиссии.

Становлению авторитетных среди современников уральских историков-краеведов способствовали Пермская губернская гимназия и Казанский императорский университет. Преподавательский состав учебных заведений способствовал зарождению интереса и последующему взрослению исследователя. Провинциальная интеллигенция очень тесно взаимодействовала между собой – представляли свои исследовательские труды, организовывали экспедиции и проводили просветительскую работу среди провинциальных обывателей. Колоссальный организаторский труд и актив-

---

[22] Рецензии на труды А.А. Дмитриева писали В.Н. Аксенов, К.Н. Бестужев-Рюмин, Л.Н. Майков, С. Адрианов. Рецензия профессора Д.А. Корсакова – 1884 ноябрь. Рецензия А-ин на 1-й выпуск «Пермской старины» (1890 март, стр. 686–688). Рецензия Корсакова Д.А. – общая на 6-й вып. «Пермской старины» и на 3-й том «Пермского края» – 1896, стр. 293–296. Например, отзыв Н.А. Рожкова опубликован в работе А.А. Дмитриева. См.: *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 2. Пермь великая в XVII в. Пермь, 1890 г. // ГАПК. ФПИ. Д. 28727. С. 7–18.

ная деятельность историков-краеведов высоко оценивалась профессиональными историками.

Пермская гимназия и Казанский университет развивали стремление к исследовательской работе. Однако к исследовательской деятельности их стимулировала любовь к Уралу, несмотря на все жизненные тяготы и неудачи. Преподаватели заражали студентов своим научным интересом и увлеченностью наукой. Они не бросали своих выпускников на произвол судьбы. Успех историка-краеведа зависел не от имени его научного руководителя, а от профессионализма выпускника. Важно, кто заложил базовые навыки и знания. В Пермской гимназии преподавали все те же выпускники Казанского университета. Они продолжали традицию университета. Факторы успеха историков-краеведов – заложенная в них университетская культура, среда общения.

Провинциальный исследователь был готов к вмешательству внешних факторов, позволивших ему «дозреть» и стать авторитетным среди современников. Успеху историков-краеведов способствовали alma mater (Пермская губернская гимназия и Казанский университет) и люди, встречающиеся на его жизненном пути. По дороге к успеху историка-краеведа настигали личные драматические события (административная ссылка, смерть близких людей, политическая обстановка), которые ускоряли процесс становления исследователя.

---

1. *Бердинских В.А.* Александр Вештомов – первый историк Вятского края // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. / ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. С. 320–325.

2. *Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003. 528 с.

3. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее: крат. ист.-стат. очерк. Пермь, 1994. 256 с.

4. *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. 500 с.

5. *Гомельская С.З.* Н.К. Чупин. Свердловск, 1982. 96 с.

6. *Егорова Н.П.* А.С. Гациский как собиратель и исследователь экономических и статистических материалов по Нижегородской губер-

нии // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. / ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. С. 333–338.

7. *Жуковская Т.Н.* Университеты и университетские традиции в России: курс лекций. Петразоводск, 2011. 141 с.

8. Записки Уральскаго общества любителей естествознания. Т. X. Вып. 1. Екатеринбург, 1887. С. 316.

9. Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX в. / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2014. 181 с.

10. *Лисовой Н.Н.* Д.Д. Смышляев: от Перми до Иерасулима // Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. 288 с.

11. *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / пер. с англ. Е.Я. Додина. М., 2000. 164 с.

12. *Михайлов И.И.* Казанская старина // Русская старина. 1899. № 11.

13. *Нечаев М.Г.* Пермская модель народного образования XVIII – начала XX в. URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/permskaya-model-narodnogo-obrazovaniya-xviii---nachala-xx-vv.html (дата обращения: 5.11.2014).

14. Положение об Оренбургском губернском статистическом комитете // Государственный архив Оренбургской области. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1.

15. Положение о Пермском губернском статистическом комитете // Государственный архив Пермского края. Ф. 208. Оп. 1. Д. 26.

16. *Роднов М.И.* Начало научной карьеры Р.Г. Игнатьева на Южном Урале // Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011.

17. *Смищенко Р.С.* Русский федерализм А.П. Щапова // Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: матер. конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул, 1998. С. 154–156.

18. *Тугай Т.И.* Представители оренбургской губернской администрации и краеведческих обществ в изучении Казахстана и Средней Азии (втор. пол. XIX – нач. XX в.) // Вестник Оренбургского государственного университета. № 5 (141). Оренбург, 2012. С. 176–182.

19. Человек второго плана в истории / отв. ред. Н.А. Мининков. Вып. 1–7. Ростов н/Д, 2004–2011.

20. *Чупин Н.К.* Библиотека В.Н. Татищева в Екатеринбург // Московские ведомости. 1860. Сентябрь.

21. *Щапов А.П.* Новая эра // Собрание сочинений. Дополн. том к изд. 1905–1908 / вступ. ст. М.А. Гудошникова. Иркутск, 1937. 378 с.

О.В. Богомазова

Повезло попасть в энциклопедию: формирование образа историка В.О. Ключевского в советских научно-популярных изданиях 1930–1970-х гг.*

В основу реконструкции формирования образа историка положено содержание энциклопедических статей советского периода (1920–1980-е гг.) и сопутствующих методических материалов к энциклопедиям. Научно-популярная информация об ученом-историке отнесена к одному из источников историографических представлений. В переизданиях энциклопедий разных лет отмечаются активные манипуляции текстом справочных статей об историках. Прослеживается взаимосвязь между колебаниями идеологических парадигм и содержанием научных биографий историков на примере статей о В.О. Ключевском. Выявляются факторы отбора и особенности репрезентации научных биографий ученых-историков на страницах советских энциклопедий.

Ключевые слова: образ историка, энциклопедия, Большая советская энциклопедия, энциклопедическая статья, В.О. Ключевский.

O.V. Bogomazova

It was lucky to get to the encyclopedia: formation of an image of the historian V.O. Klyuchevsky in the Soviet popular scientific of the 1930's – 1970's

The contents of encyclopedic articles of the Soviet period are the basis for reconstruction of formation of an image of the historian (1920's – 1980's) and related teaching materials to the encyclopedia. Popular scientific information on the scientist-historian, personifying socially oriented knowledge, it is carried to one of sources of historiographic representations. In the editions of encyclopedias in different years are marked active manipulation of text reference articles about the historians. Traced the relationship between fluctuations in the ideological paradigms and scientific biographies of historians on the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 14-33-01353/14.

example of articles on V.O. Klyuchevsky. Identify the factors of selection and features of the representation of scientific biographies of historians on the pages of the Soviet encyclopedias.

Key words: image of the historian, encyclopedia, the Great Soviet encyclopedia, encyclopedic article, V.O. Klyuchevsky.

Одним из показателей успешности ученого является увековечение памяти о нем. Среди различных способов фиксации накопленного научного знания и памяти о выдающихся ученых в XX столетии выделяются научно-популярные энциклопедии. В связи с тем, что знакомство с энциклопедией в современном мире стало частью культуры образования, имя ученого, зафиксированное в энциклопедическом тексте, оказывается вписанным в пантеон выдающихся людей, закрепляясь в «коммуникативной памяти» как минимум в пределах двух-трех поколений[1]. В данной статье рассмотрим некоторые аспекты формирования содержания справочных статей об историке на страницах энциклопедий и социокультурные условия, при которых происходило конструирование образа В.О. Ключевского как успешного ученого. Особый интерес представляют те характеристики историка, которые позволили представить В.О. Ключевского в наиболее выгодном свете и тем самым обеспечили пульсацию его идей в пространстве советской науки массового научно-популярного знания, транслируемого посредством энциклопедий. В современной историографии образ историка подвергается интенсивному изучению[2]. Взгляд на этот объект в рам-

[1] См.: *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Тема года 2004: Археология памяти империи и нации. 2004. № 3. С. 76–77.

[2] См., напр.: *Сидорова Л.А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005; *Макарова Н.И.* Опыт деконструкции историографического образа ученого: В.И. Григорович // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск, 2007. С. 169–180; *Бамбизова К.В.* Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса (конец XIX – начало XX в.) // Там же. С. 213–243; *Гришина Н.В.* Конструирование образа «школы В.О. Ключевского» в исторической науке // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Т. 4 / под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова. Челябинск, 2010. С. 55–86; *Её же.* Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX – XX в.

ках энциклопедической справочной статьи станет дополнением данной проблематики и позволит решить поставленную исследовательскую задачу.

Важной составляющей процесса конструирования нового информационного поля в советской России стало появление первых энциклопедических изданий общего и специального характера. Потребность общества в универсальном общедоступном справочнике[3] побудила Президиум ЦИК СССР организовать издательство «Советская энциклопедия» с целью выпуска Большой, а затем и Малой советской энциклопедии (БСЭ, МСЭ). В начале 1920-х гг. выход этих изданий считался «делом большой культурно-политической задачи»[4]. При редакциях, наряду с прочими отделами, был создан Отдел общественных наук, в который входило и историческое направление под руководством М.Н. Покровского. В состав направления в разное время входили ученики, студенты и знакомые В.О. Ключевского (Н.А. Рожков, С.В. Бахрушин, А.Е. Пресняков), а также историки, не связанные личными коммуникациями с ним, но изучавшие его научное творчество (М.В. Нечкина, Л.Н. Рубинштейн). В 1940-е гг. комплектацией отдела «История СССР» занимались К.В. Сивков, Б.Д. Греков, В.И. Пичета и другие ведущие историки. Позднее, в 1950-е гг., в среде редакторов и издателей появляется идея создания отраслевых справочников, в числе которых Советская историческая энциклопедия (СИЭ).

«Революция создала нового читателя» с новыми запросами, постулировалось в документах по подготовке энциклопедических

// Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. Всерос. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 115–124; *Корзун В., Денисов Ю.* Концепт «образ исторической науки»: интеллектуальная традиция и современная когнитивная ситуация // Ейдос. Альманах теории и истории исторической науки. Вып. 5. Киев, 2010–2011; *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 257–273.

[3] См.: *Вольфсон М.Б.* Малая советская энциклопедия – новое достижение пролетарской диктатуры. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 3.

[4] БСЭ: в 65 т. М., 1926–1947. Т. 1. 1926.

изданий[5]. Все справочные сборники создавались с четкой ориентацией на «своего» читателя[6]. В связи с этим композиционная структура и содержание статей об историках в зависимости от предполагаемой читательской аудитории должны были меняться. Однако в действительности этого не произошло. В частности, статьи о В.О. Ключевском в БСЭ и МСЭ, предназначенных для просвещения рабочих (1920–1930-е гг.), по своей структуре и содержанию мало чем отличались от материала, подготовленного в СИЭ и БСЭ для чтения историком-профессионалом или представителем творческой интеллигенции (1950–1970-е гг.)[7].

На заре советского энциклопедического дела представители редбюро бурно обсуждали вопрос о необходимости сопровождать статьи библиографией. В итоге этот раздел был сделан обязательным для статей, занимающих не менее одного столбца[8]. Примечательно, что среди таковых были и статьи, посвященные нескольким дореволюционным и советским историкам, в их числе и В.О. Ключевскому. Большой объем статьи позволял указать и автора текста. Сноски на использованную литературу, по замыслу составителей энциклопедии, служили проводниками к новому научному материалу для заинтересованного читателя. В этом случае следует учитывать возможность расширения читательских представлений о В.О. Ключевском и его научных достижениях.

---

[5] См. также: Протоколы заседания Президиума Редбюро «Большой советской энциклопедии» с участием М.Н. Покровского и др. документы о деятельности БСЭ // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 27. Л. 1 об.

[6] Сведения о нацеленности советских энциклопедических изданий на определенную аудиторию представлены в предисловиях, написанных редакциями к каждому изданию многотомников и в сопутствующей их выходу специальной литературе. См.: От редакции // БСЭ. Т. 1; *Мещеряков Н.* Как мы составляли энциклопедию для рабочих // Малая советская энциклопедия – новое достижение пролетарской диктатуры. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 24–25; От редакции // СИЭ: в 16 т. М., 1961–1976. Т. 1. 1961. (Здесь и далее при ссылках на вступительные статьи к энциклопедиям «От редакции» страницы не имеют нумерации, все они предшествуют основному тексту.)

[7] Ср.: БСЭ. Т. 33. 1938. Стб. 160–164; БСЭ: в 30 т. 3-е изд. М., 1969–1978. Т. 12. 1973; СИЭ. Т. 7. 1965. Стб. 433–435.

[8] Протоколы заседания Президиума Редбюро «Большой Советский энциклопедии» с участием М.Н. Покровского и др. документы о деятельности БСЭ // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 27. Л. 10.

Сконструированные в рамках энциклопедической справочной статьи и широко транслируемые в социум посредством больших тиражей БСЭ, МСЭ и СИЭ[9], они могли дополняться новыми сведениями из научных статей и монографий. Например, во втором издании Малой советской энциклопедии (1937) в списке использованной литературы два издания: Покровский М. «Борьба классов и русская историческая литература» (1923) и «Ключевский В. Характеристики и воспоминания» (1912). В последнем были опубликованы воспоминания современников и учеников историка. Во втором издании БСЭ (1953) приводился список основных работ самого В.О. Ключевского. При подготовке статьи для Советской исторической энциклопедии (1965) ее автор, В.А. Александров, уже имел больше возможностей при использовании опубликованной литературы о В.О. Ключевском. Он привел ссылки на работы следующих авторов: С.А. Белокуров (1914), А.А. Зимин (1951, 1961), В.И. Астахов (1962), Р.А. Киреева (1964).

Процесс наполнения энциклопедий содержанием является одним из факторов, влияющих на выпускающийся информационно-справочный продукт и, соответственно, на конечный образ ученого-историка. Изначально заданный алгоритм формирования и проверки содержания статей сводился к следующим этапам: полученная от автора статья вычитывалась сначала редактором по соответствующей дисциплине, затем редактором отдела, объединяющего группу смежных дисциплин, затем главным редактором и, в некоторых случаях, еще и членами президиума редакции[10]. Кроме того, зарождающаяся советская традиция социально-ориентированной издательской деятельности подразумевала активный диалог редакции и читательской аудитории[11]. Описывая процесс формирования содержания энциклопедических статей, посвященных биографиям историков, следует упомянуть об общепринятом вос-

[9] В разные годы тиражи данных изданий варьировались от 50 до 290 тысяч экземпляров.

[10] См., напр.: Акционерное общество Советская энциклопедия. М.: Главлит, 1927. С. 9.

[11] См.: *Вольфсон М.Б.* Указ. соч. С. 14–15, 19; От редакции // СИЭ. Т. 1; Проект словника 3-го издания БСЭ. Рукопись для обсуждения. М., [1967]. С. 3; *Мещеряков Н.* Указ. соч. С. 24–25.

приятии их структуры как «шаблонной». Но об этом можно говорить условно, четких распоряжений главных редакторов относительно шаблона биографической колонки не было обнаружено в опубликованных рекомендательных материалах по их составлению. Возможно, распоряжения относительно их структуры давались авторам-составителям устно и остались в протоколах ведомственных архивов. Нередко под «шаблонностью» энциклопедической статьи понимается ее внутренняя содержательная сторона, когда «шаблонными» и однотипными получаются характеристики историка, некритично копируемые из источника в энциклопедию, из одной редакции энциклопедии в последующую. Образ В.О. Ключевского оказался не лишен этой особенности, используемые в его адрес эпитеты и основные характеристики его научных достижений, за редким исключением, копировались из одного издания в другое, что будет проиллюстрировано ниже. Это можно объяснить, во-первых, тем, что речь шла о «классике» отечественной историографии, а во-вторых – влиянием научного авторитета авторов-составителей и редакторов исторического раздела энциклопедий, в которых появлялась первичная справочная статья. Отметим, что авторов энциклопедических статей не всегда возможно установить, особенно в тех случаях, когда в жизнь воплощалась идея «коллективного авторства» и «объективного энциклопедизма» 1930-х гг. Но со временем взгляд редбюро на проблему авторства менялся и «большие статьи» 1960-х гг. стали обязательно сопровождаться указанием на их автора. Примечательно, что как в Советской исторической энциклопедии (1965), так и в третьем издании БСЭ (1973) статьи о В.О. Ключевском писал один автор, В.А. Александров, ученик академика М.Н. Тихомирова.

Среди важнейших проблем, которые заслуживали обсуждения на заседаниях редбюро по методике подготовки изданий, назывался вопрос об отборе для энциклопедии статей об ученых и деятелях культуры. В словниках популярных энциклопедий первой половины XX в. присутствуют имена как дореволюционных, так и советских деятелей исторической науки. Какими принципами руководствовались редакторы-составители при выборе объектов? Приведем пример по Исторической энциклопедии. Имея справочный характер, это издание стремилось осветить достиже-

ния советской и прогрессивной зарубежной исторической науки. На его страницах размещались краткие биографии только тех «выдающихся деятелей науки», которые «известны также как политические деятели или как авторы крупных исторических работ»[12]. Кроме того методологи рекомендовали авторам-составителям статей об ученых опираться на такие принципы, как избрание в Академию наук СССР, в качестве важнейшего основания для публикации статьи о деятеле науки[13], т. е. речь шла о статусности ученого как важнейшем критерии успешности. В.О. Ключевский в этом контексте, хотя и был избран в академики, но это было еще в имперский период. Поэтому данное обстоятельство скорее осложняло, чем способствовало внесению его имени в словники советских энциклопедий. Представляется, что при формировании содержания других справочных изданий редакторы во многом руководствовалось теми же принципами. В связи с этим историки дореволюционного периода не выдерживали конкуренцию с советскими академиками: для того, чтобы их имена попали на страницы энциклопедии, их достижения должны были перевешивать этот отборочный ценз.

От общей характеристики принципов организации научно-справочных изданий и содержащихся в них статей об историках перейдем собственно к тем статьям, которые позволяют реконструировать образ В.О. Ключевского как ученого. Отметим, что советский читатель мог познакомиться с биографией и характеристикой научных достижений В.О. Ключевского в дореволюционных изданиях. Например, спустя год после кончины историка появилось упоминание о нем в «Народной энциклопедии». В разделе «Развитие русской истории» упоминались имена известных историков «русистов» и «зарубежников» из Москвы и Санкт-Петербурга, но отмечалось, что «из общих трудов последнего времени» выделяется оригинальностью выводов и художественным слогом «Русская история» В.О. Ключевского. Далее следовал примечательный раздел статьи, посвященный характеристике «современного историка» в целом: он «умеет критически относиться

---

[12] От редакции // СИЭ. Т. 1.

[13] Там же; Методические материалы по подготовке к изданию советских энциклопедий. Вып. XIII–XIV. М.: Советская энциклопедия, 1979. 96 с. С. 7.

к источникам, пользоваться вспомогательными историческими дисциплинами, имеет понятие о причинно-следственных связях»[14]. В советских энциклопедиях подобные квалификационные характеристики современного историка не встречаются.

К началу 1930-х гг. опыт вышедших томов продемонстрировал, что в содержание БСЭ «вкрался ряд статей с явно неправильными с точки зрения марксистско-ленинской теории установками, как в частностях, так и в целом»[15]. Во многом это касалось и трактовок научных концепций дореволюционных историков. В целях устранения этого отмеченного недочета главная редакция была готова на решительные меры вплоть до обновления состава редакторов направлений. Начался специальный отбор лиц, связанных именно с идеологически-выдержанными научными учреждениями, прежде всего Коммунистической академией, включая Институт красной профессуры. В число авторов начали широко привлекать «растущие марксистские научные кадры», но это не исключало использования и опыта «наиболее близких беспартийных специалистов». Обновление сопровождалось изменением и методической тактики подготовки статей – был проведен «переход к коллективным методам работы», а главным методологическим ориентиром провозглашено «последовательное проведение марксизма-ленинизма во всех областях»[16]. Подобные решения в какой-то мере должны были гарантировать дальнейшее существование идеологически обновленного энциклопедического издания и обеспечить возможность его цитирования, использования в процессе обучения.

Данная тенденция не могла не отразиться в тексте, посвященном научной биографии В.О. Ключевского – историка, пришедшего в науку в период «великих реформ», «важнейшего периода новой капиталистической эпохи», характеризующегося «господ-

[14] Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 362–363.

[15] Обсуждение «теоретического уровня статей» оставалось актуальным вплоть до 1960-х гг., когда шла работа над новым, третьим изданием БСЭ. См.: *Тихомиров Н.Н.* Письма главного редактора СИЭ акад. Е.М. Жукова и зав. редакцией Истории СССР о работе главной редакции СИЭ // АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 3, 6.

[16] От редакции // БСЭ. Т. 65. 1931.

ством в русской буржуазной историографии так называемой государственной школы»[17]. Наряду с упоминанием в МСЭ (1937) того, что В.О. Ключевский преподавал историю в царской семье и участвовал в деятельности «Булыгинской думы», наблюдается четкое противопоставление научного подхода В.О. Ключевского и «прежних буржуазных историков». Оно выражается в основном в изучении прошлого как «истории мирного классового сотрудничества». В.О. Ключевский в данном случае приобретает значение переходного звена, историка, который уже сделал первый шаг к классовому подходу, но еще не дошел до восприятия истории как «классовой борьбы»[18]. В теоретических положениях Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева авторы энциклопедической статьи в БСЭ (1938) усматривали «яркое отражение страха буржуазии перед поднимающимся мощным народным движением»[19]. Характеристика отношения В.О. Ключевского к «государственной школе» в этом издании выделяет его из ряда других дореволюционных историков, выводя на грань понимания бесперспективности монархии в России[20]. Далее в статье говорится о том, что В.О. Ключевский с первых лет обучения в университете «обнаружил интерес к изучению истории Московской Руси». Это соответствует тенденции культивирования советского, точнее сталинского, «москвоцентризма», ярко проявлявшегося в сфере массовой культуры в конце 1930-х гг.

Другой особенностью статей 1930-х гг., впрочем, и позднейших изданиях тоже, было активное использование материала из дореволюционного сборника «В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания» (1912), подготовленного близкими друзьями и учениками историка в память о нем. Все сведения, которые касались описания личности В.О. Ключевского, его манеры чтения лекций и научного стиля историка явно перекликаются с текстом этого сборника, даже в тех случаях, когда ссылки на использованную литературу не приводятся. В отдельных изданиях МСЭ и БСЭ, где библиографические ссылки уже считались обязательным

[17] МСЭ: в 11 т. 2-е изд. М., 1933–1947. Т. 5. 1937.
[18] Там же.
[19] Подобная фраза встречается и в МСЭ 1937 г. издания.
[20] БСЭ. Т. 33. 1938. Стб. 160–164.

сопровождением статей по историографии, данный сборник присутствует в списках использованной литературы[21]. Такие эпитеты как «блестящий и остроумный лектор», «великолепный стилист», писавший «высокохудожественные лекции», к концу 1930-х гг. стали неким стандартом при характеристике В.О. Ключевского и вошли в содержание справочных энциклопедических статей советского периода без каких-либо купюр или критических оценок. Через все перечисленные характеристики образ историка наделялся чертами успешного и более перспективного ученого, чем его предшественники и современники.

Статья о В.О. Ключевском в 33-м томе БСЭ, изданном в 1938 г., была не просто информационно-справочным материалом, она стала «полем боя» для советской историографии, нацеленной в этот период на дискредитацию М.Н. Покровского. После того как в тексте статьи за В.О. Ключевским признается «известное влияние» на последующее развитие русской историографии, написано о том, что Покровскому не удалось «целиком высвободиться из-под влияния буржуазной схемы и взглядов Ключевского»[22]. Вместо классического заключения, посвященного итогам деятельности ученого, данная статья заканчивалась идеологической установкой. Позволим себе ее процитировать в качестве иллюстрации пропагандируемых историографических идей: «Задача преодоления антимарксистских, антинаучных взглядов на историческую науку, свойственных так называемой школе Покровского, во всю широту поставлена в постановлении партии и правительства от 26 января 1936 г., явившемся директивой в перестройке работы всего исторического фронта в СССР»[23]. При описании позднего периода деятельности историка большой по объему абзац был посвящен «вступлению страны в систему европейского империализма», «обострению социальных противоречий», «борьбе крестьянства» и установившейся в результате «гегемонии пролетариата», во главе которых стояла руководимая «Лениным-Сталиным» социал-демократическая партия[24]. Все эти отступления были на-

[21] МСЭ. 2-е изд. Т. 5. Стб. 589–590; БСЭ. 3-е изд. Т. 12. 1973.
[22] БСЭ. Т. 33. Стб. 164.
[23] Там же.
[24] Там же. Стб. 162.

глядным примером влияния обновленной и идейно-подкованной редакции на содержание биографических статей. Соответственно этому появилась и критика «широко известной» «схемы русской истории» В.О. Ключевского[25], не выдержавшей, по мнению редколлегии, конкуренции с «теоретическими работами всемирно-исторического значения», написанными В.И. Лениным[26]. Сам В.О. Ключевский позиционировался как «активный борец с революцией» вследствие его участия в работе первой Государственной думы, которая оценивалась как «тормоз революции». Почему же тогда имя В.О. Ключевского вошло в словники, а затем и в содержание советских энциклопедий, а не исчезло как, например, упоминания о С.Ф. Платонове? Статья о нем появляется лишь десятилетия спустя, в третьем издании БСЭ, имеет исключительно небольшой объем и основная характеристика С.Ф. Платонова сводится к тому, что этот «представитель дворянско-буржуазной историографии» не изменил своих промонархических убеждений и после революции, в связи с чем его взгляды были «подвергнуты резкой критике со стороны историков-марксистов». Особый взгляд на фигуру В.О. Ключевского, с одной стороны, можно объяснить составом редколлегий «исторического направления», где в 1930–1940-е гг. большую часть составляли ученики и люди, хорошо знавшие Ключевского при жизни. Был еще один фактор, который советские историографы зафиксировали при описании методологии историка. Когда он подходил к изучению крупных исторических фактов, он отодвигал примат государства над обществом на задний план, и в частных вопросах фактического исследования «выступал как историк-материалист, стоящий на позициях исторического материализма»[27]. Подобная трактовка образа В.О. Ключевского как одного из первых историков-материалистов в импе-

---

[25] Приведенная критика соответствует мнению М.В. Нечкиной о методологии В.О. Ключевского, изложенному ею в публикациях 1920–1970-х гг., где, к примеру, присутствуют такие характеристики, как «эклектичность», «бесхребетность» методологии и всей «схемы» русской истории, «игнорирование классовой борьбы» и т. п. Предположительно, в этот период она могла входить в состав редколлегии или ее работы были рекомендованы для составления энциклопедической статьи.

[26] БСЭ. Т. 33. Стб. 162–163.

[27] Там же.

раторской России не только позволяла знакомить советского читателя с научными достижениями дореволюционной историографии в его лице, но и сохранить социальную память о нем. В частности, в данной статье писалось о том, что «сохраняют известное научное значение до настоящего времени» мысли В.О. Ключевского, посвященные происхождению самодержавия, развитию дворянства, борьбе вотчины и поместья, характеристике боярской думы, экономическому положению крестьянства и др.[28]

В переизданиях советских энциклопедий разных лет нельзя не заметить активные манипуляции с содержанием статей и репрезентацией образов ключевых представителей дореволюционной исторической науки. К 1950-м гг. В.О. Ключевский в начале энциклопедической статьи уже был удостоен называться «крупнейшим представителем русской буржуазно-либеральной историографии». При этом в заключении его научную концепцию традиционно низводили упоминанием о «кризисе» исторической науки имперского периода и ссылками на концепцию истории России В.И. Ленина[29]. Но уже с начала 1960-х гг. наблюдается регрессия от беспощадной критики «разлагающейся» буржуазной историографии в сторону попыток объективной оценки места ученых-историков в отечественной науке и значимости их достижений для современников, естественно, с методологических позиций марксизма. Примечательно, что в случае таких научных величин, как В.О. Ключевский, в данный период наблюдается практически полная «реабилитация» ученого на страницах советских энциклопедий, где его научные достижения признаются значимыми для современного этапа развития знаний о «дореволюционной советской истории»[30].

Опубликованные материалы проектов словников к изданиям 1960–1970-х гг. позволяют отследить тот объем текста, который редакторы планировали отвести на статьи, посвященные деятелям исторической науки. Их обычный объем составлял от 300 до 800 печатных знаков при среднем объеме статьи – 2 700 знаков. Чем большее значение придавалось ученому, тем больше ему отводи-

---

[28] БСЭ. Т. 33. Стб. 162–163.

[29] См.: БСЭ: в 50 т. 2-е изд. М., 1950–1958. Т. 21. 1953. С. 463.

[30] СИЭ. Т. 7. 1965. Стб. 433–435.

лось места на страницах энциклопедии. Из всех историков XVIII – начала XX в. по количеству колонок вырвались вперед статьи о Н.Н. Костомарове (2 200 знаков), С.Ф. Платонове (2 500 знаков), К.Д. Кавелине (3 000 знаков). Неоспоримым лидером среди них была статья, посвященная биографии В.О. Ключевского (6 000 знаков), который, единственный из дореволюционных историков, был удостоен портрета, сопровождавшего статью[31]. В число советских историков, чьи статьи сопровождались портретом, входили преимущественно академики[32]. Стоит отметить, что энциклопедические статьи о деятелях советской исторической науки по объему не ограничивались. Таким образом, за счет регулирования редакционными советами объема, содержания и сопровождения иллюстрациями статей об ученых происходило своеобразное ранжирование историков. Этот момент важен не только для понимания внутренней иерархизации исторической науки изучаемого периода. Большее влияние он имел на простого читателя, далекого от понимания сути «историографических войн», но отчетливо воспринимавшего визуальное и содержательное наполнение энциклопедий.

С развитием энциклопедического дела в советской России изменялся и взгляд на предназначение энциклопедии: «от просветительно-общеобразовательных» изданий до «научно-справочных»[33]. С середины 1960-х до начала 1980-х гг., на очередном витке развития советского общества, ознаменованного «развертыванием научно-технической революции», возникла необходимость «заново определить место энциклопедий» и создать их современные модели. В новых условиях редакторам энциклопедий указывали на «растущую взаимосвязь естественных, технических и общественных наук»[34]. При этом фактического влияния этого постулата

[31] См.: Проект словника 3-го издания Большой советской энциклопедии. Рукопись для обсуждения. История СССР. М.: Советская энциклопедия, [1967]. С. 76; БСЭ. Т. 33. Стб. 160–164; МСЭ. 2-е изд. Т. 5. Стб. 589–590. Статья о В.О. Ключевском в указанных изданиях сопровождается портретом, скопированным с гравюры В. Мате, впервые появившейся на титульном листе сборника статей в память об историке, изданном его учениками в 1912 г.

[32] Напр.: Б.Д. Греков, И.А. Джавахешвили, М.Н. Тихомиров, А.М. Панкратова.

[33] См.: Методические материалы по подготовке к изданию советских энциклопедий. Вып. XIII–XIV. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 5, 54.

[34] Там же. С. 4.

на содержание статей об историках не выявлено. В этот период все статьи по историографии рекомендовалось сопровождать библиографией или ссылками. Внедрялась новая идея «энциклопедичности», выражавшаяся в сокращении обширных статей при сохранении их содержательности[35]. В период «оттепели» продолжало сохраняться особое внимание к «правильному» соотношению исторического прошлого и «современной социалистической действительности», но уже под иным ракурсом. В энциклопедиях широкое освещение получали «прогрессивные традиции, развивавшиеся в борьбе против реакционных явлений в истории». В связи с этим образ В.О. Ключевского дополняется новыми характеристиками, кардинально противоположными всем предшествующим энциклопедическим описаниям. Ключевский был записан в ряды «противников самодержавия», считающих, что его уничтожение было неизбежно[36]. Тот факт, что историк «решительно отвергал революцию», на рубеже 1960–1970-х гг. уже не считался «приговором» ему, а относился к разряду историографической характеристики ученого. Подобный выборочный подход к трактовке научных воззрений В.О. Ключевского в очередной раз позволил представить его читателю в наиболее выгодном свете.

В.П. Корзун и Д.М. Колеватов в одной из своих историографических статей предложили воспринимать персональный ряд историков XIX в. как некие «фигуры памяти», стоящие в центре самопознания науки[37]. Биография ученого, его научные достижения, попавшие в колонку энциклопедии, в процессе многократной актуализации через прочтение и использование, приобретают значение феномена коммуникативной памяти. Советская историография уже с 1920–1940-х гг. конструировала нити преемственности от дореволюционной исторической науки, и В.О. Ключевский оказался одной из таких связующих фигур. Этому предста-

[35] Проект словника 3-го издания БСЭ. Рукопись для обсуждения. С. 3, 8.

[36] См.: СИЭ. Т. 7. Стб. 434; БСЭ. 3-е изд. Т. 12.

[37] *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан: матер. VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009. С. 197–200.

вителю дореволюционной исторической науки во многом повезло в том плане, что имя его практически не сходило со страниц советских энциклопедий в течение многих десятилетий, чего нельзя сказать о некоторых его коллегах-современниках. В силу того, что отдельные тома либо вся серия энциклопедии неоднократно переиздавались в разные годы, отчетливо прослеживается проявляющаяся со временем трансформация идеологических и методологических подходов к изучению наследия ученого, переосмысление его места в советской исторической науке и изменения в трактовках биографии В.О. Ключевского. Но в целом образ историка окрашен положительными коннотациями в сравнение с другими его современниками. Многие из них подверглись более жесткой критике, как, например, М.Н. Покровский или основатели «государственной школы». Некоторые имена вовсе исчезали со страниц энциклопедий на долгие годы, как это произошло в С.Ф. Платоновым к рубежу 1930–1940-х гг.

Оценки научных достижений В.О. Ключевского советскими историографами, попадавшие в энциклопедические статьи, по большей части заимствовались из дореволюционных изданий и научных исследований его учеников. Именно от них зависело общее впечатление об историке и, соответственно, шанс на то, что его имя не будет предано забвению. В период, когда публикация научных статей о В.О. Ключевском была сопряжена с определенной долей риска, энциклопедия стала практически единственным источником информации, доступным как для широкого читателя, так и для специалиста-историка. В связи с этим энциклопедические издания в советский период приобретают качество «места памяти» о фигурах, которые считались спорными в профессиональной историографии. Приведенные выше черты образа этого историка, отсылающие еще к дореволюционным характеристикам и прочно вошедшие в обиход советских историков, педагогов и учащихся, составили удачное сочетание с новыми советскими историографическими оценками взглядов В.О. Ключевского на развитие российской истории. Энциклопедической традицией была прочно усвоена «формула» о В.О. Ключевском как незаурядном лекторе и выдающемся ученом, добившимся высоких достижений в своей области. Замечания относительно либерализма В.О. Клю-

чевского, реконструкции его связей с «государственной школой» или М.Н. Покровским, упреки в «эклектизме» и «идеализме» не сыграли в итоге какой-либо роковой роли в «посмертной судьбе» Ключевского и с 1960-х гг. его научное наследие начинает активно изучаться, издаваться и пользуется огромным читательским спросом.

---

1. Акционерное общество Советская энциклопедия. М.: Главлит, 1927. 22 с.

2. *Бамбизова К.В.* Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса (конец XIX – начало XX в.) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск, 2007. С. 213–243.

3. Большая советская энциклопедия: в 65 т. М.: Советская энциклопедия, 1926–1947.

4. Большая советская энциклопедия: в 50 т. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1950–1958.

5. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

6. *Вольфсон М.Б.* Малая советская энциклопедия – новое достижение пролетарской диктатуры. М.: Советская энциклопедия, 1929.

7. *Гришина Н.В.* Конструирование образа «школы В.О. Ключевского» в исторической науке // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Т. 4 / под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова. Челябинск, 2010. С. 55–86.

8. *Гришина Н.В.* Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX – XX в. // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. Всерос. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 115–124.

9. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Тема года 2004: Археология памяти империи и нации. 2004. № 3. С. 76–77.

10. *Корзун В., Денисов Ю.* Концепт «образ исторической науки»: интеллектуальная традиция и современная когнитивная ситуация // Ейдос. Альманах теории и истории исторической науки. Вып. 5. Киев, 2010–2011.

11. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на

рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 257–273.

12. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан: матер. VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009. С. 197–200.

13. *Макарова Н.И.* Опыт деконструкции историографического образа ученого: В.И. Григорович // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск, 2007. С. 169–180.

14. Малая советская энциклопедия: в 10 т. М.: Советская энциклопедия, 1928–1931.

15. Малая советская энциклопедия: в 11 т. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1933–1947.

16. Малая советская энциклопедия: в 10 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1958–1960.

17. Методические материалы по подготовке к изданию советских энциклопедий. Вып. XIII–XIV. М.: Советская энциклопедия, 1979. 96 с.

18. *Мещеряков Н.* Как мы составляли энциклопедию для рабочих // Малая советская энциклопедия – новое достижение пролетарской диктатуры. М.: Советская энциклопедия, 1929.

19. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912.

20. Проект словника 3-го издания БСЭ. Рукопись для обсуждения. М., [1967].

21. Проект словника 3-го издания Большой советской энциклопедии. Рукопись для обсуждения. История СССР. М.: Советская энциклопедия, [1967].

22. Протоколы заседания Президиума Редбюро «Большой советской энциклопедии» с участием М.Н. Покровского и др. документы о деятельности БСЭ // АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 27.

23. *Сидорова Л.А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005.

24. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.

25. *Тихомиров Н.Н.* Письма главного редактора СИЭ акад. Е.М. Жукова и зав. редакцией Истории СССР о работе главной редакции СИЭ // АРАН. Ф. 693. Оп. 3. Ед. хр. 164.

Раздел 4

НЕУДАЧА В НАУКЕ, ЕЕ ОБЛИК, КОНТЕКСТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И АЛГОРИТМЫ

А.А. Неваров

Формирование, взлет и падение отечественной школы египтологии в конце XIX – начале XX в.

Анализируется процесс формирования русской школы египтологии и причины ее упадка, связанные с ее особенным характером и ролью ее основателя Б.А. Тураева.

Ключевые слова: Б.А. Тураев, В.В. Струве, египтология, русская наука в XX в., научная школа.

A.A. Nevarov

The Formation, Rise and Fall of the Russian School of Egyptology at the end of XIX – early XX centuries

In the article analyzes a process of formation of the Russian school of Egyptology and reasons of it decline, connected with its special character and role of its founder B.A. Turaev.

Key words: B.A. Turaev, V.V. Struve, Egyptology, Russian science in XX century, scientific school.

Отец-основатель

Изучение Древнего Египта в России в конце XVIII в. и в течение почти всего XIX в. не носило самостоятельного характера, за редким исключением, а было подвержено, как выразился академик Б.А. Тураев, «общему научному движению»[1] вместе со стра-

[1] *Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927. С. 3.

нами Западной Европы. Исследования русских ученых и путешественников в это время не всегда имели научный характер, были хаотичны, странность их выводов удивляла, но такие исследования подготовили почву для будущего развития египтологии как действительно комплексной науки по изучению истории, культуры, религии и археологических памятников Древнего Египта, способствовали появлению более специальных, самостоятельных научных трудов и формированию русской школы египтологии в конце XIX – начале XX в.

В России специальные научные труды по истории Древнего Египта начали выходить в последней четверти XIX в., одним из первых египтологов был О.Э. Лемм (1856–1918). Он учился египтологии у Г. Эберса в Лейпциге, у Р. Лепсиуса и Г. Бругша в Берлине. Интересный факт, который, возможно, повлиял на формирование отечественной школы египтологии, заключался в том, что вместе с Леммом в Берлине учился и фактический создатель немецкой египтологической школы, первооткрыватель нового направления в изучении истории Древнего Египта А. Эрман. Впоследствии у Эрмана в Берлинском университете стажировались практически все отечественные египтологи в первые два десятилетия XX в. (в том числе и основатель русской школы египтологии Б.А. Тураев). В Лейпцигском университете О.Э. Лемм получил степень доктора философии за диссертацию «Studien zum Ritaulbuche des Ammondienstes» (1882), которая посвящена исследованию храмового ритуала Амона. В 1880-х гг. Лемм занимается изучением религии Древнего Египта и исследует религиозные тексты, публикует две хрестоматии: древнеегипетских религиозных текстов и по древнеегипетскому языку[2]. С 1883 г. назначается хранителем Азиатского музея Академии, в Петербургском университете начинает преподавать египетский и коптский языки, а с 1886 г. – курс египтологии. До сих пор неясно, кто же из студентов занимался исследованием Древнего Египта под руководством Лемма целое десятилетие, так как в 1896 г. он оставил преподаватель-

[2] *Lemm O. von.* Aegyptische Lesestucke zum Gebrauchbei Vorlesungen und Privatstudium. Leipzig, 1883; *Lemme O. de.* Excerpte e libris sacris veteram Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literaram Universitatis Petropolitanae. Petropolis, 1890.

скую деятельность. Единственный, кто из его учеников начал работать в сфере египтологии и коптологии – это академик Б.А. Тураев, который подготовил уже целую плеяду ученых-египтологов в начале XX в.

В 1890-е гг. Лемм сконцентрировался на работе в Азиатском музее, специализация которого лежала в сфере изучения средневекового Востока, и он был вынужден считаться с интересами учреждения, т. е. стал заниматься коптологией. Лемм написал по коптологии значительное количество ценных с точки зрения науки работ[3], став одним из лучших в мире ученых в данной области, а Петербург превратился в один из центров коптологии. К сожалению для нас, к египтологии О.Э. Лемм не вернулся, занимаясь впоследствии только исправлением и дополнением публикаций египетских текстов разных ученых, в том числе Тураева, Эрмана и др. В. Крам характерно высказался про эту черту Лемма: «…предпочтительным занятием этого ученого было критиковать других»[4].

Несмотря на все исследования, в начале 1890-х гг. еще нельзя было говорить о системном существовании русской науки о Древнем Египте. Были отдельные талантливые ученые, но очень значительная и притом важнейшая часть их работ печаталась за границей, на иностранных языках. В отечественных университетах еще не было постоянных представителей египтологии, а в связи с этим не было ни египтологической школы, ни соответствующей научной традиции. Но к середине 1890-х гг. положение изменилось.

Как мы указывали выше, преемником Лемма в области египтологии в Петербургском университете (но уже на историко-филологическом факультете) стал Б.А. Тураев (1868–1920), основатель русской египтологической школы и первый русский историк Древнего Востока.

По окончании в 1891 г. историко-филологического факультета, на который он поступил в 1887 г., Б.А. Тураев был оставлен

[3] См.: *Берлев О.Д.* Египтология // Азиатский музей – ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 500–501; *Еланская А.И.* Коптология // Там же. С. 517–521.

[4] *Еланская А.И.* Указ. соч. С. 521. Прим. 27.

магистрантом при Петербургском университете. В 1893 г. он был командирован для дальнейших занятий египтологией и ассириологией в Берлин, где занимался у профессоров А. Эрмана, Г. Штейндорффа, Э. Шредера.

В 1894 г. Тураев вернулся в Россию и через два года начал преподавание на историко-филологическом факультете университета в звании приват-доцента. Здесь он защитил свою магистерскую (1898) и докторскую (1902) диссертации. В 1905 г. Тураев получил звание экстраординарного, а в 1911 г. – ординарного профессора Петербургского университета. В 1914 г. Академия наук избрала его членом-корреспондентом, а в 1918 г. – действительным членом. В университете историк преподавал египетский язык, историю Египта, Шумера и Ассирии, читал курсы по древнеегипетской религии и литературе, и нужно сказать, что в итоге внес немалый вклад во все указанные области науки.

Велика и разнообразна была деятельность этого человека. С одной стороны, он большой ученый, ведущий науку к новым путям. С другой стороны – это профессор университета, знакомящий студенческую молодежь с далеким миром Древнего Востока. Вместе с тем он и энергичный музейный работник и умелый популяризатор, способствующий подъему интереса к Древнему Египту и Древнему Востоку в самых широких массах.

Как ученый, Тураев подошел к исследованию Древнего Египта гораздо шире, чем его предшественники. Он является первым в России историком Древнего Египта, который вооружился строгим историческим методом, что выделяло его и в ряду египтологов Западной Европы, являвшихся почти исключительно филологами.

Все его работы составлены на основании первоисточников, которые он прекрасно знал и понимал. В своей работе «Бог Тот» он написал: «Источниками нашей работы должно служить все, что для нас сохранилось от древнеегипетской культуры, будь то произведения письменности или вещественные памятники»[5]. Он мог разбираться в самых трудных поздних иероглифических и иератических текстах, присоединяя к широте историка точность филолога.

[5] *Тураев Б.А.* Бог Тот: Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб., 2002. С. 7.

История Древнего Востока русскому историку всегда представлялась как единый процесс, видное место в котором принадлежало Египту. Конечно, он не мог ее завершить, как это делали и делают очень многие историки, такими чисто внешними рамками, как, например, покорение Персидской державы Александром Македонским. И в своем капитальном труде, первом в своем роде в России, «История Древнего Востока» (1911–1914) он прослеживает судьбы культуры Древнего Египта также и в эпохи эллинского и римского верховенства вплоть до окончательной гибели ее. Такого рода обзора истории нильской цивилизации не дал ни один западноевропейский ученый. В нем нашли себе место все стороны культуры: наряду с политической историей исследователь рассматривает параллельно и историю социальных отношений, историю религии, литературы и т. д.

Образ Тураева – энциклопедиста, «всесильного» учёного, способного охватить если не все сферы истории Востока, то практически все сферы истории египетских древностей – это образ патриарха науки, своею научной мощью санкционирующего рождение школы, собирающего вокруг себя учеников, порождающего русскую египтологию из неоформленного хаоса отдельных высказываний и достижений.

Школа Тураева: прерванный полёт

По нашему мнению, существование русской (тураевской) школы египтологии длилось с начала XX в. до середины 1920-х гг. Этому способствовало несколько обстоятельств политического и научного характера.

Весьма характерной особенностью научного творчества Б.А. Тураева было его стремление к независимости и самостоятельности в отношении модных течений и теорий, господствовавших в современной ему историографии. Он был одним из немногих историков, которые не поддались открытию ассириологов берлинской школы, провозгласивших так называемый панвавилонизм – т. е. объявивших Вавилон учителем всего мира, исходной точкой для большинства культурных заимствований всех прочих цивилизаций. Культура Древнего Египта, таким образом, представала не самобытным явлением, а частным случаем вавилонской цивилизации.

Вот как отреагировал на эти идеи Тураев: «Болезнь панвавилонизма грозила свести великую нильскую цивилизацию на одну из областей изучения азиатской двуречной»[6]. Его не смутили колоссальные успехи, достигнутые в области изучения культуры южного Междуречья, он продолжал во всех своих исследованиях рассматривать культуру Древнего Египта как равноценную культуре Междуречья. Тураев не соглашался и со вторым положением ученых-панвавилонистов, что религия Израиля лишена какого-либо самостоятельного значения, так как она целиком зависит от религиозных идей Вавилона, и он всегда выступал последовательным критиком тех ученых Западной Европы, которые отрицали какое-либо значение и оригинальность древней культуры еврейского народа.

Б.А. Тураев был противником расовой теории, а также толкования антисемитизма в древности в трудах Э. Мейера, и он включился в спор с одним из виднейших в то время исследователей древнего мира. Русский историк совершенно не был согласен с пониманием характера семитов, с нахождением в нем таких черт, как наличие холодной расчетливости в их мышлении – даже в религиозной интуиции еврейских пророков или пророка Мухаммеда. Тураев же, наоборот, пишет об «удивительной чисто-семитической религиозной теплоте и богословской глубине»[7].

Скорее всего, такие научные расхождения, а следом и Первая мировая война сыграли роль в отдалении тураевской школы от историков Западной Европы, в особенности Германии, на которую всегда ориентировался Б.А. Тураев.

Но что представлял собой Тураев как учитель? Как мы говорили, он читал курс египтологии в Петербургском университете, читал он и на Бестужевских Высших женских курсах. Будучи не только выдающимся ученым, но и выдающимся по своим душевным качествам человеком[8], Тураев чутко присматривался к индивидуальности своего ученика, давая ему соответствующую его запросам научную работу. Своим ученикам он умел внушать

---

[6] *Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922. С. 2.

[7] *Тураев Б.А.* История древнего Востока. СПб., 1912. Т I. С. 68.

[8] См.: *Жебелев С.А.* Из воспоминаний о старом товарище // ВДИ. 1993. № 3. С. 192–199.

кроме интереса глубокий благоговейный трепет перед древнеегипетской культурой. Организовавшаяся школа учеников академика Тураева включала следующие имена: И.М. Волков, А.Л. Коцейовский, В.В. Струве, Ф.Ф. Гесс, Н.Д. Флиттнер, Т.Н. Козьмина-Бороздина, В. М. Викентьев и др.

К несчастью, многие из этих ученых в начале 1920-х гг. скончались или уехали навсегда из Советской России.

Его любимым учеником был Иван Михайлович Волков (1882–1919) – он закончил Духовную академию, а затем прошел университетский курс и берлинскую стажировку; с 1914 г. являлся приват-доцентом Петербургского университета. И.М. Волков успел издать три небольшие монографии в русле научной работы своего учителя. В редактируемой им серии «Культурно-исторические памятники древнего Востока» Волков публикует комментированные издания документов «Законы вавилонского царя Хаммураби» (Вып. 1, М., 1914) и «Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р.Х.» (Вып. 2, М., 1915). Последней крупной его работой становится «Древнеегипетский бог Себек» (Пг.,1917)[9]. В предисловии Волков пишет: «Считаю своим приятным долгом принести глубокую благодарность своему многоуважаемому учителю, профессору Борису Александровичу Тураеву за его незаменимое ученое содействие и нравственную поддержку мне как во всех вообще моих научных занятиях, так и при составлении настоящей книги»[10]. Также он благодарит Эрмана за разрешение ознакомиться с материалом готовящегося Словаря и на публикацию некоторых памятников Берлинского музея. В 1919 г. И.М. Волков скончался от сыпного тифа, вскоре после ареста большевиками его отца, священника Михаила Волкова.

Второй замечательный ученик Б.А. Тураева – Александр Леопольдович Коцейовский (ум. 1918 г. или 1919 г.). Важнейшими работами этого автора являются «Призывания Исиды и Нефтиды» (1913) и «Тексты пирамид» (1917)[11] – в последней ему удалось сис-

[9] *Волков И.М.* Древнеегипетский бог Себек // Записки ИФФ Петроградского университета. Пг., 1917. Ч. 140.

[10] Архив Гос. Эрмитажа. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142 . Л. 9–11.

[11] *Коцейовский А.Л.* Иератическая часть Берлинского папируса 3008: Призывания Исиды и Нефтиды // Записки Классического Отделения РАО. Т. VII. СПб.,

тематизировать некоторые элементы этого чрезвычайно сумбурного сборника, являющегося древнейшим памятником религиозной литературы вообще. А.С. Четверухин в предисловии к переизданию книги «Тексты пирамид» А.Л. Коцейовского указывает, что тот «сгинул в вихре гражданской войны» – так что точная судьба его нам неизвестна. Замыслы египтолога притом были велики: он рассчитывал выпустить серию книг по древнеегипетским текстам, но успел сделать только первый том «Текстов пирамид».

Судьба многих других последователей Тураева была схожей. В тот же тяжёлый 1920 г., в который умер и сам основатель школы, от того же сыпного тифа скончался В.В. Ершов – начинающий исследователь, как и многие из русских египтологов склонявшийся в сторону изучения истории религии. Годы войны он провел в армии, в ряды которой вступил будучи еще оставленным преподавателем при Петербургском университете, и это, конечно, прервало его научные занятия. Несколько ранее, в 1919 г., скончался от испанки М.А. Вильев, талантливый астроном, интересовавшийся египетской математикой и астрономией. Перед этим он несколько лет работал под руководством Б.А. Тураева, легко овладев большими трудностями древнеегипетского письма и языка.

В 1922 г. ушел из жизни еще один талантливый ученик Б.А. Тураева – Федор Федорович Гесс[12]. Ему было всего 27 лет. Гесс был первым в России специалистом по искусству и археологии Древнего Египта. В своих научных статьях «Об обратных изображениях в древнеегипетском рисунке и рельефе», «Композиция человеческой фигуры в египетском рисунке и рельефе»[13] он предлагает новый взгляд на некоторые особенности египетского искусства. Будучи, с одной стороны, тонким наблюдателем, он, с другой стороны, не чуждался и широких построений, постарался указать читателям место египетского рисунка в общей эволюции искусства человечества, причем привлек для этой цели также и искусство детей.

1913.; *Его же.* Тексты Пирамид Т. I // Записки импер. Новороссийского университета. 1917 (на обл. 1918). Т. 14.

[12] *Жебелев С.А.* Ф.Ф. Гесс (Некролог) // Анналы. 1923. Т. II. С. 260.

[13] *Гесс Ф.Ф.* Об обратных изображениях в древнеегипетском рисунке и рельефе. Пг.: Изд-во Акад. ист. материал. культ., 1920. Т. I.

Часть учеников великого востоковеда навсегда покинула пределы родины. Так, Владимир Михайлович Викентьев (1882–1960), который занимался изучением древнеегипетской религии и переводами текстов[14], в 1923 г. отправился в командировку в Берлин, остался за рубежом, работал в Каирском университете и для отечественной науки был потерян навсегда.

И все-таки, несмотря на большие потери, многие из учеников Тураева, такие как В.В. Струве, Н.Д. Флиттнер, Т.Н. Козьмина-Бороздина, остались в Советской России и работали в русле марксистско-ленинской исторической парадигмы[15]. Они отказались от многих завоеваний школы Б.А. Тураева, главным образом в изучении религии Древнего Египта, которое резко ушло с первого плана на второй или даже третий, а также и от самого подхода к науке, который был свойственен дореволюционному этапу – по крайней мере, на словах. Подтверждение этому – комментарий В.В. Струве к советскому переизданию двухтомника своего учителя: «Советская историческая наука, овладевающая могучим оружием марксистско-ленинской методологии, подняла и историю Древнего Востока на гораздо более высокую ступень и преодолела методические пороки “Истории Древнего Востока” Б.А. Тураева. Его идеалистическое мировоззрение заставляло его отводить чрезмерно преувеличенную роль религии в истории и оставлять без внимания вопросы экономики и социальных отношений. Было бы напрасно искать в трудах Б.А. Тураева материалистическое осмысление истории Древнего Востока – этого он дать не мог»[16].

Конечно, некоторые элементы преемственности были сохранены, но они касались скорее общенаучных моментов, чем сохранения характерных черт научной школы. Тураевская научная школа к концу 1920-х гг. перестала существовать, несмотря на то,

[14] См.: *Викентьев В.М.* Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917 (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 4); *Его же.* Фараон Тутанхамон и его гробница (По поводу нового великого открытия в Долине Царских Гробниц в Фивах) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 360–371.

[15] См.: *Неваров А.А.* Состояние отечественной египтологии в 20-е гг. XX в. // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: матер. I Всерос. науч. конф. студ., аспир. и молодых ученых. Омск, 2010. С. 80–83.

[16] *Струве В.В.* Предисловие // Тураев Б.А. История Древнего Востока Л., 1935. Т. I. С. 5.

что чувство единства, общей принадлежности к течению, возглавляемому Учителем, существовало даже после этого. Но египтологическая школа, которая формируется начиная с 1930-х гг. – это уже школа, созданная В.В. Струве, на иных методологических основаниях, действующая в совершенно изменившихся условиях. «Чтобы реализовать свои возможности в Советском Союзе конца 20-х – начала 30-х гг., нужно было быть марксистом, который сможет разобраться в вопросе не до конца проясненном самим Марксом»[17]. Фигура Струве как ученика Тураева может сохранять ощущение внешней преемственности, но следует учитывать, что Струве не входил в число ближайших единомышленников русского востоковеда, у него были далеко не идеальные отношения с другими последователями Тураева, а главное, в итоге он не столько объединил вокруг себя оставшихся учеников Тураева, сколько способствовал приходу в науку нового поколения[18]. Таким образом, речь должна идти не о возрождении старой школы, а о создании новой, и причины гибели школы Тураева должны быть обрисованы отдельно.

Причины и последствия

Гибель основателя школы, смерть или отъезд ряда учеников Тураева – причины сами по себе вполне достаточные, чтобы можно было говорить о них как о ключевых при объяснении вышеозначенного результата. Но дело в том, что они не были единственными, а главное – даже их разрушающее воздействие могло бы оказаться не столь сильным, если бы сама конфигурация научной школы была несколько иной.

Прежде всего речь должна идти о концентрации научной школы вокруг патриарха. Б.А. Тураев был не просто лидером изучения древневосточной истории в России, он был в некотором роде единственным исследователем, который мог дать полноценное ее видение, и ни один из его учеников не был к этому готов – часто они занимались очень узкими темами, а потому не могли заменить мэтра после его смерти по факту несопоставимости масштаба фигур. Тот же В.В. Струве только постепенно в течение

---

[17] *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии М., 2013. С. 103.
[18] См. подробнее: Там же. С. 102–116.

1920-х гг. начинает расширять свои интересы от узко египтологических до общих вопросов древней истории.

Вторая причина – фактор времени. Ученики Тураева не успели окружить себя собственными учениками, не смогли передать опыт и традиции отечественной египтологической школы. Проблема состоит в том, что более половины учеников Б.А. Тураева не дожили и до 30 лет, т. е. не вступили в возраст научной зрелости, не смогли реализовать потенциал, заложенный в них Учителем. Еще один интересный факт, Б.А. Тураев в научном плане «делал ставку», называл своими учениками только трех ученых – это В.В. Струве, И.М. Волков, А.Л. Коцейовский[19]. По нашему мнению, для Тураева было важно, чтобы ученики не только заявили о себе научными публикациями и археологическими открытиями, но и выступили «в качестве университетских преподавателей»[20]. Такой подход имеет несомненный плюс в качестве отбора, но и огромный минус, так как сокращает количество ученых, которые готовы профессионально заниматься египтологией – ведь база для преподавания египтологии в России была в те годы очень узка.

Пополнение отечественной египтологической школы должно было, в идеале, происходить не только за счет своих учеников, но также молодых специалистов, которые работали в нашей стране, изучая историю и культуру Древнего Египта. Скорее всего, из-за того, что Б.А. Тураев слишком опекал своих учеников, ему трудно было заметить таких ученых. Одним из примеров служит отечественный египтолог Франц Владимирович Баллод[21], ученик профессора Биссинга. Ф.В. Баллод занимался изучением религии Древнего Египта в Мюнхенском университете, там же освоил грамматику и транскрипции древнеегипетского языка, преподаваемые на иных основаниях, чем это было принято в Берлинской египтологической школе А. Эрмана – тот самой, в которой проходили стажировку почти все ученики Б.А. Тураева. Как следст-

[19] *Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. С. 14.

[20] Там же. С. 9, 14.

[21] См. подробнее: *Неваров А.А.* Изучение культуры и религии Древнего Египта в работах Ф.В. Баллода // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: матер. II Всерос. науч. конф. студ., аспир. и молодых ученых. Омск, 2013. С. 53–56.

вие, публикации и научный потенциал человека из другой среды в сфере египтологии в полной мере не были оценены петербургскими учеными. Замечен он был только в 1918 г., когда стал работать на историко-филологическом факультете Саратовского университета в должности декана факультета. Баллод сам обратился к Тураеву с просьбой о присылке книг в библиотеку Саратовского университета[22]. В 1924 г. Ф.В. Баллод эмигрировал из СССР в Латвию, а затем по идеологическим соображениям в 1940-х гг. переехал в Швецию, где практически не занимался изучением истории Древнего Египта.

В-третьих, следует учитывать ряд внешних обстоятельств и ряд решений, принятых самим Б.А. Тураевым. Большой удар по отечественной школе египтологии нанес разрыв отношений из-за Первой мировой войны с Берлинской школой египтологии, так как сам востоковед считал себя «учеником О.Э. Лемма, А. Эрмана и других берлинских ученых»[23]. Тогда как с конца 1914 г. в русском обществе нарастают антинемецкие настроения, т. е. происходит борьба с немецким влиянием на русскую науку. Покажем два факта, иллюстрирующих данные настроения.

Факт первый. Письмо М.А. Харузина В.М. Викентьеву от 4 декабря 1916 г. по поводу организации Общества по изучению древних культур: «Волкова я совсем не знаю, что касается Струве, то не совсем уверен, может ли он сочувствовать идее общества идущего в курсе современной русской культурной и общественной жизни, т. е. борьбы с немецким влиянием в нашей науке?»[24] Тураев никогда не высказывался так прямо о международной ситуации, но разрыв с Берлинской школой его тревожил, так как обмена научными данными не происходило, не было и международных конгрессов ориенталистов (востоковедов), на которых обычно выступали немецкие ученые. На таких конгрессах Тураев всегда черпал научные идеи, они задавали тенденции в исследовании Древнего Востока[25].

---

[22] Архив Гос. эрмитажа. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 108, 372.

[23] *Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. С. 14.

[24] Архив ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 421.

[25] Пример отчета см.: *Тураев Б.А.* Египтология на XII Международном конгрессе ориенталистов // ЖМНП. 1900. № 3–4. С. 76–84.

Второй пример. В 1914 г. друг Тураева, отечественный ученый-египтолог Владимир Семенович Голенищев был против того, что русскую экспедицию в Египет возглавит немецкий ученый Ф. Биссинг. Тураев поддержал Голенищева в своей работе о проникновении немцев в Турцию: «Тогда воинствующая Пруссия выдвинула другие средства – экономические и научные, имеющие, конечно, целью превращение Турции в Прусскую провинцию, какой она временно стала на наших глазах. Для нас, русских, непонятна подобная профанация религии и науки. Мы привыкли относиться в науке с почтением, почти религиозным и считаем недопустимым пользование ею для каких-либо других целей, кроме идеальных. Но там и религия, и наука служат мирским целям, подготовляя экономическое преобладание и политические захваты»[26].

Сотрудничество с Берлинской школой египтологии во второй половине 1910-х гг. практически прекратилось, а взаимодействие с другими школами египтологии, например с английской, Тураевым практически не рассматривалось как вариант. Мы полагаем главными причинами этого то, что для Тураева была очевидна необходимость развития не международной, а именно российской науки о Древнем Востоке; кроме того, его смущали «поспешные заключения и скоропалительность теорий, выводы с оговорками»[27] у английских ученых-египтологов, он просто не считал их в той же мере полезными для отечественной науки, что последователей Эрмана.

И в прямой связи с этим стремлением развивать свою науку шло то обстоятельство, что с научными трудами русской школы египтологии, в том числе самого Тураева, очень тяжело было ознакомиться на Западе. Дело в том, что Тураев практически все работы публиковал на русском языке, а перевод их на иностранные языки его мало интересовал. Известно, что Г. Масперо и А. Гардинер предлагали Тураеву публиковать свои работы в европейских изданиях, но он отказывался это делать. Например, вышедший в Европе «Бог Тот», материалы к которому собирались за

[26] *Тураев Б.А.* Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями // Экскурсионный вестник. 1915. № 1. С. 3–12.

[27] Напр.: *Тураев Б.А.* Новейшие успехи и современное состояние египтологии // Историческое обозрение. 1897. Т. 9. С. 1–37.

границей, был опубликован на русском языке, что не раз отмечалось другими отечественными учеными как потеря для мировой славы автора. Работы учеников Тураева, соответственно, также редко печатались на иностранных языках. Это фактически создавало условия для внешней изоляции его школы.

А в то же время, в двух первых десятилетиях XX в., государство уделяло египтологии минимальное внимание. Тураев был раздосадован тем, что для российского государства история Древнего Востока не является одним из приоритетных направлений. Он писал: «Следует признать, что для поднятия интереса к великим культурам древности у нас не делалось почти ничего. В то время, как англичане, французы, а за ними немцы, итальянцы и американцы не останавливались ни пред какими затратами сил, энергии и материальных средств для археологического исследования стран, где создались древнейшие человеческие цивилизации... в то время, как западные и заатлантические музеи наполнялись памятниками Египта и Передней Азии, давая материал ученым и образовательные средства для общества, когда и правительства и частные организации поняли важность изучения Востока и всячески ему содействовали, а обширная научная и популярная литература шла навстречу как этим начинаниям, так и вызванному ими интересу общества, у нас, ближе всех лежащих к Востоку и территориально, и исторически, и культурно, об изучении Востока, особенно древнего, думали меньше всего – не было ни кафедр, ни оригинальной литературы, а потому долгое время не замечалось интереса к этой области знаний»[28].

Создавая эти горькие строки, историк еще не представлял, что будет происходить с изучением Древнего Египта с приходом Советской власти. Ее отношение к изучению истории древнего мира, которое было «хуже некуда», решающим образом повлияло на распад отечественной египтологической школы в 1920-е гг. Когда в 1920 г. заболел тифом Б.А. Тураев, несколько ученых, пытаясь спасти его, направили письмо к А.В. Луначарскому с просьбой выделить для выдающегося историка лекарства и рис. Резолюция на письме была в буквальном смысле слова убийственна: «В на-

[28] *Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. С. 9.

стоящее время молодая Советская республика в египтологах не нуждается…»[29]

При всех вышеуказанных условиях становится понятным, что смерть основателя школы значила для школы самую большую потерю. Без самого Б.А. Тураева вместо школы получалось просто слабо организованное децентрализованное сообщество его учеников. Выбранный тип коммуникации в этом сообществе историков предопределял невозможность его эффективного существования в изменившихся условиях.

---

1. Архив ГМИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 421.

2. Архив Гос. Эрмитажа. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8.

3. *Берлев О.Д.* Египтология // Азиатский музей – ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 500–515.

4. *Вассоевич А.Л.* Духовный мир народов классического Востока СПб., 1998.

5. *Викентьев В.М.* Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917. (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, 4).

6. *Викентьев В.М.* Фараон Тутанхамон и его гробница (По поводу нового великого открытия в Долине Царских Гробниц в Фивах) // Новый Восток. 1923. № 3. С. 360–371.

7. *Волков И.М.* Древнеегипетский бог Себек // Записки ИФФ Петроградского университета. Ч. 140. Пг., 1917.

8. *Гесс Ф.Ф.* Об обратных изображениях в древнеегипетском рисунке и рельефе. Пг.: Изд-во Акад. ист. материал. культ., 1920. Т. I.

9. *Еланская А.И.* Коптология //Азиатский музей – ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 516–526.

10. *Жебелев С.А.* Из воспоминаний о старом товарище // ВДИ. 1993. № 3. С. 192–199.

11. *Жебелев С.А.* Ф.Ф. Гесс (Некролог) // Анналы. 1923. Т II. С. 260.

12. *Коцейовский А.Л.* Иератическая часть Берлинского папируса 3008: Призывания Исиды и Нефтиды // Записки Классического Отделения РАО. СПб., 1913

13. *Коцейовский А.Л.* Тексты Пирамид Т. I // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1917. Т. 14.

14. *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии М., 2013.

15. *Неваров А.А.* Состояние отечественной египтологии в 20-е гг. XX в. // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии:

---

[29] *Вассоевич А.Л.* Духовный мир народов классического Востока СПб., 1998. С. 28–29. Прим. 22.

матер. I Всерос. науч. конф. студ., аспир. и молодых ученых. Омск, 2010. С. 80–83.

16. *Неваров А.А.* Изучение культуры и религии Древнего Египта в работах Ф.В. Баллода // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: матер. II Всерос. науч. конф. студ., аспир. и молодых ученых. Омск, 2013. С. 53–56.

17. *Струве В.В.* Предисловие // Тураев Б.А. История Древнего Востока Л., 1935. Т. I.

18. *Тураев Б.А.* Бог Тот: Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб., 2002.

19. *Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922.

20. *Тураев Б.А.* Египтология на XII Международном конгрессе ориенталистов // ЖМНП. 1900. № 3–4. С. 76–84.

21. *Тураев Б.А.* Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями // Экскурсионный вестник. 1915. № 1. С. 3–12.

22. *Тураев Б.А.* История древнего Востока. СПб., 1912. Т. I.

23. *Тураев Б.А.* Новейшие успехи и современное состояние египтологии // Историческое обозрение. 1897. Т. 9. С. 1–37.

24. *Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927.

25. *Lemm O. von.* Aegyptische Lesestucke zum Gebrauchbei Vorlesungen und Privatstudium. Leipzig, 1883.

26. *Lemme O. de.* Excerpte e libris sacris veteram Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus ImperialisLiteraramUniversitatis Petropolitanae. Petropolis, 1890.

С.Б. Крих

Как не написать главный труд всей жизни: случай академика В.В. Струве

Исследуются причины отсутствия главной работы в творчестве В.В. Струве. Автор полагает, что история советской историографии – не столько сага о героях и злодеях, сколько античная драма, в которой одни и те же лица, даже не сменив масок, играли тех и других.

Ключевые слова: советская историография, В.В. Струве, И.М. Дьяконов, проблемы исторического творчества.

S.B. Krikh

How Not to Write a Major Work of All Your Life: a case of academician V.V. Struve

The article examines the reasons for the lack of the main book in all creative activity of V.V. Struve. Authors thinks, that the story of Soviet historiography – is not so much the saga of heroes and villains, but the ancient drama in which the same persons who did not even changing masks, played those and others.

Key words: Soviet historiography, V.V. Struve, I.M. Diakonoff, problems of historical writing.

Постановка проблемы

Каждый великий историк должен создать большой труд, с которым будет ассоциироваться его имя у современников и у последующих поколений. Это может быть одно произведение («фукидидов вариант»), как в случае с Э. Гиббоном (1737–1794), который воспринимается только как автор махины об «упадке и разрушении» Римской империи (1776–1787), или две соположенных работы («тацитов вариант»), как в случае с М.И. Ростовцевым (1870–1952), величие которого выразилось в двух социально-экономических историях по Римской империи и эллинистическому миру (1926; 1941). В крайнем случае, мы можем разделять шедевры «для всех» и шедевры «для избранных», как в случае с Т. Моммзеном (1817–

1903), «История Рима» (1854–1857; 1885) которого по сей день издаётся для общего чтения, а книга о римском государственном праве (1871–1888) составляет предмет восхищения специалистов.

Всё вышесказанное, конечно, – миф, условное обозначение достигнутого успеха, выработанное культурой в процессе своего развития. Но это миф (как и большинство из них) действенный. Капитальные работы стремятся создать почти все историки – и те, кто претендует на величие, и те, для которых важно подчеркнуть свои достижения в узкой избранной теме. В случае со многими мастерами исторической науки мы можем спорить об их главных книгах – приведём в пример ассириологов Ф. Тюро-Данжена (1872–1944) или И.М. Дьяконова (1915–1999) – но тут, по крайней мере, проблема будет в большом количестве претендующих произведений.

А в случае с В.В. Струве (1889–1965) мы сталкиваемся с парадоксом истории исторической науки. Не может быть никакого сомнения, что перед нами крупный учёный, отличавшийся работоспособностью и широтой научных интересов. Сам он, как утверждают биографы, хотел стать советским Эдуардом Мейером (1855–1930)[1]. Но Мейер сразу вспоминается своей пятитомной «Историей древности» (1884–1902), затем на ум приходят тоже вполне солидные «Происхождение и истоки христианства» (1921–1923) или увесистый том «Монархии Цезаря и принципата Помпея» (1918). А вот когда М.А. Коростовцев (1900–1980) писал о своём учителе Струве заметку для «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ), то смог упомянуть только «Историю Древнего Востока» (1941), назвав её «обобщающим трудом»[2]. В своей характеристике Коростовцев, конечно, не обманул, но ведь эта книга – учебник для вузов, ни объёмом, ни охватом материала на магистральную работу не претендующий, не целиком Струве написанный и оригинальностью подачи не отличающийся.

Там, где с остальными учёными речь может идти о богатстве выбора, в случае со Струве не так-то просто даже найти произведение, которое составляло хотя бы более десятка печатных лис-

---

[1] *Вассоевич А.Л.* В.В. Струве и «Египетская история» Манефона // Струве В.В. Манефон и его время. СПб., 2003. С. 9; см. также: *Берлев О.Д., Дандамаев М.А., Фихман И.Ф.* К 100-летию со дня рождения академика Василия Васильевича Струве // ВДИ. 1989. № 1. С. 245.

[2] СИЭ: в 16 т. М., 1961–1976. Т. 13. 1971. Стб. 874.

тов. И.Ф. Фихман в статье к столетию учёного был вынужден говорить о «мастерски выполненных минимонографиях»[3].

Опять же, там, где неудачи других легко объяснить тяжёлым временем или внутренними метаниями, со Струве не подходят и такие варианты. Пережив две войны и революцию, историк тем не менее всю свою сознательную жизнь занимался наукой и только ей, съездил в заграничную стажировку на исходе царского времени, работал в университете и Эрмитаже, стал доктором наук и академиком в советскую эпоху, во время блокады был эвакуирован из Ленинграда. Насколько известно, его никогда не арестовывали, не допрашивали, вряд ли в его жизни был длительный период, когда бы он стабильно голодал или жестоко нуждался. Его труды не запрещали к печати, не вырывали страницы, не изымали тиражи. Последние тридцать лет своей жизни, после сорока пяти лет – время расцвета для учёного – он занимал руководящие посты в различных советских академических учреждениях, состоял в нескольких редакциях солидных изданий и никогда не был лишён многочисленных регалий. При этом он оставался беспартийным[4]. Что касается научного вклада, то даже противники всегда признавали, что он определил направление развития советской науки о древности – именно Струве впервые на фактическом материале дал обоснование всеобщего характера рабовладельческой общественно-экономической формации. Представители властных структур тоже всегда помнили об этом, и его статусные позиции оставались незыблемыми.

Нет никакой необходимости говорить и о непреодолимых внутренних метаниях. Нам хорошо известен пример И.М. Гревса (1860–1941), который обратился от исследований античной экономики к средневековой итальянской культуре, затем сыграл большую роль в становлении краеведения, а помимо этого переводил А. Франса и интересовался довольно широким кругом вещей. Здесь, действительно, есть основания видеть «непостоянство личных пристрастий»[5]. Но, опять же, как только мы обращаемся к рассмотрению творчества Струве, объяснение перестаёт быть убеди-

---

[3] *Берлев О.Д., Дандамаев М.А., Фихман И.Ф.* Указ. соч. С. 248.

[4] *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 277.

[5] *Потехина И.П.* «И всё-таки – что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова) // Клио. Журнал для учёных. 2013. № 10 (82). С. 150.

тельным. Начав как египтолог, он обратился к исследованию Шумера, а затем также хеттского общества, ближневосточной хронологии и ряда других тем – при этом не полностью забросив и исследование Египта[6]. Здесь логичнее видеть не радикальную смену интересов, а их расширение, которое притом практически не вышло за рамки древней истории Ближнего Востока. Увеличение внимания к социально-экономической сфере со стороны Струве, безусловно, было вызвано победой в России марксистской идеологии, но, вообще говоря, не было совсем уж ему чуждо[7]. И опять же, для него переход к марксистской методологии был шагом из средней лиги в высшую: настоящие обобщения, всеобъемлющая концепция были связаны именно с этим этапом его жизни.

Итак, отсутствие у Струве работы, которая могла бы венчать всё его творчество – факт символический, но при этом требующий вполне серьёзного и обстоятельного объяснения. Ведь такого рода символы свидетельствуют об особенностях творчества, часто не очевидных, скрытых от поверхностного обзора.

В поисках ненаписанного шедевра

Но может, всё-таки, проблемы нет как таковой? Бывают люди, которые сознательно ищут особый путь в профессии и подчёркивают свой выбор тем, что поступают не так, как все. В принципе, сознательный отказ от создания всеохватной базовой работы – возможная стратегия поведения для крупного учёного, хотя, вообще говоря, для исследователя древности, работавшего в XIX–XX вв., слишком уж радикальная. Даже если мы вспомним М. Финли (1912–1986), то и в его случае отказ от больших по объёму книг вполне компенсируется наличием книг обобщающих, и сразу без труда придёт на ум его «Античная экономика» (1973) – формально всего лишь публикация небольшого курса лекций, фактически –

[6] Основная последовательность развития тематики прослежена уже в некрологе: Василий Васильевич Струве (3.II.1889–15.IX.1965) // ВДИ. 1966. № 1. С. 4–6. О.Д. Берлев, однако, решительно заявляет, что с начала 1930-х гг. его учитель «уже не был египтологом». См.: *Берлев О.Д., Дандамаев М.А., Фихман И.Ф.* Указ. соч. С. 244.

[7] *Большаков А.О.* Василий Васильевич Струве (1889–1965) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 43.

главное сочинение, манифест особенного видения древнего мира, книга, которую никто не подумает назвать «минимонографией». В этом смысле слова во второй половине XX в. в науке о древности произошла не столько «смерть метанарратива», сколько его трансформация. Но Финли относился к иному поколению, нежели Струве, не говоря о том, что он и работал в совершенно иных условиях. В советской учёной культуре всё-таки консервировались установки классической науки[8] и чрезмерная оригинальность в этой сфере должна была не помогать, а мешать деятелю в достижении общеразделяемых целей.

А главное, сам В.В. Струве постоянно показывает в своём творчестве стремление к созданию полнокровного повествования. По крайней мере, такое впечатление он создаёт у читателей. Во многих своих статьях он приводит ссылки на тематически близкие собственные работы: уже изданные либо готовящиеся к печати или, наконец, планируемые к написанию. Учитывая тему наших изысканий, особенно интересно будет обратить внимание на те планы, которые так и не были воплощены в жизнь.

В статье 1922 г. историк сообщает читателям, что он намерен вскоре издать ценную коллекцию шумерских булл из собрания Н.П. Лихачёва (тем самым как бы продолжая деятельность по публикации шумерских документов, начатую М.В. Никольским) с их полной автографией[9] – в любом случае, вряд ли речь шла здесь о создании большого самостоятельного исследования. Похожим образом, полемизируя в 1934 г. с Н.М. Никольским о формационной принадлежности древневосточных обществ, учёный обещает предоставить полный перевод отчётов надзирателей рабочих партий при Шумере III династии Ура вместе со своими возражениями – роль комментариев тут возрастает, но, судя по контексту, речь явно идёт о большой статье, никак не о книге[10]. К тому же разряду сравнительно небольших работ следует отнести и упо-

---

[8] *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 180.

[9] *Струве В.В.* К истории патесиата Гишху // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 54, прим. 1.

[10] *Струве В.В.* Ещё раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (Ответ Н.М. Никольскому) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 211, прим. 1.

минание в издании 1934 г. о планах на специальное исследование о специфике древневосточного города[11].

Нам удалось встретить несколько указаний и на более солидные работы, которые планировал исследователь. Во второй главе труда «Манефон и его время», опубликованной в 1930 г., содержится упоминание о большой (!) давно написанной монографии по храмовой политике египетских царей, оставшейся неизданной «ввиду типографских условий»[12]. Сама книга о Манефоне была опубликована лишь частично: в 1928 и 1930 гг. вышли две самые крупные первые главы, оставшиеся шесть, равные по совокупному объёму уже вышедшим[13], так и не дождались своего часа. Вероятно, сравнительно пространным (коль скоро автор намечал несколько разделов) должно было быть заявленное в 1934 г. «исследование о роли религии в рабовладельческом обществе и отличии её от роли, которую играет религия в феодальном обществе»[14]. В 1935 г. он обещает читателям отдельную монографию по иудейской историографии[15]. Наконец, отдельный подробный труд (вряд ли монументальный) в конце своей жизни Струве надеялся посвятить переводу, интерпретации и выяснению социального смысла надписей лагашского правителя Урукагины[16].

[11] *Струве В.В.* [Прения по докладу] // Известия ГАИМК. Вып. 77. Л., 1934. С. 177, прим. 1. Другие упоминания несбывшихся планов, подразумевающих создание статей: *Его же.* Манефон и его время. С. 104, прим. 4, С. 112, прим. 1; *Его же.* Рудимент классового показателя в сумерийском языке // Известия АН СССР. 7 серия. Отдел общественных наук. 1934. № 10. С. 806; *Его же.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия ГАИМК. Вып. 77. С. 107, прим. 230 и, вероятно (указание слишком размытое), С. 103, прим. 161; столь же размытое указание: Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М.С. Годеса. М., 2009. С. 98.

[12] *Струве В.В.* Манефон и его время. С. 215, прим. 1.

[13] *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 9–10. С. 29, прим. 6.

[14] *Струве В.В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока. С. 180, прим. 3. Доклад был прочитан в 1933 г., но заявление содержится в примечаниях. В любом случае, если Струве не снял это замечание при издании, значит и в 1934 г. он всё ещё верил в то, что напишет большой труд о религии.

[15] *Струве В.В.* Манефон и его время. С. 391, прим. 2.

[16] *Струве В.В.* Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 46, прим. 90; *Его же.* Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации // ВДИ. 1964. № 4. С. 20.

Конечно, обсуждать ненаписанные или несохранившиеся тексты – занятие неблагодарное, и все вышеперечисленные заявления сами по себе немногого стоят. Так, мы просто не можем ставить вопрос о научной значимости неопубликованной монографии по храмовой политике, равно как и об уровне её научных претензий – в отсутствие текста многие рассуждения становятся бесполезными. Но ведь крупные тексты не возникают в одиночестве: любой монографии предшествуют близкие тематически, но менее объёмные и претенциозные работы. Если мы предположим, что великий труд создавался, но не был создан, то будет возможно обнаружить хотя бы его следы.

Самым элементарным (хотя и небесспорным) указателем на особое внимание к какой-либо теме является объём произведений. Для того, чтобы данные были более показательными, мы отобрали из нескольких прижизненных (с 1912 по 1965 г.) сотен публикаций учёного те, чей объём превышал полсотни страниц[17] и кратко обозначили их тематику. Сводя данные в таблицу (прил. 1), мы посчитали возможным выделить три периода творчества Василия Васильевича: «египетский» (1912–1930), «шумеро-обобщающий» (1930–1944) и «последних песен» (1945–1965).

В первый период все крупные работы так или иначе связаны с Египтом, а большинство из них – посвящены исключительно египетской истории. Завершает период публикация двух глав из большой работы о Манефоне, защиту которой автор, видимо, планировал для будущего обоснования получения им учёной степени[18].

---

[17] Вместимость страницы, конечно, величина непостоянная, если речь идёт о разных изданиях и издательствах, неточны также и измерения в печатных листах, а более точным инструментом при анализе является подсчёт количества знаков в тексте, но в данном случае для получения общего представления первый приблизительный способ измерения вполне достаточен.

[18] Д.С. Милибанд сообщает, что степень доктора исторических наук была присвоена В.В. Струве 15 февраля 1934 г. «без защиты», но исследование о Манефоне всё-таки было предварительно обсуждено в 1928 г., что сам автор и называл защитой – правда, никакого официального подтверждения у неё быть не могло. Дело в том, что до 13 января 1934 г. в СССР фактически не было системы учёных степеней и званий, а с появлением соответствующего постановления степени и звания были присвоены большинству именитых учёных без защиты. *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX–XXI вв. М., 2008. С. 427; *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. С. 29, прим. 6.

Книга «Манефон и его время» может с наибольшим основанием претендовать на роль главной работы, если судить по техническим показателям: в первую очередь, по объёму, во вторую – по ступенчатой структуре, вполне отображающей принципы классического научного сочинения в стиле старомодного академизма. Можно добавить к этому и такие характеристики, как глубина проработки темы в сочетании с несколькими смелыми заявками, претендующими на пересмотр сложившихся взглядов: утверждение о высокой степени точности манефоновых свидетельств, непризнание антисемитских мотивов в сочинении египетского историка.

Признать, однако, эту книгу искомым нами скрытым chef-d'œuvre было бы не столько смело, сколько неосмотрительно. Создатель советско-марксистской концепции рабовладения на Древнем Востоке, главный труд которого посвящён исследованию египетского источника, минимально касающегося социально-экономической истории – это, конечно, допустимое решение вопроса, но такое, которое будет настоятельно требовать собственного решения.

Ещё более весомый аргумент против кандидатуры «Манефона» заключается в том, что сам автор не относился к нему впоследствии как к эпохальной книге. Собственно, и книгой эта работа стала только в XXI в., когда её части были издана под одной обложкой, до того они публиковались лишь в периодике. И несмотря на весь свой растущий вес в советской науке, Струве так никогда и не издал изыскания о Манефоне целиком – после 1931 г. появилось всего несколько отрывков. После первых двух исполинских глав (порядка 520 тыс. знаков) оставшиеся шесть исчезают из поля зрения науки: А.Л. Вассоевич, видимо, полагает их утраченными[19], но допустимо предположить и то, что они, хотя и были написаны, тем не менее не получили той обработки, которая позволила бы им выйти за пределы расширенного наброска. Конечно, и Маркс до конца своей жизни не продвинулся далее первого тома «Капитала», но первый том всё-таки вышел, автор пёкся о судьбе его изданий и переводов, а главное – работал над продолжением. Струве же как бы перерастает труд о Манефоне. Три исследования на ту же тему вышли в период с 1934 по 1941 г., и

[19] *Вассоевич А.Л.* В.В. Струве и «Египетская история» Манефона. С. 20.

вероятно, это и было всё, что автор в итоге счёл достойным публикации из оставшейся части рукописи[20].

Он обращается к другим темам – собственно, к созданию концепции рабовладения, в которой важную, если не центральную роль играло изучение древнейшей истории месопотамской цивилизации. Именно поэтому мы и назвали второй период «шумерообобщающим». В предвоенном десятилетии сконцентрировано основное количество крупных работ, созданных Струве, и сами эти работы – необычно пространны для него. Казалось бы, именно здесь есть возможность для выбора подходящего кандидата.

На деле, таковой возможности нет. Перед нами не столько несколько опубликованных работ, сколько одна и та же, прошедшая три стадии: тщательной разработки отдельных тем и предварительного обобщения (1934–1935), промежуточного сведения материала в целостность (1936) и окончательного результата (1941). Весь этот этап может быть охарактеризован как деятельность по написанию учебника древневосточной истории, потому что все идеи, которые Струве высказывал в кратком курсе лекций, изданном в 1934 г. (записанном с его слов), он повторяет и шлифует в университетских лекциях и начатом, но незаконченном проекте по истории древнего мира (1936). Текстуальная преемственность может быть в данном случае проиллюстрирована десятками, если не сотнями примеров.

Может показаться, что «Очерки социально-экономической истории древнего Востока»[21] (собственно, это всего лишь два очерка – о шумерах и хеттах) и самый известный доклад в карьере Струве – «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» стоят несколько особняком. Но эти работы как раз являют собой образец построения общих заключений о древневосточной истории на материале избранных

[20] Сходным образом А.О. Большаков считает, что статьи до 1946 г. развивали одну и ту же тему и даже предполагает рассматривать их совокупность «как монографию», но всё-таки не высказывает предположения, что они изначально этой задуманной монографией и являлись. *Большаков А.О.* Василий Васильевич Струве (1889–1965). С. 46.

[21] *Струве В.В.* Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М.; Л., 1934.

обществ (и даже нескольких избранных периодов в истории этих обществ), чьи примеры станут краеугольными камнями во всех курсах лекций и лишь постепенно будут дополнены остальными элементами, которые позволят построить полнокровное повествование итогового учебника 1941 г. Соответственно, ни одна из этих работ не обладает признаками законченности и фундаментальности. При этом и сам учебник 1941 г. не может считаться монументальным трудом: многие сюжеты в нём рассказаны более кратко, чем в тех же лекциях для студентов, в нём фактически отсутствует научная полемика, т. е. это в самом деле учебник, представляющий результаты научной работы в обобщённом и сокращённом виде, и кроме того, это учебник (как и отмечено в прил. 1), написанный коллективом авторов – хотя Струве исполнил здесь первую партию, но всё-таки это уже не подвиг одного энциклопедиста (как это было в случае с мейеровской «Историей древности» или даже с тураевской «Историей древнего Востока»[22]).

Наконец, в послевоенный период мы можем наблюдать разброс в тематике крупных работ учёного. Он продолжает трудиться над изучением экономики Шумера, параллельно увлекается ранней империей Ахеменидов и участвует в создании «Всемирной истории» – труда, который должен был зафиксировать основные достижения советской исторической науки. Величественность последней работы, однако, была коллективной, даже цеховой, и хотя Струве играл в этом цехе далеко не последнюю роль, тем не менее, первый (а затем и второй) тома «Всемирной истории» были плодом долгих обсуждений, итогом которых стал шаткий компромисс внутри коллектива советских историков древности, который ни в коей мере нельзя считать победой взглядов Струве. Другие крупные работы – очерк о В.С. Голенищеве[23] и расширенный очерк (который можно назвать монографией лишь потому, что он вышел отдельной книжкой) о политической борьбе в Лагаше во

[22] Заслуживает внимания точка зрения А.О. Большакова, согласно которой учебник 1941 г. «это несколько упрощённая тураевская «История», переписанная с позиций концепции рабовладельческого строя», хотя при этом он всё же много лучше последующего учебника В.И. Авдиева. *Большаков А.О.* Указ. соч. С. 50.

[23] *Струве В.В.* Значение В.С. Голенищева для египтологии // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М., 1960. С. 3–69.

времена Урукагины[24] – тоже не выглядят убедительно в роли венца творческого пути. И в любом случае мы здесь не встретим текста, который мог бы быть сопоставлен с работой о Манефоне.

Итак, В.В. Струве – великий историк без великого труда?

Причины неудачи: внешний фактор и загадки психологии

Изучать Манефона, чей труд не сохранился до наших дней, приходится по фрагментам его сочинения в произведениях других античных авторов, что требует особых усилий, сличения текстов, отыскания искажений и ошибок, и это можно понять – ведь речь идёт о книге, написанной две тысячи триста лет назад. Но в случае с творчеством востоковеда, трудившегося всего-то в прошлом столетии, применение подобного же подхода кажется парадоксальным. И тем не менее, перед нами именно та сфера, где прямых свидетельств мемуарного характера может просто не быть: творческие надежды и неудачи – сфера сугубо интимная.

Если невозможно найти следов шедевра в первом приближении к трудам Струве, то необходим другой, более тщательный анализ. Мы предлагаем рассмотреть динамику творчества историка, чтобы понять, какие повороты были на его научном пути и на основании этого попробовать реконструировать его творческую стратегию. С этой целью была создана другая таблица (прил. 2), учитывающая в общих чертах изменение интереса учёного к различным темам на протяжении всего его творчества (период издания работ продлён до 1967 г., с учётом «издательской инерции»). При всех оговорках и неизбежных отдельных неточностях предложенный подход позволяет достаточно надёжно отследить основные вехи научной деятельности. Стоило бы лишь добавить, что послевоенный период достаточно отчётливо распадается на два подпериода (гранью выступает примерно 1956 г.), а первый период с меньшей отчётливостью делится на два примерно по грани 1921 г., но в целях сохранения наглядности и сопоставимости с первой таблицей мы решили не увеличивать количество граф.

Как мы можем видеть, на протяжении первого периода творчества египетская и «околоегипетская» тематика преоблада-

[24] *Струве В.В.* Государство Лагаш. Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV–XXIV вв. до н. э. М., 1961.

ли почти что абсолютно. Явно прослеживается и внимание к вопросам истории религии и израильской истории, в общем типичное для представителей школы Б.А. Тураева. Интерес к социально-экономической истории у молодого учёного начинает проявляться сразу же, но он пока вполне периферийный. Шумер и экзерсисы в языкознании – это уже первые черты перемен, произошедших в 1920-е гг. Собственно струвианская составляющая во всём этом – разработка истории математики, объясняемая, конечно, тем обстоятельством, что автор происходил из семьи математика В.Б. Струве (1854–1912)[25].

Во второй период творчества интересы выравниваются и становятся более разнообразными. Прежде всего, резко теряют в интенсивности египетская и израильская тематики. Они не исчезают полностью, но тут в известной мере играла роль инерция, касающаяся издания статей, «нарезанных» из книги о Манефоне; с другой стороны, издание лейденского папируса – это уже социальная история, в самом модном тогда ключе трактующая о рабском восстании[26]. Зато бесспорно возрастает интерес к хеттской и особенно шумерской социально-экономической истории, которые становятся ядром обобщающих работ по Древнему Востоку – абсолютный рекорд общих трудов приходится также на предвоенное десятилетие. Струве даже решится на некоторые отдельно опубликованные теоретические построения[27], что для него, во-

---

[25] В связи с этим интересна точка зрения В.В. Емельянова (высказанная им, правда, только в личном блоге), согласно которой В.В. Струве и был нереализовавшимся историком математики, добивавшимся успехов в тех сферах, где нужен был трезвый подсчёт: в языкознании, шумерской статистике, а собственно исторической интуиции он был почти лишён. См.: [Емельянов В.В.] 3 февраля. 120 лет академику Струве. URL: http://banshur69.livejournal.com/32266.html (дата обращения: 1.01.2015).

[26] *Струве В.В.* Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.) // Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. М.; Л., 1935. С. 3–38.

[27] Самая примечательная работа здесь посвящена трактовке Маркса, ей мы посвятили также отдельное исследование: *Струве В.В.* Марксово определение раннеклассового общества // Советская этнография: сб. ст. Вып. III. М.; Л., 1940. С. 5–22; *Крих С.Б.* Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: матер. XII межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2012. С. 153–170.

обще, несвойственно – чаще он предпочитал разделываться с теорией во введении к общим трудам или кратко повторять самые банальные положения в историографических работах[28]. Поскольку вопросы социальной истории были тесно связаны с анализом текстов, то и интерес Струве к языкознанию в этот период тоже укладывается в его стремление использовать все имеющиеся у него возможности и наработки для создания максимально убедительной картины древней истории[29].

А вывод о растерянности, которую мы фиксировали в послевоенном творчестве, опираясь на анализ крупнейших опубликованных работ, может быть теперь частично оспорен. Первое послевоенное десятилетие, действительно, Струве очень серьёзно увлекается персидской историей (12 работ, включая главы во «Всемирной истории» в 1946–1956 гг.)[30], вновь начинает уделять внимание Египту (6 работ в 1946–1956 гг.), участвует в написании общих работ, увлекается хронологией (7 работ в 1946–1955 гг., после 1955 г. отдельные работы по этой теме исчезают вовсе – правда, это и был период активной переоценки всей системы ближневосточной хронологии). Всё меняется после 1956 г.: почти всё уходит на второй план[31], остаётся Шумер. Поздний Струве решает оставить это своим завершающим деянием[32]. Мы уже зна-

---

[28] Нам уже приходилось однажды обращать внимание на тот факт, что в своём решающем «теоретическом» докладе 1933 г. исследователь почти полностью обошёл собственно вопросы теории: *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии. М., 2013. С. 94, 97.

[29] *Струве В.В.* Плебеи и илоты // Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н.Я. Марра (Известия ГАИМК. Вып. 100). М.; Л., 1933. С. 363–373.

[30] Эвакуация в Ташкент в годы войны дала этому интересу дополнительный импульс. *Большаков А.О.* Указ. соч. С. 50.

[31] В 1959 г. учёный собрал часть работ по персидской истории (также касающихся и Средней Азии), а также других регионов древности, находящихся на территории СССР, частично обработал их и придал им вид монографии. Книга вышла уже после смерти автора. При всём том, она представляет скорее тематический сборник, чем целостное исследование, несмотря на обратное утверждение редактора: *Каллистов Д.* Предисловие // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 4–5.

[32] Свидетельство о возврате к египтологии буквально в последние месяцы не может принципиально изменить картину, тем более, что это не означает отказа от «шумерских» планов: Памяти академика В.В. Струве // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967. С. 4.

ем, что он планировал завершить работу по надписям Урукагины, но, тем не менее, во всей этой системности мы не увидели тенденции к созданию единой обобщающей монографии. И то, что в 1961 г. вышел отдельной книгой очерк по политической борьбе в Лагаше, который вполне органично смотрелся бы в качестве раздела в полноценном итоговом томе, лучше всего подтверждает – автор уже не рассчитывал поставить в завершении своей научной карьеры последнее великолепное сооружение, предпочитая ограничиться серией частных достижений.

Что же произошло? Думается, речь должна идти об определённой аберрации нашего восприятия. Мы все точно знаем, что научная карьера Струве была удачной и готовы видеть во всех основных её составляющих проявления этого успеха. Между тем, оба эти положения как минимум неточны.

Основателя советской востоковедческой школы легко отнести к числу победителей, а победителям не принято сочувствовать. Унижение критического разбора или оскорблённое самолюбие нереализованных возможностей интуитивно понятны биографам и благожелательно воспринимаются читателями. А вот обжигающий холод вершин академической науки и ужас интеллектуального одиночества среди сонма учеников – эти беды редко избегают иронического изложения. Победителей должно критиковать, с них достаточно успеха, который выпал на их долю при жизни…

Но бывает ли этот успех таким безоблачным и всепоглощающим? В случае со Струве – однозначно нет. Проследим зигзаги его творческой карьеры, теперь с точки зрения их восприятия главным героем нашего исследования.

Первым потрясением для него, вероятно, была прерванная стажировка в Германии. Начало войны прекратило столь важные для отечественной египтологии связи с немецкой наукой, а её конец – принёс разрыв уже со «старым миром». И в 1920-е гг. начинается долгий период поисков себя в новых условиях – а ведь это было время между тридцатью и сорока годами, когда историк ещё был молод и полон сил. В этой полноте сил он и создаёт неизвестную нам монографию о храмовой политике фараонов и книгу о Манефоне, но та и другая оказались скорее завершением тен-

денций старой науки, новому строю уже однозначно (что стало ясно после 1928 г.) ненужной.

Учёный обращается к марксизму. Несмотря на то, что Советская власть существовала целое десятилетие, становление представителей «старой науки» на «путь истинный» происходило сравнительно поздно и нелегко. Об этом свидетельствует сам Струве, обычно не слишком откровенничавший о своих переживаниях[33]. Первое свидетельство построено, правда, в обезличенном стиле, но его едва ли можно воспринимать без автобиографической составляющей: «Исследователь древневосточных обществ найдёт весьма немного прямых указаний в трудах основоположников марксизма на то, как они решали вопрос о формации этих наиболее древних классовых обществ. Исследователю, стремящемуся научно решить основной вопрос о формации, предстоит трудная задача самостоятельно проработать на основе марксистской методологии весь огромный материал, который нам доступен на данном этапе накопления знаний. И вполне понятно, что подобная задача для специалиста, питомца дореволюционного университета, могла стать посильной лишь после основательного ознакомления с марксистской методологией. Для этого ему надо было оторваться от методологии, в которой он был воспитан, а это было тем более трудно, что его учителями были крупнейшие представители буржуазной науки, как Г. Масперо, Эд. Мейер, М. Ростовцев в истории, египтологи В. Голенищев, А. Эрман, К. Зете, ассириологи G. Delitzch, М. Никольский, Thureau-Dangin в филологии[34]. Лишь медленно мог происходить отход от старой методологии. Слишком велико было впечатление, которое производила покоящаяся на всеобъёмлющем знании громадного материала историко-лингвистическая концепция буржуазной науки. Поэтому и научная работа специалистов по изучению древнего Востока

[33] Часто, даже если Струве делится личными воспоминаниями, они направлены вовне – на рассказ о другом историке, напр.: *Струве В.В.* П.К. Коковцов как ассириолог // Эпиграфика Востока. Вып. VIII. М.; Л., 1953. С. 3–9.

[34] Судя по всему, наборщик не вполне разобрался в запутанной конструкции фразы Струве, и в оригинале напечатано: «...М. Ростовцев, в истории египтологии В. Голенищев, А. Эрман, К. Зете, ассириолог G. Delitzch, М. Никольский, Thureau-Dangin в филологии». Мы предлагаем корректуру, которая несколько проясняет смысл текста.

в Союзе продолжала и после Октябрьской революции покоиться на основах старых методов»[35].

Сейчас Струве, обращающегося в «большевистскую веру», чуть ли не демонизируют, но для него в принятии марксистской теории и нахождении «правильного» решения вопроса о формационной принадлежности древневосточных обществ наверняка был элемент откровения[36]. Историк именно что пытался диалектически примирить своё прошлое и своё будущее: поэтому он не отрёкся ни от одного крупного исследователя из поколения своих «учителей» (хотя Г. Масперо и Ф. Тюро-Данжен его, конечно, лично не учили), а часто с пиететом упоминал их имена; в этом отношении марксизм воспринимался им как эволюционный, а не революционный этап в науке.

Это не значит, что в акте обращения был исключён элемент давления обстоятельств – иначе и не могло быть в стране, где теория, как тогда казалось почти всем, воплотилась в практике революционной перестройки общества. Это не означает и того, что у Струве напрочь отсутствовал карьерный расчёт, когда он вовлекался в деятельность ГАИМК. Но была и составляющая, связанная с личными поисками истины. В этом Струве тоже сам признаётся, во втором свидетельстве уже прямо говоря о своих собственных переживаниях (приводим в сокращении):

«Основной порок в моей предшествующей исторической работе сводился к тому, что я слишком поздно ознакомился с марксизмом-ленинизмом вообще и марксистско-ленинским учением о формациях. Когда я с ним начал знакомиться, я попутно стал штудировать и имеющуюся в наличии нашу советскую литературу по истории древнего Востока и истории древнего мира вообще. В ней я нашёл определение древневосточных обществ как феодальных, и так как это определение совпадало с определением тех буржуазных историков о древнем Востоке, труды которых были моими путеводителями чуть ли не с гимназической скамьи, то я это

---

[35] *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. С. 27–28.

[36] Наиболее скептическая позиция: *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. С. 166–168, 184. Почти апологетическая: *Большаков А.О.* Указ. соч. С. 43–44, 48–49.

определение принял без какого-либо критического отношения. <...> Я тогда ещё это определение не проверял путём самостоятельного углубленного анализа всего доступного мне древневосточного материала. Но по мере моего ознакомления и более глубокого изучения марксистско-ленинского учения о формациях, мне становилось всё более и более очевидным, что говорить о феодальной формации, в подлинном марксистском её значении, по отношению к древневосточным обществам никак нельзя. ...Когда я понял, что “в Египте существовала какая-то особая формация, которую мы феодальной назвать не можем”, я пытался отождествить способ производства древнеегипетского общества с азиатским способом производства. <...> Рабов в Египте я не видел, ибо не “видали” их ни Эд. Мейер, ни Масперо, ни Брестед. <...> Поняв тщетность этих попыток, я ещё более усилил мою работу, посвящённую определению формации древневосточного общества, причём эта моя работа протекала равномерно в двух направлениях, как в сторону изучения первоисточников, так и в сторону изучения методологии. Плодом моих работ было то, что я увидел наконец в Египте тех, которые были и непосредственными производителями, а, вместе с тем, и представителями подлинного антагонистического слоя древневосточного общества, именно – рабов. В опьянении чувства “прозрения” и освобождения от концепции, властвовавшей столь долго надо мной, я готов был вначале преувеличивать значение рабства и таким образом смазать все специфические особенности между древневосточными и античными обществами»[37].

Конечно, легко отметить, что Струве увидел в древнеегипетском обществе наконец то, что давно хотел увидеть, и перед нами в известной мере сюжет об удачном сеансе самоубеждения. Но даже это соображение не может устранить того факта, что это в то же время рассказ об откровении, с характерным упоминанием о наступившем после него ослеплении, преувеличенной радости. Далее автор, правда, старается обратить свой рассказ в аргумент в споре о формационной принадлежности стран Востока – ведь его упрекали в том, что он постоянно противоречил себе же на протяжении 1930–1933 гг.: «Из данной здесь истории развития

[37] *Струве В.В.* [Прения по докладу]. С. 173–174.

моей концепции следует, что я с середины 1930 г., т. е. со времени моего более глубокого ознакомления с марксизмом-ленинизмом, не изменял своего определения древневосточных обществ, но лишь уточнял его, выдвигая в процессе работы одну за другой специфические особенности изучаемых обществ»[38]. Убедительность такого аргумента весьма сомнительна – достаточно обратиться к более ранним выступлениям в таких же дискуссиях, чтобы увидеть, как исследователь именно колеблется и сомневается в определениях[39]. Но и убеждённость нашего героя в том, что теперь-то время метаний кончилось, несомненна.

Этот душевный подъём, сдерживаемый рационализирующим сознанием, был тем более сильным, что у автора появились единомышленники, а выдвинутая теория, при всех её изначальных недостатках, выглядела убедительнее остальных. Эта теория базировалась на допустимой (на тот момент) трактовке социальных отношений в Древнем Египте и была дополнена результатами начального этапа работы Струве с шумерскими и хеттскими источниками. Беда была лишь в том, что теорию срочно требовалось оформить в убедительное общее повествование, так что Струве параллельно углублял трактовки шумерской экономики (хеттов сравнительно быстро пришлось забросить – не хватало сил), отстаивал убедительность своих позиций (попутно корректируя их) и создавал обобщающие труды, которые не могли стать монументальными по той простой причине, что время таких книг по целому историческому периоду было уже на исходе, поскольку многократно возрос объём информации.

Так что вершина творческой деятельности, акмэ Струве между его сорока и пятьюдесятью годами, прошла под знаком лихорадочной деятельности, в результате которой не появилось ни одной монографии. На самом деле, это чуть ли не типичный пример для целого ряда ведущих историков древности предвоенного десятилетия, особенно тех, кого можно отнести в большей или меньшей мере к тому же поколению, что и наш герой: «Очерки

[38] *Струве В.В.* [Прения по докладу]. С. 175–176.

[39] См.: Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М.С. Годеса. С. 93–99.

по истории древнего Рима» В.С. Сергеева (1897–1941) ещё отдалённо похожи на монументальный опус, но это всё-таки учебник и по структуре, и по назначению, в ещё большей степени это касается его же истории Греции, равно как и работ А.И. Тюменева (1880–1959) или С.И. Ковалёва (1886–1960), который вообще писал по преимуществу либо учебные пособия и популярные произведения, либо статьи по теории античного общества[40].

Если проследить дальше творческий путь указанных историков (за исключением В.С. Сергеева, умершего в 1941 г.), то мы увидим интересные аналогии. А.И. Тюменев, став академиком, сознательно отказался от участия в написании учебников и от преподавания, сосредоточился на шумерской социально-экономической истории[41]. Потому в 1956 г. и выходит его монография, которая безо всяких сомнений является монументальной – как из-за объёма, превышавшего полутысячу страниц, так и из-за качества проработки материала источников, уровня обобщений[42].

С.И. Ковалёв, напротив, как и В.В. Струве, остаётся в преподавании, создаёт в конце 1940-х гг. свой лучший учебник по ис-

---

[40] См.: *Сергеев В.С.* История древней Греции. М., 1934; *Его же.* Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. I–II; *Тюменев А.И.* История античных рабовладельческих обществ. М.; Л., 1935; *Ковалёв С.И.* История античного общества. Греция. Л., 1936; *Его же.* История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936; *Его же.* Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства (Известия ГАИМК. Т. XII. Вып. 9–10). Л., 1932; *Его же.* О некоторых проблемах рабовладельческой формации // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 70–80; *Его же.* Александр Македонский. Л., 1937.

[41] *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. С. 369, прим. 1.

[42] *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. И уже через несколько лет этот тип книги становится, по сути, устаревшим: И.М. Дьяконов создаёт не гигантский том, а сравнительно скромную проблемную книгу, в которой главным становится осмысление источников и попытка понимания общественной структуры Шумера: *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. После этого ни одной книги, подобной работе Тюменева, в отечественной шумерологии не появляется, а вот традиция «дьяконовской» монографии сохранена: *Емельянов В.В.* Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001. Что симптоматично, Струве совершенно не оценил книгу Дьяконова как целостное произведение, увидев в ней только больше количество неточностей и ошибок: *Струве В.В.* Рец. на: И.М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М.: ИВЛ, 1959, 299 стр. // Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 168–176.

тории Рима[43], выступает редактором и автором предисловий к чужим книгам... А в итоге главная тема, которая его всё более занимает последние пятнадцать лет жизни – история раннего христианства, – так и остаётся без конечного фундаментального воплощения: задуманная двухтомная монография «Античное христианство» была готова менее чем на четверть[44].

Если мы теперь посмотрим на последний период творчества Струве, то увидим, что первое послевоенное десятилетие, когда основные правила игры в науке в целом и основные элементы советского образа древности в частности были известны, и когда несколько советских учёных как раз и пишут книги, венчающие их жизнь и научную карьеру, крупнейший советский исследователь Древнего Востока, внёсший огромный (если не решающий) вклад в создание того самого образа древности, находится как бы в растерянности. Его увлекают хронология, персидская история. И только в последние десять (а скорее даже семь) лет жизни он однозначно останавливается на Шумере как на базовой теме своего последнего труда, а именно на истории раннединастического Лагаша. Почему же итоговый труд так и не был создан?

В конкретном последнем случае всё очевидно. Начало 1950-х гг. – это уже начало пересмотра «классических» положений в советской историографии. Струве мог иногда говорить, что новые исследования только подтверждают его точку зрения – и формально книга Тюменева о Шумере близка базовым выводам Струве. Но даже сам объём данных, содержащихся в столь крупном исследовании, требовал их осмысления и комментирования, т. е. дополнительных сил[45]. А ведь вскоре появятся штудии, про-

---

[43] *Ковалёв С.И.* История Рима. Л., 1948.

[44] Подробнее см.: *Ленцман Я.А.* Рец. на: С.И. Ковалёв, Основные вопросы происхождения христианства, М.; Л., 1964, 260 стр., тираж 3300, цена 1 р. 19 к. // ВДИ. 1965. № 1. С. 167–170. Примечательно, что и в своём университетском спецкурсе С.И. Ковалёв не двигался далее тех разделов, которые были им написаны: *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 442.

[45] Впрочем, постепенный натиск со стороны А.И. Тюменева на «струвианские» позиции по Шумеру начался уже в 1940-х гг., и это уже тогда были весьма существенные замечания, напр.: *Тюменев А.И.* О значении термина «kal» в древнешумерском языке // ВДИ. 1946. № 2. С. 10–20; более слабые «уколы»: *Его же.*

тив которых патриарху советского востоковедения приходилось выступать открыто и даже жёстко – речь идёт о противостоянии с И.М. Дьяконовым, которое было тяжёлым и истощающим прежде всего для пожилого учёного. Образ шумерского рабовладельческого общества, который Струве создавал постепенно, во второй половине жизни, начинает корректироваться как раз в те годы, когда у него остаётся последний шанс на создание обобщающих работ.

Могло показаться, что всё это частные аспекты: переоценка Дьяконовым объёма храмового землевладения в Лагаше, его же отказ переводить gána-ga как «высокие поля» и, соответственно, принимать всю гипотезу о возникновении частной собственности за пределами общинно-храмовой земли, наконец, многочисленные нюансы перевода надписей Урукагины...[46] Но каждая из этих деталей ложилась непреодолимым препятствием на пути к созданию общей непротиворечивой концепции, и написать действительно убедительную развёрнутую работу о конкретном периоде древневосточной истории оказывалось гораздо сложнее, чем заявить общую идею о рабовладельческом характере этой истории.

О формах земельных отношений по надписи обелиска Маништусу // ВДИ. 1946. № 4. С. 33–40. Исключительно касающейся частной проблемы может показаться и полемика со Струве и в другой статье, но там высказано сомнение в самом принципе определения по источникам степени занятости работника в храмовом хозяйстве, что, в свою очередь, выбивало опору из-под всей теории рабовладельческого хозяйства в Шумере: *Его же.* Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины // ВДИ. 1948. № 1. С. 21. Небольшой, но тоже болезненный выпад касательно Египта: *Его же.* Эрмитажный папирус 1116 A, строки 101–102 // ВДИ. 1947. № 2. С. 9–12. И.М. Дьяконов частично поддержал позицию А.И. Тюменева: *Дьяконов И.М.* Ещё о термине guruš (kal) в шумерском языке // ВДИ. 1948. № 1. С. 31–33. Развёрнутый и местами яростный ответ всем критикам: *Струве В.В.* Наёмный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1948. № 2. С. 13–33; Тюменеву – особенно на С. 19.

[46] *Дьяконов И.М.* О площади и составе населения шумерского «города-государства» // ВДИ. 1950. № 2. С. 77–93; *Его же.* Реформы Урукагины в Лагаше // ВДИ. 1951. № 1. С. 15–32; *Его же.* Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине // ВДИ. 1955. № 4. С. 10–40; *Его же.* О работе с шумерскими историческими источниками // ВДИ. 1958. № 2. С. 48–69; *Его же.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1. С. 16–34. Все эти работы содержат последовательную полемику со взглядами или отдельными положениями В.В. Струве.

В конце жизни патриарх науки даже начинает несколько суетиться – в качестве примера укажем, что однажды он прибегает в полемике к жанру предварительного ответа[47].

Если в исследовании раннего христианства, которым занимался С.И. Ковалёв, ещё можно найти черты конвенции советских историков, то в отношении Шумера конвенции в чистом виде никогда не было: сначала со Струве спорил Н.М. Никольский, потом частично соглашался А.И. Тюменев, а в итоге ему бескомпромиссно противостоял И.М. Дьяконов. В 1956–1965 гг. время для Струве было уже упущено: речь шла не только о пересмотре шумерской истории, но и о возрождении дискуссий об азиатском способе производства. В 1965 г. Василий Васильевич сам признает, что и в этом вопросе есть, что обсуждать[48]. Вероятно, он бы не отказался добавить, что тем для обсуждения стало слишком много.

Итак, опоздание в последнее десятилетие жизни вполне понятно. Вопрос в другом: почему несколько раньше, в 1945–1955 гг., В.В. Струве, находясь на вершине карьеры и обладая как достаточными силами для научной деятельности, так и достаточными возможностями для того, чтобы избавить себя от непрестанно отвлекавших моментов вроде административной работы, не обратился к Шумеру с удвоенным усердием и не написал той работы, которую от него вполне могли ожидать коллеги – как это сделали А.Б. Ранович (1885–1948) и Н.А. Машкин (1900–1950)[49]?

Возможно, решающую роль здесь сыграла уникальная сложность шумерского материала, который требовал огромных усилий по его охвату[50], но в этом случае не вполне понятно, почему учё-

---

[47] *Струве В.В.* Предварительный ответ на статью И.М. Дьяконова // ВДИ. 1958. № 2. С. 252–253. Рецензия на книгу Дьяконова о строе древнего Шумера также являет собой пример неудачной полемики со стороны Струве: это едва обработанные и слабо структурированные замечания, с повторами, а их чтение создаёт критическое настроение скорее по отношению к рецензенту, чем к рецензируемому произведению. См. прим. 42.

[48] *Струве В.В.* Понятие «азиатский способ производства» // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 104–109.

[49] *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949; *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. Книга Рановича была закончена, но не доработана автором.

[50] Систематизация данных шумерских источников весьма трудоёмкое занятие в виду рассеянности самих источников, сложности чтения и понимания текстов. Большую помощь Струве оказал работавший у него референтом О.Д. Бер-

ный начинает параллельно увлечённо работать по древнеперсидской тематике. Можно рискнуть и предположить, что шумерское направление было проклятьем Струве: оно дало ему материал для обобщения, позволило создать концепцию, которая ещё долго выглядела победившей в советской науке, но оно же отняло множество сил, затянуло в омут деталей, где чуть ли не каждая вторая новооткрытая (или иначе прочитанная) табличка грозила осыпанием всего возведённого строения. Учёный просто не знал, какие сюрпризы может ещё преподнести изучение Шумера, и какое-то время, нельзя исключать, его посещали сомнения в правильности собственного видения ранней истории Месопотамии. Позднее, после обработки большого количества материала, уверенность вернулась, но теперь уже не хватило времени.

Учёный и наука: частные ситуации и общие итоги

Всё написанное выше очень легко разгромить. Разве же можно мерить столь многообразное и важное научное творчество исключительно критерием монументальной монографии? Разве можно всерьёз обсуждать причины неудачи в одном-единственном пункте учёного, который оставил по себе целую школу востоковедения, участвовал в создании образа древней истории в советской науке и, шире, историческом сознании, добился абсолютно неколебимых академических позиций? И против этих интуитивно кажущимися правильными доводов бесполезно будет возражать, что формальные показатели – это ещё не весь разговор, что в одной детали иногда кроется больше секретов, чем во всей совокупности данных. Что в историографии стиль и тип высказывания имеют не меньшее, а большее значение, чем совокупность изученных фактов[51]. Что даже наличие научной школы – довод не абсолютный[52], учёный ведь не пчелиная матка, а количество по-

---

лев (в будущем гениальный египтолог), некоторые результаты создания общей картотеки имён были позднее опубликованы: *Струве В.В.* Избранные труды: Ономастика раннединастического Лагаша. М., 1984.

[51] Ср.: *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003. С. 194.

[52] Тем более, его можно легко довести до логического предела: например, обосновать, что и однопоколенная школа – это тоже немалое достижение. См.: *Скворцов А.М.* Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 26.

следователей и учеников не так важно, как то, насколько потом они изменят идеи учителя.

Но в конце концов, это всё будет лишь полемикой по частным вопросам. Мы в своём исследовании и не собирались рисовать образ угнетённого своим положением человека, который каждый день начинал с размышлений о том, когда же он напишет важнейший труд своей жизни. Вряд ли корректно говорить, будто Струве поздних лет находился в состоянии перманентного уныния – имел же С.Л. Утченко какие-то основания написать в своей столь же яркой, сколь и неоднозначной статье к семидесятипятилетию патриарха советской науки о том, что её адресант – весёлый и оптимистичный человек[53]. Не стоит преувеличивать и личностную напряжённость в отношениях с И.М. Дьяконовым. Отчасти дурную службу в этом вопросе себе сослужил сам Игорь Михайлович: в своих воспоминаниях он зафиксировал преимущественно критические отзывы о старшем коллеге и утвердил впечатление о стабильно плохих отношениях между ними. Тем не менее в 1960-х гг. Дьяконов делился со Струве новой иностранной литературой и данными с семинара по переводу надписей Урукагины, который он вёл, находясь в США[54]. Научное противостояние продолжалось, но условия взаимной вежливости были соблюдены.

Прямая корреляция между судьбой и творчеством – явление в общем редкое; чем сложнее и крупнее личность учёного, к которой мы обращаемся, тем шире будет спектр эмоций и реакций, тем более тонким будет отражение личных переживаний в научной деятельности и тем хуже будут работать грубые инструменты анализа[55]. Иногда корректно поставленный сложный во-

---

[53] *Утченко С.Л.* Некоторые черты образа учёного и человека (К 75-летию академика В.В. Струве) // ВИ. 1964. № 5. С. 119. Неоднозначность заключалась в том, что к тому времени Струве уже перенёс тяжёлую болезнь, которая практически приковала его к постели. См.: Василий Васильевич Струве (3.II.1889 – 15.IX.1965) // ВДИ. 1966. № 1. С. 7; Памяти академика В.В. Струве // Древний Египет и древняя Африка. С. 4; *Большаков А.О.* Указ. соч. С. 51.

[54] *Струве В.В.* Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации. С. 23.

[55] Это соображение – одна из причин, почему мы со скепсисом относимся к концепции «символического капитала» П. Бурдьё: в ней учёный превращается в бухгалтера, сознательно или нет подсчитывающего, какой степени смелость

прос – завоевание более ценное, чем данный на него простой ответ. Нам важно не то, была ли неудача Струве в создании капитального труда свидетельством его неудачи как учёного, действительно важным является то, что это говорит о нём самом и о советской науке, достойным представителем которой он являлся.

Советская историческая наука гордилась своей теоретической акрибией – и даже если она нередко преувеличивала собственные достижения и преуменьшала свои колебания по ветру партийных бурь, тем не менее она действительно отличалась этим от зарубежной (западной) историографии. Оборотная сторона заключалась в том, что ортодоксальный (или даже псевдоортодоксальный) теоретизм[56] оказался прожорливым монстром – он требовал приносить жертвы ему вперёд других[57], а что за исследование потом получится у совершившего ритуал историка – уже не так важно.

мысли он может себе позволить. Одно из последних исследований показывает, что в историографии эта концепция может быть продуктивной только в том случае, если будет существенно дополнена другими идеями: *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

[56] Также см.: *Крих С.Б.* Язык советской историографии: основные характеристики // Учёные записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 214–222.

[57] Мы совершенно согласны с тем, что часто ссылки на «классиков марксизма-ленинизма» вносились в текст уже на завершающем этапе работы над ним. См.: *Карпюк С.Г.* Рец. на: С.Б. Крих. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с. (Размышляя о марксизме) // ВДИ. 2014. № 3. С. 187. Но это соображение нельзя использовать в качестве базового аргумента для того, чтобы подчеркнуть внешний характер теории в советском историческом исследовании: потому что теоретизм проявлялся не столько в цитатах, сколько в специфическом образе мысли, который моделировал сам ход исследования, а цитаты, в самом деле, были не более чем украшением, галунами к уже сшитому платью. Эту ситуацию, при внешнем сходстве, следует отличать от той, когда «марксизировались» работы, созданные первоначально в другой парадигме: так, например, поступила в 1937 г. редакция «Исторических записок», публикуя статью С.К. Богоявленского. См.: *Топычканов А.В.* С.К. Богоявленский – историк Московского государства и знаток московской приказной документации // Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 21, 27. Мы благодарны А.В. Топычканову за то, что он обратил наше внимание на этот казус.

В случае со Струве это проявилось, в частности, в том, что он сначала (на весьма скудном материале) определил сущность шумерского общества (как рабовладельческого) и только потом попытался понять само это общество. Тем самым учёный ставился в положение, когда он должен был искать в источниках не ответы на свои вопросы, а подтверждения уже данным ответам[58]. И даже если он верил в эти ответы, он не мог не чувствовать их ограничивающей силы. Позднее советское поколение историков древности сбежало от исследования рабства в изучение культуры; Струве, возможно, одним из первых попытался сбежать в изучение персидской истории и хронологии. Но ему было сложнее – потому что ему приходилось убегать от себя самого как от создателя той концепции, которая теперь диктовала и ему задачи и установки историописания.

Перелом отказа от преимущественно египетских штудий вкупе с переходом на «марксистские рельсы» ещё не был роковым; решающими стали именно игры в теорию и создание серии учебников в течение 1930-х гг. Они и оказались тем камнем, который лёг посреди течения научной работы исследователя. Упрощая, можно сказать, что после учебника 1941 г. учёному пришлось достаточно долго искать пути возвращения в «эмпирическую» науку, в итоге же он достиг лишь весьма непрочного компромисса между ней и теоретизированием.

Если наша версия верна, то мы можем лишь снова сказать, что рассказ о советской историографии – это не столько сага о героях и злодеях, сколько античная драма, в которой одни и те же лица, даже толком не сменив маски, играли тех и других.

---

[58] Характерно то, как историк комментирует другой пример «обращения» в марксизм своего коллеги, С.А. Жебелёва (1867–1941), выразившееся в знаменитом сюжете с «открытием» восстания Савмака: «Подходя к изучению этих событий с позиций исторического материализма, С.А. Жебелёв, в результате углубленного изучения надписи, дал новый перевод указанного текста, коренным образом изменивший его понимание». – *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. С. 201. То есть фактически признаётся, что именно теоретическое просветление задало «углубленное» изучение надписи, а сама по себе проработка надписи, получается, не привела бы к такому же результату.

Приложение 1

Крупнейшие работы, изданные при жизни В.В. Струве

Год издания работы	*Объём в страницах*	*Тематика*
1915	64	Птолемеевский Египет
1920	52	«Израиль в Египте»
1923	64	Происхождение алфавита
1928	76	Египет (Манефон, I гл.)
1930	89	Египет (Манефон, II гл.)
1934	129 + 125 + 74 + + 104 + (80 + 24)	**Учебник** (Краткий курс) + **Лекции*** + Очерки (Шумер, хетты) + Рабовладение на древнем Востоке (доклад + прения)
1935	240	**Лекции***
1936	333 + 92	**История древнего мира** + **Лекции***
1941	482 (352)	**Учебник**
1945	52	«Родина зороастризма»
1949	45	Шумер
1955	175	Главы во «Всемирной истории»
1960	66	Историография Египта
1961	104	Шумер (Лагаш)

В таблицу не включены работы, которые текстуально полностью повторяют предыдущие (например, переводы учебников Струве на грузинский и эстонский). Знаком звёздочки (*) отмечены работы, которые были размножены не типографским способом (стеклография) и не имели широкого распространения. Жирным шрифтом выделены работы, между которыми очень высокий уровень преемственности с точки зрения использованного материала и принципов построения текста. В графе, относящейся к 1941 г., указано общее количество страниц учебника, в скобках – число страниц за вычетом тех, что были написаны соавторами (См.: *Струве В.В.* История древнего Востока. Л., 1941. С. 2). При создании таблицы использована библиография работ Струве, составленная С.Д. Милибанд (*Милибанд С.Д.* Список трудов В.В. Струве // Древний мир. М., 1962. С. 9–22; *Её же.* Список печатных работ В.В. Струве // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967. С. 5–7).

Приложение 2

Основная тематика публикаций В.В. Струве и её распределение по периодам творчества

Основные темы исследований	*Индекс*			
	общий	*1912–1930*	*1931–1944*	*1945–1967*
Египет	75	51	9 (10)	15
Шумер	47	5	7	35
Историография (в т. ч. некрологи)	37	6	8	23
Социально-экономическая история	24	5	8	11
Общие работы по древневосточной истории	21	1	14	6
Языкознание	17	4	5	8
Древнеперсидская история	16	0	3	13
Античность (включая эллинизм, Причерноморье)	16	5	2	9
Популяризация науки (разных эпох)	16	0	0	16
Страны и народы СССР в эпоху древности (включая рецензии)	15	1	2	12
Околонаучные работы (политические и т. п.)	15	0	7	8
Прочие страны и народы древности и средневековья (включая рецензии)	14	1	4	9
История религии	13	6	1	6
Израиль, евреи за его пределами, их письменность	12	9	1	2
Хронология	9	2	0	7
Хетты (в основном их право)	5	0	3	2
История математики	5	2	3	0
Теоретические работы по древней истории	5	0	2	3
Вавилон	3	1	0	2
Российская история	2	0	0	2
Редактирование	66	1	15	50

Индекс вычислен следующим образом: в каждой опубликованной работе определялись основные темы (от одной до трёх), и каждой такой теме присваивался индекс, равный единице. Таким образом, совокупный индекс по всем тематикам превышает общее число работ В.В. Струве. Общее число публикаций в 1912–1967 гг.

(если учитывать редактирование чужих книг), с некоторыми уточнениями, можно определить равным 339. Совокупный индекс равен 433. Рецензии относились к историографии, особенно если они касались дискуссионных тем профессиональных интересов Струве, если же тематика была сторонней, то они выделялись в прочие категории. Цифра в скобках в теме по Египту учитывает доклад 1943 г., который был опубликован только в 1976 г. (см.: *Струве В.В.* Действенность культуры древнего Египта (вместо введения) // Культура древнего Египта. М., 1976. С. 5–13). К сожалению, формат таблицы не даёт возможность представить, какие темы обычно пересекались в одном исследовании и как эти сочетания эволюционировали на протяжении творческого пути учёного: учитывая многообразие тем исследования, для этого требуется даже не график, а анимированная модель. Данные Д.С. Милибанд (см. прил. 1) были дополнены незначительным количеством неучтённых ею работ (например, предисловием к книге Р.В. Кинжалова, А.М. Белова «Падение Теночтитлана» (Л., 1956), которое было отнесено к разделу «Популяризация науки», статьёй «Личность автора древнейшего труда по истории СССР» в сборнике «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран» (1967), одним редакторов которого также значился В.В. Струве – в этом случае индекс начислялся для разделов «Античность», «Страны и народы СССР в эпоху древности» и «Редактирование»).

1. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003.

2. *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

3. *Берлев О.Д., Дандамаев М.А., Фихман И.Ф.* К 100-летию со дня рождения академика Василия Васильевича Струве // ВДИ. 1989. № 1. С. 244–249.

4. *Большаков А.О.* Василий Васильевич Струве (1889–1965) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 41–52.

5. Василий Васильевич Струве (3.II.1889 – 15.IX.1965) // ВДИ. 1966. № 1. С. 4–6.

6. Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М.С. Годеса. М., 2009.

7. *Дьяконов И.М.* Ещё о термине guruš (kal) в шумерском языке // ВДИ. 1948. № 1. С. 31–33.

8. *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.

9. *Дьяконов И.М.* Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине // ВДИ. 1955. № 4. С. 10–40.

10. *Дьяконов И.М.* О площади и составе населения шумерского «города-государства» // ВДИ. 1950. № 2. С. 77–93.

11. *Дьяконов И.М.* О работе с шумерскими историческими источниками // ВДИ. 1958. № 2. С. 48–69.

12. *Дьяконов И.М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1. С. 16–34.

13. *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

14. *Дьяконов И.М.* Реформы Урукагины в Лагаше // ВДИ. 1951. № 1. С. 15–32.

15. [Емельянов В.В.] 3 февраля. 120 лет академику Струве. URL: http://banshur69.livejournal.com/32266.html (дата обращения: 01.01.2015).

16. *Емельянов В.В.* Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001.

17. *Карпюк С.Г.* Рец. на: С.Б. Крих. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с. (Размышляя о марксизме) // ВДИ. 2014. № 3. С. 184–187.

18. *Ковалёв С.И.* Александр Македонский. Л., 1937.

19. *Ковалёв С.И.* История античного общества. Греция. Л., 1936.

20. *Ковалёв С.И.* История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936.

21. *Ковалёв С.И.* История Рима. Л., 1948.

22. *Ковалёв С.И.* О некоторых проблемах рабовладельческой формации // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 70–80.

23. *Ковалёв С.И.* Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства // Известия ГАИМК. Т. XII. Вып. 9–10. Л., 1932.

24. *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005.

25. *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии. М., 2013.

26. *Крих С.Б.* Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: матер. XII межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2012. С. 153–170.

27. *Крих С.Б.* Язык советской историографии: основные характеристики // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 214–222.

28. *Ленцман Я.А.* Рец. на: С.И. Ковалёв, Основные вопросы происхождения христианства, М.-Л., 1964, 260 стр., тираж 3300, цена 1 р. 19 к. // ВДИ. 1965. № 1. С. 167–170.

29. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М; Л., 1949.

30. *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX–XXI вв. М., 2008.

31. *Милибанд С.Д.* Список печатных работ В.В. Струве // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967. С. 5–7.

32. *Милибанд С.Д.* Список трудов В.В. Струве // Древний мир. М., 1962. С. 9–22.

33. Памяти академика В.В. Струве // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967. С. 3–4.

34. *Потехина И.П.* «И всё-таки – что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова) // Клио. Журнал для учёных. № 10 (82). С. 149–151.

35. *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М; Л., 1950.

36. *Сергеев В.С.* История древней Греции. М., 1934.

37. *Сергеев В.С.* Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. I–II.

38. *Скворцов А.М.* Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2012.

39. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М., 1961–1976. Т. 13. 1971.

40. *Струве В.В.* Государство Лагаш. Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV–XXIV вв. до н. э. М., 1961.

41. *Струве В.В.* Действенность культуры древнего Египта (вместо введения) // Культура древнего Египта. М., 1976. С. 5–13.

42. *Струве В.В.* Ещё раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (Ответ Н.М. Никольскому) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 211–222.

43. *Струве В.В.* Значение В.С. Голенищева для египтологии // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М., 1960. С. 3–69.

44. *Струве В.В.* Избранные труды: Ономастика раннединастического Лагаша. М., 1984.

45. *Струве В.В.* Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации // ВДИ. 1964. № 4. С. 3–23.

46. *Струве В.В.* История древнего Востока. Л., 1941.

47. *Струве В.В.* К истории патесиата Гишху // Известия РАИМК. 1922. Т. II С. 49–64.

48. *Струве В.В.* Личность автора древнейшего труда по истории СССР // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. Сборник в честь семидесятилетия члена-корреспондента Академии Наук СССР Н.В. Пигулевской / ред. В.В. Струве, К.Б. Старкова, А.Г. Лундин. М., 1967. С. 7–19.

49. *Струве В.В.* Манефон и его время. СПб., 2003.

50. *Струве В.В.* Марксово определение раннеклассового общества // Советская этнография: сб. ст. Вып. III. М.; Л., 1940. С. 5–22.

51. *Струве В.В.* Наёмный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э. // ВДИ. 1948. № 2. С. 13-33.

52. *Струве В.В.* Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М.; Л., 1934.

53. *Струве В.В.* П.К. Коковцов как ассириолог // Эпиграфика Востока. Вып. VIII. М.; Л., 1953. С. 3–9.

54. *Струве В.В.* Плебеи и илоты // Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н.Я. Марра. М.; Л., 1933 (Известия ГАИМК. Вып. 100). С. 363–373.

55. *Струве В.В.* Понятие «азиатский способ производства» // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 104–109.

56. *Струве В.В.* Предварительный ответ на статью И.М. Дьяконова // ВДИ. 1958. № 2. С. 252-253.

57. *Струве В.В.* Предисловие // Кинжалов Р.В., Белов А.М. Падение Теночтитлана. Л., 1956. С. 8-13.

58. *Струве В.В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока [Доклад и заключительное слово] // Известия ГАИМК. Вып. 77. С. 32–111, 157–181.

59. *Струве В.В.* Рец. на: И.М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., ИВЛ, 1959, 299 стр. // Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 168–176

60. *Струве В.В.* Рудимент классового показателя в сумерийском языке // Известия АН СССР. 7 серия. Отдел общественных наук. 1934. № 10. С. 799–806.

61. *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 9–10. С. 27–29.

62. *Струве В.В.* Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.) // Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. М.; Л., 1935. С. 3–38.

63. *Струве В.В.* Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 34–60.

64. *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

65. *Топычканов А.В.* С.К. Богоявленский – историк Московского государства и знаток московской приказной документации // Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 11–29.

66. *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.

67. *Тюменев А.И.* История античных рабовладельческих обществ. М.; Л., 1935.

68. *Тюменев А.И.* О значении термина «KAL» в древнешумерском языке // ВДИ. 1946. № 2. С. 10–20.

69. *Тюменев А.И.* О формах земельных отношений по надписи обелиска Маништусу // ВДИ. 1946. № 4. С. 33–40.

70. *Тюменев А.И.* Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины // ВДИ. 1948. № 1. С. 12–30.

71. *Тюменев А.И.* Эрмитажный папирус 1116 А, строки 101–102 // ВДИ. 1947. № 2. С. 9–12.

72. *Утченко С.Л.* Некоторые черты образа учёного и человека (К 75-летию академика В.В. Струве) // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 117–120.

73. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.

74. *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999.

О.В. Телушкина

«Восточный ренессанс»: исчезнувшая актуальность

Рассматривается становление, развитие и угасание концепции восточного ренессанса в контексте попытки реактуализации данной проблемы, предпринятой М.Т. Петровым в конце 1980-х гг. Особое внимание автор уделяет эволюции спектра критических оценок идей Н.И. Конрада и его последователей, а также соотнесению этого процесса с тенденциями развития отечественной исторической науки второй половины XX в.

Ключевые слова: восточный ренессанс, синология, Н.И. Конрад, М.Т. Петров, научная школа.

O.V. Telushkina

Oriental Renaissance: An Disappeared Relevance

This article examines the emergence, development and extinction of the Renaissance in the East concept in a context of reactualization attempt of this problem undertaken by M.T. Petrov in the late 1980s. Particular attention is paid to the evolution of critical assessments spectrum of ideas of N.I. Conrad and his followers, as well as the correlation of this process with the Russian historical science trend of the second half of the twentieth century.

Key words: Oriental Renaissance, Sinology, N.I. Conrad, M.T. Petrov, scientific school.

В мае 2014 г. ушел из жизни Марк Тимофеевич Петров (1944–2014). Хотя научные интересы этого ученого касались главным образом истории, искусства и культуры Италии эпохи Ренессанса, одна из его монографий несколько выбивается из этого ряда. Изданная в переломном 1989 г. «Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов» должна была стать событием в многолетней полемике, которая затрагивала востоковедов, историков, культурологов и других специалистов из самых разных областей гуманитарного знания.

Эта полемика велась вокруг вопроса о том, имелась ли в истории неевропейских регионов эпоха, аналогичная Ренессансу. Проводя масштабное историографическое исследование, М.Т. Петров не ставил перед собой задачу систематизировать имеющиеся материалы и, подведя итоги, сдать дело о восточном ренессансе в архив. Монография должна была не только отразить этапы и течение дискуссии, но и стать ее органической частью, которая бы соединила в себе имеющиеся достижения, а в итоге позволила выйти на качественно новый уровень обсуждений, отразив при этом авторский взгляд на проблему.

С самого начала задавая тон повествованию, М.Т. Петров заявляет: «эта книга насквозь дискуссионна»[1], а в центре его внимания находятся «только сама дискутируемая проблема, пути изучения и перспективы ее решения». Однако нам представляется, что материалы, представленные в этой книге, также позволяют отчасти проследить перемены, происходившие в научном сообществе и касающиеся изменения представлений о модели научного знания, приемлемой системе доказательств и спектре проблем, подлежащих решению, о вещах, которые определяют, является ли исследование по-настоящему научным или же скорее относится к наукообразной публицистике. Наиболее явно эти изменения видны на примере китаеведческой линии повествования.

М.Т. Петров не случайно подчеркивает драматичность дискуссии о региональных ренессансах. Десятилетия, в период которых она происходила, вместили в себя создание научных школ, конфликты поколений, призывы к диалогу и бунт против авторитетов, а также значительное смещение во взглядах на сущность всеобщей истории.

Тем не менее к 1989 г. спор о восточном ренессансе практически сходит на нет, а историографическое исследование этой проблемы при всей заявленной дискуссионности не вызвало того масштабного отклика, на который, по-видимому, рассчитывал автор. При этом вплоть до настоящего времени не существует единого мнения о том, каким был основной итог этого спора и даже о том, окончился ли он вообще или же только вошел в стадию стаг-

---

[1] *Петров М.Т.* Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. Л.: Наука, 1989. С. 3.

нации. Но чтобы понять, каким был финал этого сложного и многогранного процесса, нам необходимо обратиться к его истокам.

Необходимость Возрождения

Следует заметить, что в обсуждениях речь шла о Ренессансе, в более или менее широком понимании этого явления, т. е. предпочтение отдавалось не «национальному итальянскому обновлению культуры»[2], а представлению об эпохе, определенно имевшей место в истории всего европейского региона, затронувшей как культуру, так и «материальную жизнедеятельность человека»[3].

В контексте советской историографии середины XX в. представления об уникальности или глобальности культурных явлений напрямую увязывались с необходимостью сравнения экономических характеристик конкретных обществ. Чем упрощеннее подавалась схема всеобщей истории, чем четче выделялись линейные закономерности и взаимосвязи между базисом и надстройкой, тем очевиднее становилась возможность и даже желательность дополнения пятичленной формационной схемы аналогичной иерархией этапов развития культуры.

Кроме того, придание Ренессансу статуса общемирового явления было связано с субъективными оценками данной эпохи, а также с течениями в области политики и идеологии, а именно с попытками сглаживания разрыва между Западом и Востоком в области исторического наследия.

Высокий статус Возрождения среди других эпох европейской истории был обусловлен не только достижениями его «титанов», но и тенденциями, которые в дальнейшем стали причиной ускорения развития и, в конечном итоге, технического и экономического превосходства Запада над Востоком. Иными словами, Ренессанс выступал как пример бурного роста, сменившего «средневековый застой», и данный стереотип долгое время оставался необычайно устойчивым.

---

[2] *Бурдах К.* Реформация. Ренессанс. Гуманизм: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004. С. 88.

[3] *Андреев М.Л.* Инновация или реставрация: казус Возрождения // Вестник истории, литературы, искусства / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание: Наука. Т. 1, 2005. С. 87.

Доказательство существования восточного Ренессанса, особенно более раннего, чем западный, работало на решение концептуальной задачи уравнивания статусов исторического наследия двух миров. Пик дискуссии пришелся на 1960-е – середину 1970-х гг., при этом сторонники идеи восточного Ренессанса в большинстве своем основывали свои доказательства на китайском материале. Классическое китаеведение изначально ориентировалось на изучение памятников литературы. При этом именно литература и искусство, традиционно игравшие огромную роль в изучении истории как достижения и документальные свидетельства своей эпохи, в условиях, когда предпочтение стало отдаваться истории масс и социально-экономическим построениям, в некоторой степени потеряли свое значение. Зачастую они рассматривались через призму «классовой сущности» их создателей и лишь «подтверждали» собой характеристики, приписываемые этим классам. Увязывание художественной культуры с моделью исторического процесса, созданной учеными, повысило бы важность изучения первой и достоверность второй.

В настоящем исследовании мы обратимся к оценкам научного творчества специалистов в разных областях исторической науки, культурологии и востоковедения, однако в фокусе нашего внимания постоянно будут находиться китаеведческие исследования, касавшиеся доказательства или опровержения существования восточного ренессанса. По нашему мнению, именно в синологическом материале наиболее ярко проявились особенности развития этой идеи, благодаря его анализу станут понятны причины ее популярности и неприятия[4].

Лидеры и основоположники школы восточного ренессанса

Центральной фигурой в повествовании о концепции восточного ренессанса в советской историографии является Н.И. Конрад (1891–1970). При этом зачастую комплекс идей, составивших ядро этой теории, неразрывно связывается с личностью ученого. Подавляющее большинство исследователей, в том числе яростных оппонентов, высоко оценивают его литературный талант, способ-

[4] При этом мы позволим себе оставить за скобками повествования поиск ренессансных явлений в русской культуре.

ность живо излагать собственные идеи и очаровывать читателя блестящей эрудицией и масштабными историческими обобщениями. Однако противники его нередко заявляют, что подобные построения грешат отсутствием целостности, завершенности и четкой системы доказательств. Таким образом, предметом полемики становится не опровержение теории о восточном ренессансе, а вопрос о самом существовании этой теории. Мы имеем дело с двумя тенденциями: апологеты заявляют о существовании научной теории и научной школы со своими основоположниками, учениками и т. п.; критики же указывают на искусственность этих конструкций, на то, что присутствовало скорее желание придать аморфному идейному комплексу статус научного направления, отвечающего всем необходимым критериям.

И здесь подход М.Т. Петрова особенно интересен. В то время как китаисты имели возможность возражать Н.И. Конраду и его ученикам «по существу» и в деталях, указывая на терминологически ошибки и вольности перевода, ученый-итальянист обращает внимание не только на развитие идейно-теоретического комплекса, но и самой «школы», группы ученых, объединившихся вокруг идеи восточного ренессанса и параллельно с разработкой гипотезы сотворивших образ своего объединения.

По законам существования научных школ, в группе, сплотившейся вокруг концепции восточного ренессанса, существовали свои основоположники, лидер и последователи. И если роль лидера бесспорна, ни о какой иллюзорности здесь не может быть и речи, то с основоположниками подобной ясности нет.

По-видимому, лучше всего на эту роль подходил грузинский исследователь Ш.И. Нуцубидзе, который в своей работе 1947 г. «Руставели и Восточный Ренессанс» впервые в советской науке поставил «вопрос о неевропейских ренессансах»[5]. По его мнению, Ренессанс был своего рода идейным течением, оппозиционным по отношению к феодализму и имеющим общий «субстрат» из неоплатонических, мистических, антицерковных и антисхоластических идей[6].

---

[5] *Нуцубидзе Ш.И.* Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1947.

[6] В 1987 г. А.Ф. Лосев высоко отзывается об исследованиях восточного ренессанса вообще и грузинского ренессанса в частности. При этом он подвергает Ш.И. Нуцубидзе последовательной критике за упрошенную интерпретацию

Надо отметить, что Н. И. Конрад, говоря о достижениях советской науки в разработке проблемы восточного ренессанса, обычно только упоминал в качестве стран, где признаки этого явления уже были найдены, Грузию, Армению[7] и Китай. Однако его последователи нередко были вынуждены более развернуто соотносить собственные взгляды с первоначальными гипотезами.

И здесь особенный интерес вызывает взаимодействие между идеями основателей и их преломление в работах последователей. М.Т. Петров, в частности, обращает внимание на «перетолкование» концепции Нуцубидзе в духе взглядов Конрада, осуществленное В.А. Карпушиным. По мнению историографа, смещение акцентов приводит к тому, что достаточно узкое понимание Ренессанса как «возрождения ареопагитики в Грузии»[8], составляющее основу построений Нуцубидзе, оказывается отодвинутым на второй план, при этом сопоставление литературного наследия Абу Али Ибн-Сины и Франческо Петрарки приводит к постулированию существования ренессансных явлений в пределах ирано-таджикской культуры. То есть происходит смещение акцентов – второстепенные элементы концепции одного автора совмещаются с общетеоретическими построениями другого, при этом гипотезы, выработанные позднее, переносятся на творчество предшественника. Таким образом, внешне создается иллюзия четкой и последовательной линии развития научного направления.

Впрочем, об искусственности попыток включить в историографическое досье восточного ренессанса одного-двух основоположников можно спорить, но большинство исследователей все же приписывали концептуальное оформление этой идеи непосредственно Н.И. Конраду. По его мнению, идея восточного ренессанса открывала путь для достижения целей двух уровней: развития

Ареопагитик и особенно за «выставление им неоплатонизма в качестве главной основы всех ересей весьма длительной средневековой истории» в сочетании с приписыванием ему антицерковных и даже революционных коннотаций. См.: *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 23–37.

[7] *Чалоян В.К.* Армянский Ренессанс. М., 1963.

[8] Под именем Псевдо-Дионисия Ареопагита скрывается, по мнению Ш.И. Нуцубидзе, грузинский мыслитель Петр Ивер (ум. в 492 г.), прямой ученик неоплатоника Прокла, глава грузинской культурной школы в сирийских Газах и Майумский епископ в Палестине.

востоковедения как научного направления и продвижения глобальной концепции исторического развития – «метасистемы».

Отдавая должное марксистской теории, он отмечал происшедший качественный и количественный рост знания об истории и культуре Востока[9]. Но общие теоретические положения были разработаны на европейском материале и лишь затем использованы для описания и объяснения пути развития стран Востока. Этот «научный европоцентризм», по мнению Конрада, могут преодолеть именно востоковеды, внеся свой вклад в создание общих категорий, которые должны быть разработаны на материале и Запада, и Востока.

Тем не менее китайское средневековье[10] Н.И. Конрад предлагает трактовать «по европейскому образцу» как «время утверждения и развития феодализма»[11]. Важнейшей же проблемой феодализма было отношение человека к земле. Он особо отмечает, что наиболее специфическим было отсутствие представления о земле как о собственности, которой можно было владеть, но не распоряжаться[12]. Следующая особенность – отсутствие представления о личной свободе в сочетании с сетью социальных связей, рождавшей всеобщую взаимозависимость. Третий и четвертый признаки – оформление общественных отношений в категориях права и соединение идеи права с идеей нравственности. Право и нравственность соединяются в сфере религии, особая роль которой является пятым признаком. Шестой и седьмой признаки: сведение всего к человеку и цельность мировоззрения. Причем, если на последнем автор не останавливается подробно, то идея отно-

---

[9] *Конрад Н.И.* Старое востоковедение и его новые задачи // Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. С. 17.

[10] Хронологически его построения выглядят следующим образом: эпоха средневековья имела два этапа: с III по VIII в. и с VIII в. – до монгольского завоевания, после которого уже начинается «Новое время». В рамках средневековья имела место «эпоха Возрождения», длившаяся с VIII по XIV в. и также разделенная на два этапа.

[11] *Конрад Н.И.* Краткий очерк истории китайской литературы // Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 518.

[12] *Конрад Н.И.* Отзыв на статью А.Я. Гуревича «Феодализм (историко-социологическая характеристика)» для «Философской энциклопедии» // Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. М.: РОССПЭН, 1996. С. 235–241.

шения человека к человеку в историческом контексте сыграла в творчестве Конрада совершенно особую роль.

Для Конрада было важным заново установить универсальные закономерности исторического развития с поправкой на роль «гуманитарного начала» как основного фактора общественного прогресса[13]. Он имеет ввиду гуманизм «в двояком аспекте: как обозначение специфических свойств человеческой природы и как оценка этих свойств в смысле высшего разумного и вместе с тем этического начала человеческого поведения и всей общественной жизни»[14]. Опираясь на исследования в области философии и литературоведения, Конрад создает китайский двойник европейской истории, содержащий не только те же стадии эволюции экономических отношений, но и сходные этапы развития культуры.

«Гуманизм» как идея появился в философии европейской античности и Китае эпохи Конфуция[15], для средневековья наиболее важной была «именно та сторона гуманизма, которая выражалась в общественном признании человека человеком, независимо от положения…»[16]. В период Ренессанса эта идея выходит на новый уровень как «утверждение того, что человек – главное из всего существующего в мире и в общественной жизни»[17].

В Китае данный процесс отразился в появлении неоконфуцианства – философской школы, возникшей в эпоху Сун[18]. Хотя

---

[13] *Конрад Н.И.* Старое востоковедение и его новые задачи. С. 6.

[14] *Конрад Н.И.* О смысле истории // Запад и Восток. С. 508. Отчасти эта статья является манифестом, в котором автор предостерегает от бездумного использования «самых великих сил природы», выступает против эксплуатации человека человеком и войны на уничтожение.

[15] В качестве китайского синонима понятия «гуманность» Конрад предлагает использовать категорию «жэнь». В современной российской синологии принята расширенная трактовка, в которой учитывается и многозначность и историческая изменчивость термина. См.: *Кобзев А.И.* Жэнь [2] // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 1: Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. 2006. С. 262–264.

[16] *Конрад Н.И.* Отзыв на статью А.Я. Гуревича «Феодализм (историко-социологическая характеристика)» для «Философской энциклопедии». С. 238.

[17] *Конрад Н.И.* Краткий очерк истории китайской литературы. С. 527.

[18] В систематизированном виде неоконфуцианство возникло в XI в. В самом узком смысле это учение философов XI–XIII вв., выделенных официальной «Историей [династии] Сун» (Сун ши) в направление «дао сюэ», т. е. Чжоу Дуньи,

еще в период расцвета династии Тан китайская интеллигенция обращается к древности[19], именно возникновение неоконфуцианства, по мнению Конрада, стало революцией, ознаменовавшей начало новой эпохи. «Когда-то Сунцы и прежде всего Чжу Си, которого я безоговорочно считаю крупнейшим из всех представителей мировой рационалистической философии эпохи Ренессанса, сделали великое дело: создали гибкую, поистине диалектическую, всеобъемлющую философию, охватывающую природу, человека, историю, жизнь. Это была умственная революция – по сравнению со Средними веками…»[20]

В основе этого движения были заимствованные у основоположников конфуцианства «гуманность» и антирелигиозность. Именно эти категории становятся ключевыми характеристиками «революции умов».

Но если для Н.И. Конрада наиболее важным было показать эволюцию гуманизма, то его последователи, в целом придерживаясь общей концепции, расставляли акценты по-своему.

Л.Д. Позднеева описывает сложившийся в период китайского средневековья строй практически как теократию на том основании, что «объединение в одних руках светской и духовной власти привело к сращению в “ученом сословии” духовенства и дворянства, которые в Европе делились на два сословия»[21]. При этом на протяжении средних веков происходит идеологическая борьба господствующей ортодоксальной схоластической религии – конфуцианства и относительно прогрессивного за счет некоторых «материалистических элементов» даосизма. Автор считает, что борьба конфуцианства и даосизма является иллюстрацией происходящей в каждой национальной культуре борьбы между религи-

---

Чжан Цзая, Чэн Хао, Чэн И, Чжу Си, их ближайших учеников и последователей. Основателем школы считается Чжоу Дуньи, хотя некоторые исследователи называют его предтечей неоконфуцианства.

[19] Китайский термин «фу гу» Конрад переводил как «возвращение древности» и трактовал как обращения деятелей эпохи Возрождения к античности. По сути, эта аналогия является центральным звеном его гипотезы.

[20] Письмо Н.И. Конрада – О.Л. Фишман, 17 августа 1963 г. // Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. С. 345.

[21] *Позднеева Л.Д.* Китайская литература // Литература Востока в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. Ч. 1. С. 26.

озным и светским мировоззрением. Вольнодумцами, заново открывающими собственную античность в Китае, таким образом, становятся даосы, а эпохи Возрождения (VIII–XII вв.) и Просвещения (XVI–XVIII вв.) – периодами «штурма диктатуры церкви, подъема антифеодальных настроений и свободомыслия»[22].

В тексте Позднеевой несколько архаическая интерпретация конфуцианства как церковной организации, заимствованная, по-видимому, из работ китаеведов XIX в., совмещается с тезисом о существовании китайских Ренессанса и Просвещения. Все это оказывается вписанным в контекст классовой борьбы, подразумевающий необходимость четкого обозначения прогрессивных и реакционных социальных слоев, что приводит к практически гротескному описанию даосизма как революционной идеологии. При этом подобная оценка вновь возвращает нас к интерпретациям Ренессанса как антифеодального и антицерковного идейного движения, бытовавшим какое-то время в среде специалистов по европейскому Возрождению и отразившимся в концепции Ш.И. Нуцубидзе.

Сходную систему доказательств использовал Е.П. Челышев, говоря о творчестве индийских поэтов XV–XVII вв. Для Челышева ренессансным определителем поэзии бхакти служит ее антифеодальный сектантско-реформационный мировоззренческий характер[23]. Кроме того, важнейшим маркером для определения поэзии бхакти как ренессансного литературного течения становится ее «народность». И здесь снова возникает терминологический спор. По-видимому, в смысловом пространстве «народность» в значительной степени связывалась с «гуманизмом», одновременно противостоя «аристократизму» и другим определениям, связанным с властью.

Протестуя против подобных обобщений, основанных на неверных предпосылках, М.Т. Петров отмечает, что «оппозиционная культура – понятие неизмеримо более широкое во времени и пространстве, чем весьма специфическая ренессансная оппози-

---

[22] *Позднеева Л.Д.* Указ. соч. С. 29.

[23] См., напр.: *Челышев Е.П.* К вопросу об эпохе Возрождения в индийской культуре // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969; *Челышев Е.П.* Периодизация истории литературы хинди // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 117–133.

ция по отношению к католической ортодоксии»[24]. Кроме того, он указывает, что расцвет индийской культуры в средние века называют возрождением лишь некоторые индийские авторы, да и то в узко терминологическом смысле слова («пунарджагран») для обозначения подъема литературы XV–XVII вв.[25] Интересно то, что критикующие концепцию Н.И. Конрада китаисты сходным образом будут напирать на чрезмерно вольное и расширенное толкование специфических философско-литературных терминов, использовавшихся в средневековом Китае.

Заимствуя у Конрада идею о китайском Ренессансе, зачастую ученые использовали ее в качестве тезиса, не нуждающегося в доказательствах[26]. Соответственно, дальнейшее повествование исследователь был вынужден строить с оглядкой на аналогичные эпохи европейской истории, хотя в данном случае специфика понятия подразумевала необходимость распространить аналогию далеко за пределы социально-экономических отношений. Но между способами производства и универсальными принципами морали и нравственности располагалось огромное поле требующего объяснения и интерпретации фактического материала. И чем дальше исследователи углублялись в конкретику, тем сложнее становилось оперировать элементами общих схематических построений.

Относительно недолгая жизнь концепции восточного ренессанса была определена двумя импульсами. Первым из них стала работа Ш.И. Нуцубидзе, который, как бы то ни было, впервые использовал данный термин. Еще более важным нам кажется появление в тексте логической соотнесенности между жесткими причинно-следственными связями, выявляемыми в ходе марксистского анализа исторических эпох, и выводом о том, что сходные причины породят такие же «ренессансные явления» в том числе в истории неевропейских народов.

Следующей вспышкой стало творчество Н.И. Конрада, сумевшего привлечь на свою сторону значительное число последо-

---

[24] *Петров М.Т.* Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. С. 35–36.

[25] Там же.

[26] Надо заметить, что в работах, посвященных личности и творчеству Н.И. Конрада, эта идея зачастую описывается как детально разработанная и полностью доказанная теория.

вателей. Однако довольно скоро его концепция подверглась критике – как со стороны китаеведов, отстаивавших своеобразие китайской культуры, так и со стороны специалистов в области истории и культуры Европы.

Уже в работе Л.С. Васильева, вышедшей в 1970 г., концепция Конрада названа «интересной», однако, по мнению автора, она «упускает из виду те коренные различия, которыми характеризовались последствия такой “революции умов” в Европе и в Китае»[27].

В том же году выходит статья Л.З. Эйдлина «Идеи и факты: несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения»[28], которую Н.И. Конрад воспринял как выпад лично в его сторону[29].

Поворот развития синологии

По мнению Л.З. Эйдлина, автор концепции восточного Ренессанса чересчур увлекся своей идеей, и эта увлеченность исказила его интерпретации понятий, присущих китайской культуре. Кроме того, он указывает на то, что обращение к древности в Китае было скорее традицией, чем новаторством, и значит, исходная посылка, давшая начало цепочке аналогий, неверна. Будучи литературоведом, Эйдлин считал, что, несмотря на свою специфичность, китайское искусство, и поэзия в частности, содержат в себе некое «общечеловеческое начало», которое позволяет читателю из другой страны и эпохи сопереживать героям этих произведений, но наличие этих элементов не отменяет отличия в культурно-историческом контексте.

Н.И. Конрад не успел ответить своему оппоненту в печати, однако в его личной переписке содержатся весьма резкие отзывы о критике Эйдлина. Наиболее интересны для нас фрагменты, в которых он обосновывает необходимость использования иной периодизации китайской истории, чем последовательность правящих династий, скопированная из древних хроник. Признаком подлинно научного осмысления исторического процесса, по его мнению,

---

[27] *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., Наука, 1970. С. 370.

[28] *Эйдлин Л.* Идеи и факты: Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения // Иностранная литература. 1970. № 8. С. 222–226.

[29] См.: Письмо Н.И. Конрада И.М. Ошанину, 12 сентября 1970 г. // Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. С. 394–395.

является периодизация, элементы которой не просто обозначают конкретные этапы, но характеризуют их и позволяют соотнести с другими эпохами. Таким образом, в периодизации предпочтение должно быть отдано не «фактографии», а стремлению выразить закономерности исторического процесса.

Как нам представляется, в этом конфликте ярко проявилось противостояние разных уровней научного знания, причем с течением времени линия разлома между сторонниками построения всеобщих закономерностей и приверженцами конкретно-исторического подхода становилась все более явной, пока не превратилась в пропасть между двумя разными моделями исторической науки.

Начало этого процесса можно заметить в цитате из письма Н.И. Конрада Б.Б. Вахтину: «единственное, что можно было бы противопоставить мне, – это – другое определение содержания этого времени, определение также историческое и обязательно с раскрытием отношения этого времени к предыдущему и к последующему. Сделал ли он (Л.З. Эйдлин. – *О.Т.*) это? Нет! С чем же, следовательно, спорить? Чему возражать? И именно тем, что он не смог ничего противопоставить равного, даже не понял, что именно это он и должен был сделать, если он не согласен, что это – "эпоха Возрождения", он и низвел свой научный уровень до... того предела, который, строго говоря, выводит его из сферы науки»[30].

Идея всеобщности исторического процесса, поиск путей описания метасистемы[31] постепенно уступили место попыткам выразить сущность иной культуры исходя из нее самой, используя аутентичную терминологию и максимум внимания уделяя специфике регионального развития. В обзоре, вышедшем в 1982 г., Л.З. Эйдлин, говоря о появившихся в последнее десятилетие работах о классической китайской культуре и литературе, с удовлетворением отмечал «методологическую ясность их, отрешение от

---

[30] См. письмо Н.И. Конрада Б.Б. Вахтину (Юрмала, 10 августа 1970 г.): «Голос источников». К истории одной несостоявшейся публикации (Н. Конрад – Б. Вахтин) / публ. М.Ю. Сорокиной // In Memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.: Феникс, 1995. С. 319.

[31] Н.И. Конрад в письме В. С. Сановичу, 15 сентября 1970 г.: «Вы – единственный из всех рецензентов, который нашел то самое слово, которое все объясняет в моих думах и построениях. Слово это – поиски (и попытки наметить контуры) метасистемы». См.: *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. С. 235.

былых соблазнов готовой терминологии, заимствуемой из истории европейских литератур, и таким образом выход их, если можно так выразиться, на чистую воду науки»[32].

М.Т. Петров интерпретировал этот конфликт через призму противостояния двух научных школ – академика В.М. Алексеева (1881–1951) и академика Н.И. Конрада[33], отдавая предпочтение первой. Однако он не останавливается подробно на сравнении их идей, не производит хотя бы схематического очерчивания основных тезисов «алексеевской школы»[34], лишь указывая на то, что при построении модели восточного ренессанса необходимо было опровергнуть подход к решению культурологических проблем, выработанный В.М. Алексеевым.

Нам «очевидность» противостояния двух школ вокруг проблемы восточного ренессанса кажется несколько преувеличенной, во-первых, из-за хронологических несовпадений: и сам В.М. Алексеев, и большинство его учеников[35] не успели принять участия в этой полемике. Более того, М.Т. Петров, указывая на долю искусственности в конструировании школы Конрада, забывает о том, что развитие школы Алексеева является еще более сложным вопросом, так как первая плеяда его учеников была репрессирована в 1930-е гг., а послевоенное поколение уже сложно вписать в четкие границы функционирования подобного элемента структуры научного сообщества. И хотя Л.З. Эйдлин как раз и был одним из самых младших учеников В.М. Алексеева, смещение акцентов, произошедшее в советской китаистике в 1970-х гг., как нам представляется, было вызвано изменениями, происходившими на более глубоких уровнях исторической науки и востоковедения.

---

[32] *Эйдлин Л.З.* Исследования китайской классической литературы в Советском Союзе (1971–1981) // Народы Азии и Африки. 1982. № 5. С. 174.

[33] В качестве наиболее ярких фигур учеников Н.И. Конрада обычно называют Б.Б. Вахтина, О.Л. Фишман, Л.Д. Позднееву, В.М. Штейна.

[34] М.Т. Петров лишь намечает ключевые точки, вокруг которых могла бы вестись полемика, это взгляды «на конфуцианство, и в частности на Хань Юя и чжусианство, на роль буддизма и значимость даосизма в китайской культуре и в особенности на особую специфичность местного типа традиционности». – *Петров М.Т.* Указ. соч. С. 23.

[35] Васильев Б.А. (1899–1937); Вельгус В.А. (1922–1980); Мельников Н.С. (1906–1938); Штейн В.М. (1890–1964); Штукин А.А. (1904–1963); Щуцкий Ю.К. (1897–1938).

Кроме того, значительное влияние оказали исследования Э.П. Стужиной, доказывавшей, что города средневекового Китая значительно отличались от городов европейского Возрождения[36]. Их институты, такие как, например, профессионально-территориальные торгово-ремесленные корпорации, были во многом схожи с европейскими, но негативное воздействие феодально-централизованного государства не позволило им стать чем-то большим, чем просто экономическими центрами. Хотя Стужина и отмечает развитие духовной культуры в этих центрах, все-таки последняя, по мнению автора, не выходила за рамки средневековых характеристик. Таким образом, экономический базис ренессансных явлений в Китае был поставлен под сомнение. Это сочеталось со все более нарастающей тенденцией интерпретировать китайскую культуру через призму ее глубокой самобытности и традиционности, что и предопределило уход вопроса о китайском Возрождении на историографическую периферию.

В 1970-х гг. советские исследователи еще продолжали предпринимать попытки нащупать точки соприкосновения, которые бы позволили выработать единую систему дефиниций, методов, а также критериев, в соответствии с которыми конкретное западное или восточное общество могло быть отнесено к тому или иному формационному типу. Однако четкая система координат, на которой были бы обозначены общепризнанные эталоны, связывающие «реальные» исторические явления и понятия, так и не была создана[37].

Дальнейший рост специализации синологических исследований стал причиной того, что ученые, реже прибегая к широким

---

[36] *Стужина Э.П.* Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979.

[37] Обсуждения того времени в основном сосредотачивались вокруг типологий средневековых обществ и соотнесения разных типов политико-экономического устройства с эталонным северофранцузским вариантом феодализма. В качестве характерного примера попытки вписать востоковедческое исследование в контекст изучения «различных аспектов культуры феодальной формации», можно привести включение статьи синолога Е.В. Завадской в сборник «Из истории культуры средних веков и Возрождения». В результате из трехсот семнадцати страниц сборника культуре неевропейского общества было посвящено тринадцать. См.: *Завадская Е.В.* Философско-эстетическое осознание тени в классической культуре Китая // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 92–105.

обобщениям, обращали большее внимание на детали. Впоследствии критика восточного Ренессанса была связана с развивающимися исследованиями неоконфуцианства. Например, в монографии, посвященной этому философскому направлению, А.И. Кобзев характеризует картину «сунской школы», нарисованную Н.И. Конрадом, как диаметрально противоположную реальному положению дел[38], хотя и признает, что некоторые частности все же имеют рациональный смысл.

Сходным образом звучит критика К.И. Голыгиной: «Ни идеи Хань Юя, возрождающие классическое конфуцианство, ни движение "возвращение к древности", ни танская новелла, героями которой часто были волшебные существа (недаром она называется чуаньци – "повествование об удивительном"), – ничто не могло быть типологической аргументацией в пользу существования "Возрождения в Китае" в IX в. Развернувшаяся полемика не решила этой проблемы, с одной стороны, из-за отсутствия концепции цивилизационных моделей в литературах Востока, с другой – по причине недостаточно разработанной идеи типологических параллелей литературного процесса»[39].

Неочевидный финал

Спор о восточном ренессансе не привел к торжеству всеобъемлющей и истинной модели исторического процесса, но, наоборот, еще ярче обозначил нерешенность фундаментальных проблем. Самой важной из них была и остается проблема определения понятия «Возрождение». Для специалистов, чья сфера деятельности не относилась к изучению этой эпохи в европейской истории, зачастую данное явление представлялось более ясным, чем

[38] Ошибочным Кобзев считает представление о противостоянии «сунской школы» и официальной доктрины – на том основании, что «Учение главного представителя "дао сюэ" Чжу Си в 1313 г. было официально признано необходимым элементом для сдачи государственных экзаменов и занятия чиновничьей должности. Поэтому оно уж никак не могло в 1341–1345 гг. в официальной "Истории" противопоставляться официальной идеологии». – *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. URL: http://www.synologia.ru/monograph-1268-6#cite_ref-2.

[39] *Голыгина К.И.* Изучение китайской классической литературы в России // Духовная культура Китая. Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. 2008. С. 176–193.

для тех же историков-итальянистов. Как писал Н.И. Конрад, «само наличие в истории стран Запада эпохи Ренессанса – факт признанный. Столь же общепризнанными считаются и общеевропейские хронологические границы ее: XIV век – начало, XVII – конец. Для истории Запада дело, в настоящее время, следовательно, сводится к освещению ренессансных явлений в разных странах Запада; к изучению содержания этих явлений, их истории, к установлению их особенностей…»[40].

Однако в ходе полемики все ярче обозначались зыбкость дефиниций, хронологических и региональных границ как восточного, так и западного Ренессанса. Поэтому попытки найти точку опоры вновь возвращали исследователей к узкому пониманию Возрождения как феномена итальянского и, отчасти, западноевропейского, что позволило бы использовать его как строгое понятие, а не риторическое клише[41].

В этом же русле протекают рассуждения М.Т. Петрова, подчеркивающего амбивалентный характер проблемы. Во-первых, как уже было сказано выше, идея китайского Возрождения, по его мнению, содержит чересчур смелые допущения. Историко-культурная концепция, построенная на основании логических рассуждений, недостаточно подкреплена источниками и фактами. Во-вторых, не существует общей типологической модели Ренессанса, вместо нее имеет место совокупность представлений о том, что следует считать признаками или «ренессансными явлениями». Таким образом, спору о том, был ли Ренессанс в сунском Китае, должен был предшествовать спор о том, что же такое Ренессанс.

Оспаривая идею китайского Возрождения, автор опирается на следующие параметры: смысл «обращения к древности» и категории «гуманизм», борьба с религией и секуляризация, город, государство и авторитет правителя. Он приходит к следующему выводу: «Как политическая и юридическая среда культуры, китайские города и китайское государство просто не в состоянии были создать условия для развития духовной и социальной жизни

[40] *Конрад Н.И.* Старое востоковедение и его новые задачи. С. 21.

[41] См., напр.: *Баткин Л.М.* Замечания о границах Возрождения // Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 18–42. Статья написана в 1978 г.

ренессансного типа»[42]. Соответственно, отдельные сходства явлений художественной культуры или философии, если и могут наблюдаться, окажутся субъективными или формальными.

Если обобщить претензии, высказанные критиками в адрес приверженцев идеи восточного ренессанса, то ключевым, помимо прямых указаний на неправильную интерпретацию конкретно-исторических явлений или терминологии, окажется обвинение их в изоляции и самодостаточности. Каким же образом это сочеталось с декларируемыми в рамках данного направления призывами к междисциплинарному диалогу, расширению областей исследования и построению глобальных теоретических обобщений? М.Т. Петров неоднократно указывает на игнорирование Н.И. Конрадом и его учениками как значительной части традиции изучения европейского Ренессанса, так и противоречащих идее восточного возрождения наработок коллег-китаистов. В рамках научной школы формируется обобщенное и идеализированное представление об этой школе и ее теоретических основах, контрастировавшее с отмечаемыми внешними наблюдателями размытостью и неопределенностью иерархии гипотез и доказательств. Таким образом, субъективная привлекательность идеи оказывается весомее критериев и процедур, которые должны были бы отсеивать концепции, не подходящие под определение строго научных. Тем не менее подобные оценки, как нам представляется, производятся в рамках несколько иной, изменившейся модели научного знания, которая предъявляла иные требования к объективности и кругу задач, подлежащих решению.

Появление концепции восточного ренессанса вызвало к жизни масштабную междисциплинарную дискуссию, простиравшуюся от споров о дефинициях до полемики вокруг личностей ученых и допустимого соотношения полета творческой мысли и строгой системы аргументации в сфере производства научного знания. Опровержение этой идеи происходило в русле постепенного нарастания специализации исследований и ухода от масштабных обобщений и поиска глобальных закономерностей. Смена поколений востоковедов лишь закрепила этот процесс.

---

[42] *Петров М.Т.* Указ. соч. С. 138.

Монография М.Т. Петрова была опубликована, когда единое дискуссионное поле уже практически распалось и оппоненты-востоковеды сделали своей задачей изучение особенностей замкнутых культур или цивилизаций. Поэтому и его критика, и предложенные пути решения проблемы стремительно теряли актуальность в контексте перемен, происходивших в то время в отечественной гуманитаристике.

---

1. *Андреев М.Л.* Инновация или реставрация: казус Возрождения // Вестник истории, литературы, искусства / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание: Наука, 2005. Т. 1. С. 84–97.

2. *Баткин Л.М.* Замечания о границах Возрождения // Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 18–42.

3. *Бурдах К.* Реформация. Ренессанс. Гуманизм: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004.

4. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970.

5. «Голос источников». К истории одной несостоявшейся публикации (Н. Конрад – Б. Вахтин) / публ. М.Ю. Сорокиной // In Memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.: Феникс, 1995.

6. *Голыгина К.И.* Изучение китайской классической литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. 2008. С. 176–193.

7. *Завадская Е.В.* Философско-эстетическое осознание тени в классической культуре Китая // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 92–105.

8. *Кобзев А.И.* Жэнь [2] // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 1: Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. 2006. С. 262–264.

9. *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. URL: http://www.synologia.ru/monograph-1268-6#cite_ref-2.

10. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1966.

11. *Конрад Н.И.* Избранные труды. Синология. М., 1977.

12. *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М., РОССПЭН, 1996.

13. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.

14. *Нуцубидзе Ш.И.* Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1947.

15. *Петров М.Т.* Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. Л.: Наука, 1989.

16. *Позднеева Л.Д.* Китайская литература // Литература Востока в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. Ч. 1.

17. *Стужина Э.П.* Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, 1979.

18. *Чалоян В.К.* Армянский Ренессанс. М., 1963.

19. *Челышев Е.П.* К вопросу об эпохе Возрождения в индийской культуре // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969. С. 202–209

20. *Челышев Е.П.* Периодизация истории литературы хинди // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 117–133.

21. *Эйдлин Л.З.* Идеи и факты: Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения // Иностранная литература. 1970. № 8. С. 222–226.

22. *Эйдлин Л.З.* Исследования китайской классической литературы в Советском Союзе (1971–1981) // Народы Азии и Африки. 1982. № 5. С. 168–175.

Раздел 5

ИСТОРИК В ИСТОРИИ

А.В. Гордон

От многообразия культур к культуре многообразия: развитие души, духовный опыт, исследовательская установка

Характеризуется личный опыт формирования культуры многообразия с переходом от эмоционального восприятия многообразия и понимания ценности своеобразия отдельных культур к постижению значения их диалога и взаимообогащения. Явления культуры многообразия оцениваются как тенденция современного цивилизационного процесса, обусловленная интенсивностью взаимодействия национальных культур и культурных ареалов.

Ключевые слова: культура многообразия (мультикультурализм), цивилизация Нового времени (модерность), диалог культур, национальная идентичность, унитаризм, фундаментализм.

A.V. Gordon

Multiculturalism: a personal experience

The article analyses personal experience of formation of culture of pluralism, concentrating on transition from emotional perception of pluralism and valuation of individual cultures to cognition of significance of cultural dialog and its mutual enrichment effect. Phenomena of culture of pluralism are considered to be tendencies of the modern civilizational process, caused by intensive interaction of national cultures and cultural areas.

Key words: multiculturalism, modernity, pluralism, homogeneity, identity, fundamentalism.

Открыл столичную газету, попалось интервью Вячеслава Шарапова. На вопрос о «дружбе народов» руководитель ансамбля «Песняры» ответил: «Дружба – это уважение к особенностям и

традициям другого. Вражда возникает не от разницы в вероисповедании, а от недоразвития души»[1]. На злобу дня отношений между двумя соседними, веками представлявшими единое государственное образование странами, рассуждал гражданин Беларуси, испокон веку пребывавшей на перекрестке культур. И выразил сокровенное: дружба – это понимание Другого, а такое понимание требует душевной работы, «развития души».

Именно последние события заставили меня, гражданина России, духовно сформировавшегося в священном Граде Петровом и прожившего более шести десятилетий в столице и области, восчувствовать душевное сродство с Украиной. Родился я на Днепровской круче, с детства слышал украинскую речь, мать читала стихи, «Кобзар» в домашней библиотеке был зачитан, украинскую песню не могу слышать без глубокого душевного трепета.

Детство мое между тем проходило в военных гарнизонах, в Подмосковье и на Урале, где оставалось немного следов инокультурности. Но вот старшеклассником я оказался в Беларуси, и пребывание в этой стране заложило основы и моей привязанности к профессии историка, и восприятия мультикультурности.

Слоним, где я учился в 1950–1954 гг., навсегда останется в моей благодарной памяти, как и в моей биографии. Своим девятивековым прошлым город на Щаре, притоке легендарного Батьки-Нёмана, прививал самое главное в профессии – чувство истории. Когда при поступлении на истфак спросили о причинах выбора, я, преодолев крайнюю провинциальную скованность, с энтузиазмом стал рассказывать о древнем городе. Там моя увлеченность книгами и учебниками по истории нашла подкрепление в овеществленном прошлом.

Конечно, от древности оставались лишь предания, от времени расцвета в XVIII в. – руины. Снаряды, бомбы, пожары да мужицкий прагматизм мало что оставили от прошлого. Но говорили камни, деревья, вода. Этого для мальчишеских фантазий было немало. Развалины напротив школы, куда я порой убегал с уроков, были замковой горой, вокруг которой в XII–XIII вв. зарождался город. Об оазисе Просвещения, который семейство Огинских ос-

[1] Вечерняя Москва. 2014. 28 августа.

новало на месте «замчища» и который включал обширную усадьбу с дворцом, театром, библиотекой, типографией, я даже не подозревал. Но имя Михаила Огинского (дяди, Великого гетмана литовского, основавшего «усадьбу Просвещения», и племенника, автора знаменитого полонеза[2], продолжившего дело Просвещения, а заодно экономического благосостояния края) все же оставалось на слуху и врезалось в юную память.

Говоря о канале под замковой горой, местные жители почтительно вспоминали их общее имя, а вдоль канала сохранилась протяженная благоустроенная при Огинских набережная с ветвистыми старинными деревьями – чудесное место наших юношеских гуляний. Столь же романтически выглядел центральный парк с вековыми деревьями как раз напротив моего дома.

Городская цивилизация имела многовековую глубину. Еще в XVI в. Слоним получил магдебургское право и статус города. И о культуре прошлого свидетельствовали регулярная планировка центра с выложенными плитами площадями, мощеные улицы с превосходной канализацией и тротуары из плиток с польскими надписями.

В Слониме я впервые прочувствовал культурное многообразие. Церкви, костелы, синагоги – все не действовавшие, многие в развалинах. От XVI–XVII вв. сохранилось немногое, в городском ландшафте выделялся чудом сохранившийся костел св. Андрея, уцелели здания Бернардинского монастыря и монастыря бернардинок. Думал ли я, что спустя 60 лет буду писать об ордене св. Бернара Клервоского? И самих-то названий не было на слуху. Ощущался между тем непередаваемый дух иноконфессиональной культуры.

Православие было ощутимей. Головную боль властям доставляла обитель в Жировицах (русское наименование), в 12 км от города. Старинный Свято-Успенский Жировичский монастырь оставался важнейшим духовным центром края, местом тяготения

---

[2] Слушая вдохновенное исполнение полонеза ансамблем «Песняры», верится, что он мог стать гимном Беларуси (такие предложения делались при провозглашении суверенитета в 1991 г.). Впрочем, были аналогичные предложения провозгласить «Прощание славянки», тоже памятного мне со слонимских времен марша, гимном России.

паломников. Когда осенью 1953 г. из-за плохого содержания и грубого обращения взбунтовалось слонимское ремесленное училище, в подстрекательстве обвинили монахов. Возле дома была Спасо-Преображенская церковь, от которой остались только стены, среди которых я нередко бродил. Из сохранившейся металлической таблички на колокольне узнал о «чудесном спасении» имп. Александра III (во время взрыва царского поезда) и познакомился с титулатурой государя «всея Великая, Малая и Белая Руси».

На опоясывавших город холмах размещались кладбища со странными для привычной конфессиональной символики каменными надгробиями еврейских и татарских могил, с причудливыми надписями на всех населявших эти места языках. А еще была Татарская улица, где действительно жили татары (потомки тех крымцев, что были призваны литовским князем Ягайло для отпора крестоносцам; вероятно, они и составляли ядро Слонимской хоругви в битве при Грюнвальде). Татары слыли хорошими и главными в городе огородниками, а потому базар в пятницу обычно пустовал.

От слонимского рынка 1950 г. можно датировать мое крестьяноведение. Оно имело живописный вид, терпкий запах и незабываемый вкус. Большой базарный день (воскресенье) означал подлинно народный праздник (*свято*). Он начинался с лошадиного ржания и стука тележных колес о булыжник. Это накануне в ночь на базарную площадь устремлялись крестьянские возы, образовывавшие целые караваны односельчан. Мы жили на важнейшем пути к площади, и звуки сельского нашествия можно было слышать всю ночь. Впечатляющим присутствием в городе крестьянина-хозяина со всем его извозом в виде радостно заявляющего о себе невероятного разнообразия живности (все виды домашнего скота и птицы) и запечатлелся этот праздник.

Вплоть до новейших супермаркетов крестьянский базар в Слониме оставался для меня единственным воплощением продовольственного изобилия. В 1951 г. с ним враз было покончено.

Грянула коллективизация, довелось прочувствовать и этот крутой поворот крестьянской и всей отечественной истории.

От крестьянки, носившей молоко из соседней деревни, проведал о крестьянском восприятии социальной иерархии. Маму

она именовала «пани майорша», меня – «панычем». В обращении не было подобострастия, но определенно военнослужащие со своими семьями олицетворяли в глазах местных жителей новое «панство». О «панской Польше» (терминология советских учебников) не слышал, соответствующий период истории именовали «запольским часом», к которому после наступления эры колхозов испытывали известную ностальгию.

В городе говорили преимущественно по-русски. Кроме русскоговорящего гарнизона значительную часть городского населения составляли люди, приехавшие из России на смену полякам, отправившимся (частью отправленным) на «историческую» родину, и евреям. В Слониме холокост собрал жатву в 25 тысяч душ. Историки все еще не оценили значение послевоенной миграции, которая изменила этно-демографический состав многих временно оккупированных районов Союза (и порой столь радикально, как в Крыму), став базой политики культурной унификации.

Тем не менее в разговорном языке новых жителей Слонима каким-то образом – может быть, genius loci, «дух места» – удержалось немало польских (и еврейских) слов и выражений. Вместо привычного «Боже мой» слышалось «Matka Boska Częstochowska», еще чаще при божбе упоминалась «cholera jasna». Белорусские слова и выражения были постоянно на слуху и до сих пор звучат в моих ушах.

Подлинным откровением для меня стали уроки белорусской «мовы». Хотя как сын офицера я не обязан был их посещать, меня буквально приворожила учительница своими вдохновенными рассказами о национальных писателях и их творчестве. От Феофании Леонтьевны, так звали учительницу – и то, что в моей памяти сохранилось ее имя из большинства, увы, забытых учительских имен, уже говорит о многом – я узнал о белорусском возрождении XIX в., услышал стихи в проникновенном звучании ее тихого задушевного голоса.

К «мове», белорусской ли, украинской, еще в XIX в. выработалась некая подозрительность, в которой повинны не только поборники «официальной народности», но и либеральное общественное мнение и такие радикал-демократы, как В.Г. Белинский. Считалось, что это «язык для простонародья», как говаривал

И.С. Аксаков[3]. Изрядно высокомерное отношение российского обывателя, даже как бы интеллигентного, сохраняется до сих пор. Вроде это не иноязычность, а краевой диалект или даже местечковый жаргон. В Батурине в 1968 г. одна дама, музыкальный воспитатель из ежегодно располагавшегося на берегу Сейма пионерлагеря мурманчан, по простоте душевной жестоко обидела местного краеведа-энтузиаста Николая Ивановича Шкляра. Во время одной из экскурсий, которые тот регулярно проводил по окрестностям этого легендарного украинского городка, мурманчанка брякнула: «Николай Иванович, а почему, когда Вы с *нами* ведете экскурсию, Вы говорите *правильно* /т. е. по-русски/, а с ребятами /из окрестных сел/ *балакаете*».

Уроки Феофании Леонтьевны навсегда избавили меня от подобного высокомерия. Я начал листать книги Леси Украинки, Франко, Нечуя-Левицкого из домашней библиотеки, сопровождавшие нашу семью во всех многочисленных переездах, вчитывался в украинскую поэтику Тараса Шевченко. Однако не скрою, первые глубокие представления об украинской культуре я получил из классической русской литературы. Конечно, то был Гоголь с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», которыми я зачитывался с той же страстью, как в раннем подмосковном детстве «Мушкетерами» Дюма.

Оглядываясь назад, отдаю себе отчет, что черпал в русской словесности навыки проникновения в иную культуру, чувство уважения к Другому. При всем налете имперской амбициозности не иссякала живая струя неподдельного интереса к «братьям меньшим». Идет «покорение Кавказа», а у русских офицеров в изображении Льва Толстого нет ни ненависти, ни тем более презрения к неприятелям-горцам.

Какой замечательный персонаж Максим Максимыч из «Героя нашего времени», какое понимание обычаев жителей Кавказа, какое уважение к ним! И в образе скромного русского офицера ведь сам Лермонтов со всей кавказской темой. Впрочем, не только кавказской. Какой настрой на восприятие чужих нравов заключен в «Тамани»! Не скажу, что именно этим меня привле-

---

[3] См.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

кал тогда «Герой нашего времени», которым из-под парты я зачитывался на школьных уроках; но мимо такое точно не прошло.

После Слонима было еще поразительное Полесье с городом Калинковичи, сохранившим яркие черты местечка имперской зоны оседлости. Привыкшему видеть евреев инженерами, врачами, учителями, короче городской интеллигенцией с более-менее обеспеченным уровнем жизни, мне странны были люди с какими-то неопределенными занятиями и доходами, уделом разительного неблагополучия.

А по дороге из Слонима в Калинковичи проезжали городки с выразительными названиями Глуша и Глусск, в окрестных деревнях избы были прикрыты вековым мхом, женщины и дети ходили босяком (дело было летом), старшее поколение в лаптях. Подобную нищету видел только спустя три десятилетия во вьетнамской деревне.

Если Беларусь явила мне многообразие культур, то город на Неве, где я в 1954–1959 гг. продолжил свое образование, предстал потрясающим единством многообразия. Вопреки расхожим представлениям, во многом справедливым, город запечатлелся золотом шпилей и куполов на фоне голубого неба. И хотя это было самое первое впечатление, оно осталось навсегда.

«Праздник, который всегда с тобой». Это было сказано о другом замечательном городе. Однако чувства, которые я испытывал все пять лет моей учебы и при позднейших наездах на берега Невы, фраза американского писателя выражает всецело. В коллизиях московского жития кратковременный приезд в город юности сулил благодать. Сойдешь с московского поезда, пройдешь по просыпающемуся Невскому на Дворцовую, оглядишь всю Невскую панораму, и охватит чувство высшей гармонии, внося успокоение в истерзанную бытовой суетой душу. Перед тобой Вечная красота, которая, хочется верить, спасет мир. Ведь что-то подобное подсказало уроженцу города гениальные строки: «Атланты держат небо на каменных плечах».

Приходит на ум выражение «классическая красота». Прежде всего потому, что город воплотил высшие эстетические стандарты; и именно классицизм как стиль и как культура выразил самую суть этой вечной красоты. Россия не переживала эпоху Возрождения и знала Античность лишь в ее поздней византий-

ской интерпретации. Античность первородная, «классическая» пришла в Россию вместе с Просвещением, и сплав этих двух великих, основополагающих для современной Европы культур породил на берегах Невы уникальный шедевр, которым вся Европа, весь мир и восторгаются.

Между тем не только «русский классицизм» украшает город. Готические шпили, «римские» купола и православные «луковицы», величественные минареты мечети и «византийская» мозаика храма Спаса-на-Крови, барокко и ампир, античность классицизма и античность модерна, великолепные массовые образцы последнего – все это оставило в облике города свой отпечаток, придав ему особые черты.

Бросивший вызов стихии и истории город – Творенье («Петра творенье») заставляет задуматься о природе своего многообразия и культурного многообразия вообще. Еще в университетские годы в памяти отложилась целостность его облика. Обычно говорят о «регулярности» городской застройки как следствии монаршего регулирования, воплощавшего замыслы Основателя и его преемников. Замыслы сделаться «парадизом» – образцом для Империи, «окном в Европу» – действительно, воплощались на протяжении столетий. А вот с конкретными планами градостроительства у царя не получилось.

Оставаясь морским портом, город сделался преимущественно сухопутным, отражая характер страны, столицей которой стал. Вся застройка устремилась к заставам – Нарвской, Невской, Выборгской – на важнейших путях сообщения, выражая органику привычного для русских людей освоения новых территорий.

Именно в органике в первую очередь я бы искал основу целостности великого города. В градостроительной органике, бывшей компонентом естественно-исторической динамики развития страны. Хотите ее символы в репрезентации Власти? Пожалуйста. Скульптура Клодта и скульптура Паоло Трубецкого, полет Медного всадника и застывшая композиция коня, придавленного своим тяжеловесным седоком[4].

---

[4] Выбрав три петербургских памятника Петру I, Николаю I и Александру III, В.Я. Брюсов выразил ту же мысль поступательного ослабления креативности царской власти («Три кумира»).

Город Петра при своем сравнительно непротяженном существовании (творение Нового времени) воплотил невероятное сгущение времен и пространства. Царская усыпальница и государственный монетный двор во дворе царской тюрьмы. От Михайловского дворца, где царедворцы задушили Павла I, рукой подать до набережной Екатерининского канала, где народовольцами был смертельно ранен его августейший внук. 80 лет российской истории и несколько сот метров петербургского пространства! Да и вся история города, задуманного как оплот Империи и ставшего ее могильщиком, разве не заставляет задуматься о хрупкости самой абсолютной власти?

Конечно, роль Власти в истории города и выдающееся значение руководящего начала в его строительстве я отнюдь не собираюсь оспаривать. Повинуясь воле правителей, создавались великолепные ансамбли, воздвигались дворцы и храмы, которые стали узнаваемыми во всем мире символами города. Однако регулирование регулированию рознь. Одно дело, например, долго удерживавшийся принцип нивелирования высоты домов, чтобы не были выше царского Зимнего дворца. Такая унификация вдохновляла творчество зодчих на многообразие стиля, на оригинальность его воплощения.

Совсем другую унификацию испытал город во времена «вождя народов» и его преемников. «Великий город с областной судьбой», – горько шутили коренные жители. Образец для страны в замыслах Основателя, он планомерно подравнивался под номенклатурно-советский стандарт. Красный террор 1919 г., изгнание «бывших» после убийства Кирова, «космополитчина» вкупе с «ленинградским делом» – таков не полный перечень особо «местных» репрессий, которые поступательно уничтожали и культурную, и политическую элиту. Как говорил мне один ветеран, питерских пролетариев после Войны он встречал лишь в ГУЛАГе.

Пришедшие на смену люди в Смольном гнули общую линию провинциализации Града Петрова. В этом была своя общепартийная логика. Зачем «окно в Европу» в условиях самоизоляции? Открытый дух города – «все флаги в гости будут к нам» – сопротивлялся. Помню приход на Неву английской эскадры осенью 1956 г. в краткий период «разрядки». Увы, то были лишь эпизоды

в холодной войне, искажавшей сам дух города банальной ксенофобией. В тот же период слышал «мужской разговор» в парной: об американцах отзывались как о «чуди-нелюди». В недужное словопрение врезался все же трезвый голос протеста: «Американцы – такие же люди, как мы. Видел их на Эльбе. Немного похуже». Как часто мне, к счастью, приходилось слышать среди народа трезвые голоса в массовом экстазе отупляющих агиткампаний!

Трудно определить последствия той миграции, что «компенсировала» потери города в результате блокады – миллионы погибших и рассеявшихся по всей стране. С одной стороны, Genius loci культивировал в приезжих из перемолотой идеологическими жерновами провинции непередаваемый дух великого города и его высокой традиции. С другой – при направляющей роли обкома партии именно эти люди в своей определенной части становились питательной средой антиинтеллектуализма и культурной примитивизации.

В сущности, советский человек не был искушен многообразием. Единый ширпотреб, общепит. Воспетый в сталинскую эпоху «советский простой человек»[5] не желал отличий – в одежде, стиле жизни, даже пищевых вкусах. Другое несло в себе угрозу, проблема выбора угнетала, одинаковость становилась эстетическим критерием. Не стоит, однако, прямолинейно выводить отсюда бытовую ксенофобию. Чтобы уважать Другое и другого, нужно по меньшей мере уважать себя, советская действительность на уровне бытовой повседневности оставляла немного места для самоуважения. А на высшем уровне было безальтернативно: одна партия – одна идеология – «единая историческая общность»!

Не хочу сказать, что все в советской истории было столь однозначно. Напротив, Советский Союз заместил не совладавшую с подъемом национальных движений Российскую империю как одно из первых в цивилизационном отношении и самое грандиозное в новейшей истории мультикультурное образование. Элементы подлинной *культуры многообразия* складывались в 1920-х гг. под флагом интернационализма, воплощаясь в широком распространении газет, школ, театров на национальных языках и разно-

[5] Замечу, что в послесталинское время с критикой «человека-винтика» героем становился «наш непростой советский человек».

образных просветительских организаций этнокультурного характера. Национально-культурная автономия была важнейшим, но при том лишь наиболее заметным аспектом культурно-исторической новации.

О глубине культурного творчества свидетельствует мощный подъем в те годы краеведения, причем в отличие от времени становления во второй половине XIX в. процесс шел из народной глубины. Чувство «малой родины» двигало тысячами безымянных энтузиастов, собиравших материалы для народных музеев. Восстанавливалось наследие предков, укреплялась связь с народами, исторически населявшими край, культивировались местные обычаи, упрочивалось, в конечном счете, сознание локальной идентичности. А без нее нет и хозяйской заботы о ближайшем окружении, с которой начинается подлинное обустройство страны.

Знаменательно, что истинно народное движение было поддержано представителями старой русской интеллигенции, которые увидели в нем опору исторической преемственности, залог национально-культурного возрождения страны. Делу практической организации и научно-методической разработки краеведения отдавали свои силы и энтузиазм академики С.Б. Веселовский, И.М. Гревс, С.Ф. Платонов и другие крупные ученые[6].

К несчастью для будущего страны, тенденция местного культурного творчества была задавлена в 1930-х гг., как пишут исследователи, «государственным глобализмом» и «культом централизованной власти»[7]. Победил raison d'Etat великого примитивизатора; следствием политико-административной гиперцентрализации явилась культурная стандартизация. С консолидацией советской системы интернационализм стал все чаще выступать прикрытием унификации по руссификаторским образцам поздних Романовых. И в пору «развитого социализма» случались выдающиеся свершения национального духа; достаточно вспомнить «деревенскую прозу» в русской литературе, грузинский кинематограф или грузинскую литературу. Властвовала между тем обез-

---

[6] См.: *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990.

[7] *Каштанов С.М.* Источниковедение, история и краеведение // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 12.

личивающая установка: «национальная по форме, социалистическая по содержанию».

Расцветала к юбилеям и республиканским «неделям» культура «национальных республик», поражала многокрасочностью ВДНХ. Но то была витрина советского образа жизни, которая, подобно витринам магазинов, частью скрывала, чаще демонстрировала скудность самой жизни. Действительно, республики считались государственными образованиями, и это обстоятельство сыграло злую шутку с Союзом, когда ослабла державная Воля. Между тем в период могущества последней суверенитет республик был фикцией. Заправлял аппарат уполномоченных из Центра. Как правило, эти люди – в отличие, например, от администраторов Британской империи – не знали языка, презирали местные обычаи. Понятно, местные языки не запрещали, но в партийно-советских учреждениях употреблять их было не принято, с некоторых пор даже одиозно. «Национализм»!

Мое поколение воспитывалось в традиционно интернациональном духе. И мой иммунитет к политико-обывательской ксенофобии укрепился, когда по долгу службы с середины 1970-х гг. системно и систематически занялся Востоком. В рядах востоковедов мне было душевно комфортно, поскольку среди них оказалось немало приверженцев подлинно интернациональных традиций интереса и уважения ко всем культурам мира.

В реферативном журнале ИНИОН «Востоковедение и африканистика» я формировал разделы культуры стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Горжусь, что эти разделы быстро стали превосходить и по объему, и по содержательности политику и экономику тех же стран. Благодаря материалу и тесному общению с его авторами, опытными и молодыми советскими востоковедами, я, будучи совершенно непосвященным, окунулся в мир буддизма, индуизма, других учений и течений. Это стало моим *Восточным университетом*. Проникновение в мудрость Востока не сделало меня приверженцем какой-либо из традиций, зато определенно я оценил ее общечеловеческое духовное и общекультурное значение.

Несомненно, я – европеец в том культурно-цивилизационном смысле, который был открыт Екатерине II, Карамзину, Пушкину или братьям Киреевским, назвавшим свой журнал этим гордым именем. При том не поддамся ни паневропейскому шовиниз-

му, ни расцветшему в последнее время в нашей стране «евроазиатскому» сепаратизму. Именно потому, что занятия Востоком сформировали глубокое уважение к культурам этого Другого.

Если Беларусь воспитывала чувство культурного многообразия, Ленинград / Петербург – его эстетику, его философию, а занятия Востоком подготовили меня к *культуре многообразия* духовно, то к исследованию этого явления я пришел через крестьяноведение. Изучение крестьянства в 1960–1970-х гг., после провалов стратегии модернизации как вестернизации, выдвинулось на передний план в познании Третьего мира, объединявшего Азию, Африку, Латинскую Америку с их крестьянским большинством. Подспудно меня привлекло, вероятно, единство многообразия, наличие общей основы крестьянских культур мира, типизируемых вековым хозяйствованием человека на земле. Недаром основоположник крестьяноведения Роберт Редфилд говорил, что между мексиканским и китайским крестьянином больше общего, чем между последним и китайским чиновником.

Недавно на одном из симпозиумов меня назвали «крестным отцом» крестьяноведения. За 15 лет до широкого употребления термина в отечественной науке я назвал статью «Крестьянство Востока в западном крестьяноведении». И отстоял это название, когда курировавший наш отдел замдиректора ИНИОН выговаривал мне: дескать, нет же «рабочеведения». И «западоведения» – тоже, бодро отпарировал я. На самом деле, большой заслуги во введении в отечественную науку этого термина я не ощущаю. Я только перевел английский термин «peasant studies».

Труднее было обосновать дисциплинарный статус соответствующего этому термину направления исследований и, главное, отстоять на первых порах его право на существование в политико-идеологизированной квалификационной сетке советского обществоведения. Бдительные стражи канона заподозрили в специальной науке о крестьянах покушение на формационное учение с классовым подходом. «Крестьяноведение – это не марксизм», – слышал я.

Позднее Юрий Львович Бессмертный рассказывал мне, сколько препятствий выпало на долю авторского коллектива подготавливаемой в Институте всеобщей истории «Истории кресть-

янства в Европе» со стороны блюстителей классово-формационного канона. Руководители коллектива, выдающиеся отечественные историки, даже не смогли дать ответ на вопрос, «что такое крестьянство», поскольку пришлось бы, отвергая канон, сформулировать «сквозную» характеристику самой общности, которая прошла через все формации.

Мне повезло. Я применялся к Востоку, по отношению к которому было меньше определенности в каноне и можно было прикрываться этой спецификой («Восток – дело тонкое»). Не случайно и возрождение религиоведческих исследований в СССР началось с Азии. Даже акция госбезопасности против буддологов в середине 1960-х не остановила этот процесс. Напротив, сама власть оказалась заинтересована в религиоведах, особенно после вторжения в Афганистан, когда государственные мужи открыли для себя «исламский фактор». Соответственно, и мои крестьяноведческие статьи были посвящены буддизму в тайской деревне.

Другое благотворное обстоятельство – Время, поворот в истории страны. Моя монография[8], где я обосновывал статус крестьяноведения и давал определение крестьянству, вышла в разгар перестройки, и я даже защитил ее в качестве докторской диссертации, два года спустя, когда уже закончилась советская эпоха.

Как видно из самого названия монографии, главным было выдвижение понятия крестьянства в качестве исторического субъекта. Это был определенный мировоззренческий прорыв, поскольку и в либеральных учениях, и в марксизме крестьянство как «вечно средневековая масса»[9] представало объектом исторического прогресса, исходившего из Города – от буржуазии и пролетариата. И это был шаг к постижению Другого, каковым из века в век для европейского сознания и рожденной в XVII в. новоевропейской науки оставалось крестьянство.

Методологически труднее всего было раскрыть понятие крестьянства – субъекта. Более или менее понятно было, что субъект отличается от объекта наличием сознания. Но как определить источниковедческую базу и установить инструменты анализа?

---

[8] *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. 222 с.

[9] Так определил типичный снобизм европейской мысли Франц Фанон.

С последними вопрос прояснился быстрее. В «peasant studies» наиболее перспективную методику предлагали социо-антропологи. Отпочковавшись в конце XIX – начале XX в. от этнографии, они сохранили от нее нацеленность на понимание Другого, пусть в социальной антропологии это были не этносы, а социумы.

Во-первых, это был принцип холизма. Вопреки классовому подходу, с одной стороны, и отраслевой дифференциации господствующей научной парадигмы (экономика, политика, культура) – с другой, социо-антропологи были ориентированы на познание Другого в целокупности областей его жизнедеятельности, конкретно – в совокупности институтов локального социума.

Во-вторых, установкой социо-антропологов было понимание изучаемого социума «из него самого». Я стал исповедовать соответствующий методологический принцип, когда занялся творчеством идеолога Фронта национального освобождения Алжира, а затем глашатая выдвижения Третьего мира Фанона[10]. Первый вариант монографии оказался неудачным потому, что я анализировал творчество этого оригинального мыслителя в привычных классово-идеологических категориях. Переход к второму, осуществленный под руководством искушенной в вопросах методологии истории Евгении Эммануиловны Печуро, заключался в стремлении «понять Фанона из Фанона». Эту формулу я вычитал из книги М.М. Бахтина (хотя потом не мог найти в этой книге аналогичной – «понять Достоевского из Достоевского»)[11].

Вообще, придавленная партийной наукой, разгромленная в годы «космополитчины» отечественная структуралистская филология (М.М. Бахтин, О.М. Фрейденберг, В.Я. Пропп) изрядно помогла мне в разработке приемов познания Другого – будь то мыслитель или такая общность, как крестьянство. В сущности, «понять Фанона из Фанона» означало, что мыслителя следовало представить не объектом расчленяющего его систему мышления анализа, а субъектом системы в ее оригинальной целостности и со свойственным ей категориальным аппаратом (Третий мир, Европа, наро-

---

[10] *Гордон А.В.* Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М.: Наука. 1977. 240 с.

[11] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

ды, колониальная ситуация, национальное сознание), а для этого отделаться от привычных для советского ученого «связок» (они, действительно, связывали меня в стремлении к адекватной передаче творчества мыслителя и, оглядываясь назад, вижу, что далеко не смог преодолеть всей силы их тяжести): «социализм – капитализм», «пролетариат – буржуазия», «национализм – империализм», «колониализм – неоколониализм».

В переработке монографии о Фаноне я занялся своеобразным «переводом»: избегая буквализма, стал воссоздавать контекст для его оригинальных категорий. Так, целая глава была посвящена центральной в главной книге Фанона «Проклятьем заклейменные» категории «насилия»[12]. Вместо «цитатничества», выдерки из авторского текста отдельных фраз в подкрепление своих оценок, я попытался воспроизвести целостность важнейших положений в соединении с их аргументацией и всей логикой авторской мысли. Это осталось эпистемологической установкой в познании Другого, которая реализовалась в последующих работах.

Пожалуй, дальше мне удалось продвинуться в преодолении непременного спутника «цитатничества» – назовем его «оценочность». От советских ученых требовалось давать идеологические аттестации иным, а особенно «ненашим» взглядам. Грустно и смешно было читать, когда какой-нибудь «новобранец» науки упрекал корифея мысли прошлого в том, что тот «не учел» того или другого, чего-то «не понял», до чего-то «не дошел».

Каждая творческая мысль и каждая культура – прошлого ли, настоящего – уникальна и, значит, по-своему права. Потому анализировать ее следует, вступая с ней в своеобразный диалог, отправляясь от ее ценностей. Впервые (для себя) я постарался это сделать в «Фаноне», и потом следовал этой установке в изучении культуры крестьянства, в работах по советской историографии и, наконец, когда фронтально взялся за «мультикультурализм».

В социо-антропологии я нашел мощную поддержку тем исследовательским принципам, что были усвоены в анализе творчества Франца Фанона. В отличие от той распространенной части социологов, что, разработав универсальные опросники, затем «пропускают» через них респондентов, в социо-антропологии практи-

[12] *Fanon F.* Les damnés de la terre. Paris: Maspero, 1961.

ковались «полуструктурированные интервью», предполагающие вольную беседу с интервьюируемыми. Выше всего ценится так называемое включенное наблюдение, «вживание» в бытование изучаемого социума. Главным аргументом становятся полевые исследования автора.

Так, у американских полевых антропологов, приступивших в 1960-х гг. к фронтальному изучению деревни Таиланда (который приобрел стратегическое значение для США после поражения во Вьетнаме), возникли «свои» деревни, где они жили по нескольку сезонов, куда наезжали регулярно и направляли для стажировки и подготовки диссертаций своих аспирантов. Нередко они работали вместе с крестьянами и принимали участие в религиозных церемониях. «Вживание» оказывалось настолько интенсивным, что некоторых исследователей крестьяне по истечении времени воспринимали как земляков.

Благодаря крестьяноведению я стал исповедовать далеко не типичный для историков, приученных к письменным источникам, принцип «лучше один раз увидеть». И мой новый поворот в восприятии многообразия и единства культур был связан именно с увиденным. Во время командировки во Францию осенью 2002 г. меня поселили на северо-восточной окраине Парижа. Раздосадованный вначале удаленностью от места работы, я вскоре понял, что судьба подарила мне замечательный шанс. Район, в котором я проживал в течение месяца, «перекресток четырех дорог между Обервилье и Пантеном», оказался не просто пересечением магистралей.

Трущобы начала XX в. и элитное жилье последних десятилетий; одноэтажные домики на улице Роз, где хозяева оставляют обувь на пороге, и многоэтажные комплексы на проспекте Жореса с подземными гаражами, скверами, спортплощадками; стандартные супермаркеты эпохи консьюмеризма и традиционный базар. Различные социальные уклады, отчетливое различие образа жизни и несопоставимость ее качества, а еще перекресток этнических и конфессиональных традиций, где сошлись Европа и Африка, Ближний и Дальний Восток.

Район считается арабским, и выходцы из Магриба, преимущественно алжирцы, выделяются арабской речью и плотны-

ми, скрадывающими фигуру темными манто женщин. Однако этнокультурным своеобразием в виде более ярких и живописных одеяний с ними соперничают выходцы из Западной Африки. Сосредоточенно обживает новую территорию китайская община. А кроме них – сикхи и тамилы, магазины индо-мусульман и турецкая кухня, вьетнамский отель («дядюшки Хо»[13]) и рядом, возвышаясь над всей округой, небоскреб корейского автоконцерна. Уверенно чувствуют себя в этом многоцветье белые и темнокожие французы средней руки. По мере благоустройства района, сноса трущоб и возведения комфортного муниципального жилья они тоже активно и совместно осваиваются здесь.

Оазис сосуществования, да и только! Прослушав сводку очередных актов на Святой земле, выходишь на улицу Республики и видишь, как спокойно и даже торжественно, отмечая *шабад*, пересекает квартал еврей в лапсердаке, с пейсами под *кипой*, а чуть поодаль, на бульваре Фландрен над рядом магазинов *кошерной* пищи разносится *алла-бисмилла* – это молодой сосед-торговец включил на возможную громкость голос муллы, совершающего утренний намаз.

Факторы мультикультурности. На мои прямые вопросы я услышал об особой роли школы. Уроков официальной терпимости не существует. Упор сделан на культурно-историческом просвещении, на понимании учащимися культурного многообразия мира и самой Франции. Разительный контраст с системой школьного воспитания, существовавшей во Франции и ее колониях вплоть до конца 1950-х гг., когда негритянским и арабским детишкам учителя внушали «наши предки – галлы».

Свою лепту в *культуру многообразия* вносит теперь католическая церковь, которая издавна проводила политику унификации, а в колониях была, наряду со школой, инструментом ассимиляции и отчуждения колонизованных от своих традиций. В 1999 г., в День всех святых слышал проповедь архиепископа Парижского Жан-Мари Люстиже, проводника обновленческого курса папского престола, сподвижника Иоанна-Павла II. В ней высший церковный иерарх Франции говорил об общечеловеческих проблемах. Особое место в проповеди занимал Африканский кон-

[13] По имени многолетнего президента ДРВ Хо Ши Мина.

тинент. Обращаясь, как он подчеркнул, не к одним католикам и не только к христианам, а к людям всех конфессий и к тем, кто находится вне религии, кардинал призывал объединиться для борьбы с голодом, нищетой, бесправием в этой части света.

В унисон была проповедь, которую я слышал в 2006 г. в храме св. Франциска Ксаверия, выдающегося миссионера XVII в. В ней были примечательные слова о том, что в прошлом Европа несла миру Слово Божье, а ныне идеалы развития. Примечательным было и одно из воскресных посещений базилики Сен-Дени (св. Дионисия). Войдя, я услышал совсем не церковные мелодии. Группы молодых вьетнамцев в праздничных национальных одеяниях исполняли традиционную хоровую музыку и народные танцы. Вьетнамская община Парижа давала представление перед особо почитаемым во Франции местом – королевской усыпальницей.

Поворот, который произошел в последние десятилетия во Франции, где со времени революции XVIII в. и особенно в период Третьей республики господствовал тот же государственный унитаризм, что в России, и еще более жесткая линия на ассимиляцию этнических и культурных меньшинств, весьма выразителен. И сейчас государственный курс на «разнообразие» (diversité)[14] встречает сильное сопротивление, поскольку это – серьезный вызов культивировавшейся десятилетиями и веками французской идентичности.

Французское «почвенничество» – это далеко не только праворадикальный Национальный фронт. Напротив, наиболее широкую и влиятельную категорию сторонников унитарности составляют люди либеральных взглядов, приверженцы идеалов Просвещения и республиканского лаицизма, которые опасаются, что принятие многообразия обернется сохранением таких «традиционных ценностей», как сегрегация женщин, попрание индивидуальных прав, трудовой дискриминацией меньшинств и образованием районов изолированного проживания этно-конфессиональных общин.

Все это – реальные угрозы, однако далеко не все относится к культурной сфере. Острый характер приобрела проблема молодежи из тех предместий, что в силу этнической однородности

[14] *Wieviorka M.* La diversité: Rapport à la Ministre de l'enseignement supérieur et de la recherhe. Paris: Laffont, 2008. 230 p.

(контрастирующей с Обервилье) превращаются в подобие Гарлема. То, что называлось «красным поясом», пролетарским окружением французской столицы, выглядит здесь «темно-коричневым поясом». Мигранты «третьей волны» заменили французов (среди которых было немало более ранних мигрантов европейского происхождения), мигрантов заменяют роботы. Афро-арабская молодежь, не имея достаточного образования для занятости в постиндустриальной экономике, остается без общественно полезного дела и превращается в асоциальное сообщество.

Касается это почти исключительно юношей, девушки как правило находят работу в обширной столичной сфере услуг. Такая разновидность гендерного неравенства порождает всплески мужского шовинизма, насилия и ужесточения традиционного для мусульманского социума контроля над женщинами, доходящего до прямого диктата в отношении поведения, стиля одежды и выбора партнеров.

Эти проблемы, на которые обращают главное внимание критики «мультикультурализма» (в России – особенно), на самом деле имеют лишь побочное отношение к последнему. Девиантность подростков предместий – крайний случай неблагополучия молодежи в современном французском обществе. За прошедшее с момента описываемой поездки десятилетие его моральное состояние ухудшилось вследствие экономической стагнации, и в первую очередь неблагоприятные последствия ощущают наименее защищенные категории населения.

Следовательно, многое зависит от динамики французской экономики и самочувствия французского общества в целом. Ограничиваясь избранным сюжетом, я поставил тогда перед собой другой вопрос – в чем выражается единство многообразия и насколько прочно его основание. Служит ли опорой франкофония? Конечно, знание французского – единственная возможность полноценного межэтнического общения, и в изучавшемся районе его значение особенно понятно. Но арабы, китайцы, африканцы и большинство представителей других этносов говорят между собой на родном языке. Владение французским у многих относительное, а у уроженцев Гуандуна и других провинций Южного Китая (они составляют основу китайской общины) ограниченное.

Автономность и самодостаточность арабской или китайской общины здесь очевидный факт. Их представителей незаметно в супермаркетах, у них своя сфера обслуживания: магазины, «общепит», пошивочные мастерские. Исключительная сфера местного арабского бизнеса – торговля, включая многочисленные магазины одежды и обуви, занимающие почти все тротуары в центре района, да бесчисленные предприятия автосервиса.

Центральный символ арабской общины – вывеска *халяль* над магазинами, где продаются освященные мусульманской традицией мясные продукты. А вечерами арабы собираются в кофейнях, коротая время в неторопливых беседах. Внешне арабские мужчины – самая безмятежная часть населения района. Однако одновременно магрибинцы выглядят наиболее политизированной частью населения. Это самые заядлые читатели газет. Именно газеты выражают их связь с миром и прежде всего с арабо-мусульманским ареалом.

У уроженцев Западной Африки связь с родиной воплощают не газеты, а телефонные разговоры с оставшейся на континенте родней.

Китайская идентичность отличается и от арабской, и от африканской. Китайцы выглядят в целом более обеспеченными. Они носят европейскую одежду и живут по преимуществу в современных благоустроенных домах вместе с европейцами. Символ их идентичности в Обервилье-Пантене, иероглифы на вывесках – просто необходимость из-за плохого знания французского. Больше впечатления на меня произвел другой признак ханьской идентичности парижских китайцев – их верность обычаям и откровенное стремление эту верность продемонстрировать.

В ноябре 1999 г., приходя по выходным в парк Монсо, я становился свидетелем китайских торжеств по случаю бракосочетания. Несколько десятков молодоженов и сотни свидетелей буквально заполоняли этот уютный парижский уголок. Мужчины в черных костюмах, девушки в кринолинах, шлейфы которых несли детишки обоего пола, чинно шествовали по аллеям. И попутно, давая волю чувствам, пары страстно фотографировались. При этом они устраивались и на газонах, и на гротах, куда воспрещался вход.

Парк Монсо был выбран, видимо, из-за своей привлекательности, ведь китайцы поныне остаются ценителями паркового

искусства. Примечательно и центральное положение парка (вблизи Триумфальной арки). В центре Франции, культурном центре Европы и мира китайская община вольно, торжественно, жизнерадостно – и вполне по-европейски – отмечала древний обычай осенних бракосочетаний.

Не всякая идентичность вписывается в *культуру многообразия* столь органично. Согласование этноконфессионально-общинной и национально-государственной идентичности – серьезная проблема для современных «мультикультуральных» стран. Во Франции наибольшую сложность представляет проблема магрибинцев с их восприятием себя частью арабо-мусульманского мира. Может быть, это даже не столько сознательная идентификация, сколько подспудное самоощущение и важнейшая причина – восприятие их особости, зачастую тоже подсознательное, внешней средой. Как бы то ни было, неспокойность этого мира, сложные процессы внутренней поляризации, например, столкновение светских и религиозных сил в том же Алжире, палестинская проблема тревожным эхом отзываются среди арабской общины.

Увиденное и описываемое мной сосуществование этносов и культур я попытался осмыслить теоретически. Привычные термины «политкорректности» или «терпимости» отпадали. Да и термин «мультикультурализм» (кстати, не принятый во Франции) недостаточно фиксирует разницу между многообразием культур, явленном от начала начал естественно-историческим развитием человечества, и *культурой многообразия* (по моему определению) как явлением переживаемого времени и сознательного культуротворчества. Главное же, речь идет не просто о политическом курсе, а о формировании новой культуры в соответствии с развитием цивилизационного процесса («вторая модерность»).

В стремлении осмыслить увиденное мной я шел от частного к общему, от парижского пригорода к современной Франции и Европе и в конечном счете – к характеристике этого процесса. Этнический «мультикультурализм» представляет лишь наиболее заметную или, точнее, обычно замечаемую его сторону, общее содержание которого – изменение отношения к Другому, политическому и идеологическому оппоненту, человеку иного материального достатка и социального статуса, возраста, пола, физических возможностей. В конечном итоге это осознание, что человеческие

различия естественны и неизбежны, это принятие мира в ценности, а не «извинительности»[15] его многообразия.

Неправомерно отождествлять культурное многообразие с суммой этноцентризмов, как происходит у нас в либеральной рецепции[16]. «Мозаичность, – справедливо полагает О.Б. Неменский, – это идейная противоположность мультикультурализму, так как это не интеграционная модель, а модель соседского сосуществования этносов под одной государственной властью. …На деле в результате проведения мультикультуральной политики что-то подобное и получается. Однако это непреднамеренные последствия, а по своему замыслу она на разрушение национальной формы не направлена – наоборот, предлагает путь её улучшенной интеграции»[17].

В то же время, смыкаясь с либеральными критиками «мультикультурализма», Неменский утверждает, что последний, консервируя традиционно-общинные отношения, препятствует индивидуальной интеграции в гражданское общество. Нет, «мультикультурализм» в его практическом воплощении отнюдь не «пригвождает» индивида к «полузабытой традиции»[18]. В его контексте очевидна возможность выбора индивидуальной идентичности в виде ценностной ориентации, образа поведения или хотя бы стиля одежды. Яркая иллюстрация – постоянно встречавшиеся мне компании, в которых рядом с женщинами в *хиджабе* были девушки в юбках.

Типологической чертой новой культуры становится внедрение наряду с изначально-общинной идентификацией «мы и они» личностной «я и ты», уважение человека к человеку как индивиду, и сдвиги на этом глубинном уровне в первичной, наиболее прозаической бытовой сфере отношений – самое наглядное.

Новое время нашло поистине универсальный адресат для своего цивилизационного проекта – человеческую природу в ее

---

[15] Об «извинительности несходного» см.: *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 т. Л. – СПб., 1988–1996. Т. 14: Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881. 1995. С. 419.

[16] Симптоматично, что очерк об Обервилье-Пантене не был принят редколлегией «Отечественных записок». Этот отказ и стал для меня сигналом методологической важности темы и мотивом для ее разработки.

[17] *Неменский О.* Соблазн мультикультурализма // Вопросы национализма. 2011. № 4. URL: http://www.apn.ru/publications/article27077.htm.

[18] См.: *Гудков Л.А.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 126.

способности к самосознанию и самосовершенствованию. Последовало обращение к «уму и сердцу человека как такового»[19], призыв к индивиду через конфессиональные, сословные, корпоративные, локальные, родственные связи, которые образовывали сердцевину средневековой цивилизации Европы, как и других культурно-исторических ареалов.

Внутренние потенции единства «рода людского» аккумулировал импульс цивилизации Нового времени к беспредельному развертыванию в пространстве и времени. В контрасте экстравертности цивилизации Нового времени интровертности традиционных цивилизаций выразилось соотношение вселенской беспредельности и локальной самодостаточности, пафоса всеобщности и духа исключительности.

Терпимость к иноверцам не был чужда монотеистическим религиям. Но основанием ее служило признание греховности мира, иноверие допускалось как временное состояние, как пребывание в грехе, что обусловливало подчиненный статус иноверцев. Логическим дополнением средневековой tolerantia становилось навязываемое различными способами обращение в «истинную веру». В Новое время идеология культурной унификации грубо и зримо воплотилась в принудительной ассимиляции колонизованных.

В то же время цивилизация, сформировавшаяся в Европе в Новое время, с ее открытостью миру и истории, с ее упором на индивидуальные права человека как представителя рода людского, с признанием значения эмпатии, возможности проникновения во внутренний мир другого[20] и критическим отношением к самой себе[21], отрешившись от «культурного диктата», сделалась в изменившихся условиях основанием становления *культуры многообразия*.

---

[19] *Кареев Н.И.* Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800). 2-е изд. СПб., 1902. С. 16.

[20] На значение эмпатии я обратил внимание, когда рассматривал классические теории модернизации, в которых это качество признавалось среди важнейших компонентов «модернизованной личности» в ее отличие от «традиционной» (см.: Традиционное общество и мировая экономика: Критика теорий модернизации. М.: ИНИОН, 1981).

[21] Становление и развитие цивилизации Нового времени сделались, по выражению Лешека Колаковского, «процессом бесконечной самокритики». – *Kolakowski L.* Modernity on endless trial. Chicago; London, 1990.

Сформулировав такое понимание цивилизации Нового времени – модерности (modernity) еще до описанной поездки во Франции, я радикально разошелся с теми толкователями цивилизационного подхода, кто, вслед за Н.Я. Данилевским и О. Шпенглером, а в наши дни еще и С. Хантингтоном, сосредоточились на раскрытии различия культурных ареалов, оставляя в стороне цивилизационную основу единства многообразия. Споры между сторонниками единства современного цивилизационного процесса и защитниками цивилизационной идентичности культурных ареалов продолжаются до сих пор, имея достаточное основание.

После длительного засилия универсалистских схем вроде классического толкования модернизации как вестернизации упор на особое, на специфику эпистемологически закономерен. К тому же глобализация, наступление «глобальной модерности» оборачивается стандартизацией, делая защиту культурной идентичности задачей национального самосохранения. Увы, такая защита нередко уводит к «фундаментализму» в широком смысле этого слова.

Поиск идентичности легко превращается в то самое «неистовое утверждение своеобразия, возведенного в абсолют»[22], которое было типологическим признаком «антиколониального национализма». Характеризуя его, Фанон пришел к знаменательному выводу: безудержное отстаивание своеобразия оборачивается «судорожным цепляньем за ядро, которое все уменьшается, оскудевает, коснеет»[23].

Анализируя поиски национального культурного кода в виде «русской идеи», «русской системы», «русской цивилизации», захлестнувшие общественную мысль страны в 1990-х гг., я увидел, что в основании неизменно остается установление тех или иных архетипов[24]. Широко принимая и даже патетически отстаивая многообразие во всемирном масштабе, «искатели» не обнаруживают готовности следовать этому принципу по отношению к отечественной культуре. Вновь в определении национальной

---

[22] *Fanon F.* Op. cit. P. 33.

[23] Ibid. P. 178.

[24] Цикл моих публикаций начался на рубеже веков (см.: Куда идет Россия… 2000. М., 2000. С. 21–29) и завершился в текущем десятилетии (см.: Труды по россиеведению. Вып. 4. М., 2012. С. 275–296).

идентичности торжествует унификация. Вновь отсекаются целые исторические пласты. В советскую эпоху это была консервативная и либеральная мысль. Сейчас, наоборот – оппозиционные монархизму и «официальной народности» течения.

Нелепо, когда в определении национальной идентичности культуру страны осмысливают в категориях антизападности: коллективизм – индивидуализм, духовность – материальность, государственность – частные интересы и т. д. В мировой науке подобные дихотомии ушли в прошлое вместе с классическими теориями модернизации. Смешно становится, когда ученые люди для демонстрации национальных архетипов представляют в качестве референтного поля «западную культуру», игнорируя различия, между Европой и Америкой, севером и югом, западом и востоком Европы, Великобританией и Францией, Англией и Шотландией, Нормандией и Провансом и т. д.

Дело не только в слабости теоретической мысли. Очевидны объективные препятствия для утверждения *культуры многообразия* в России. Это не образцы советского наследия. Еще в большей мере следует говорить о глубокой травме, причиненной национальному сознанию очередным в XX в. разрывом в государственной преемственности. Острой болью отдаются возникновение на месте единого государства русской диаспоры и неполноправность соотечественников в некоторых республиках бывшего Союза. Сохраняется тоска по статусу сверхдержавы в совокупности с возмущением диктатом другой сверхдержавы. А на экзистенциальном уровне – невзгоды 1990-х и сохраняющаяся неуверенность в социальной защищенности, бюрократизация и коррупция, рост экономического неравенства.

«Когда почва камениста, быки косятся друг на друга», – молвил мудрый Фазиль Искандер. Недовольство субсидиями автономным образованиям, заносчивость отдельных представителей какой-либо «национальности», «нашествие» мигрантов из бывших среднеазиатских республик провоцируют подъем националистических настроений в центре, которые выливаются в лозунги «Россия для русских», требования закрепления государствообразующего статуса за одним этносом и статуса государственной религии за одной конфессией.

Сами исследования на темы мультикультурности России вызывают внутреннее сопротивление экспертного сообщества. «Кто называет, тот вызывает», – откровенно говорят некоторые, полагая, что лучше не касаться деликатных вопросов этнокультурной идентификации, чтобы не вызвать их обострения. И в этом пессимизме кроется свой резон[25].

Все же до последнего внешнеполитического кризиса можно было говорить о нарастании позитивных явлений. Обнадеживает, что те элементы новой культуры, которые поражали меня по контрасту в Париже, интенсивно прививались прошедшее десятилетие в Москве. Это не только показательная забота об инвалидах в деятельности муниципальных властей. Радует предупредительность автомобилистов в отношении пешеходов. Замечаю, как москвичи, особенно молодые, придерживают дверь при входе в метро перед теми, кто идет за ними. А в вагоне московского метро чаще уступят место пожилым людям, чем в парижском.

Заметно меньше стало оскорбительных надписей в адрес мигрантов, и, думается, это одно из свидетельств снижения степени ксенофобии. Толкуя о «соблазнах», О.Б. Неменский пишет: «Надо признать, что само понятие “мультикультурализма” стало в последнее время широко применимо в России, и обоснование проводимой национальной политики со стороны высшего чиновничества ведётся во многом с его помощью»[26].

Становление и закрепление *культуры многообразия* в любом обществе зависит и от самочувствия самого общества, и от состояния международных отношений в мире. Это не итог, а важнейший аспект цивилизационного взаимодействия, представленного универсалистскими и фундаменталистскими тенденциями, динамическое равновесие между ними. Нарушение равновесия в одну сторону ведет к размыванию культурной идентичности, в другую – к изоляционизму. Современная действительность демонстрирует изобилие вариантов, и *культура многообразия* не представляет ни их общего знаменателя, ни победоносного «мейнстрима».

---

[25] См.: *Малахов В.С.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 48–60.

[26] *Неменский О.Б.* Указ. соч.

Важно, однако, что перспективы *культуры многообразия* обусловлены характером современного цивилизационного процесса, особенностями его глобальной стадии. Я имею в виду радикальное углубление интегрирующих оснований межкультурного взаимодействия. Это коммуникационная революция с превращением планеты Земля в общее информационное пространство. Это беспрецедентные масштабы и интенсивность трансконтинентальной миграции. Замечательно, что наряду с потоками материальных ценностей и людей происходит круговращение духовных ценностей. Это уже не одностороннее движение с Запада на Восток, с Севера на Юг. В западных странах все заметнее утверждаются инокультурные образцы, зачастую с укоренением их носителей.

Заодно с другими культурными ареалами современный западный мир настолько изменил свой облик, что и перед ним встает проблема идентичности. Сосуществование в западных мегалополисах инокультурных общин, их рост и отстаивание своей самобытности, порой до обособления, грозят подорвать национально-культурную целостность бывших метрополий. Остро стоят задачи формирования общих духовных ценностей, единства норм поведения и общения. И все-таки именно в этом ареале наиболее заметно складывание *культуры многообразия*.

Фундаментальный поворот от терпимости мирского несовершенства к утверждению своеобразия как ценности занял века. Религиозные войны XVI–XVII вв., национализм XIX в., тоталитарные режимы XX в. со всей страшной наглядностью продемонстрировали сопротивление со стороны постоянно возрождавшегося унитаризма складывавшейся плюральности европейских обществ. Еще полвека назад ассимиляция оставалась главным ответом цивилизации Нового времени (modernity) на культурное многообразие. В течение XIX и большей части XX в. она навязывала свой унитаризм всему миру.

Однако в последние полвека на цивилизационном уровне произошли радикальные сдвиги, позволяющие говорить о наступлении «второй модерности» (second modernity). Смысл понятийной инновации (авторство принадлежит социологу из ФРГ Ульриху Беку) двоякий: это и вступление мирового цивилизационного процесса в новую фазу, и новое истолкование последнего. Ха-

рактерно, что парадигма сложилась в Западной Европе, в которой окончание холодной войны, падение Берлинской стены, с одной стороны и глобализация – с другой, вызвали острое переживание единства и многообразия мира. Не менее острым провоцирующим фактором явился кризис исторического сознания, переосмысление эпохи колониальной экспансии и имперского могущества европейских держав.

Классическая парадигма модернизации была подвергнута основательной критике, и наиболее ярко это критическое отношение выражает афоризм «конец конца истории»[27].

Модернизация предстает открытым процессом, охватывающим развитые страны наравне с развивающимися. И те, и другие критически переосмысливают свое недавнее прошлое (состояние «первой модерности»), отсюда, в частности, другое название «второй модерности» – «рефлексивная». На смену торжествующей модерности классических теорий приходит восприятие ее кризисного состояния.

Возникающие в ходе модернизации риски и их предупреждение выводятся в центр стратегии развития. Риски носят глобальный характер. От загрязнения природной среды и техногенных катастроф в одних странах страдает население соседних стран, целых регионов, в конечном счете, все человечество. Соответственно и меры предупреждения не могут не носить глобальный характер. Все это требует интеграционного подхода, подразумевающего рассмотрение развития отдельных стран через призму их взаимозависимости.

Теоретикам «второй модерности» в основании модернизационного плюрализма видятся не столько внутренние особенности модернизующихся стран и регионов, обусловленные предшествующим развитием, сколько особенности взаимодействия тех с окружающим миром. Собственно дифференциация культурных ареалов предстает результатом их изначального взаимодействия, а не бесконечным воспроизведением архетипов, заложенных самодовлеющим существованием.

---

[27] *Beck U., Grande E.* Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research // British journal of sociology. 2010. Vol. 61, № 3. P. 413.

От «социологии систем», структур власти и экономики, к «социологии акторов» характеризует возвышение эпистемологического статуса индивида в социальной науке Турен, называя свою книгу «Конец обществ»[28]. Констатируя «подъем индивидуализма во всех секторах коллективной жизни» и динамику в субъективной сфере как определяющий фактор этого подъема, ученик Турена Мишель Вевьёрка утверждает: «Отныне субъект переходит с периферии в центр… теоретических постулатов и конкретных подходов»[29].

«Модерность» сущностно едина. Нет полного разрыва между двумя ее этапами. Вместо «жесткой, обычно дихотомической логики “или–или”», отмечает Бьерн Альперманн, теоретики «второй модерности» придерживаются «амбивалентной логики и то, и другое (“both/and”)»[30], нацеливающей на раскрытие совмещения институтов и принципов различных фаз модернизации, а также традиционности и модерности. Именно такая нацеленность определила адекватность новой парадигмы для анализа современного развития не только на Западе, но и на Востоке.

Парадигма «второй модерности» может стать приемлемой альтернативой теориям мультицивилизационности, поскольку она, передавая многообразие современного мира, указывая на преодоление унитаризма, подчеркивает единство современного цивилизационного процесса. В этом контексте *культура многообразия* получает теоретическое обоснование на макроисторическом уровне.

---

1. *Бауман З.* Текучая модерность: Взгляд из 2011 года. Лекция Зигмунта Баумана http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/.

2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

3. Вечерняя Москва. 2014. 28 августа.

4. *Гудков Л.А.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

---

[28] *Tourain A.* La fin des sociétiés. Paris: Seuil, 2013. P. 139, 149.

[29] *Wieviorka M.* Neuf leçons de sociologie. Paris: Laffont, 2008. P. 29.

[30] *Alpermann B.* Citizenship and individualization in China’s modernization // ProtoSociology. 2011. Vol. 28. P. 9.

5. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 т. Л. – СПб., 1988–1996. Т. 14: Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881. 1995.

6. *Кареев Н.И.* Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800). 2-е изд. СПб., 1902.

7. *Каштанов С.М.* Источниковедение, история и краеведение // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000.

8. *Малахов В.С.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 48–60.

9. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

10. *Неменский О.Б.* Соблазн мультикультурализма // Вопросы национализма. 2011. № 4. URL: http://www.apn.ru/publications/article27077.htm.

11. *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990.

12. *Alpermann B.* Citizenship and Individualization in China's modernization // ProtoSociology. 2011. Vol. 28.

13. *Beck U., Grande E.* Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research // British journal of sociology. 2010. Vol. 61, № 3.

14. *Fanon F.* Les damnés de la terre. Paris: Maspero, 1961.

15. *Kolakowski L.* Modernity on endless trial. Chicago; London, 1990.

16. *Tourain A.* La fin des sociétiés. Paris: Seuil, 2013.

17. *Wieviorka M.* La diversité: Rapport à la Ministre de l'enseignement supérieur et de la recherhe. Paris: Laffont, 2008. 230 p.

18. *Wieviorka M.* Neuf leçons de sociologie. Paris: Laffont, 2008.

Указатель работ автора по содержанию статьи

1. Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М.: Наука, 1977. 240 с.

2. Крестьянство Востока в западном крестьяноведении // Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки. М.: ИНИОН, 1977. С. 239–270.

3. Буддизм в жизни тайской деревни: Проблематика и методика полевых исследования 50–70-х годов // Социо-культурные проблемы адаптации. М.: ИНИОН, 1979.

4. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии: научно-аналитический обзор дискуссии американских этнографов о социальной орга-

низации и межличностных отношениях в тайской деревне. М.: ИНИОН, 1980. 136 с.

5. Личность и социализация в теориях модернизации // Традиционное общество и мировая экономика. М.: ИНИОН, 1981. С. 225–273 (в соавторстве с Б.С. Старостиным).

6. Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989. 222 с.

7. Новое время как тип цивилизации. М.: ИНИОН, 1996. 64 с.

8. Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.). М.: ИНИОН, 1998. 131 с.

9. Архетипы российской власти // Куда идет Россия… 2000. М., 2000. С. 21–29.

10. Об одной полузабытой дискуссии: Концепция «рыхлой структуры» и типология крестьянских обществ // Alaica. М.: Вост. лит., 2004. С. 54–66.

11. Современный цивилизационный процесс между мультикультурализмом и фундаментализмом: доклад. М.: Гуманитарий, 2004 (Науч. конф. «Геном» Востока: Опыты и междисциплинарные возможности. Москва, 12–14 апр. 2004 г.). То же: Россия и современный мир. 2004. № 4. С. 5–25.

12. Создание образа имперской власти в России (Типическое и архетипическое) // Труды по россиеведению. 4. М., 2012. С. 275–296.

13. Историческая традиция Франции. М.: Humanitas, 2013. 368 с.

14. Парадигма китайской модернизации в понятиях «второй модерности» // Россия и современный мир. 2014. № 4.

С.Г. Карпюк

О древней истории с любовью

В воспоминаниях антиковеда, специалиста по истории древней Греции рассказывается о причинах выбора профессии и об особенностях жизни и работы историка в позднем СССР.

Ключевые слова: историк в СССР, советское образование, Г.М. Бонгард-Левин, А.А. Вигасин, В.И. Кузищин, О.И. Савостьянова.

S.G. Karpyuk

About Ancient History with Love

The memoirs of Sergei Karpyuk, a historian of Ancient Greece, is devoted to the reasons for his choice of profession, and to life and work of a historian in the late Soviet society.

Key words: a historian in the USSR, Soviet education, G.M. Bongard-Levin, A.A. Vigasin, V.I. Kuzischin, O.I. Savostyanova.

1. Выбор профессии

Древнегреческий писатель римского времени Лукиан написал в числе прочих творений автобиографический диалог «Сновидение, или Жизнь Лукиана». Почти два тысячелетия назад перед автором стояла дилемма: пойти ли учиться ремеслу скульптора, тяжелому, грязному, но дающему верный заработок, или посвятить себя риторике, восхитительному и блестящему занятию, но с невеликими шансами на жизненный успех. Лукиан предпочел риторику и даже стал знаменитым. Среди его сочинений было такое – «Как следует писать историю», между прочим, самое популярное историческое сочинение в Европе вплоть до XVIII в.

Лукиана я открыл для себя позже, а когда был школьником, зачитывался «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха, которые давала старшая сестра, филолог-классик[1]. Было страшно ин-

[1] Маргалит (Маргарита Георгиевна) Финкельберг (род. 1947 г.) – известный специалист по Гомеру, академик, профессор Тель-Авивского университета, редактор-составитель трехтомной «Гомеровской энциклопедии» (The Homer Encyclopedia. Oxford, 2011).

тересно, но один вопрос будоражил мою подростковую психику. Когда сестра приехала на каникулы из Москвы, я не выдержал и спросил: «Почему почти все герои античного мира умерли насильственной смертью?» Она отвечала в том духе, что зато они прославились в веках. Ответ меня не впечатлил: прославиться при такой концовке мне совсем не хотелось. Девизом нашей семьи, как и миллионов других советских семей, было «Живи незаметно» (тоже ведь в античном мире придумали!). Оно и понятно: моего деда по отцовской линии «за антисоветскую агитацию» сначала отправили в лагеря, а в 1938 г. расстреляли. Мама бежала из Варшавы в 1939 г., и вся ее родня погибла в Треблинке или в других нацистских концлагерях.

Из рутины сравнительно благоустроенной, но весьма тоскливой жизни рабочей окраины Минска хотелось вырваться даже географически: я с детства любил долгие прогулки и часто ходил пешком в «город» (т. е. в центр), хотя мог вполне добраться туда на трамвае, троллейбусе или автобусе. Хотелось вырваться и духовно: сестра училась в МГУ и рассказывала чудесные, невообразимые в провинциальном Минске истории о диссидентах, подписантах, демонстрациях, журнальной полемике. На 50-летие отцу подарили хороший транзисторный приемник «Океан» – это был, в сущности, подарок мне: Би-Би-Си, «Голос Америки», «Немецкая волна» и даже экзотическое «Радио Канады», которое не глушили, стали ценными источниками информации. Так что политикой стал интересоваться рано, и первый мой опыт историописания был связан с историей более чем современной. Неведомо тогда мне было, что хроники, анналы всегда предшествовали историческим сочинениям. И в данном конкретном случае *в начале была хроника*, «Хроника текущих событий» – пожалуй, самое знаменитое подпольное диссидентское издание советского периода.

Весной 1970 г. в тихом Минске произошло событие неслыханное и невиданное: политическая демонстрация старшеклассников, выразивших протест против убийства как будто бы по политическим мотивам их соученика Максакова (парня, похоже, забили до смерти милиционеры, обнаружив у него антисоветские листовки). Из Москвы специально приехала сестра и попросила (поручила!) через знакомых выяснить подробности. В моей школе в

пролетарском районе никто об этом событии слыхом не слыхивал, но, к счастью, я посещал лучшие в то время в городе курсы английского языка при Доме офицеров и дружил с ребятами из престижных школ центра. Происшествие было экстраординарным для Минска, расспросы никого не удивили, и друзья поведали мне подробности. Событие обросло легендами, так что пришлось рассмотреть полученную информацию с точки зрения правдоподобия. Более или менее стройная версия с точными топографическими координатами, но со слегка сомнительными деталями, была передана сестре и опубликована в четырнадцатом выпуске «Хроники текущих событий», датированным 30 июня 1970 г. «Хронику текущих событий» сестра с мужем, аспиранты МГУ, перепечатывали на пишущей машинке «Оптима» (на папиросной бумаге, каждая закладка – несколько экземпляров). Так что первичный опыт работы с источниками по современной истории был приобретен, однако возможности и, соответственно, желания заниматься историей этого периода не было: даже мысль о том, что при моей жизни можно будет беспристрастно описывать современную историю своей страны, находясь внутри ее, казалась мне абсолютно несбыточной.

А потом была античность. В центре города Минска стоял (и стоит поныне!) свой Парфенон, Парфенончик – помпезный и нефункциональный Дворец культуры профсоюзов. Этот образец позднего «репрессанса», может, и впечатлял, но уж совсем не завораживал. Летом 1970 г., в последние школьные летние каникулы, я отправился в «поезде дружбы» («Фройндшафтцуг») в Восточный Берлин и Потсдам на месячную поездку в Германскую Демократическую Республику («социалистическую» Восточную Германию). А там, в Берлине, был Музейный остров с «Вратами Иштар» и Пергамским алтарем. Я даже как-то смог выделиться из массы сверстников и однажды поправил переводчика, сказав, что по-русски следует говорить «Вавилон», а не «Бабилон». Меня за это очень зауважала симпатичная черноволосая девушка из нашей группы, и я был несказанно горд. Впрочем, ее уважение быстро переключилось на кого-то другого, но осознание того, что девочкам могут нравиться и умные тоже, толкало на путь познания. Туда же толкал и Пергамский алтарь: он завораживал, притягивал, почему-то тревожил; не хотелось уходить из этого зала.

Приходило понимание: чем древнее исторический период, изучению которого ты себя посвятишь, тем больше возможностей быть объективным и свободным. Глоток свежего воздуха можно было вдохнуть только прикоснувшись к древним текстам и понюхав затхлый воздух древних цивилизаций, так что летом 1971 г. на истфак МГУ я поступал с твердым намерением отдаться изучению истории древней Греции. Родители ожидали провала и предлагали поступать в Минске в политехнический институт. Но мне удалось набрать проходной балл и избежать судьбы инженера. Сестра, сама филолог-классик, от античности отговаривала: на средних веках – знаменитый Гуревич[2], отечественная история гораздо перспективнее. Но выбор был сделан, в 1976 г. я закончил истфак МГУ по кафедре истории древнего мира, в 1984 г. – почти подпольно – защитил кандидатскую диссертацию, а с 1990 г. даже стал работать прямо по специальности, в Академии наук. Так что мне повезло, почти как Лукиану.

Вопрос, который никогда не приходил в голову, так это вопрос о том, кому вообще-то нужна история древней Греции. И меня об этом всерьез спрашивали лишь дважды, правда, при примечательных обстоятельствах. В первый раз – отец. Я учился еще на втором курсе, приехал на каникулы домой и стал – что случалось крайне редко – рассказывать о выбранной специальности. Отец, инженер-строитель, вернул меня с небес на землю: «Кому нужна твоя древняя Греция? Может, историей КПСС займешься? Тогда везде работу найдешь!» В его совете не было ни грана идеологии, только практичность. Мама исходила из того же, но возразила в том смысле, что история древней Греции при любой власти пригодится. Мы с отцом опешили. Об эмиграции в 1972 г. речь не шла, а мысль о том, что что-либо может нам пригодиться при любой другой власти, кроме советской, казалась настолько абсурдной и кощунственной, что возражений не требовала. Следует учесть, что моя мама до семнадцати лет жила в Польше, так что ее кругозор по части политических режимов был неслыханно широким для рядового советского человека.

---

[2] Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006) – медиевист, ученик А.И. Неусыхина, с 1969 г. работал в Институте всеобщей истории АН СССР. Наиболее важные работы 1970-х гг.: «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (1970) и «Категории средневековой культуры» (1972).

Второй раз этот ритуально-риторический вопрос возник десятилетие спустя, 19 апреля 1982 г., и задал мне его майор КГБ на допросе в Лефортовской тюрьме. В то день шел я из дому по направлению к станции метро «Улица 1905 года», чтобы направиться в Историческую библиотеку, неспешно размахивая своим знаменитым в кругу друзей потрепанным кожаным портфелем, в котором (и это есть истина, проверенная практикой) могло поместиться двенадцать бутылок шампанского. Впрочем, после первого допроса 6 апреля 1982 г. (подробнее об этом рассказано далее) поводов пить шампанское не возникало, а в портфеле лежал черновой вариант моей кандидатской диссертации, посвященной истории Афин в последней трети VI века до н. э. – в ближайшее время собирался выходить на защиту. Но, как говорилось, советский гражданин предполагает, а КГБ располагает соответствующими показаниями. Двое молодых людей настойчиво пригласили меня сесть в серую «Волгу» и повезли в сторону Лефортова. Оказался я в большой и плотно набитой начальством комнате. На меня стали кричать (реально), топать ногами (фигурально) и – самое главное – предъявили признание моего однокурсника. В конце непростого разговора прибывший из Харькова майор Гарус (впоследствии он проводил у меня обыск) по своей провинциальной настойчивости ли, наивности ли, попросил продемонстрировать содержимое моего портфеля. Обнаружив там черновик диссертации об афинском законодателе Клисфене, он был крайне разочарован и обреченно спросил: «Зачем Вам это всё надо?» (имея в виду древнюю историю). Я ответил, что не знаю. В сущности, я до сих пор не знаю ответа на вопрос, зачем надо изучать историю древней Греции. Просто люблю свою профессию.

Разве история учит? Никого она еще толком не научила! Только два близких мне примера: древние греки жили в сравнительно холодном климате, мерзли зимой, снег им был не в диковинку. А потом наступило потепление римского времени, климат стал более теплым и комфортным. И что? Случилась ли от этого гибель цивилизации? Приспособились, не дикари ведь! И мы к глобальному потеплению (или похолоданию) приспособимся. И еще: афинская демократия – политический режим, не свободный от всяческих недостатков; зависть, подлость, карьеризм и доносительство цвели тогда в Афинах пышным цветом. Но именно

этот режим давал наилучшую для того времени возможность для развития человеческой личности. Между прочим, все критики этого режима там же, в Афинах, и жили. А мы до сих пор пытаемся сделать (или представить хотя бы) демократию идеальной. В действительности, всё, наверное, гораздо проще: мне и вам – и всему человечеству – просто интересна история собственная и не только. А интерес специальных разъяснений не требует.

Приложение 1

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Каждый человек имеет право на свободу
убеждений и на свободное выражение их;
это право включает свободу беспрепятственно
придерживаться своих убеждений и свободу
искать, получать и распространять информацию
и идеи любыми средствами и независимо
от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека, статья 19

ВЫПУСК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

30 июня 1970 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Арест АНДРЕЯ АМАЛЬРИКА. – О судьбе ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА ГРИГОРЕНКО. – Заключение ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА в психиатрическую больницу. – Выступления ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО. – Советская пресса о преследовании инакомыслящих в Союзе. – Изображения СТАЛИНА охраняются. – Подробности рязанского процесса. – Преследование за веру. – Из истории советской цензуры. – Внесудебные преследования. – Краткие сообщения. – Новости Самиздата. – Исправления и дополнения.

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

* * *

7 апреля в Минске был убит старшеклассник МАКСАКОВ. По официальной версии, его убил пьяный хулиган. У убитого были обнаружены листовки с требованием демократических свобод. Через несколько дней, в день похорон МАКСАКОВА, группа учащихся старших классов минских школ организовала в центре города, на улице Энгельса, рядом с ЦК КПБ, демонстрацию.

Демонстранты, собравшиеся возле кинотеатра «Новости дня», выжгли автогеном на асфальте круг и, встав в него, скандировали лозунги с требованием свободы слова и печати. Когда подоспевшая милиция начала разгонять демонстрантов, они стали кричать: «Это не Чехословакия, вы нас не разгоните». По слухам, некоторые из демонстрантов были исключены из школ. В школах Минска были проведены комсомольские собрания с целью «повышения сознательности».

Источник: http://www.memo.ru/history/DISS/chr/

2. Как темы исследования находят историка

Предел мечтаний любого историка – работать увлеченно по любимой теме. В действительности выбор темы ограничивается и доступностью источников и литературы, и научной актуальностью, и потребностями общества (читай: начальства); поэтому приходится идти на компромиссы. С младших курсов университета меня интересовала история архаической Греции, деяния «старших» тиранов; выбор темы диплома «Геродот о старшей тирании» казался вполне обоснованным. Тем более что подобная тема рассматривалась как источниковедческая; это позволяло не только использовать плоды изучения древнегреческого языка, но и не ссылаться на классиков марксизма-ленинизма, избегать обязательной марксисткой риторики, что было «в узких кругах» в середине 1970-х гг. даже престижно.

С темой кандидатской диссертации так всё просто не получалось. Источниковедческие темы не приветствовались, и научный руководитель О.И. Савостьянова[3] совместно с завкафедрой

[3] Ольга Ивановна Савостьянова (1901–1992) – автор исследований по истории Понтийского царства и Малой Азии в античную эпоху, член редколлегии ВДИ.

В.И. Кузищиным[4] предложили тему по интересующему меня периоду, но более проходную: «Социально-политическая борьба в Аттике в конце VI в. до н. э.». Возражать не стал: такой поворот позволял работать над историей моих любимых архаических Афин. Заочная аспирантура МГУ, в которой я состоял с 1976 по 1980 г., не предполагала возможности трудоустройства, и А.А. Вигасин[5] познакомил меня с Г.М. Бонгард-Левиным[6], который работал в Институте востоковедения АН СССР и предложил заниматься греко-индийскими взаимосвязями. В результате появилась, написанная в соавторстве с Г.М. Бонгард-Левиным статья о Будде и буддизме в античной и раннехристианской литературе. Впрочем, после увольнения из Главной редакции восточной литературы (ГРВЛ) издательства «Наука» в 1982 г. актуальность восточных сюжетов для меня несколько померкла. К этому времени текст диссертации вчерне был уже готов, но защита состоялась только в 1984 г. (для защиты требовалась характеристика с нового места работы). Мой оппонент Ю.Г. Виноградов[7] предложил переработать одну из глав диссертации для публикации в ВДИ, где в 1986 г. вышла в свет статья о социально-политической борьбе в Аттике в период клисфеновских реформ.

Однако в целом моя «профессиональная карьера» в 1982–1990 гг. не слишком способствовала углубленному изучению древней Греции. Работа на автокомбинате, в социологических службах, в Музее грузинских поселений в Москве отвлекала от античной истории, заставляла заниматься совершенно другими сюжетами: от составления планов социального развития коллектива управления торгового транспорта до поисков архивных материалов о добровольном присоединении Грузии к России. Из профес-

---

[4] Василий Иванович Кузищин (1930–2013) – антиковед, исследователь древнеримской экономической истории.

[5] Алексей Алексеевич Вигасин (род. 1946) – индолог, исследователь «Арткашастры» и дхармашастр. Автор ряда курсов по истории древнего Востока, учебников по древней истории.

[6] Григорий Максимович Бонгард-Левин (1933–2008) – востоковед, индолог, исследователь русской исторической науки (жизнь и творчество М.И. Ростовцева), в 1988–2008 гг. – главный редактор ВДИ.

[7] Юрий Германович Виноградов (1946–2000) – антиковед, специалист по эпиграфике, исследователь политической и экономической истории Греции и Северного Причерноморья, был заместителем главного редактора ВДИ.

сии историка-античника уходить не хотелось: в конце 1980-х с удовольствием читал лекции по истории древнего мира студентам-вечерникам Историко-архивного института (почасовиком, на кафедре Н.И. Басовской[8]), принимал участие в семинаре Г.С. Кнабе[9], но научная деятельность в этом направлении прервалась. Теперь-то мне кажется, что подобный перерыв даже пошел на пользу, обогатил новым опытом (в области социологии, работы с архивными документами), сделал неактуальным прежний, «советский» круг тем. Такие вот своеобразные «темные века» получились.

И когда в 1990 г. Г.М. Бонгард-Левин пригласил меня в Институт всеобщей истории АН СССР, я ни секунды не колебался. Работа ответственным секретарем в «новом ВДИ» вдохновляла, но вопрос о выборе темы стоял крайне остро. Эпоха плановых тем закончилась, академические «план-карты» уже никого не интересовали, ушли в прошлое проблемы рабства и истории «непосредственных производителей». Почему-то модные тогда темы по религии и культуре меня тоже не привлекали. В домашнем архиве сохранился хронологический маркер выбора темы: черно-белые фотографии детей в зимних шубках. В тот холодный весенний день 28 марта 1991 г., после введения войск в Москву, проходила одна из самых грандиозных демонстраций: сотни тысяч людей перегородили и Садовое, и Бульварное кольцо, другие магистрали центра города. Резонно предположив, что очередей на аттракционы не будет, я отправился катать детей на пони в Московском зоопарке. И попутно стал думать о толпах, об их месте в истории: какую роль они играли в древней Греции? Тема выглядела интересной, но осуществлять ее немедленно побоялся: уж слишком непривычной и оригинальной она мне представлялась.

Академическая среда первоначально казалась чуждой, я чувствовал свое отставание от коллег, которые давно и успешно работали по избранным темам, ездили на стажировки, общались с

---

[8] Наталья Ивановна Басовская (род. 1941 г.) – медиевист и историк исторической науки.

[9] Георгий Степанович Кнабе (1920–2011) – филолог, латинист, исследователь римской культуры, переводчик. Участвовал в переводе на русский язык и издании трудов Тацита (1969). В 1986 г. выходят его очерки «Древний Рим – история и повседневность».

зарубежными учеными. Синдром неудачника? И мне показалась интересной судьба Никия, афинского стратега и государственного деятеля, погибшего в Сицилийской экспедиции; насколько обоснованно его считали неудачником и почему современные исследователи гораздо больше интересовались его удачливым современником Алкивиадом? Статья в ВДИ о Никии была опубликована, однако в мои планы не входило посвятить себя изучению политической истории Афин: уж слишком много добросовестных и качественных исследований существовало в этой сфере.

В середине 1990-х гг. решил, наконец, всерьез заняться толпами в античности: сначала терминологией (ochlos, plethos, vulgus, turba), а затем их значением в социальной истории древней Греции. По правде говоря, очень помог социологический опыт. Тема оказалась удачной и новаторской; благодаря ей удалось выиграть международный конкурс на стажировку в Центре древнегреческих исследований (The Center for Hellenic Studies) в США, затем последовали публикации на русском и английском языках.

В конце 1990-х гг. довольно неожиданно возник интерес к «политической ономастике» классических Афин. Как-то, гуляя по белорусским лесам, наткнулся на памятник советским воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Вопреки обыкновению, на нем, помимо фамилий, были обозначены имена, а не только инициалы. Меня удивило большое количество «новых», «революционных», идеологически мотивированных имен. И когда в списке афинских воинов, погибших в 409 г. до н. э., в разгар Пелопоннесской войны, наткнулся на редкое имя Гибридем (с основами *hybris* – гордыня и *demos* – народ), то появилась мысль о том, что, может быть, стоит подвергнуть анализу «новые» имена демократических Афин: после реформ Клисфена число имен с основой на *dem-* резко возросло. Тем более, что источников по распространению демократических идей в Афинах классической эпохи не так уж и много, и данные ономастики могли бы дополнить создавшуюся картину. Работа над этой темой в немалой степени способствовала и написанию монографии, и завершению работы над докторской диссертацией.

В 2000-е гг., столкнувшись со сравнительно холодными и снежными зимами в разных районах Средиземноморья (Греции,

Турции, Израиле), заинтересовался проблемами климата в древности: как древние греки переносили суровые (или не очень) зимы. «Зимняя» тема способствовала интересу к описанию холодов Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Аристофаном, другими авторами, привела к появлению монографии и множества статей. Совсем недавно, в самом начале 2014 г., в связи со спорами о степени идеологического давления на российских историков у меня возник интерес к тому, как при гораздо менее благоприятных условиях выходили из положения наши предшественники в 1930–1950-е гг. Надеюсь, что результатом станет серия статей.

Мне представляется, что выбор темы исследований вполне может определяться импульсами, идущими от современности, от мира, окружающего историка. Это может придать теме определенную научную свежесть; при этом, конечно же, сама разработка темы не должна содержать признаки «модернизации» древности. Для историка античности подобный способ выбора темы исследования еще более актуален в силу «сверхизученности», насыщенности историографией подавляющего большинства сюжетов античной истории.

3. «Великий перелом»: 6 апреля 1982 г. и после

Как исследователь древней Греции[10], я часто сетую на то, что в моем распоряжении слишком мало сведений для восстановления прошлого. Конечно, историк, посвятивший себя изучению событий XX в., которые произошли по меркам истории совсем недавно, располагает газетами, архивами, видеоматериалами, многочисленными воспоминаниями современников и т. д., и т. п. Тем не менее воспоминания участника событий могут оказать существенную помощь в понимании их. Даже небольшая деталь – убежден в этом – может сыграть важную роль в реконструкции событий прошлого. Я – человек не слишком публичный, скорее – обыватель, однако однажды мне довелось оказаться замешанным в громком «политическом» деле. Я не был его главным фигурантом, моя роль была вполне периферийной, однако мое имя упомина-

[10] Из собственных работ укажу две, популярную и специальную: *Карпюк С.Г.* Лекции по истории древней Греции. М.: Ладомир, 1997; *Его же.* Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003.

лось западными радиостанциями, вещавшими на СССР, мне посвятил целый пассаж в своем докладе на закрытом заседании политбюро ЦК КПСС 8 апреля 1982 г. будущий генеральный секретарь Ю.В. Андропов. Поэтому считаю своей обязанностью историка оставить письменную версию событий более чем тридцатилетней давности. Если кому-нибудь она покажется интересной или пригодится для профессиональных надобностей – буду искренне рад.

Итак, утром 6 апреля 1982 г. произошел резкий поворот как в моей собственной жизни, так и в жизни многих моих друзей и знакомых. Около 7 часов утра ко мне в квартиру (жил тогда в доме в Большом Тишинском переулке, что на Пресне, в Москве) приехали сотрудники КГБ СССР, предъявили свои удостоверения и повезли на допрос. Совершенно ошарашенного, не успевшего позавтракать, меня в сопровождении двух сотрудников «в штатском» меня посадили в серую «Волгу» и повезли. По своей наивности я полагал, что везут на Лубянку (тогдашнюю площадь Дзержинского), в главное здание КГБ, но ошибся: машина свернула в сторону от центра и помчалась по набережной реки Яузы. И только тогда я не на шутку перепугался, решив, что меня увозят из Москвы, поскольку в Москве мог чувствовать себя хотя бы относительно защищенным: здесь находились иностранные журналисты, сведения об арестах распространялись, а давление западного общественного мнения должна была учитывать даже советская партийная верхушка. В провинции, по моим представлениям, власть могла творить любые беззакония. Впрочем, машина вскоре заехала в незнакомый мне тогда район Москвы и остановилась у тюремного здания. Впоследствии я узнал, что меня привезли в Лефортовскую тюрьму (Энергетическая улица, дом 3а), следственный изолятор КГБ СССР; там тогда располагался отдел по борьбе с особо опасными политическими преступлениями. Следователь объявил мне, что я вызван в качестве свидетеля по важному делу, и стал допрашивать.

Стоит отметить, что активным участником диссидентского движения я не был, но, конечно же, постоянно вел «антисоветские» разговоры и хранил дома кое-какую запрещенную литературу (так называемый самиздат: от «Декларации прав человека» до стихов Гумилева и Ахматовой). Кроме того, моя сестра за семь лет до опи-

сываемых событий эмигрировала в Израиль, и я опасался некоторых «оргвыводов» (т. е. увольнения с работы) по этому поводу. Однако меня стали опрашивать прежде всего о моих друзьях и однокурсниках по историческому факультету МГУ Андрее Фадине и Павле Кудюкине, работавших в то время в ИМЭМО (Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР – престижном научно-исследовательском институте, который работал по заданиям ЦК КПСС): они придерживались левых взглядов и создали подпольную организацию. Их взгляды мне не были близки, поскольку считал себя скорее либералом (в тогдашнем понимании), ничего толком о подпольной организации не знал, хотя мог догадываться о ее существовании. За несколько месяцев до указанных событий Павел Кудюкин передал мне на хранение экземпляр их нелегального журнала «Варианты», который я предусмотрительно отдал своему другу. Так что в моей квартире кагэбэшники найти его не могли, и поэтому чувствовал я себя относительно уверенно, и все возможные предположения о моем участии в организации отрицал. Но вообще-то было страшно.

Примерно до обеда мой допрос велся весьма интенсивно, а затем следователи, очевидно, занялись более перспективными линиями, я оказался не самым важным свидетелем и просто сидел в кабинете в присутствии, скорее всего, стажера. В туалет выводили только в сопровождении и, когда кто-то шел навстречу, заставляли отворачиваться к окну (вид на тюремные корпуса вполне соответствовал настроению). К часам трем я сильно проголодался и, обнаглев, стал требовать, чтобы меня покормили. Под шутки следователя о том, что меня обязательно покормят за казенный счет, мне принесли из буфета пару пирожков с яблочным повидлом и стакан компота. Под страшные мысли о том, что начинка пирожков могла содержать некие психотропные средства, я их съел (уж очень кушать хотелось)[11]. И, в конце концов, после подписания протокола допроса, в конце рабочего дня, около 6 часов вечера, был отпущен восвояси.

Добравшись домой, поведал о произошедшем жене, но никому из друзей и знакомых звонить не стал, не без оснований опа-

[11] Пирожки оказались вкусными, но много лет после описываемых событий меня не тянуло к пирожкам с повидлом.

саясь прослушивания телефонных разговоров. Затем решился позвонить (но из телефона-автомата) своему другу Грише Киселеву, чтобы отнести ему находившийся у меня дома самиздат. За моими перемещениями, несомненно, следили, и все мои попытки пересаживаться с одного вида транспорта на другой были тщетными; впрочем, в какую именно квартиру известного им дома я заходил, мои преследователи не знали.

Конечно, я не осознавал весь масштаб случившейся истории, не мог предполагать, что через два дня мою скромную персону будет поминать на закрытом заседании политбюро ЦК КПСС лично Ю.В. Андропов[12], но, придя на следующий день на работу в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», ощутил некоторое внимание к себе со стороны заведующей отделом кадров.

В ближайшие дни после встреч с друзьями и разговоров на открытом воздухе (в квартире тоже ведь могли установить прослушку) мне уже представилась общая, весьма печальная для меня, картина: некоторые мои друзья и однокурсники были арестованы, у других прошли обыски, третьих, как и меня, вызывали на допрос. Западные радиостанции сообщали о волне арестов в Москве и давали комментарии, иногда правдоподобные, иногда – не очень. Телефон в моей квартире, очевидно, прослушивался. Было довольно тревожно, но, тем не менее, пытался по возможности заниматься обычными делами. Через две недели по дороге от дома к станции метро «Улица 1905 года» меня остановили два сотрудника КГБ в штатском, буквально впихнули в очередную серую «Волгу» и снова отвезли в Лефортово.

На этот раз допрос вела уже целая группа следователей и каких-то КГБ-шных начальников. Как мне потом разъяснили, были там и полковник Бобков, известный впоследствии по событиям вокруг НТВ эпохи Гусинского, и привлеченные из Харькова специалисты – полковник Похил и майор Гарус. Разговор был недолгим: мне предъявили признание П. Кудюкина в том, что он отдавал мне на хранение экземпляр подпольного журнала «Варианты» и предложили очную ставку. Следователи стали говорить о

---

[12] Рабочую запись этого заседания с комментариями см.: *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. С. 492–495.

том, как странно, что арестованный обвиняемый свидетельствует против свидетеля, а не наоборот.

Я не ожидал такого поворота событий и, по правде говоря, растерялся, тем более, что допрашивали меня довольно активно, хотя в целом корректно. Проблема заключалось в том, что хранившийся у меня экземпляр «Вариантов» (ирония заключалась в том, что я даже не удосужился его прочитать) к тому времени был уничтожен моим другом, и имя его я называть категорически не хотел: он работал в академическом институте, и мог эту престижную работу потерять. Отрицать признание П. Кудюкина я не решился: не хотел очной ставки и боялся какого-то внесудебного давления (может быть, напрасно, может быть, обоснованно). Поэтому и совершил очевидную глупость: подтвердил, что хранил дома экземпляр журнала «Варианты», а потом его уничтожил. Во всяком случае, как думал тогда (и думаю сейчас), никого не подвел, и то ладно.

После того, как я подписал признание, меня отправили в комнату ожидания уже за постом охраны, но с портретом Дзержинского (запоминающаяся такая комната, совсем не располагающая к разговорам), а затем посадили в машину и в сопровождении следователей и сотрудников КГБ повезли в прокуратуру СССР, что на Пушкинской улице (теперь ул. Большая Дмитровка), получать ордер на обыск. Ордер был скоро получен, потом поехали ко мне домой, на Пресню. Другая машина, как я потом узнал, отправилась к издательству: обыск был проведен и на моем рабочем месте. По дороге я предупредил следователей, что жена беременна, и попросил быть вежливей и мягче с ней. Эта просьба была ими выполнена.

По дороге подсели понятые, и мы въехали во двор моего дома. И тут все сидевшие в машине с изумлением увидели несколько милицейских машин и множество милицейских чинов, включая даже генерала. Оказалось, что в соседнем корпусе произошло убийство, причем был убит прокурор (соседи потом поговаривали о мести «валютчиков»). В мозгу промелькнула довольно глупая мысль о том, что хоть по этому делу у меня есть алиби.

Обыск в квартире – процедура неприятная. Впрочем, он носил формальный характер и продолжался не более 2–3 часов. Сотрудники КГБ были корректны, спорили между собой о том,

нужно ли у меня изымать паспорт при обыске (оказалось, что не нужно, поскольку я был лишь свидетелем). Обыск проводили прикомандированные из Харьковского управления КГБ (новым министром внутренних дел был назначен совсем недавно Федорчук, который, очевидно, привез в Москву свою команду). Но порядка придерживались: когда жена попросила выйти в магазин за яблоками (тогда весной было трудно купить фрукты), ей вежливо, но твердо отказали. По окончании обыска я подписал протокол: для следственных действий изъяли пишущую машинку (по закрытии дела меня вызвали в Лефортово и вернули ее) и записные книжки (их не вернули).

На следующий день, когда я пришел на работу в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», то узнал, что обыск был проведен и на моем рабочем месте. Понятно, что он произвел довольно сильное впечатление: ни до, ни после подобного события в стенах этого замечательного издательства не случалось. Под впечатлением случившегося я решил не «подставлять» вполне либеральное руководство издательства и подал заявление об уходе по собственному желанию. Наверное, это тоже было с житейской точки зрения неверно; меня, скорее всего, не уволили бы, во всяком случае, сразу, а перевели на техническую должность (издательство считалось по рангу ниже академического института, но, тем не менее, «идеологическим» учреждением, сотрудники которого должны были, безусловно, соблюдать лояльность партийному руководству). Коллеги мне сочувствовали, лишь единицы сторонились. Нужно сказать, что в тот период люди были, как правило, лучше системы.

После этого никаким явным преследованиям не подвергался. Сведения обо мне были, очевидно, занесены в базу данных КГБ, и поэтому все попытки устроиться на работу в научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, музеи были тщетными (некое подобие «запрета на профессию»). По косвенным данным можно предположить, что «под колпаком» (не очень активным наблюдением) я находился три года. Моей жене, Елене Чиковой, сотруднице «Интуриста», также грозили определенные неприятности, но она ушла в декретный отпуск (в октябре 1982 г. родилась наша дочь Анна), а потом некоторое время ей был за-

крыт выезд за границу. В ноябре 1982 г. я был принят на работу в социологическую службу Главмосавтотранса и после этого более трех лет работал инженером-социологом на автокомбинате № 30 Управления торгового транспорта. Но это, как говорится, уже другая (или почти другая) история.

Весной 1983 г. Кудюкин и Фадин были амнистированы, мне вернули пишущую машинку. Дело для меня, можно сказать, закончилось.

Приложение 2

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

8 апреля 1982 года

Председательствовал тов. Черненко К.У.

Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Горбачев М.С., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Устинов Д.Ф., Соломенцев М.С., Капитонов И.В., Долгих В.И., Зимянин М.В., Русаков К.В.

На закрытом заседании Политбюро тов. Андропов Ю.В. проинформировал о положении с кадрами в Институте мировой экономики и международных отношений. Он доложил, что в результате тщательной проверки были получены сигналы об антисоветских настроениях научных сотрудников этого института Фадина Андрея Васильевича и Кудюкина Павла Михайловича – оба 1953 года рождения.

При проверке эти сведения получили полное подтверждение.

Из добытых по делу материалов установлено, что антисоветская деятельность этих лиц носит организованный характер и что они вовлекли в свою группу ряд других ведущих враждебную работу лиц – Кагарлицкого, Зайченко, Хавкина и других.

Участники группы избегают личного общения, имеют псевдонимы, пользуются конспиративными приемами. В течение последних двух лет они систематически готовят и распространяют антисоветские журналы «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее» по 30–50 страниц машинописного текста каждый, размножают вредную и враждебную литературу, получаемую с Запада, располагают множительной аппаратурой и средствами фотокопирования.

Фадин, Кудюкин и др. стремятся теоретически обосновать пути замены существующего в СССР строя так называемым «демократическим социализмом в интересах всех трудящихся».

В вопросах практической деятельности группа ставит задачу объединения разрозненных групп в единую организацию и обеспечения широкой связи с массами как в стране, так и за рубежом. Предпочтение отдается нелегальной деятельности, а диссидентское движение в СССР считается бесперспективным. Фадин, Шилков и Барановский допускают применение террористических методов борьбы для достижения своих целей. Редактор отдела издательства «Наука» Карпюк, принадлежащий к этой группе, в разговоре со своей близкой связью, которую он подвергал антисоветской обработке, цинично заявил, что КПСС – правящая элита, неспособная управлять обществом. У Кудюкина была обнаружена «Программа политической подготовки кадров». Группа в своих программных разработках предусматривает активное использование легальных возможностей в рамках лекций общества «Знание», использование молодежных клубов, спортивных секций.

Органами КГБ выявлено, что антисоветские взгляды у этих лиц начали складываться еще в период учебы в Московском университете и др. вузах. Все они воспитывались в обеспеченных и здоровых семьях. Отец Фадина в прошлом работал в аппарате ЦК КПСС, родители Хавкина – ведущие специалисты страны в области вакуумной техники, отец Кагарлицкого – доктор наук, профессор. Еще в период 1975–1979 гг. Фадин, Кудюкин и др. были профилактированы и предупреждены о недопустимости подобного поведения. Однако идейно не разоружились и перешли к конспиративным антисоветским методам.

КГБ имеет в виду в ближайшее время приступить к реализации дела и привлечению к уголовной ответственности наиболее активных граждан, а по остальным провести соответствующую профилактическую работу.

Источник: *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. С. 492–495.

4. Мои библиотеки

Лет пятнадцать назад на конференции в Кембридже английский коллега, ученик Мозеса Финли[13], спросил, кто был моим Учителем, кто оказал наибольшее влияние на мое становление как историка-античника, а я затруднился с ответом. Затрудняюсь и сейчас. Истфак МГУ в годы моей учебы (1971–1976) переживал, на-

[13] Мозес Финли (Moses I. Finley, 1912–1986) – американский и английский исследователь истории и экономики древнего мира.

верное, не самый худший период своей истории, но ярких преподавателей мне встретилось немного. Помню лекции историков-русистов М.Т. Белявского[14], А.М. Сахарова[15] на первом курсе, занятия по греческой эпиграфике Л.Н. Казамановой[16], интересный спецсеминар по Плавту В.И. Кузищина; благодарен научному руководителю О.И. Савостьяновой за внимательное чтение моих не самых совершенных текстов, а главное, за длительные беседы за чашкой чая. Но, по крайней мере, не менее значительное воздействие оказала университетская среда, разговоры, споры, дискуссии по темам, зачастую очень далеким от древней истории. Казалось, что воздух Москвы, воздух университета сделал меня более свободным.

Огромную роль в формировании моих научных взглядов сыграли библиотеки. Вообще, московские библиотеки – это особый мир. Со студенческих лет мы общались в библиотеках, назначали там встречи, свидания. И даже в юбилейном альбоме в честь 225-летия МГУ (1980) каким-то образом оказалась моя фотография в зале университетской библиотеки 1-го гуманитарного корпуса на Ленинских горах. В каждой библиотеке была своя атмосфера, в «историчке» (ГПИБ) – одна, в ИНИОНе – другая. Всегда чувствовал себя в научных библиотеках в «своей тарелке», в своем мире, и не только в Москве, но и в Петербурге, а впоследствии и в Оксфорде, Афинах, Риме, Париже, Вашингтоне. Кстати, сам месяц работал в «Ленинке» (ныне РГБ): подбирал книги в хранении, «на ярусе».

Следует отметить, что московские библиотеки в 1970–1980-е гг. были сравнительно хорошо укомплектованы и отечественной, и зарубежной научной литературой по античности. Работал, хотя и медленно, межбиблиотечный абонемент в «Ленинке»: удавалось получать книги и из библиотеки Эрмитажа, и из европейских и американских библиотек; эти книги микрофильмировались и потом могли использоваться другими читателями. Ксе-

---

[14] Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) – историк культуры России XVIII в., краевед Москвы.

[15] Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978) – исследователь истории и культуры России XIII–XVII вв., автор работ по истории МГУ.

[16] Людмила Николаевна Казаманова (1923–2007) – исследователь греческой эпиграфики и нумизматики, специалист по истории Крита.

рокопии статей, присланные иностранными библиотеками, просто отдавались на руки. Таким образом, к завершению работы над кандидатской диссертацией в начале 1980-х гг. я располагал практически всей литературой по теме. Что касается истории античности, то только московские библиотеки давали возможность полноценной работы, во всяком случае, на уровне подготовки кандидатской диссертации. В них было можно найти и издания источников, и почти полный набор современной зарубежной литературы. Даже в Ленинграде положение было существенно хуже, хотя некоторые монографии, не представленные в Москве, можно было обнаружить в Библиотеке Академии наук.

Только в исключительных случаях иностранные книги по античности попадали в «спецхран»: это означало, что для знакомства с ними необходимо было специальное разрешение, которое рядовой исследователь получить не мог. Причины в данном случае могли быть исключительно «внешними»: советских цензоров античность интересовала мало, но вполне безобидная книга английского исследователя Пола Картлиджа[17] «Агесилай и кризис Спарты», изданная в 1987 г. (!), была отправлена в спецхран ИНИОНа из-за одной ссылки на Троцкого (сам видел ее в начале 1990-х гг. на выставке литературы из спецхрана).

«Железный занавес» и господство коммунистической идеологии (хотя бы и формальное) затрудняли циркуляцию научных идей и концепций в СССР, а библиотеки подобной циркуляции всячески способствовали. Советским репрессивным органам, кстати, не приходила в голову идея о лишении доступа в научные библиотеки в качестве меры наказания (как было, например, в Чехословакии после разгрома «пражской весны»). Для меня лично московские библиотеки (ИНИОН, «историчка», «Ленинка») стали настоящим прибежищем в те тяжелые месяцы 1982 г., когда я оказался без работы, «под колпаком» КГБ. В целом, необходимые для работы студента и исследователя источники и научная литература по античности были в 1970–1980-е гг. доступны, по крайней мере, в Москве, хотя поиск их требовал определенных усилий (хождение по разным библиотекам, использование межбиблио-

[17] Пол Энтони Картлидж (Paul Anthony Cartledge, род. 1947) – исследователь Спарты и Афин классического периода.

течного абонемента). Многолетний опыт работы в московских библиотеках позволил мне в 1990-е гг. легко ориентироваться в библиотеках европейских и американских, и только две вещи там показались мне восхитительными новациями: свободный (а для стажеров еще и круглосуточный) доступ к книгам, а также повсеместное использование баз данных.

5. Работа моей мечты

Выбрать место работы по специальности – во все времена задача не очень простая, особенно для историка древнего мира. О работе по узкой специальности в первую половину собственной жизнедеятельности и мечтать не мог, поэтому предпочитал искать работу, во-первых, достаточно интеллигентную и, во-вторых, оставляющую время и силы для научной деятельности. Само собой, играла роль и зарплата, но в советское время сразу после окончания вуза на приличную зарплату было рассчитывать трудно, хотя необходимый минимум государство обеспечивало. Поэтому важную роль играли подработки.

Музей революции СССР. Чтобы претендовать на место в очной аспирантуре МГУ в середине 1970-х гг. сразу после окончания вуза, нужно было либо иметь «пробивного» научного руководителя (лучше всего – заведующего кафедрой), либо быть членом партии, либо осведомителем КГБ. Поскольку никакими такими достоинствами я не обладал, то, несмотря на вполне приличный диплом (часть его была впоследствии опубликована) и лучшие по кафедре оценки на вступительных экзаменах в аспирантуру, мне была предложена аспирантура заочная. Теперь очевидно, насколько мудр был завкафедрой В.И. Кузищин: находиться на периферии системы во времена позднего застоя было гораздо продуктивнее для научного развития.

Заочная аспирантура давала некоторые привилегии, но работу нужно было искать. В те времена всех выпускников вузов обеспечивали работой по распределению: место учителя сельской средней школы на бескрайних просторах СССР было нам гарантировано; если кто хотел что-то лучше, должен был сам принести запрос от какой-либо организации. Пришлось отправиться в родной Минск: зашел в университет (помню разговор с заведующим ка-

федрой Ф.М. Нечаем[18] и профессором Г.М. Лившицем[19]), в педагогический институт. Свободных ставок нигде, понятное дело, не было (их и сейчас распределяют в Минске по блату). Помог отец, заслуженный строитель: он кого-то попросил, и мне дали распределение в только что образованный Институт культуры. Однако быстро выяснилось, что на это место претендует дочь какого-то начальника (члена местного ЦК партии или что-то в таком роде). В результате я оказался неподходящей кандидатурой, получил справку о свободном распределении, чему был несказанно рад, и убыл в Москву.

После поступления в заочную аспирантуру в конце 1976 г. некоторое время жил на птичьих правах в общежитии МГУ. В начале 1977 г. однокурсница, которая работала в Музее революции СССР, предложила попробовать устроиться к ним на временную ставку младшего научного сотрудника (вместо ушедшей в декретный отпуск сотрудницы). Меня с неохотой взяли в отдел фондов (Музей революции относился к ведению Министерства культуры и не был «режимным» учреждением), где я и проработал до конца 1978 г., целых два «декретных» срока. Документы периода Октябрьской революции и гражданской войны были достаточно любопытными: помню жуткие фотографии голодающих в Поволжье, воспоминания «участников» первого субботника: десятки из них признавались, что несли бревно вместе с Лениным. Всё это очень способствовало выработке критического отношения к сообщениям исторических источников. Коллектив был неплохим, в те времена тупая «идейность» встречалась достаточно редко. Помню, как заведующая отделом (ее муж работал в аппарате ЦК КПСС, и она с гордостью показывала нам меню цековской столовой) потребовала сдать на хранение полученный альбом с фотографиями процесса восстановления Транссиба «белыми» после того, как мосты были взорваны отступавшими большевиками. «Он, конечно, антисоветский, но для истории важен, и, вообще, мало ли как будущее сложится», – примерно так говорила она.

Зарплата младшего научного сотрудника была небольшой (105 руб. в месяц), и другой мой однокурсник, бригадир сторо-

[18] Фёдор Макарович Нечай (1905–1991) – белорусский историк раннего Рима.

[19] Гилер Маркович Лившиц (1909–1983) – белорусский исследователь раннего христианства и античной философии.

жей, предложил подработку: полставки сторожа (ночь через три) за 35 руб. в месяц. К тому времени я уже был женат, и этих денег, вместе с зарплатой жены, хватало на скромное существование. Мы всегда откладывали деньги на отпуск, ездили в турпоездки по стране; особенно любили Грузию, Армению. Работать над диссертацией можно было вечерами, по выходным; заочная аспирантура позволяла за половинную оплату пользоваться лишним выходным в неделю и дополнительным отпуском. Мой «сторожевой пост» находился в замечательном месте, в Малом Козихинском переулке, рядом с Патриаршими прудами. Я там часто работал с греческими текстами, и загулявшие до позднего вечера сотрудники и сотрудницы мелиоративного треста с удивлением и подозрением взирали на объемистые тома древнегреческо-русского словаря Дворецкого. Кстати, вторым томом указанного словаря было удобно замахиваться на местных крыс (первый том слишком толстый), действовало.

О том, чтобы когда-то работать по специальности, и не чаял, но над диссертацией и тогда, и после работал с удовольствием. Время от времени приезжал с очередной главой или параграфом диссертации к научному руководителю, Ольге Ивановне Савостьяновой. Ей тогда было уже за 70, она всегда радушно принимала меня, поила чаем, угощала тортом. Абстрактные советы давать не любила, но всегда внимательно читала мои тексты, делала полезные критические замечания; ее подход был вполне позитивистским. Купеческая дочь, она пережила троих мужей, была знакома с множеством интересных людей – от Михаила Булгакова до Иосипа Броз Тито. Ее рассказы я обожал, они погружали в мифический мир «прежней Москвы».

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». В 1979 г. работа над диссертацией несколько затормозилась: после знакомства с Г.М. Бонгард-Левиным возник интерес к Востоку, А.А. Вигасин стал учить меня санскриту. Цель была одна: поступить на работу в Институт востоковедения АН СССР. Несмотря на усилия Г.М. Бонгард-Левина, меня туда не взяли: директором уже был Е.М. Примаков, и проверку на благонадежность я не прошел (думаю, из-за критической, хотя и вполне безобидной, статьи для студенческой стенгазеты еще во время учебы

на истфаке). Зато взяли на работу в гораздо менее закрытую и более либеральную Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», где работал корректором, младшим редактором, а потом и редактором до 1982 г. Работал в редакции стран Африки, что, конечно, было далеко от моих научных интересов, зато в академическом издательстве.

Работа в издательстве была достаточно интересной и, определенно, полезной: некую «школу редактирования» пройти пришлось. В ГРВЛ издавались прекрасные книги (в том числе много книг по древности), работали интересные люди: младшим редактором работала филолог-классик Татьяна Толстая, в будущем – известная писательница, редактором – китаист Илья Смирнов[20], сейчас – директор Института восточных культур и античности РГГУ. Атмосфера была свободной и раскованной. Помню, как жребием (!) выбирали победителя в социалистическом соревновании среди комсомольцев; мне повезло, и вместе с коллегой мы славно провели время в туристической поездке по столицам республик Прибалтики. Редакторы ходили на работу в присутственные дни (два в неделю), норма редактирования была серьезной, но не чрезмерной (по-моему, 7 или 8 авторских листов в месяц). Это позволяло один или два дня в неделю посвящать научной работе. Диссертация была почти завершена. Повысилось и материальное благосостояние: зарплата редактора составляла 170 руб., вполне терпимые по тем временам деньги. Жизнь удалась?

Автокомбинат № 30 Управления торгового транспорта Главсмосавтотранса. После увольнения из издательства в апреле 1982 г. начались настоящие проблемы. Чаша уголовного преследования меня миновала (допросы, слежка и прослушка – не в счет). Однако я оказался среди многих тысяч «профилактированных» (на Западе это называлось «запрет на профессию»). Таких бедолаг (или счастливчиков?), которых сажать не велено, но на приличную работу не возьмут, только в 1982 г. по всему Союзу набралось почти 20 тысяч[21]. Сначала я этого не понимал и пытался устроиться в музеи, институты, учреждения культуры. Приходилось

[20] Илья Сергеевич Смирнов (род. 1948) – исследователь и переводчик китайской поэзии X–XVII вв.

[21] *Лурье Л.* Заморозки перед оттепелью // Огонёк. 2013. № 36 (5292). С. 34–35.

перебиваться разовыми заработками, перепродавать книги. Понятное дело, о диссертации пришлось на время забыть. Бесперспективность вызывала тоску. Помню, как мой друг и коллега Гриша Киселев предрекал: «Ну вот, будешь теперь всю жизнь работать в издательстве речного флота, редактировать расписания...» Однако даже подобный вариант трудоустройства никак не подворачивался. Наконец, друзья подсказали: попробуй устроиться социологом на завод (социологов-производственников не хватало). Несколько недель усиленных занятий в библиотеках позволили накопить хоть какие-то знания, и с ноября 1982 г. стал работать социологом на автокомбинате № 30 Главмосавтотранса. Это было время прихода к власти Андропова, борьбы за порядок: водка подешевела, но на работу надо было приходить вовремя.

Социологическая служба Главмосавтотранса, которую возглавлял Вячеслав Щербина[22], была по тем временам передовой и очень активной. Я заинтересовался социологией, и по сей день отношусь к ней с большим пиететом, но всегда оставался рядовым исполнителем. Должность инженера-социолога на автокомбинате меня устраивала. Формально зарплата была ниже (130 руб.), но квартальные премии позволяли выходить на тот же уровень доходов, что и в издательстве. Конечно же, это было производство, и требовалось ежедневное присутствие; мое рабочее место было в отделе труда и зарплаты.

Через некоторое время до меня дошло, что попал прямо в гнездо «торговой мафии»: автокомбинат обслуживал ГУМ, ЦУМ, «Детский мир», Микояновский мясокомбинат и Московский ликеро-водочный завод. Месячные доходы некоторых водителей (например, «колбасников») доходили до 700–900 руб. в месяц (при официальной заплате 140–150 руб.). Один из них с гордостью показывал мне свою квартиру с четырьмя хрустальными светильниками (в то время признак благосостояния) в туалете.

Музей грузинских поселений в Москве. В 1987 г. мне, наконец, предложили работу в Академии наук, правда в музее при Академии наук Грузинской ССР: требовался научный сотрудник, кандидат наук, историк, не обязательно грузин, но обязательно муж-

---

[22] Вячеслав Вячеславович Щербина (род. 1947) – исследователь социологии управления.

чина (коллектив состоял, по преимуществу, из милых московско-грузинских дам). Три года я проработал в этом замечательном учреждении, которое не пережило распад СССР. Много времени проводил в ЦГАДА (архиве древних актов, теперь РГАДА), подготовил публикацию записок митрополита Хрисанфа Неопатраского, греческого искателя приключений конца XVIII – начала XIX в., добравшегося до Тибета и Средней Азии и закончившего жизнь настоятелем монастыря в Балаклаве, в Крыму. Частые командировки в Тбилиси тоже не вызывали раздражения, но от античности всё это было слишком далеко.

Институт всеобщей истории АН СССР / РАН. К 1990 г. советская система ограничений при приеме на работу, очевидно, прекратила функционировать. Г.М. Бонгард-Левин, организовавший на базе журнала «Вестник древней истории» Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, пригласил меня стать научным сотрудником этого подразделения Института всеобщей истории, а также ответственным секретарем ВДИ. Сомнений у меня никаких не было: всего лишь через 14 лет после окончания университета я получил работу по специальности!

Центр создавался по образцу одноименного парижского научного центра под руководством Пьера Видаль-Наке[23] и мало напоминал советское учреждение. В него перешел Ю.Г. Виноградов и другие наиболее активные сотрудники сектора древней истории; в центре работали и ученые, которых не жаловали советские руководители науки (И.С. Клочков[24]), молодые талантливые исследователи. Атмосфера была творческой, Г.М. Бонгард-Левину удалось наладить контакты с ведущими научными центрами по изучению древней истории в Западной Европе и США. Впрочем, об этом я уже писал в статье, посвященной памяти Г.М. Бонгард-Левина[25].

Центр существовал как подразделение ИВИ РАН, но жил вполне самостоятельно: мы чуть ли не первыми освоили компьютер, ходили на работу по выходным дням, ездили за рубеж и при-

---

[23] Пьер Видаль-Наке (Pierre Emmanuel Vidal-Naquet, 1930–2006) – французский историк, публицист, исследователь сознания древней Греции.

[24] Игорь Сергеевич Клочков (1946–2012) – ассириолог, историк Вавилонии.

[25] *Карпюк С.Г.* EIKOCAETIA: Бонгардовское двадцатилетие (1988–2008) в истории «Вестника древней истории» // ВДИ. 2010. № 1. С. 201–209.

нимали самых именитых зарубежных ученых-античников в Москве. Поэтому в общеинститутскую жизнь я включился позже, но теперь, по прошествии почти четверти века, действительно ощущаю себя старым сотрудником ИВИ РАН. Постепенно пришло понимание, что, несмотря на все недостатки академических институтов, именно здесь существует научная среда и сосредоточены наиболее значительные в России исследователи-историки.

Уж не знаю, какой напрашивается вывод из всего написанного выше. Наверное, такой: если есть у тебя твердое желание заниматься любимой профессией и ты в этой профессии что-то из себя представляешь, шанс найти себя в выбранной сфере деятельности достаточно высок.

Приложение 3

ПРЯМОЙ ЭФИР РАДИОСТАНЦИИ «ЭХО МОСКВЫ» 16 ИЮНЯ 2002 ГОДА, СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

Проект «Одна семья времен Владимира Путина».
В прямом эфире семья Карпюк[ов]

Эфир ведет Матвей Ганапольский, участвует корреспондент Анна Савиных.

…

А. САВИНЫХ Пусть лучше они сами скажут.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ Ну, не знаю, как получается. Хорошо. Это впервые у нас такой человек. С такой профессией. А что интересного в этой древней истории?

А. САВИНЫХ Умный очень?

С. КАРПЮК Мне нравится. И я не знаю, с детства мне захотелось изучать древнюю историю. И вот как-то мечту удалось осуществить.

А. САВИНЫХ То есть, вам не нравится современная.

С. КАРПЮК Вы понимаете, я учился же в советское время. История КПСС мне, конечно же, не нравилась. И хотелось другого.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ А теперь приходится изучать, потому что это уже древняя история.

С. КАРПЮК Да, это уже для них древняя история. Для детей Октябрьская революция – это тоже древняя история.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ «Раскопки на территории музея Революции показали…»

С. КАРПЮК Да, да, да. А я и там работал, и в музее Революции работал.

А. КАРПЮК [Анна, дочка] Ты спал в кресле Калинина.

С. КАРПЮК Спал в кресле Калинина. Так что у меня такая богатая биография.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ С ума можно сойти! Так, ну, ну?

С. КАРПЮК Просто по специальности удалось работать только уже года с 90-го.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ А вот здесь написано: удовлетворены ли вы своей работой. И вы отвечаете, – вы можете себе представить? – да.

С. КАРПЮК Да, конечно удовлетворен.

А. САВИНЫХ А вот на самом деле интересно, потому что обычно, часто, скажем так, историки с 90-го года, наоборот, начинают заниматься чем-то посторонним, чтобы прокормиться. А вы говорите, что по специальности только с 90-го. Это как?

С. КАРПЮК Понимаете, от науки, по моему мнению, не следует ждать, что она тебя озолотит. Как от любимой женщины не следует ждать подарков, а делать ей подарки самой. Ведь наука интересна сама по себе. А деньги зарабатывать, ну, так это нужно: вот есть лекции, есть гранты, есть что-то другое.

…

Источник: http://echo.msk.ru/programs/beseda/18795/

6. Польза от чтения лекций

Преподавание – важнейшая часть профессии историка. Далеко не всегда блестящий лектор является выдающимся исследователем, но ученый-гуманитарий не должен всю жизнь заниматься одной узкой темой. Именно преподавание и стимулирует расширение научного кругозора, и «держит в тонусе» (если, конечно, оно не навязывается в лошадиных дозах – тогда эффект может быть обратным). Мне всегда было немного жаль тех моих академических коллег, которые не преподают.

Но сам я оказался на этом поприще довольно поздно, после тридцати; в детстве и юности очень стеснялся своего заикания, и, по моему глубочайшему убеждению, позорно провалил в конце 1970-х гг. пробную аспирантскую лекцию для искусствоведов истфака МГУ. Однако после длительного опыта общения с рабочими и служащими автокомбината стал себя чувствовать го-

раздо увереннее и в этой сфере. И, как только во второй половине 1980-х гг. представилась возможность читать курс истории древнего мира студентам-вечерникам Историко-архивного института, я за нее немедленно ухватился. К счастью, это была почасовая подработка, на которую не распространялись ограничения для лиц, «профилактированных» КГБ: очевидно, с точки зрения тогдашнего руководства, только штатным сотрудникам было под силу осуществлять идеологические диверсии и настраивать молодое поколение против существующего режима. Кстати, благодаря этому замечательному андроповскому подходу я смог защитить в 1984 г. кандидатскую диссертацию, ибо был всего лишь заочным аспирантом.

Н.И. Басовская, заведующая кафедрой всеобщей истории, меня проинструктировала, прослушала первую лекцию и… вперед. Я старался, проштудировал знаменитый трехтомник под редакцией Дьяконова, Нероновой и Свенцицкой, зарубежные учебники. Какой-то план я представил, но полный текст лекций не требовался. Мне казалось, что студентам лекции нравились; тем более, что в то время было много слабых лекторов, читавших по старым записям.

Помню и эмоциональный фон этой новой для меня сферы деятельности. Между окончанием работы на автокомбинате и началом лекций было немалое «окно», которое я обычно проводил в коктейль-баре нового крыла гостиницы «Москва», кстати, находившегося на месте столь любимого творческой и нетворческой интеллигенцией, а также дипломатами и шпионами ресторана «Гранд-отеля»: заказывал слабоалкогольный коктейль либо глинтвейн, раскладывал записи, готовился к лекциям, воображая себя сидящим в парижском кафе, где-нибудь эдак на Монпарнасе... Увы, профессиональные историки наделены даром предвидения не в большей степени, нежели их сограждане, мало знакомые с теориями исторического развития. Мог ли я вообразить, что этот самый Париж мне лет через 15 до чертиков надоест! До того, как меня приняли в штат Института всеобщей истории в 1990 г., эти лекции не только повышали собственную самооценку, но и были той единственной нитью, которая связывала меня с профессией историка-античника.

В 1990-е гг. символическая зарплата научного сотрудника академии очень стимулировала преподавательскую активность. С благодарностью вспоминаю и умные вопросы студентов-физтеховцев, и раскованную творческую атмосферу Еврейского университета в Москве. С основания академического университета (ГАУГН) преподаю на разных факультетах, а с 2007 г. стал профессором-полставочником в РГГУ. Читаю лекции первокурсникам по истории древней Греции, веду «продвинутые» курсы и спецсеминары со студентами старших курсов. Увы, у меня почти нет опыта в ведении семинарских занятий на первом курсе; я никогда не преподавал студентам древние языки (в Москве это, как правило, прерогатива филологов-классиков).

К сожалению, заманить студентов в аспирантуру по истории античности в Москве в наше время практически невозможно. Поэтому школу создать вряд ли смогу; зато, насколько известно, мои лекции повлияли на многих историков-неантичников. Всегда пытаюсь (с переменным успехом) привлечь студентов к организованным мной научным семинарам («Миусские античные посиделки» в РГГУ, «Античность в современности» в ИВИ РАН), недавно выступил инициатором студенческо-аспирантской конференции «Античность XXI века» в Санкт-Петербурге.

Преподавание, безусловно, повлияло (и влияет сейчас) на мои научные изыскания: знакомство с широким кругом литературы по истории древнего мира (и не только) не позволяет замкнуться на узкой теме, стимулирует научное творчество; интересы студенческой аудитории подталкивают к расширению круга тем. Так что пользу от самого процесса преподавания истории древней Греции я, безусловно, получаю; получают ли ее мои студенты – судить не мне.

7. Вместо исторических выводов: палата № 7

И напоследок небольшая история (с маленькой буквы), случившаяся со мной. Те Истории, которые мне удалось описать, преисполнившись профессионального долга или стремления заработать деньги, надеюсь, полезны и даже иногда интересны. Однако они затрагивали Клисфена, Перикла, толпы афинских граждан, древнюю Грецию VI–IV вв. до н. э. в целом, а меня лично – нет. В апреле 1982 г. нашей эры мне довелось влипнуть в историю

самому, после чего волею судьбы и компетентных органов (как тогда иносказательно, но с почтением, именовали КГБ) стал работать инженером-социологом на автокомбинате № 30 Управления торгового транспорта Главмосавтотранса. За фактическую точность описания ручаюсь, диалоги придумал, исходя из того, как могли говорить действующие лица при реальных обстоятельствах. Так делал еще древнегреческий историк Фукидид, и на пальму первенства мне претендовать негоже.

День, в который эта история началась, никаких особых событий поначалу не предвещал. Сидел я утром на рабочем месте в ОТиЗе (отделе труда и зарплаты) и приходил в себя после толчеи в общественном транспорте. Мысль о том, где и как бы подремать, слегка будоражила и позволяла не заснуть сразу: дочка Аня была совсем маленькой, и время от времени ей удавалось устроить родителям веселую ночку. В комнату вошла секретарша директора, громкоголосая и длинноногая, как и полагается, протянула мне какую-то бумагу и бодро провозгласила: «Телефонограмма! Вас вызывает главный экономист Управления, оформляйте местную командировку».

Я бесповоротно проснулся, и буря разноречивых чувств и мыслей без промедления овладела мной. Как устроить так, чтобы командировку не оформлять? Завкадрами, которая относилась ко мне по-доброму, очень просила не делать этого: я все еще находился «под колпаком», и ей пришлось бы в таком случае писать отчет. В 1980-е гг. в СССР желающих писать отчеты, да еще за просто так, было немного. Впрочем, начальник отдела в комнате присутствовал, против моего отбытия явно не возражал, так что оформления командировки можно было избежать. Мысль об отлучке с рабочего места, хотя бы и в вышестоящую организацию, радовала безмерно: уехать с 5-й Кабельной улицы (название-то какое!) в центр Москвы, да не на метро, как обычно, а сесть на 45-й троллейбус и, мирно подремывая, медленно тащиться мимо чадящего «Серпа и молота», завораживающего Андроникова монастыря, классицистических полуразвалин Николоямской (тогда еще Ульяновской) улицы...

Но прежде всего следовало выяснить, по какому, собственно говоря, поводу меня вызывают. Секретарша легко раскрыла не-

великую тайну: был упомянут план социального развития. Такой поворот меня успокоил, хотя и несколько удивил. «План социального развития коллектива» – наполненная схемами, графиками и показателями на 20 лет вперед туфта, к которой серьезно никто не относился, но, как говорится, надо – значит, надо. Странным было лишь то, что по своему автокомбинату я уже отрапортовал, причем в срок, и претензий никаких высказано не было.

Приехал в Управление, захожу к экономистам; Галочка, хорошая знакомая, на месте. Отзываю, спрашиваю, в чем, собственно говоря, дело. «Как, ты не знаешь, – горячо шепчет она, – Виталий запил, его не могут найти, а нужно срочно сдавать план всего управления». Главный экономист настойчиво просит меня найти означенного Виталия К-ва, социолога Управления, кой злостно скрывается в психбольнице им. Кащенко, изъять у него черновик плана, доделать и представить всё в лучшем виде.

Тут нужно вставить (ничего не попишешь!) пару лирических отступлений: 1) о московских психлечебницах и 2) о Виталии К-ве, которые с неизбежностью сливаются в единое целое. Психбольница для меня, быть может, и не дом родной, но место (точнее, места) известные: в студенческие годы не раз навещал друзей-однокурсников и в аристократическом Покровском-Стрешневе, и в жуткой областной психушке на не помню какого номера улице 8-го Марта; про больницу им. Кащенко, царицу психиатричек, и говорить нечего. На 8-го Марта лучше не ходить без «Шурика» (одеколон «Саша» пациенты уважали страшно), в Покровском-Стрешневе прямо-таки обалдеваешь от благости и единения с природой, в Кащенке можно проводить занятие по истории архитектуры «От эклектики к модерну», особенно, если стараться не обращать внимание на забор с сеткой, за которым буйствуют особо буйные, а в филиале «Соловьевки», что на Рублевском шоссе, – даже искупаться в Москве-реке в погожий летний день (сам пробовал).

С Виталием я впервые столкнулся тяжелой для меня осенью 1982 г., когда уже почти отчаялся найти более или менее приемлемую работу («запрет на профессию» – штука неприятная). Тогда друзья посоветовали попробовать устроиться социологом на производстве: и работа пристойная, и КГБ-шная ЭВМ (электронно-вычислительная машина, так тогда называли большие компь-

ютеры) должна «пропустить». Две недели в библиотеке – и какие-то знания о социологии в голове отложились (университет учит учиться!). Пришел в известную уже тогда социологическую службу Главмосавтотранса («тарантаса»); Вячеслав Щербина, ее руководитель, посмотрев на меня и поговорив по душам, изрек: «К К-ву. Он таких берет». Виталий взял и меня, и других, так что социологическая служба Управления торгового транспорта получилась весьма колоритной и «приветливой» (то бишь, «с приветом»), хотя обязанности свои худо-бедно выполняла.

Итак, забрал я материалы, что оказались в конторе, и вперед, на Загородное (только по названию) шоссе – в Кащенку. На территорию – проходи, кто желает, дошел до нужного корпуса – и там свобода, пациенты по дворику в домашнем расхаживают, публика интеллигентная, сразу видно – туда попал. Нахожу Виталия, выясняю, что информация о нем верна, да не совсем: было дело, выпил в Парке культуры с какими-то незнакомцами, потом те настучали по голове и куртку сняли, милиция дело завела и на службу сообщила, начальство бочку покатило, пришлось залечь на дно, в психбольницу.

– Ладно, – говорю, – что с долбанным планом делать будем?

– Как что? Составлять надо! Иначе в Управлении не поймут, – ответствует Виталий и направляется в палату.

– У тебя, часом, не палата № 6? – спрашиваю, вворачивая литературную аллюзию.

– Да нет, № 7. А ты рябиновой настойки на коньяке случайно не принес? Ваш комбинат ее развозит! Вот меня приезжали навещать с 35-го автокомбината, так живых карпов привозили в специальном полиэтиленовом пакете.

– А ты что с карпами сделал? Выпустил в пруд в скверике у входа в больницу? Съел?

– Какое там! Отдал заведующему отделением, мне больничный лист длинный нужен, – пожаловался на жизнь Виталий.

– Пить сегодня не будем! – сурово резюмировал я. – Здесь лечебное учреждение, а нам и поработать надо! Да и рябиновка куда-то сгинула в последнее время, неурожай, что ли, принес клюковку, она послабже и послаще, сам не выпьешь – дамам подаришь. Восьмое марта не за горами.

Примерно такой вот диалог был произнесен в столь достопамятном месте, после чего засели мы в палате № 7, стали план писать да графы заполнять. Некоторые из них совсем смурные были, как то: сколько швейных машинок потребуется к 2005 г. для обшивки тканью деревянных кузовов грузовиков. Или: какое количество туалето-мест будет потребно каждому трудовому коллективу в отдельности и совокупному коллективу Управления в целом (по пятилеткам, вплоть до того же 2005 г., вписать в таблицу количество очков, т. е. дырок). Работа продвигалась быстро благодаря общепринятой в то неспешное время «среднепотолочной» методике: цифры брались с потолка. И когда конец ее уже был виден, а часы для посещения заканчивались, Виталий скомандовал:

– Перерыв, отдыхаем, устал от этого маразма.

– Ну и что, – бодро ответил я, – маразм может длиться долго, на наш век хватит, видишь, планы на двадцать лет вперед кропаем.

– Да вся эта система лет через пять накроется! Никакой строй такого маразма вынести не сможет!

В ответ я недоверчиво и обреченно вздохнул. Допридумывали мы нужные цифры, заполнили все графы, отвез я потом кипу бумаг на перепечатку машинистке, а Виталий получил больничный лист и как-то урегулировал конфликт с начальством. Шел февраль 1984 г. Не знаю, когда пропали деревянные кузова на грузовиках, но СССР пропал в 1991 г. В том же году Виталий свалил во Францию, успел пожить парижским нищим – клошаром и достать прижимистых французов до такой степени, что получил там гражданство. Теперь он зовется Виктор Летто, живет-поживает в бесплатной муниципальной квартире в арабском пригороде Парижа. Часто звонит, рассказывает то о подожженных под его окнами автомобилях, которые прекрасно горят, хотя вряд ли на них кто-либо устанавливал обитые тканью деревянные кузова, то о ближайшем закрытом полицейском участке, который боевая магрибская молодежь несколько лет назад резонно употребила для приготовления «коктейлей Молотова», то предается воспоминаниям о былом. А в 2009 г. радостно сообщил, что получил, наконец, инвалидность по линии психиатрии, что увеличило его социальное пособие аж на целых 200 евро! Так что «План социального развития коллектива Управления торгового транспорта Глав-

мосавтотранса», дописанный в палате № 7, живет и побеждает даже сейчас.

Сам я вспоминаю палату № 7, когда объясняю студентам главную причину гибели древних цивилизаций. Нет, это не развал экономики, не распад социальных связей и тем более не упадок культуры. Это – превышение допустимых пределов маразма в обществе. Люди доброй воли, помните о такой опасности! Если же вы почувствовали, что маразм крепчает, да так, что терпеть мочи нет, то задумайтесь, осмотритесь и поостерегитесь. И постарайтесь не попадать в историю. Я не шучу, а вполне серьезно советую, как историк по профессии.

---

1. *Карпюк С.Г.* Лекции по истории древней Греции. М.: Ладомир, 1997.

2. *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003.

3. *Карпюк С.Г.* EIKOCAETIA: Бонгардовское двадцатилетие (1988–2008) в истории «Вестника древней истории» // ВДИ. 2010. № 1. С. 201–209.

4. *Лурье Л.* Заморозки перед оттепелью // Огонёк. 2013. № 36 (5292). С. 34–35.

5. *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004.

А.А. Вигасин

Моя история

Автор вспоминает студенческие годы на историческом факультете МГУ в шестидесятые годы (профессура кафедры истории древнего мира, характер университетского преподавания, библиотеки и архивы в советскую эпоху), а также рассказывает об эпизодах сотрудничества с Г.М. Бонгард-Левиным. В связи с этим он делится наблюдениями об особенностях своей научной работы.

Ключевые слова: исторический факультет МГУ, кафедра истории древнего мира, советская индология.

A.A. Vigasin

My histories

The author recalls the years of studentship at the Faculty of History of Moscow State University in the sixties (Professors of the Department of Ancient History, the nature of university teaching, libraries and archives in the Soviet period), as well as his collaboration with G.M. Bongard-Levin. In this regard, he shares thoughts about the peculiarities of his scholarly work.

Key words: Moscow State University, Faculty of History, Department of Ancient History, Soviet Indological Studies.

Как я выбрал профессию историка, мне понятно – класса с седьмого каждую неделю ходил в Музей изобразительных искусств, собирал открытки с репродукциями картин и любил читать дореволюционные журналы в бабушкином книжном шкафу. Выбор именно истории древнего мира менее понятен. Несколько лет тому назад готовил к печати письма основателя русской индологии И.П. Минаева[1] к своему студенту, будущему академику С.Ф. Ольденбургу[2]. В одном из писем Иван Павлович с иронией говорил, что молодым людям (а в особенности русским) часто

[1] Иван Павлович Минаев (1840–1890) – индолог, буддолог, исследователь языка пали.

[2] Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) – исследователь буддизма, секретарь Академии наук до «Академического дела» (1929).

бывает свойственно желание «разъяснить судьбы человечества»[3]. Вероятно, так было и у меня – отсюда история не современная, короткая и мимолетная, а серьезная, тысячелетняя.

Что же касается Индии, то этот выбор был совершенно случайным. Среди моих однокурсников нашелся энтузиаст бредовой идеи о том, что древние индийцы обладали атомной бомбой. Чтобы окончательно убедиться в этом, он решил заниматься Индией и просил кафедру истории древнего мира организовать занятия санскритом. В 1965 г. это было значительно легче, чем теперь. Исторический факультет оформил заявку на кафедру индийской филологии ИВЯ (теперь ИСАА)[4] с просьбой выделить преподавателя. Как обычно бывает, образовалась группа добровольцев, в которую вошел и я. И опять-таки, как обычно бывает, группа добровольцев стала очень быстро таять (инициатор исчез первым). В конечном счете, я продолжал заниматься один.

О том, что стал историком, никогда не жалел. А относительно выбора именно Древней Индии вопрос более сложный. Для меня очень важно внутреннее переживание истории, ее живое ощущение. Когда писал, например, курсовую работу о Крестьянском союзе в 1905 г., дело не шло на лад до тех пор, пока не нашел фотографии участников этого союза. А по Древней Индии ничего подобного быть не может, занятия историка остаются, в значительной мере, игрой ума. Да и сами санскритские тексты никто не читает столь легко, как на родном языке. К тому же работать приходится по изданиям, а не по архивным документам. Отчасти мои последующие занятия историей отечественной индологии и русско-индийскими отношениями объясняются тоскою по архивной работе.

Правда, когда стал заниматься в архивах, пришел в ужас от тех условий, в которые поставлены историки. Когда впервые отправился в Архив древних актов (теперь РГАДА) с отношением, подписанным деканом истфака, мне отказали сразу: «Для работы по теме русско-индийских отношений необходимо разрешение МИД». Я изумился: «Но здесь ведь написано, что отношения в

---

[3] См.: *Ольденбург С.Ф.* Этюды о людях науки / отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. М., 2012. С. 75–76.

[4] Институт восточных языков (ИВЯ) основан как факультет МГУ в 1956 г., с 1972 г. – Институт стран Азии и Африки (ИСАА).

XVII веке, да и отношений с Индией тогда, можно сказать, почти никаких и не было». – «Это не имеет значения, идите в МИД за разрешением». Пришлось бумагу переделать и тему сформулировать как «Образ Индии в древнерусской литературе». Но это были еще цветочки… В Архиве Октябрьской революции (ныне ГАРФ) можно было заказывать не более пяти дел, а отказы (обычно без объяснения причин) приходили на четыре из них. Работа становилась и тягомотной, и бессмысленной. И это в архивах, в общем-то, невинных. Только от коллег, занимавшихся советской историей, знаю о том, что даже лицам проверенным, выдавая документы, не разрешали делать из них выписки или ссылаться и цитировать в публикациях. А если кто-то фильтрует источники доступные для чтения и анализа, сам труд историка неизбежно превращается в ложь – или, если угодно, в ложь умолчания.

Но возвращаюсь к студенческим годам. На кафедре истории древнего мира индолога не было, и помощи ждать мне было не от кого. Спецкурс по истории Индии читал заведующий кафедрой, египтолог В.И. Авдиев[5]. «Читал» в самом буквальном смысле слова – по листочкам, пожелтевшим от времени (на общей лекции кто-то из студентов спросил его: «Это у Вас папирусы?»). Основой этих лекций была популярная книжка Зинаиды Рагозиной[6], изданная до революции[7]. На одной из лекций случился конфуз. Всеволод Игоревич произнес: «Это слово на санскрите означает…» И тут он обнаружил, что следующий листочек отсутствует, закашлялся – и лекция на этом завершилась. Что означало произнесенное слово, он не знал.

Но я благодарен ему за разрешение специализироваться по Индии. Мою дипломную работу по брачно-семейному праву Всеволод Игоревич посмотрел перед самой защитой. Вердикт был кратким: «Неприличности убрать, цитаты из классиков марксизма вставить». Неприличным он счел упоминание о детских бра-

---

[5] Всеволод Игоревич Авдиев (1898–1978) – египтолог, автор вузовского учебника по истории Древнего Востока, получивший за него Сталинскую премию (1952), директор Института востоковедения АН СССР.

[6] Зинаида Алексеевна Рагозина (1835–1910) – писательница, популяризатор древней и средневековой истории в начале XX в.

[7] *Рагозина З.А.* Древнейшая история Востока. Т. 4. История Индии времен Риг-Веды. СПб., 1905.

ках. Речь, естественно, шла лишь о свадебном обряде, соединявшем несовершеннолетних, но он увидел здесь педофилию. А слова относительно классиков марксизма не были случайностью – сам он щедро разбрасывал соответствующие цитаты и в печатных работах, и в лекциях. Спустя несколько лет произошел громкий скандал с третьим изданием его учебника по истории Древнего Востока. Коллеги (преимущественно ленинградцы) на специально созванном Ученом совете истфака уличали учебник в грубых фактических ошибках. Ответное слово В.И. Авдиева было максимально лаконичным: «Я чувствую удовлетворение, что среди сделанных замечаний нет таких, которые позволяли бы подозревать меня в отходе от марксизма-ленинизма».

Мне казалось, что трус он отчаянный – скорее всего, так и было. Но вот к его столетнему юбилею был издан крохотный сборник[8]. И я увидел там его юношеские стихи – слабое подражание Бальмонту. Новостью были и биографические детали: отец его, адвокат и кадет, находился в эмиграции, и в двадцатые годы Всеволоду Игоревичу удалось встретиться с ним в Праге. Фотографии отца он не уничтожил – черта, достойная уважения. Ходили упорные слухи, что он как-то был связан с Берией. Я спросил об этом заведующую нашим кабинетом Тамару Михайловну Шепунову[9]. Она ответила, что точно не знает – помнит только, что В.И. Авдиев был очень напуган сообщением об аресте Лаврентия Павловича.

Как-то раз мне пришлось сопровождать Авдиева до его квартиры в доме на Котельнической набережной. В холле сталинской высотки с любопытством рассматривал барельефы, изображающие пейзан со снопами – колхозников и колхозниц. Всеволод Игоревич произнес: «Здесь изображена счастливая жизнь наших людей». Лицо его при этом оставалось непроницаемо, и я не мог понять, издевка это или всерьез. А в квартире он с гордостью продемонстрировал «Купание маркизы» Александра Бенуа[10]. Конечно, это

---

[8] *Авдиев В.И.* Лирика. К столетию со дня рождения. М, 1998.

[9] Тамара Михайловна Шепунова (1901–1978) – создательница и заведующая кабинетом древней истории исторического факультета МГУ.

[10] Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – русский художник, историк и теоретик искусства, основатель художественного объединения и журнала «Мир искусства». Эмигрировал в 1926 г. Две картины «Купальня маркизы» из «Версальской серии» были написаны в 1906 г., на одной бассейн ещё не полон и мар-

был homo soveticus поневоле. Можно даже сказать, сугубо советский профессор – только из-за смертельного страха, сопровождавшего всю его жизнь.

С индологами Института востоковедения (Г.М. Бонгард-Левин[11] и Г.Ф. Ильин[12]) я познакомился едва ли не по случаю поисков оппонентов своей диссертации. Научного руководителя у этой диссертации не было. Особенно тяжело было самостоятельно учить санскрит (занятия с В.А. Кочергиной[13] ограничились начальным курсом). К счастью, запасливая Тамара Михайловна много лет назад где-то раздобыла старый санскрито-немецкий словарь Отто Бётлингка[14] – десятилетиями он лежал в библиотеке кафедры, никому не нужный, а теперь мне очень пригодился. Но при чтении текстов спросить было некого – и приходилось обливаться горючими слезами над средневековыми санскритскими комментариями. На кафедре меня оставили ассистентом сразу же после окончания университета в 1969 г. – я стал преподавать древнюю историю и санскрит.

Сложности возникли с учебником. Занятия я вел по известному учебнику Георга Бюлера[15], русский перевод которого был издан в Стокгольме в 1923 г. – где-то раздобыл его на время. Ксероксы тогда только что появились, но они были под строжайшим

киза видна обнажённой, на второй (меньшей по размеру, 49,5×50,5) видна лишь её голова. Детали на картинах и внешность маркизы несколько отличаются. У Авдиева висел вариант, на котором купальня наполнена водой. Ныне картина хранится в Государственном Русском музее.

[11] Григорий Максимович Бонгард-Левин (1933–2008) – индолог, главный редактор журнала «Вестник древней истории» в 1988–2008 гг., член-корреспондент АН СССР (1981), академик (1990).

[12] Григорий Фёдорович Ильин (1914–1985) – индолог, автор, совместно с Г.М. Бонгард-Левиным, обобщающего труда по истории древней Индии (1969, 1985).

[13] Вера Александровна Кочергина (род. 1924) – лингвист, специалист по санскриту.

[14] Отто Николаус фон Бётлингк (Otto Nicolaus von Böhtlingk, 1815–1904) – немецкий и русский индолог, специалист по санскриту. Семитомный немецко-санскритский («Большой Петербургский») словарь вышел в 1853–1875 гг., в данном случае имеется в виду так называемый Малый Петербургский словарь (1879–1884), также в семи томах большого формата: *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. V. 1–7. St. Petersburg, 1879–1889.

[15] Иоганн Георг Бюлер (Johann Georg Bühler, 1837–1898) – немецкий лингвист, индолог.

контролем Госбезопасности. Не вполне легально (и, естественно, не бесплатно) удалось сделать ксерокопию. Честно говоря, готовился к занятиям, забегая лишь на несколько уроков вперед своих первых учеников. Особым мучением при работе с учебником Бюлера было то, что опечатки встречались на каждой странице (вплоть до таких, как пропуск отрицания «не» в грамматическом правиле). Иногда бесплодно ломал голову над какой-то сложной санскритской формой, а потом оказывалось, что там просто опечатка. К сожалению, лингвистических способностей у меня нет – и преподавателем языка я был весьма посредственным.

Конечно, остаться работать в университете, не пройдя аспирантуры, было везением. Однако меня еще пришлось уговаривать, так как обстановка на кафедре была тягостной. Между заведующим кафедрой профессором В.И. Авдиевым и его заместителем профессором А.Г. Бокщаниным[16] шла тридцатилетняя война. «Ученик» Авдиева неизбежно становился врагом для Бокщанина. Поделены были «сферы влияния». В первый же год работы произошел следующий характерный инцидент. Предстояла защита дипломницы А.Г. Бокщанина, и на кафедре обсуждался вопрос о назначении второго рецензента из числа аспирантов. Так как мы с этой девушкой дружили, а тема была по Парфии, я предложил дать работу мне. Последовала буря возмущения Анатолия Георгиевича при гробовом молчании остальных членов кафедры. Я понял, что совершил чудовищную бестактность, а А.Г. Бокщанин окончательно убедился в моем коварстве. Он был уверен, что я собирался «утопить» его ученицу.

По научному уровню оба профессора стоили друг друга. В.И. Авдиев, пожалуй, от природы был умнее. Зато А.Г. Бокщанин был ярым патриотом – читая курс историографии античности, не скрывал ненависти ни к немцу Теодору Моммзену[17], ни к русскому эмигранту М.И. Ростовцеву[18]. Я очень удивился, читая не-

[16] Анатолий Георгиевич Бокщанин (1903–1979) – историк древнего Рима, наиболее значимая работа – по римско-парфянским отношениям (1960–1966).

[17] Теодор Моммзен (Theodor Mommsen, 1817–1903) – немецкий филолог-классик, историк Древнего Рима, исследователь древнеримского права, эпиграфист.

[18] Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) – исследователь социально-экономической истории эллинизма и Рима, исследователь Северного Причерномо-

давно в воспоминаниях С.Б. Бернштейна о встрече с Анатолием Георгиевичем в октябре 1941 г. По словам мемуариста, А.Г. Бокщанин отнесся легко к перспективе оказаться в оккупированной немцами Москве (я, мол, беспартийный – мне нечего бояться)[19].

Мой однокурсник Юра Виноградов[20] чаще меня в студенческие годы присутствовал на заседаниях нашей кафедры. Однажды он рассказал мне забавный эпизод. В одном из научных докладов была дана высокая оценка американской ассириологии. И, выступая в прениях, Анатолий Георгиевич не находил слов от возмущения: «Как можно хвалить науку империалистической страны, где линчуют негров?!» Все молчали, не зная как остановить поток эмоций и красноречия… И тут Всеволод Игоревич прервал выступавшего словами: «Предлагаю почтить память Мартина Лютера Кинга минутой молчания». После минуты молчания уже невозможно вернуться к обличению американских империалистов. В А.Г. Бокщанине было много детски-наивного, а временами и трогательного. Надо было слышать, с каким пафосом он повторял хорошо поставленным голосом: «Я – профессор Московского университета!» Но тот год, когда, в связи с болезнью В.И. Авдиева, Анатолий Георгиевич исполнял обязанности заведующего кафедрой, был для меня непростым.

Как бы то ни было, я стал преподавать и мог быть полезен следующему поколению индологов, которые были чуть моложе меня, – Андрею Самозванцеву[21], Володе Романову[22] (оба уже ушли из жизни). Им было легче, чем мне – самоучке. Но когда я говорю о себе, как самоучке, то имею в виду лишь индологию. Знания в той или иной области науки, в конце концов, можно накопить и самостоятельно. А главным, безусловно, являются профессиональные навыки – этим я обязан истфаку МГУ. Мне вообще кажется, что

рья, торговых и культурных связей в древнем мире. Эмигрировал в 1918 г., преподавал в Висконсине и Йеле.

[19] *Бернштейн С.В.* Зигзаги памяти. М., 2002. С. 291.

[20] Юрий Германович Виноградов (1946–2000) – антиковед и эпиграфист, заместитель главного редактора ВДИ.

[21] Андрей Михайлович Самозванцев (1949–2009) – индолог, исследователь древнеиндийской собственности и права, а также религии.

[22] Владимир Николаевич Романов (1947–2013) – индолог, санскритолог, историк культуры.

интенсивная специализация может быть даже вредна, если наносит ущерб общему кругозору исследователя. Конечно, в студенческие годы я, как и все, сетовал на то, что приходится сдавать массу экзаменов по тем предметам, которые далеки от моих непосредственных интересов. Но с годами понял, что был неправ.

На истфаке принято писать по две письменных работы ежегодно в течение первых трех лет обучения: одну по отечественной, другую по всеобщей истории. Писал я их с увлечением – и об Уложенной комиссии Екатерины Великой, и о Парижской коммуне, и о свободомыслии Абеляра. Никогда не жалел, что бездну времени и сил потратил на эти сюжеты (в ущерб истории Древней Индии) – знакомился с разными эпохами, видами источников, проблемами и подходами, существующими в историографии. Это и есть та школа, которая делает человека историком, чем бы он потом ни занимался. Мне приходилось потом писать о сюжетах, весьма далеких от Индии – и по античности, и по отечественной истории. Надеюсь, что сделано это более или менее профессионально. Потому что моя профессия – историк, а история Древней Индии – лишь область специализации.

В студенческие годы семинарские занятия я не пропускал, а лекции прогуливал безбожно[23]. В лекционные часы учил языки или писал курсовые работы. А часто ходил по букинистическим магазинам – благо, истфак находился в самом центре Москвы, на Большой Никитской (тогда улица Герцена), д. 5 и 6. Букинистических магазинов было много – не то, что сейчас, и за время лекции иногда удавалось обойти штук пять. Несколько лет назад читал в журнале воспоминания однокурсника, который посещал другие магазины – антикварные. Меня рассмешила такая фраза: «Денег было мало – не больше 300 рублей». У меня в кармане обычно был тот рубль, который мама выделила мне на обед. Иногда удавалось на этот рубль и книжку купить, и какую-нибудь булочку – голод не тетка. Выбор книг был большой и цены низкие –

[23] Параллель к моим прогулам лекций я был рад обнаружить у М.Л. Гаспарова: «Учился я главным образом по книгам и потом объяснял молодым студентам: “Университет – это пять лет самообразования на государственный счет, с некоторыми помехами, вроде посещения лекций, но преодолимыми”». – *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2012. С. 86 .

издание XVIII в. могло стоить рубля три или пять. Впрочем, такие я не покупал: во-первых, для меня это дорого, а во-вторых, я же не коллекционер – мне книги нужны для работы. Но иностранной литературы почти не было. Разве что дореволюционные романы на французском языке – пепел разоренных и разграбленных дворянских гнезд.

К экзаменам готовился старательно и почти по всем разделам истории имел отличные оценки. Катастрофа была с предметами «идеологическими» – там, в лучшем случае, получал четверки. По политэкономии социализма – тройка в дипломе (Господи, а была ли хоть какая политэкономия у нашего социализма?!). Запомнить тексты, лишенные смысла и логики, можно было разве что наизусть (да учебники больно толстые). Все эти незабвенные дисциплины ставили передо мною и острую нравственную проблему – как не осквернять уста и душу ложью. Особенно тяжело было на истории КПСС.

Собственно, проблема эта появилась еще в школе на уроках по отечественной истории XX в. Преподавал ее нам Юрий Иосифович Косачевский[24]. Говорили, что до этого был он армейским политруком – вполне возможно, так оно и было. В его изложении все было четко и ясно. Моим одноклассникам он нравился тем, что буквально диктовал то, что пригодится на вступительных экзаменах. А народ, конечно, в выпускном классе уже думал о поступлении в вуз. В голосе Юрия Иосифовича была твердая убежденность – в резком контрасте с постоянно бегающими глазами. В случае каких-либо резких изменений линии партии он произносил прямо противоположное тому, что говорил еще вчера – и с той же убежденностью. Вероятно, не худший тип партийного пропагандиста, воспитанного советской властью (и очень распространенный тип). Демагогия всякая неприятна, но демагогия по приказу, с энтузиазмом лизоблюдства – терпеть это сложно. Мне эти уроки истории представлялись изощренным издевательством

[24] Юрий Иосифович Косачевский был фронтовиком, работал в послевоенные годы в московской школе № 59, где преподавал сталинскую конституцию (тогда это было отдельным предметом), позднее был учителем истории и обществознания (1950-е – начало 1980-х гг.) в школе № 710, считался одним из самых её запоминающихся учителей. Воспоминания о Косачевском можно прочитать: *Догилева Т.* Тогда, сейчас и кот Серёжа. М., 2014.

над всем тем, что я любил. И я протестовал по-мальчишески – просто отказывался отвечать на уроках. Соответственно, дневник пополнялся двойками – и, кажется, тройкою в аттестате зрелости.

Помню, как-то раз на школьной лестнице я встретился с Косачевским, и он спросил: «Вигасин, почему не здороваетесь?» Неожиданно для себя (мальчик-то очень тихий, книжный) я выпалил: «Потому что не желаю Вам здоровья». Он, кажется, опешил, но ответил резонно: «А здороваться все-таки надо». Спустя годы я случайно узнал, что Юрий Иосифович умер от рака – и мне стало стыдно за свои слова. Стыдно и сейчас, спустя полвека.

На истфаке семинар по «кпссухе» вел у нас Алексей Иванович Широков[25] – человек убогий во всех отношениях. Я имел глупость задавать ему «провокационные вопросы». Он всегда реагировал так: «Я отвечу Вам на следующем занятии» – очевидно, ему надо было получить инструкции от начальства. Как отвечать на семинаре и на экзамене я придумал: знать факты, но не говорить от своего имени. Просто ссылаться на официальный источник информации: «по этому поводу в учебнике сказано то-то». Так можно было душу сохранить в этой школе тотальной лжи. Впрочем, в делах прагматических это помогало мало. Алексей Иванович на экзамене мог сказать: «Факты Вы излагаете правильно, но я не слышу в Вашем голосе большевистской страстности. Четыре». Эта, чрезвычайно важная для меня, моральная проблема вставала и много позже – на бесконечных политсеминарах, методологических семинарах и т. п. Меня всегда поражала легкость, с которой к этой пытке относились коллеги. И в девяностые годы, когда жить было трудновато, я утешал себя: «Все, что угодно, но зато теперь уже никогда не будет политсеминаров с обсуждением речей генсека».

Не могу, впрочем, отнести себя к диссидентам – и не только потому, что не занимался подобной деятельностью. Много лет пытался достичь мира и в своей душе, так или иначе примириться с окружающей действительностью. В бытность старшеклассником и студентом в вопросах политических меня бросало из крайности в крайность – и вправо, и влево. Поэтому и сейчас очень спокойно отношусь к метаниям молодежи – от анархизма к без-

---

[25] Об А.И. Широкове можно также прочитать: *Левыкин К.Г.* Мой университет. Для всех – он наш, а для каждого – свой. М., 2006.

граничному либерализму. Это естественные поиски себя (лишь бы не «Майн кампф» или «Краткий курс» – что было бы свидетельством душевного изъяна). Единственное, что казалось несомненным – ведь нельзя же так, надо же что-то делать... Очевидно, что систему изменить можно лишь изнутри. Одно время так загорелся этой идеей, что даже подал заявление в партию. Надо было получить рекомендацию от Комитета ВЛКСМ. И вот комсорга нашего курса спрашивают: «Что можешь сказать о Вигасине?» И он отвечает весьма лаконично: «Вигасин – человек благородный». Поразительный был контраст этих слов со всей обстановкой заседания в Комитете ВЛКСМ – с портретами вождей, стенгазетами, почетными грамотами и знаменами. Получив комсомольскую рекомендацию, по дальнейшим инстанциям уже не пошел. Так все и закончилось – несколько юмористически.

В самом начале девяностых годов однажды беседовал с немецким коллегой (ГДР) Б. Функом[26]. Тогда была иллюзия, что мы окончательно распрощались с советским прошлым. Функ очень смеялся, когда я сказал ему, что, напротив – началась, в каком-то смысле, чисто советская эпоха. В науке и образовании это особенно очевидно – в течение многих десятилетий еще сохранялось наследие прошлого: работали люди, учившиеся до революции, или те, кто учился у прежней профессуры. А к восьмидесятым-девяностым годам это было уже далеким прошлым. Мы встали, наконец, на собственные ноги и стали пожинать плоды того, что воспитали за годы советской власти. Пожинаем и сейчас.

Но вернусь к временам своей молодости. С библиотеками было плохо (хотя и не так ужасно, как нынче). К счастью, какой-то хороший человек после войны вывез из Берлина в «Ленинку» едва ли не весь санскритский фонд библиотеки тамошней Академии наук. Самое удивительное, что фонд этот сохранился, его не сгноили в сырых подвалах, как произошло с большинством увезенных из Германии книг. Индологу было с чем работать в библиотеке имени В.И. Ленина. Только поступлений литературы после 1945 г. почти не было – валюты выделялось мало, а целые библиотеки в мирное время из-за границы притащить уже невозможно.

[26] Бернд Функ (Bernd Funck, 1945–1996) – немецкий историк, исследователь ахеменидской и эллинистической эпох.

Сейчас, когда молодежь предпочитает читать книги с экрана, забывается обстановка библиотеки семидесятых годов. Утром, к открытию, у входа собиралась толпа читателей, жаждущих знаний. Когда двери открывались, эта толпа устремлялась по лестнице – занимать места в читальном зале. Я не любил суеты и толкучки, появлялся позже. Потому нередко приходилось читать либо в зале на подоконнике, либо на ступенях лестницы. Заказы принимали лишь на пять книг. Очередная трудность, ибо санскритский словарь состоял из семи томов, а каждый надо было заказывать отдельным требованием. Но ведь еще и текст был нужен, чтобы читать его с этим словарем. На копирование (микрофильм или ксерокс) выстраивалась очередь, и лимит был – двадцать страниц. Иногда отстоишь эту очередь, а в изготовлении копии отказывают: «Я ведь санскрита не знаю. А вдруг это Камасутра?» И уходишь, не солоно хлебавши… Отчаявшись сделать копию, иногда целые книжки переписывал от руки, будто в средневековом скриптории. В какой восторг я пришел, когда попал (в 1990 г.) в западноберлинскую библиотеку. Там книги стояли в открытом доступе, а копии можно было делать самостоятельно и без лимита. К тому же никто не проверял, не Камасутра ли это.

Иногда удавалось взять книги для работы у кого-то из тех счастливчиков, которым разрешали выехать за рубеж (за казенный счет). Однако тут часто складывалась система бартера: от получившего книги просили ответной услуги. Так академик Г.М. Бонгард-Левин предложил Т.Я. Елизаренковой[27] написать отзыв на его очередное сочинение. Когда она отказалась, он потребовал вернуть те книги, что давал ей для работы. Книги Татьяна Яковлевна отдала, конечно, но с тех пор разорвала с ним всякие отношения. Знаю, что он эту ситуацию переживал, так как относился и к ней, и к ее мужу, В.Н. Топорову[28] с большим уважением. Надо сказать, что это была хорошая в нем черта – несмотря на активное участие в академических интригах, он ценил мнение о себе приличных людей.

---

[27] Татьяна Яковлевна Елизаренкова (1929–2007) – индолог, лингвист, специалист по ведийской культуре. Переводчик «Ригведы», «Атхарваведы».

[28] Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) – филолог, исследователь санскрита и славянских языков, исследователь мифа.

С Григорием Максимовичем судьба свела меня ближе в конце семидесятых годов. Он предложил тогда написать совместный доклад для международного конгресса санскритологов в Веймаре. Я отдал ему для этого доклада фрагмент из книги об Артхашастре, над которой тогда работал. В Веймар меня не пустили, но Г.М. Бонгард-Левин прочитал наш доклад и опубликовал его в разных журналах и сборниках несколько раз[29]. Потом он сказал, что у него заключен договор с издательством «Прогресс» на издание книги на английском языке по истории отечественной индологии – при этом срок договора истекает, а рукописи нет. Григорий Максимович дал мне текст нескольких глав (слегка измененный вариант опубликованных им ранее статей), а я написал остальное. С издательским редактором и с переводчиками работал только я. Помню, с удивлением рассматривал вывешенный в редакции «График сдачи рукописей» – рядом с нашей значилась книга на такую тему: «Партийно-политическая работа в Советской армии» (и кому это необходимо на английском языке?). Издательство было огромное, многоэтажное, богатое – и платили щедро (отсюда, конечно, и экзотические названия книг).

Г.М. Бонгард-Левин появился в «Прогрессе» на завершающем этапе. Мы с ним поднялись в кабинет директора издательства. Перед входом он неожиданно подтолкнул меня вперед и прошептал: «Войдете и скажете, что идет член-корреспондент АН Бонгард-Левин». Я вошел в кабинет и что-то промямлил в растерянности. Григорий Максимович вел разговор напористо: «Надо изменить все: дать цветные иллюстрации, мелованную бумагу, офсетную печать, суперобложку. Дело в том, что в книге будет предисловие премьер-министра Индии Индиры Ганди». Директор записывал и соглашался на все – очевидно, потрясенный новостью. Когда мы вышли, я сказал с упреком: «Григорий Максимович, что же Вы мне не сказали, что будет предисловие Индиры Ганди?» Он ответил, смеясь: «А я и ей об этом не сказал»[30].

---

[29] См., например: *Bongard-Levin G., Vigasin A.* Society and State in Ancient India // Indian Historical Review. 1979. Vol. V. P. 16–30.

[30] Речь идёт о книге: *Bongard-Levin G., Vigasin A.* The Image of India. The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR. Moscow, 1984. В следующем году вышел перевод на хинди, Бонгард-Левин планировал также перевод на тамильский язык, но помешали перестройка и крушение издательства «Прогресс».

Он всегда играл наверняка – помимо энергии, трудоспособности, кругозора, у него была гениальная деловая хватка. Я наблюдал его в «Вестнике древней истории», в экспертном совете РФФИ, в диссертационном совете Института востоковедения – всюду он действовал умело. И роль его, в целом, была положительной.

В начале восьмидесятых годов мне предложили поехать на десятимесячную стажировку в Индию – на правах студента, хотя к тому времени я был доцентом. Я согласился, хотя и не верил в существование заграницы – по крайней мере, для себя. Потянулся долгий и мучительный процесс оформления бумаг. Характеристику подписал профорг кафедры, парторг кафедры, заведующий кафедрой. Потом ее подписывает председатель профкома факультета, секретарь парткома – стоп, здесь остановка. Секретарь парткома отказывается подписывать характеристику тому, кто не проявил должным образом свою общественную активность. Наконец, уломали секретаря. Справка из психдиспансера, что я не псих. Справка из кожно-венерического, что я не сифилитик. Теперь собеседование в парткоме МГУ (а в партии я не состоял, да из комсомола также давно вышел по возрасту!).

Старый партиец меня допрашивает строго, с пристрастием: «Вы читали последний номер журнала «Коммунист»?» В душе тоска: «И зачем только я в это ввязался? Все равно ведь ничего не выйдет…» И так жаль убитого понапрасну времени. На поставленный вопрос не ответишь правдиво: «Этого г...а я никогда в жизни в руках не держал». Унизительное чувство человека виляющего: «Н-нет, последний номер я не читал» (так, будто читал предыдущие). Удивительно, но собеседование прошел.

Далее беседа в ЦК КПСС на Старой площади. Там дают напутствие, как именно советский человек должен себя вести за рубежом (в том числе, примерно, о том, в какой руке надо держать вилку, если в правой держишь котлету). Подписываю список из шестидесяти обязательств – читаю его мельком, только из любопытства. «Обязуюсь не ходить в кварталы, населенные нашими эмигрантами» – ну, это выполнить не сложно, таких кварталов в Индии нет. «Обязуюсь не участвовать в митингах и демонстрациях» – конечно, ведь я и дома в них не участвовал (за исключением первомайской, куда по спискам с работы загоняли – приветст-

вовать вождей на Мавзолее). Но особенно мне запомнился замечательный пункт: «Если окажетесь в купе с лицом иного пола, необходимо заявить протест во избежание провокаций». Я вспоминал этот пункт потом, в поезде Мумбаи–Дели. В купе я насчитал шестнадцать человек разного пола, причем один, сидевший на верхней полке, положил босые грязные ноги мне на голову. И я думал тогда: «Хорошо бы заявить протест»…

Процедура отъезда растянулась на два года. И как-то Григорий Максимович спросил меня о поездке, а я сообщил ему, что в министерстве мне уже окончательно отказали. Он попросил разузнать номер телефона соответствующего министерского начальника – и начался спектакль. Ирина Евгеньевна, жена Бонгарда, звонит этому чиновнику, будто секретарша большой шишки: «Сейчас с Вами будет говорить Г.М. Бонгард-Левин». Григорий Максимович берет трубку и начинает с необыкновенной уверенностью в своем праве на подобный тон: «Вам необходимо срочно отправить Вигасина в Индию». Министерский чиновник, наверняка, не слышал фамилию Бонгард-Левина. Он вовсе не был от него зависим. Он даже не проверял, что это телефон квартиры – и кто, в самом деле, с ним говорит. По сути, это мог бы быть я сам, если бы обладал такой же замечательной способностью внушения… Через несколько дней я летел в Дели.

Следующий эпизод произошел десять лет спустя. Григорий Максимович долго уговаривал меня защитить докторскую диссертацию. Я не отказывался, но и не предпринимал ровно ничего. Такое скучное дело – научная карьера… И вот однажды он попросил меня зайти на заседание диссертационного совета в Институте востоковедения (он был там председателем совета) – сказал, что будет обсуждаться вопрос, который может быть мне интересен. И вдруг на этом заседании звучит речь председателя о том, что Вигасин-де написал докторскую диссертацию, которая была отдана на отзыв Кларе Зармайровне Ашрафян[31]. Не веря своим ушам, в полной растерянности я слушаю Клару Зармайровну, которая с одобрением отзывается о моей рукописи. И ведь не вскочишь с места и не закричишь, что никакой рукописи в природе не суще-

[31] Клара Зармайровна Ашрафян (1924–1999) – индолог, исследователь средневековой Индии, в том числе жизни городов.

ствует… Бонгард вежливо спрашивает: «Алексей Алексеевич, Вам хватит пары недель на доработку?» Только тут у меня прорезался голос: «Нет, мне нужно два месяца». «Хорошо, – отвечает мой мучитель и благодетель, – ставим на защиту». Через несколько месяцев защита состоялась. Это был великий лицедей, который получал наслаждение от успеха любой своей авантюры.

Истфаковская школа научила меня тому, что история пишется на основе источников – и для того, чтобы историческая реконструкция была достоверной, необходимо начинать с решения источниковедческих проблем. Именно поэтому моя первая диссертация была посвящена источниковедческим проблемам изучения шастр – основных источников по общественным отношениям в Древней Индии. По существу, это было некое источниковедческое введение к циклу позднейших публикаций, составивших вторую мою диссертацию – об основных проблемах социального строя Древней Индии. Занятия той и другой тематикой диктовались только внутренней потребностью исследователя. Диссертации, как таковые, были побочным результатом научной деятельности. Печатать их никогда не планировал и не соглашался, все же диссертации – особый жанр.

Тематика моих публикаций довольно разнообразна, и это в значительной степени объясняется ролью преподавателя. Преподаватель не может готовить всех своих студентов по одной и той же теме или источнику. Временами, дав направление студенту или аспиранту, резко меняешь направление собственной работы. Направив Андрея Самозванцева на изучение дхармашастр, я перестал ими заниматься. Когда Володя Романов углубился в поздневедийскую литературу, я вовсе оставил эту тематику. Так и переходил от шастр к эпиграфике, от ведийской ритуалистики – к сочинениям греческих и латинских писателей об Индии.

В молодости я охотно брался учить языки – главным образом, из-за необходимости читать лекции о разных странах Древнего Востока. В студенческие годы занимался латынью под руководством К.А. Морозовой[32], а греческим – под руководством

[32] Клавдия Андреевна Морозова (1925–2001) – филолог-классик, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ.

А.Ч. Козаржевского[33], хинди учил с преподавателями ИВЯ. После окончания университета занимался хеттской клинописью (с В.В. Ивановым[34]), египетской иероглификой (с Е.Н. Максимовым[35]), древнеперсидским (с В.И. Абаевым[36]), пали и пракритами (с Т.Я. Елизаренковой). Языков этих я не знаю или знаю плохо, но никогда не жалел потраченного на них труда. Готовясь к лекциям по курсу истории Древнего Востока, чувствовал себя значительно увереннее тогда, когда имел представление о соответствующих языках, текстах и письменностях. И напротив, не любил читать лекции по Китаю – языка не знаю, культуру не чувствую.

Огромное место в моей жизни занимала подготовка разного рода учебной литературы. Здесь не только стандартный учебник по истории древнего мира для 5 класса (с Г.И. Годером[37] и И.С. Свенцицкой[38]) и соответствующие «книги для чтения» для детей, но и краткая «История Древнего Востока», «Хрестоматия по истории Древнего Востока» для вузов, университетские учебники по истории, источниковедению и историографии, сборник источников по истории Древней Индии и т. п.[39] Мне даже кажется иногда, что и

---

[33] Андрей Чеславович Козаржевский (1918–1995) – филолог-классик, исследователь античной литературы и ораторского искусства, автор ряда учебников по древнегреческому и латыни, заведовал кафедрой древних языков истфака МГУ в 1967–1995.

[34] Вячеслав Всеволодович Иванов (род. 1929) – лингвист, семиотик, литературовед, переводчик.

[35] Евгений Николаевич Максимов (1933–1976) – египтолог, исследователь мифологии и религии Египта и гностических учений.

[36] Василий Иванович Абаев (1900–2001) – филолог, языковед-иранист.

[37] Георгий Израилевич Годер (1929–2011) – школьный учитель, автор методических пособий по преподаванию истории и ряда школьных учебников. Муж И.С. Свенцицкой.

[38] Ирина Сергеевна Свенцицкая (1929–2006) – антиковед, эллинист, исследователь истории раннего христианства.

[39] *Вигасин А.А., Годер Г.И., Свенцицкая И.С.* История древнего мира: учебник для средней школы. М., 1993; *Вигасин А.А.* История Древнего Востока. М., 1999; История Древнего Востока. Материалы по историографии / отв. ред. А.А. Вигасин. М., 1991. С. 102–200; *Вигасин А.А.* Историография истории Древней Индии // Историография истории Древнего Востока. СПб., 2002. С. 77–162; *Его же.* Древняя Индия // Историография истории Древнего Востока: учебное пособие. М., 2009. С. 182–267; Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984. С. 149–152, 168–171, 195–197, 271–320.

собственно исследовательские мои публикации имеют какой-то педагогический смысл – будь то историческая география Древней Индии или так называемые вспомогательные дисциплины. Возможно, еще успею подготовить и по этой тематике учебные пособия.

Неизбежная для университетского преподавателя широта научных интересов дает некоторые преимущества исследователю. Уверен в том, что чтение (в далекой молодости) Платона и Ксенофонта по-гречески помогало мне потом в занятиях пракритской эпиграфикой, чтение Дигест на уроках латыни было полезно при работе с индийскими шастрами, а чтение хеттских анналов с В.В. Ивановым способствовало пониманию ведийской терминологии. Зачастую заметны эти переклички лишь самому автору, они могут вовсе не отражаться в цитатах и научном аппарате публикаций.

Профессор-американист Н.В. Сивачев[40], говорят, учил своих аспирантов: «Никогда не занимайтесь тем, что не пригодится для вашей диссертации или книги». Такой прагматизм мне совершенно чужд. Да и как знать, что именно пригодится для работы? Научные идеи рождаются из такого же сора, что и стихи. Мне кажется порою, что те или иные мысли появились под влиянием музыки. Как это – объяснить не могу. Когда пишу, главная трудность в настройке какого-то внутреннего камертона. Сначала появляется что-то вроде мотива или ритма, а уж потом писать становится легко. Но вовсе не хочу этим сказать, что великая музыка или живопись повинна во всякой ерунде, что вышла из моего пера…

Вероятно, у историков бывает совершенно разная манера работать. У меня все начинается с чтения текстов, с мучительных и увлекательных попыток адекватного их истолкования. Я хочу овладеть тем языком, на котором изъясняется автор источника – языком привычных для него понятий, языком культуры. В конце концов, историческая наука для того и существует, чтобы правильно понимать не только ближнего своего, но и дальнего.

---

1. *Авдиев В.И.* Лирика. К столетию со дня рождения. М, 1998.
2. *Бернштейн С.В.* Зигзаги памяти. М., 2002.

---

[40] Николай Васильевич Сивачёв (1934–1983) – историк США, автор учебного пособия для вузов по новейшей истории США.

3. *Вигасин А.А.* Древняя Индия // Историография истории Древнего Востока: учебное пособие. М., 2009. С. 182–267.
4. *Вигасин А.А.* Историография истории Древней Индии // Историография истории Древнего Востока. СПб., 2002. С. 77–162.
5. *Вигасин А.А.* История Древнего Востока. М., 1999.
6. *Вигасин А.А., Годер Г.И., Свенцицкая И.С.* История древнего мира: учебник для средней школы. М., 1993.
7. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2012.
8. *Догилева Т.* Тогда, сейчас и кот Серёжа. М., 2014.
9. История Древнего Востока: материалы по историографии / отв. ред. А.А. Вигасин. М., 1991.
10. Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984.
11. *Левыкин К.Г.* Мой университет. Для всех – он наш, а для каждого – свой. М., 2006.
12. *Ольденбург С.Ф.* Этюды о людях науки / отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. М., 2012.
13. *Рагозина З.А.* Древнейшая история Востока. Т. 4. История Индии времен Риг-Веды. СПб., 1905.
14. *Bongard-Levin G., Vigasin A.* Society and State in Ancient India // Indian Historical Review. 1979. Vol. V. P. 16–30.
15. *Bongard-Levin G., Vigasin A.* The Image of India. The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR. Moscow, 1984.
16. *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. V. 1–7. St. Petersburg, 1879–1889.

С.Б. Крих

Советская ассириология и не только: интервью с Б.Р. Фостером

Интервью посвящено памяти одного из величайших ассириологов XX в. Игоря Михайловича Дьяконова. Также профессор Б.Р. Фостер рассказывает о своем знакомстве с советской наукой и о своем пути в науке.

Ключевые слова: советская ассириология, И.М. Дьяконов, Шумер, взаимодействие между западной и советской научными традициями.

S.B. Krikh

Soviet Assyriology and beyond: an interview with B.R. Foster

Interview is dedicated to the memory of one of the great assyriologists of XX century Igor M. Diakonoff. Also Prof. Foster tells about his acquaintance with Soviet science and about his path in science.

Key words: Soviet Assyriology, Igor M. Diakonoff, Sumer, interaction between Western and Soviet scientific traditions.

Профессор ассириологии и вавилонской литературы а также куратор Йельской Вавилонской коллекции Бенджамин Рид Фостер (род. 1945) в настоящее время работает в Йельском университете на факультете ближневосточных языков и цивилизаций. Его основные интересы всегда были сосредоточены на исследовании аккадской литературы и на социально-экономической истории Месопотамии. В частности, им была издана антология «Перед музами» (1993, 1996, 2005) – аннотированные переводы прозы и поэзии с аккадского языка. В 2001 г. он перевёл «Эпос о Гильгамеше», в 2007 г. – издал книгу «Аккадская литература позднего периода». В области социально-экономической истории, помимо полусотни статей по различным её аспектам, он активно публикует первоисточники, а также издал две книги: «Умма в саргоновский период» (1982) и «Администирование и использование институциональ-

ных земель в саргоновском Шумере» (1982). Кроме того, в своём творчестве он касается и вообще вопросов культуры, повседневной жизни, практики управления Шумера и Аккада. Также, совместно с Карен Фостер, он является автором книги «Цивилизация Древнего Ирака» (2009, переведена на испанский в 2011) и, совместно с К.П. Фостер и П. Герштенблиц, книги «Ирак за пределами газетных заголовков: история, археология и война» (2005).

Для нашего издания Б.Р. Фостер любезно согласился дать небольшое интервью, посвящённое в основном воспоминаниям о том периоде, когда достижения советской ассириологии приковали его внимание, заставили обратиться к чтению ассириологических исследований на русском языке и установить знакомство с рядом советских историков. Отчасти это интервью, как и наш сборник, тоже посвящено научной неудаче: советской ассириологии так и не удалось стать органической частью мировой ориенталистики. Поскольку широкому читателю мало известны персоналии востоковедов, мы позволили себе относительно подробные комментарии.

Западные учёные (исключая славистов), редко читают по-русски. Что заставило Вас изучать русский язык?

Я получил некоторое представление о русском во время моей службы в армии США. В ожидании нового назначения, я был временно размещён в ужасном месте под названием Форт Худ[1], штат Техас, в батальоне по техобслуживанию танков. Поскольку я ничего не знаю о техобслуживании танков, то работал в отделе снабжения. Нас там было трое, у всех был десятичасовой рабочий день, а реальной работы было от силы на полчаса. Когда стало известно, что есть возможность изучать иностранные языки в учебном языковом центре, я записался на изучение русского. Увы, в скором времени пришло переназначение, но я получил достаточное представление о языке, чтобы читать на нём с помощью словаря. Я действительно хотел учить язык и был счастлив тем са-

[1] Одна из крупнейших военных баз армии США, названная в честь генерала конфедератов Дж.Б. Худа (1831–1879), основана в 1942 г.; в настоящее время печально известна благодаря убийствам, совершённым на её территории стрелками-одиночками в 2009 и 2014 гг. Расположена недалеко от города Киллина в центральной части Техаса. В летние месяцы температура воздуха в этих местах достигает 44 °С, осадки незначительны.

мым избавить себя от скуки и тоски текущей работы. Приходилось довольно долго идти через базу под горячим техасским солнцем, но это определённо того стоило.

Каковы были Ваши первые впечатления от языка советской историографии? Когда я говорю о языке, я имею в виду не русский язык, но особую советскую терминологию. Долго ли Вы к ней привыкали?

Что мне нравилось в советской школе, так это то, что она имела определённую, всеобъемлющую методологию, в то время как западные исторические сочинения по большей части перефразировали царские надписи и месопотамскую историческую литературу. Меня не испугал весьма специфический словарь советской историографии, и я вскоре к нему привык. Мне понравился свойственный марксистской науке подход «снизу вверх» и её инклюзивность, а не просто сфокусированность на царях. Моими первыми авторами, прочитанными на русском, были Тюменев[2] и Дьяконов[3], затем В.В. Струве[4] – конечно, не совсем шедевры русской

---

[2] Александр Ильич Тюменев (1880–1959) – русский и советский историк античности и древнего Ближнего Востока, преимущественно Шумера. Тюменев был одним из первых русских историков древности, кто стал марксистом – ещё задолго до 1917 г. Написал ряд трудов по методологии истории, теоретическим проблемам античных и восточных обществ, подготовил несколько учебников по истории Греции и Рима. Во второй половине 1930-х гг. обратился к изучению экономики Шумера, поскольку именно шумерские источники послужили основой рабовладельческой концепции В.В. Струве. В результате своих исследований Тюменев в общем согласился с характеристикой шумерского общества как рабовладельческого, но с рядом характерных расхождений с позицией Струве; кроме того, он не сближал, а скорее разделял восточное и античное общества как два различных варианта рабовладельческой формации.

[3] Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999) – советский востоковед, историк древности, лингвист. Внёс большой вклад в разработку проблем шумерской экономики (представление о двух основных её секторах), разработал теорию социальной структуры древнейших ближневосточных обществ, внёс вклад в создание общей концепции истории древнего мира, воплотившейся в ряде учебных пособий и работах учеников и последователей (В.А. Якобсон). В области языкознания предложил концепцию афразийских языков.

[4] Василий Васильевич Струве (1879–1965) – русский и советский востоковед. Начинал как египтолог, учился у Б.А. Тураева (1868–1920), перед Первой мировой войной прошёл стажировку в Берлине в семинаре А. Эрмана (1854–1937). С конца 1920-х гг. примыкает к марксистскому направлению в советской историографии,

литературы, но это было как раз то, что я искал. Позже я обнаружил книгу младшего Никольского[5] о землевладении[6] и некоторые другие малоизвестные сочинения; более того, Йель обладает большой подборкой «Вестника древней истории», так что я мог начать с самого начала. Я многому научился у моих русских коллег и никогда не жалел усилий, потраченных на обнаружение и чтение их работ.

Но советские историки обладали разными характерами. Дьяконов был «вторым поколением» (после Струве, Тюменева, Никольского, Рифтина[7]), и он был более... понятным для западных коллег, не так ли? Я думаю, Дьяконов имел некоторое сходство с Гельбом[8] в своём «научном стиле» – я имею в виду инте-

---

в начале 1930-х гг. участвует в дискуссии об азиатском способе производства, постоянно колеблясь в оценках. В 1933 г. выступает с подробным обоснованием концепции рабовладельческого способа производства в странах древнего мира и с идеей о принципиальном единстве развития древневосточного и античного обществ. Эти идеи, с некоторыми вариациями, легли в основу представлений советской науки о древнем мире.

[5] Николай Михайлович Никольский (1877–1959) – русский и советский востоковед, историк религии, сын М.В. Никольского (1848–1917), известного своим изданием корпуса шумерских и ассирийских табличек (1908, 1915). «Старший» Никольский тем самым заложил основы шумерологии в России, «младший» же, наряду с А.И. Тюменевым, относится к первым российским историкам древности, поддержавшим марксизм. Был автором первого (не ставшего образцовым) советского учебника древней истории для школ (1933), при этом считал античные общества рабовладельческими, древневосточные – феодальными (те и другие развивались в направлении античного капитализма), а основным классом эксплуатируемых в древней Вавилонии – зависимых работников. Полемизировал с В.В. Струве в середине 1930-х гг., рабовладельческий характер восточных обществ признал относительно поздно и со значительными оговорками. Автор «Истории русской церкви» (1931).

[6] *Никольский Н.М.* Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье (К истории вавилонско-ассирийского общества в III–I тыс. до н. э.). Минск, 1948.

[7] Александр Павлович Рифтин (1900–1945) – советский лингвист, ассириолог. Преподавал шумерский, аккадский и хеттский языки. Учитель И.М. Дьяконова. Единственная крупная работа: *Рифтин А.П.* Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937.

[8] Игнас Ежи [Джэй] Гельб (Ignace Jay Gelb, 1907–1985) – американский лингвист и ассириолог польского происхождения. Работал в Восточном институте Чикагского университета, редактор «Чикагского ассирийского словаря». От пуб-

рес к широкому кругу исторических и не только исторических вопросов, интерес к теоретическим проблемам в сочетании с вниманием к каждой детали. Что Вы думаете об этом?

Дьяконов возвышался над ними всеми[9]. Это постыдно, что он так и не был принят в Академию наук из-за враждебности Струве[10]. Я полагаю, его первая ассириологическая статья появилась в 1939 г., так что для меня он был старшим поколением. Он был, в сущности, единственный в то время известен на Западе (он провёл семестр или год в Чикаго). Я не думаю, например, что кто-нибудь на Западе использовал или даже видел огромный тюменевский том по третьему тысячелетию[11]; я даже не могу вспомнить, чтобы мне встретилась из него хотя бы одна цитата, в то время как, выйди он на немецком, то был бы в каждой библиографии[12]. Дьяконов также курировал представительную выборку русских работ, которая публиковалась на английском, а английское резюме его работы по продаже земли, написанной для Международного

ликации источников обратился к исследованию социальной структуры общества древней Месопотамии; при некотором совпадении взглядов с точкой зрения Дьяконова, между учёными шла и полемика. На русском языке при активном участии И.М. Дьяконова опубликована его книга: *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма (Основы грамматологии). М., 1982.

[9] В оригинале особенно красиво: «Diakonoff towered over them all».

[10] И.М. Дьяконов стал членом зарубежных академий, например Британской академии, Американской академии искусств и наук; почётным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, Американского востоковедного общества.

[11] *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956. Тираж книги составил всего 2000 экземпляров. В предисловии (С. 3) Тюменев благодарит Дьяконова за чтение работы в рукописи и ценные замечания по частным вопросам; вероятно, это обстоятельство привело к тому, что на одном из зарубежных букинистических сайтов в характеристике книги он указан как коллега и ученик (!) «более известного» Дьяконова.

[12] Правоту этих слов подтверждает большая статья М. Молины по реформам Урукагины 1995 г., где собрана обширная библиография, но из работ советских авторов представлены только те, что вышли на английском, т. е. по одной статье А.И. Тюменева и В.В. Струве (фрагмент из доклада 1933 г.) и две – И.М. Дьяконова. При этом если на Дьяконова есть несколько ссылок, то Тюменев и Струве фигурируют только в списке литературы. Точка зрения Струве на статус «игинуду» не упоминается. См.: *Molina M.* Las «Reformas» de UruKAgina // Lingua e Historia. Scripta Fulgentina. 1995. Vol. 9–10. P. 72, n 102. Естественно, русская традиция перевода текстов Урукагины М. Молине в принципе неизвестна.

конгресса востоковедов в 1960 г.[13] вошло в широкий оборот и на него часто ссылались. Дьяконов писал мне в 1995 г.: «До нас не так часто доходит любой оттиск – или любой журнал или книга по этой теме. И за более чем пятьдесят лет моей работы в данном направлении мне так [подчёркнуто] печально, когда я наблюдаю, что знаменитое правило rossica non legitur[14] всё ещё в силе, как и сто лет назад. И теперь я получаю Вашу работу, и вижу, сколько сделали Вы самостоятельно, чтобы ознакомиться практически со всем [подчёркнуто], что я написал на тему, о которой идёт речь, и что Вы отдаёте мне должное. Спасибо Вам большое!» Он был очень раздосадован на то, что никогда не получал признание в авторстве многих важных идей, приписываемых другим, в которых он был первым, таких как «примитивная демократия», и что его работы просто оказались непрочитанными за пределами России и стран «Восточного блока» (прежде всего ГДР и Чехословакии). Да и то поляки всегда делали вид, что они в принципе не могут читать по-русски. Он был действительно исключительным учёным, и я старался читать всё, что мог найти из написанного им по истории Ранней Месопотамии.

У Вас было личное общение с коллегами из СССР? И чувствовали ли Вы разницу между опытом от чтения советских книг и статей с одной стороны и, с другой стороны, при самом общении? Каково было Ваше впечатление?

Да, у меня было много персональных коммуникаций. Как только появилось ксерокопирование, я часто посылал копии кол-

[13] *Diakonoff I.M.* Sale of Land in Pre-Sargonic Sumer // Papers Presented by the Soviet Delegation at the XXIII International Congress of Orientalists. Moscow, 1954. P. 19–29.

[14] Парафраз средневековой поговорки, распространённой среди монахов-переписчиков, «Graecum est, non legitur» – дословно «на греческом, нечитаемо», русский аналог – «китайская грамота», до сих пор сохранившейся в английском («That's Greek to me»). Ещё до революции переделанная на русский лад «Rossica sunt, non leguntur» распространилась в качестве горькой констатации факта оторванности русской науки от европейской – так, например, эти слова употреблял М.И. Ростовцев (1870–1952). И.М. Дьяконов пишет в своих мемуарах примерно о том же, что и в письме Б.Р. Фостеру. См.: *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I. СПб., 2000. С. 320–321, прим. 17; *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 738.

легам, а они отсылали мне русские публикации. Правда, такие посылки надо было регистрировать, чтобы их не украли в почтовом отделении. Если они были зарегистрированы, они выглядели очень официально, и как правило, всё заканчивалось благополучно. Также нужно было отправлять посылку на домашний адрес учёного, потому что если институт получал что-либо на свой адрес, то он держал это у себя. Настоящая наука не знает политических границ, так что для меня было честью наслаждаться дружбой сквозь преграду «железного занавеса». И я был рад встретить многих лично на ленинградской «Rencontre Assyriologique»[15].

По поводу конгресса ассириологов в Ленинграде в 1984 году. Каковы были Ваши впечатления от организации? Были какие-то особенности в научном конгрессе, проводимом в СССР, по сравнению с другими странами?

Конгресс в Ленинграде был очень интересным. Я думаю, большинство людей были там ради экскурсий, так что организаторы меняли программу, чтобы люди могли на них сходить. У КГБ была проводная система слежки и оповещения, так что она не очень хорошо работала. К тому же, студенты показали нам, как прослушивались номера. Были такие вахтёрши на каждом этаже гостиницы, которые смотрели на вас и говорили, чтобы вы вели себя тихо. Я был впечатлён, что студенты, которые всюду нас сопровождали, говорили на превосходном английском, и был удивлён, что на совсем недавнем RAI в Москве – Санкт-Петербурге[16] студенты этого не могли. В Ленинграде нас встретили в аэропорте, всюду сопровождали, доставили по реке на городском круизном катере и дали большой выбор экскурсий от «Интуриста». Это было весело. Также было замечательно увидеть всех своих советских коллег лично, в моём случае это было впервые. Фактически

---

[15] Всемирный конгресс ассириологов (Rencontre Assyriologique Internationale) проводится ежегодно начиная с 1950 г. Первое заседание состоялось в Париже в честь великого Ф. Тюро-Данжена (François Thureau-Dangin, 1872–1944). Конгресс в Ленинграде состоялся впервые в 1984 г., его организовывали И.М. Дьяконов и М.А. Дандамаев.

[16] Новый конгресс в Москве и Петербурге проходил 23–28 июля 2007 г., и был посвящён двум темам: «Язык на древнем Ближнем Востоке» и «Городское управление на древнем Ближнем Востоке».

не было никаких ресторанов, чтобы в них сходить; так что, я думаю, мы попробовали в гостинице почти все блюда. Я отблагодарил студентку, которая очень помогала мне, подарив ей американскую футболку, и она была в совершенном восторге, выхватив её у меня и спрятав, чтобы никто этого не увидел. Я также послал ей экземпляр «Стихов Матушки Гусыни» из США, и она его действительно получила. А вот несчастный профессор Клима[17] был ограблен на русский лад: ему перерезали сзади ремень, спустили штаны и забрали бумажник, оставив его беспомощным. Люди иногда делали странные вещи, например в мужских номерах у постояльцев просили продать их обувь; мне всегда было интересно, что я должен был делать без обуви. На самом деле, я замечательно провёл время на том конгрессе, хотя не помню ни одного из докладов, и я полагаю, что на русском о работе конгресса было опубликовано только краткое резюме; насколько я помню, доклады на русском подавать было запрещено.

Вернёмся к Дьяконову. Конечно, его исследование месопотамского общества, как фактическое, так и теоретическое, оказало сильное влияние на ассириологию. Но что Вы можете сказать насчёт его «метатеории», которая была частично представлена в «Ранней древности»[18], но особенно в «Путях истории»[19]? Не слишком ли это большие претензии для ассириолога?

[17] Йозеф Клима (Josef Klíma, 1909–1989) – чешский ассириолог, ученик Б. Грозного. На русском языке издана его книга «Общество и культура древнего Двуречья» (1967). Изучал Законы Хаммурапи и вообще законодательную традицию Месопотамии.

[18] Early Antiquity / Diakonoff I.M., volume editor. Chicago, 1991. Это издание было переводом первой части учебного пособия для вузов «История древнего мира» (1983) под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Один из рецензентов отмечал, что в этой книге дана «самая аргументированная и наиболее разработанная теория общественного развития ранней древности из всех, когда-либо представленных». *Uchitel A.* Rev.: I.M. Diakonoff (ed.): Early Antiquity. Transl. by Alexander Kirjanov. Project editor Philip L. Kohl. XXIII, 461 pp. Chicago and London: Chicago University Press, 1991. £ 39.95, $ 57.50 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1993. Vol. 56. № 2. P. 352.

[19] *Diakonoff I.M.* Paths of History. Cambridge, 1999. Первое русское издание: *Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. Книга получила в основном отрицательные или прохладные отзывы как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Когда я впервые прочитал эту книгу после её публикации, то, должен сказать, был скорее разочарован, поскольку я бы выбрал для перевода и публикации какое-либо из его более солидно документированных исследований. Перечитав её недавно, я был гораздо более заинтересован, во-первых, потому что сам пытался написать историю Месопотамии в несколько сотен страниц[20] и обнаружил, что это гораздо сложнее, чем написать специальное исследование того же объёма, и во-вторых, мне было интересно увидеть, что Дьяконов выбрал из своих сочинений для того, чтобы включить в обобщающую книгу и подчеркнуть в ней, а что он оставил в стороне. Я сомневаюсь, чтобы эта книга имела успех или что много людей прочитало её в моей стране, но не имею никакой возможности проверить это. Если вы сравните её с чем-то вроде «Кембриджской истории древнего мира», то увидите, насколько они совершенно различны по духу и по целям.

По Вашему мнению, какие элементы дьяконовской концепции истории древней Месопотамии сейчас устарели?

Концепции, сформированные в 1950-е гг., неизбежно нуждаются в переосмыслении. Например, Дьяконов использовал данные по земельным продажам с севера и юга Месопотамии как показатель для одних и тех же типов земельных владений[21]. Его трактовка городского совета в аккадский период не имеет надёжной источниковой базы. Ну и можем ли мы действительно говорить, что Римуш[22] ликвидировал старую шумерскую знать? Это звучит очень по-большевистски. И тому подобные моменты.

---

[20] Имеется в виду эта книга: *Foster B.R., Foster K.P.* Civilization of Ancient Iraq. Princeton, 2009. На протяжении двух сотен страниц прослежена история Месопотамии от первых поселений на Тигре и Евфрате до арабского завоевания.

[21] См. прим. 13.

[22] Речь идёт о втором царе Аккада, сыне Саргона – Римуше (XXIII в. до н. э.) и причине его смерти в результате покушения во дворце. Дьяконов полагал, что Римуш проводил жёсткую линию на подавление старой шумерской знати, которая проявляла сепаратистские тенденции; именно представителей этой знати он и считал участниками заговора. Другие исследователи предпочитают говорить о дворцовом перевороте, за которым, возможно, мог стоять брат и наследник Римуша Маништушу. См.: История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 244–246; История Востока в шести томах. Т. I. Восток в древности. М., 2002. С. 60–61; *Струве В.В.* История Древ-

Что Вы думаете о перспективах ассириологии? Правда ли, что экономические исследования в последние десятилетия не так популярны, как в 1950–1980-х гг.? Изменились ли Ваши интересы за эти годы?

Когда я был молодым исследователем, социально-экономическая история не была популярной; теперь она кажется мне всё-таки очень популярной, до такой степени, что сейчас невозможно отслеживать текущую литературу и в том смысле, что этими исследованиями занимаются учёные во многих странах. Вы можете прочитать несколько больше комментариев по тенденциям в ассириологии в моей обзорной статье в JESHO (о работах Шарпена и Робсон), размещённой на academia.edu[23]. Я начал с занятий социально-экономической историей, затем потратил много времени на исследование литературы, теперь стремлюсь заниматься сразу тем и другим. Это освежает – переключаться между разными аспектами исследовательского поля.

Кто повлиял на Ваше становление как исследователя?

Я впервые начал серьёзно заниматься ассириологией благодаря Сэмюэлю Ноа Крамеру[24], у которого я обучался в неоплачиваемой стажировке как учащийся старших классов школы. Его коллега, Э.А. Спейзер[25], который был другом моего деда, дал мне

него Востока. Л., 1941. С. 81; The Cambridge Ancient History. Vol. I. Part 2. Early History of the Middle East / Ed. I.E.S. Edwards, C.J. Gadd, N.G.L. Hammond. Cambridge, 2006. P. 437.

[23] Речь идёт о социальной сети для сотрудничества учёных, созданной в 2008 г., которая позволяет исследователям делиться между собой научными работами. Упоминаемая статья: *Foster B.R.* Recent Studies of the Role of Writing in Mesopotamian Civilization // Journal of the Economic and Social History if the Orient. 2013. Vol. 56. P. 494–502.

[24] Сэмюель Ноа Крамер (Samuel Noah Kramer, 1897–1990) – американский востоковед, шумеролог, преподавал в Пенсильванском университете. Родился в г. Жашкове (ныне Черкасская область, Украина). Работая по всему миру, внёс большой вклад в публикацию источников, написал ряд специальных и популярных работ об истории Шумера, исследовал шумерские литературу и религию. На русский переведены две его работы: «История начинается в Шумере» (1965) и «Шумеры. Первая цивилизация на Земле» (2002).

[25] Эфраим Авигдор Спейсер (Ephraim Avigdor Speiser, 1902–1965) – американский ассириолог; родился в Галиции; преподавал в Университете Пенсильвании. Изучал этническую историю древнего Ближнего Востока.

должность. Моими учителями в Йеле были Галло[26] и Финкельштейн[27]; Галло был моим руководителем по диссертации и предложил её тему.

Крамер достаточно много общался с коллегами из СССР. Вы помните какие-либо из его замечаний о советской историографии?

Единственный комментарий Крамера, который я помню, находится в конце его книги о шумерах[28], где он немного рассказывает о книге Дьяконова про Шумер[29] и хвалит её, значит, он должен был её читать. Я не помню, чтобы он говорил об СССР хоть что-либо в своей автобиографии[30], хотя там достаточно много рассказано о ГДР.

По Вашему мнению, какова роль отношений между учителями и учениками в развитии науки?

Что касается взаимоотношений учеников и учителей, то я надеюсь, что мои студенты возьмут от меня всё хорошее и проигнорируют всё плохое. Торкилд Якобсен[31] сказал мне это однажды, и я думаю, это безупречная мысль.

---

[26] Вильям Вольфганг Галло (William Wolfgang Hallo, род. 1928) – работал в Йельском университете, был куратором Вавилонской коллекции. Автор работ по истории и культуре Ближнего Востока, в особенности Шумера.

[27] Джэйкоб Джоэл Финкельштейн (Jacob Joel Finkelstein, 1922–1974) – американский ассириолог, работал в Йельском и Калифорнийском университетах. Занимался публикацией источников (из Султан-тепе, старовавилонских документов и писем).

[28] *Kramer S.N.* The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago, 1963. P. 75, n. 2. Русский перевод: *Крамер С.* Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002. С. 92.

[29] *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

[30] *Kramer S.N.* In the World of Sumer: An Autobiography. Detroit, 1986. Сам Б.Р. Фостер опубликовал небольшую, но интересную рецензию на эту книгу: *Foster B.R.* Rev.: In the World of Sumer: An Autobiography, by Samuel Noah Kramer. 255 pages, frontispiece, 29 black-and-white photographs, 1 text figure, 1 map. Wayne State University Press, Detroit, MI 1986. $ 37.50 // Archaeology. 1987. Vol. 40. № 3. P. 68–69.

[31] Торкилд Якобсен (Thorkild Jacobsen, 1904–1993) – американский ассириолог датского происхождения. Преподавал в Восточном институте Чикагского уни-

1. *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма (Основы грамматологии). М., 1982.

2. *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.

3. *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

4. *Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

5. История Востока в шести томах. Т. I. Восток в древности. М., 2002.

6. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983.

7. *Крамер С.* Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002.

8. *Никольский Н.М.* Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье (К истории вавилонско-ассирийского общества в III–I тыс. до н. э.). Минск, 1948.

9. *Рифтин А.П.* Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.; Л., 1937.

10. *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I. СПб., 2000.

11. *Струве В.В.* История Древнего Востока. Л., 1941.

12. *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.

13. The Cambridge Ancient History. Vol. I. Part 2. Early History of the Middle East / Ed. I.E.S. Edwards, C.J. Gadd, N.G.L. Hammond. Cambridge, 2006.

14. *Diakonoff I.M.* Paths of History. Cambridge, 1999.

15. *Diakonoff I.M.* Sale of Land in Pre-Sargonic Sumer // Papers Presented by the Soviet Delegation at the XXIII International Congress of Orientalists. Moscow, 1954. P. 19–29.

16. Early Antiquity / Diakonoff I.M., volume editor. Chicago, 1991.

17. *Foster B.R., Foster K.P.* Civilization of Ancient Iraq. Princeton, 2009.

18. *Foster B.R.* Recent Studies of the Role of Writing in Mesopotamian Civilization // Journal of the Economic and Social History if the Orient. 2013. Vol. 56. P. 494–502.

верситета и в Гарварде, редактор и автор «Чикагского ассирийского словаря». Издания источников (в том числе «Царского списка»), исследования шумерской поэзии, истории и религии.

19. *Foster B.R.* Rev.: In the World of Sumer: An Autobiography, by Samuel Noah Kramer. 255 pages, frontispiece, 29 black-and-white photographs, 1 text figure, 1 map. Wayne State University Press, Detroit, MI 1986. $ 37.50 // Archaeology. 1987. Vol. 40. № 3. P. 68–69.

20. *Kramer S.N.* In the World of Sumer: An Autobiography. Detroit, 1986.

21. *Kramer S.N.* The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago, 1963.

22. *Molina M.* Las «Reformas» de UruKAgina // Lingua e Historia. Scripta Fulgentina. 1995. Vol. 9–10. P. 47–80.

23. *Uchitel A.* Rev.: I.M. Diakonoff (ed.): Early Antiquity. Transl. by Alexander Kirjanov. Project editor Philip L. Kohl. XXIII, 461 pp. Chicago and London: Chicago University Press, 1991. ₤ 39.95, $ 57.50 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1993. Vol. 56. № 2. P. 47–80.

Раздел 6

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

А.В. Антощенко

«Я старался быть объективным, как историк, и просто понять»*

Публикация А.В. Антощенко включает письма историка Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой, которые хранятся в НИОР РГБ. Эти письма заключают в себе не только его признание в любви к адресату, но и понимание им окружающего мира.

Ключевые слова: биография Г.П. Федотова, Первая русская революция, саратовская социал-демократическая организация, любовь.

A.V. Antoshchenko

«I tried to be objective, as a historian, and merely to understand»

Publication by A.V. Antoshchenko includes the letters from historian George Fedotov to Tatyana Dmitrieva, which are kept in the Department of Manuscripts of the RSL. These letters are love confession letters which have expressed his attitude to the addressee as well as to the world around.

Key words: biography of George Fedotov, First Russian revolution, social-democrats in Saratov province, love.

Знакомство Г.П. Федотова и Т.Ю. Дмитриевой произошло в начале 1905 г. в Саратове, куда семья Федотовых переехала из Воронежа после окончания им с золотой медалью Воронежской муж-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 13–01–00170 «Апостол древнерусской святости Г.П. Федотов (1886–1951)».

ской гимназии летом 1904 г. Местом дальнейшей учебы Георгий выбрал Технологический институт в Петербурге, чтобы «сблизиться с рабочими и вести пропаганду»[1], а на рождественские каникулы приехал в Саратов. Однако каникулы затянулись из-за начавшейся революции.

Дружба Г.П. Федотова с Т.Ю. Дмитриевой, постепенно переросшая в любовь, оказала значительное влияние на него, определив во многом формирование его характера и судьбы[2]. С одной стороны, Татьяна вовлекла его в пропагандистскую работу среди рабочих, познакомила его с саратовскими социал-демократами. С другой, любовь к ней открыла Георгию красоту мира, что позволило преодолеть сформированную эстетическим нигилизмом российских радикальных демократов «душевную ненависть», подпитывавшую его первоначальные революционные устремления, и отойти в конечном итоге от подпольной деятельности.

Поездка Т.Ю. Дмитриевой с матерью в Геленджик летом 1905 г. обусловила начало долгой переписки между Георгием и Татьяной, которая длилась до 1920 г.[3] Она велась в то время, когда они не могли видеться лично. Таких периодов в жизни активно включившегося в пропагандистскую работу саратовских социал-демократов и ставшего летом 1905 г. членом их городского комитета Г.П. Федотова было много. Весной 1906 г. он вынужден был скрываться от преследований жандармов в Вольске, а осенью того же года после ареста в Саратове его выслали на два года в Германию. Именно здесь во время рождественских каникул у него родилась мысль в письмах вспомнить о том, как развивались их отношения с Татьяной. «Последнее время, – писал он в письме к Т.Ю. Дмитриевой 24 декабря 1906 г. из Берлина, – я проследил и передумал всю историю нашего знакомства. Я старался быть объективным, как историк, и просто понять. Ну, и если выражаться

---

[1] См.: [Федотова Е.Н.] Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Paris, 1967. С. V.

[2] См. подробно: *Антощенко А.В.* Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008. С. 50–75.

[3] См.: *Антощенко А.В.* Послесловие // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1996–2014. Т. 12.: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. С. 240–256.

языком историка, у меня не хватало некоторых документов. Воображение заполонило все пробелы, но мне нужно быть уверенным, что я не ошибаюсь. Словом, я попрошу тебя ответить на несколько вопросов – не теперь, нет, как-нибудь, в другой раз. О, если бы у меня была хоть малейшая способность к творчеству! Сколько могла бы дать мне эта одна история – история Жоржа и Тани. Сколько прекрасного могло бы жить, не умирая, а какие интересные психол[огические] загадки могли бы быть поставлены, если не решены. Но так как я не психолог, не поэт, и не просто историк, то эта прекрасная история, вместо наслаждения доставила мне только несколько лишних гвоздиков; они попали под мою постель, и мешают мне спать. Я неблагодарный. Вместо того, чтобы быть довольным тем, что досталось мне, и о чем я не могу иначе вспомнить, как о ярком счастье, – я возвращаюсь к концу, к итогам. Я помню, что еще накануне отъезда, когда я дал волю своему пессимизму, ты призналась мне, что я был прав. Вообще, у меня так много доказательств – против меня, что мой песс[ими]зм все-таки не на воздухе держится. Ну, оставим его.

Мое различие от историка состоит в том, что я не хочу, чтобы моя история кончалась. Не знаю, Таня, почему именно теперь мне так не достает тебя. Ну, а чем больше ты значишь для меня, тем больше я говорю “глупостей” – как всегда. Ты запомни это, и бранись только тогда, когда я буду вести себя пай-мальчиком. Когда ты бывала олицетворенным благоразумием (к счастью, не так часто), мне чувствовался холод в твоих словах и мыслях. Здравый смысл, – ведь это заводной автомат в человеке, и принимается играть свою музыку тогда, когда все человеческое в душе заснуло.

Таня, послушай, я хочу рассказать тебе мой план. Моя “история” все-таки мучит меня. Я хочу ее рассказать – тебе. Тебе это не покажется смешным, если я в письмах буду рассказывать тебе «историю о том, как познакомились Жорж и Таня, и что из этого вышло?». М[ожет] б[ыть], я скажу тебе что-нибудь новое о себе, о чем до сих пор молчал. И, м[ожет] б[ыть], я провинюсь против тебя, не поняв многих твоих побуждений. Тогда ты должна меня поправить, чтобы не оставалось никакой лжи. Только знай, милая, я буду говорить не об одном Жорже, но и о Тане. Это смело с моей стороны. Но ты должна знать, что я думаю о тебе, хотя бы я

и ошибался. Я буду писать тебе часто и с увлечением. Впрочем, ты можешь всегда потребовать у меня переменить тему. – Так я думаю воспользоваться твоей просьбой о “длинных, откровенных письмах”»[4].

Эта пространная цитата призвана еще раз подчеркнуть, что публикуемые ниже письма-исповедь значимы не только для изучения формирования личности Г.П. Федотова, уяснения роли в этом его чувства любви к Т.Ю. Дмитриевой и ее влияния на этот процесс. Они представляются важными и для понимания складывания исследовательского метода лишь недавно начавшего свое университетское образование будущего историка. Думается, что их можно рассматривать как первую, далеко неосознанную попытку применения приемов гносеологической концепции «понимания» (Versteihn), в основе которой, по мнению В. Дильтея, лежали принципы признания «чужой одушевленности» и эмпатии. Первый шаг к выработке способности к «конгениальности» был сделан начинающим историком в отношении самого близкого ему человека – его возлюбленной. Следующим будет – обращение к автобиографическому произведению св. Августина «Исповедь», сочинение о котором будет удостоено по отзыву его учителя в Петербургском университете И.М. Гревса золотой медали.

Оригинал этого послания, состоящего из нескольких писем, но написанных от третьего лица и без традиционного обращения к адресату, хранится в НИОР РГБ (Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 17). Оно помещено в раздел «Приложения к письмам». Текст публикуется по современным правилам орфографии с сохранением некоторых особенностей авторской пунктуации и подчеркиваний. Расшифрованные сокращения в случае, если это удавалось сделать, приводятся в квадратных скобках, как и пометы, сделанные рукой Т.Ю. Дмитриевой, с соответствующими указаниями на них. Даты в комментариях приводятся по юлианскому календарю. В некоторых случаях идентифицировать упоминаемых в письмах лиц не удалось.

[4] *Федотов Г.П.* Собр. соч . Т. 12. С. 66–68.

Письма-исповедь Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой (1906–1907)

George Fedotov's love confession letters to Tatyana Dmitrieva (1906–1907)

[1]

Мама[5] давно находила, что Жоржу нужно быть более общительным и светским молодым человеком. «Сидит целый день, уткнувшись в книжку, это ни на что [не] похоже». Старая бабушка[6], которая доживала тогда свои последние дни, была того же мнения. Она находила Жоржа интересным и пророчила, что он будет кружить голову всем дамам. И, наконец, тетя Оля[7] объявила, что она познакомит его с Д[митриевыми]. Бояться ему нечего. Н[аталья] И[вановна][8] из красных, у них он встретит себе товарищей. Жоржу мало улыбалось такая рекомендация. Ему почему-то Д[митриевы] представлялись помещиками из круга тети Оли, и во всяком случае светскими людьми. А он был ужасный дикарь. Провести вечер в обществе было для него пытка. Когда кругом смеялись, танцевали, кокетничали слегка, на него нападала удивительно мрачная тоска. Он старался найти свою шляпу и незаметно улизнуть. И все-таки он пошел с тетей к Д[митриевым]. Почему? В последнее время он чувствовал себя из рук вон плохо. Нервы окончательно расшатались. Тогда уже началась революция. Кровь текла. И на его слабой душе оставались рубцы. Вот уже месяцы, как он жил одной ненавистью. И чем бессильнее он себя чувствовал, чем дальше от жизни и ее борьбы, тем злоба была ядовитее, и отравляла его, еще почти детское сердце. А он был совсем вышвырнут из жизни, точно стоял на берегу и смотрел. О, это нелегко смотреть, как люди тонут. Он был всегда нерешителен, этот Жорж. Сделать первый шаг навстречу этим людям, кот[о]рые борются и умирают, он не мог. Да он и не знал, как это сделать. А он искал – силу, которая взяла бы его и швырнула в поток, не спрашивая его, и сделала бы его полезным в жизни. А главное заглушила бы больную совесть.

---

5 Федотова (в дев. – Иванова) Елизавета Андреевна (1853–?) – мать Г.П. Федотова.

6 Иванова Варвара Максимовна (?–1905) – бабушка Г.П. Федотова по материнской линии.

7 Буковская (в дев. – Иванова) Ольга Андреевна (1854–?) – тетя Г.П. Федотова по материнской линии.

8 Дмитриева (в дев. – Фаресова) Наталья Ивановна (1856–?) – мать Т.Ю. Дмитриевой, сестра народовольца А.И. Фаресова, осужденного по «делу 193-х».

Как часто в этом туманном, мрачном Пет[ербурге], к[отор]ый наводил на него отчаяние холодом своих стен, у него являлось страстное желание: бежать, бежать сейчас же, искать, догнать жизнь, к[отор]ая уходила у него, сейчас, не теряя ни минуты. Он вскакивал и бежал по туманным, сырым улицам, не зная куда. Он заглядывал в лица прохожих, хотел угадать в них тех загадочных и прекрасных людей, к[отор]ые проходили мимо него. И он узнавал их – молодые, гордые лица, сильные и выразительные. Он молился им. Это было, конечно, религиозное поклонение, к[отор]ое с годами выросло в нем перед «мучениками», «героями». Вся жизнь кругом них была сплошная пошлость и зло. Лишь там, в их тесном кругу, все прекрасное и справедливое. Но они проходили мимо него... И он не знал к ним дороги. Как жаль, что среди его бумаг погибла одна тетрадка, когда? – должно быть перед жанд[армским] обыском, который до смерти перепугал его бедную маму[9]. В этой тетрадке он набросал свои злые, сумасшедшие фантазии, в к[отор]ых отражалась одна кровь, – кровь, что забрызгала его душу. Он написал это чуть не за несколько дней до знакомства с Таней. Там были восставшие анабаптисты, мюнстерские пророки, к[отор]ые кровью создавали царство Божие на земле. И весь чудовищный фанатизм их, вместе с железной верой в победу вылились в этой последней угрозе: «Завтра тела их устелют землю и будут добычею псов!» Все, что было смешного здесь, и в самом Жорже, отступает назад перед тем, что было здесь страшного. Человеческая душа могла сгореть от этого огня, погибнуть. Спасибо Тане! Она прямо спасла его. Он пошел к ней, думая найти людей, к[отор]ые научили бы его, толкнули, указали ему дело в жизни. Он нашел больше. Он раз уже встречался с Таней, не зная, впрочем, ее имени. Это было на одном из земских собраний[10]. Она подошла к его тете и стала рассказывать что-то о Львове[11], герое дня. Она знает его судьбу, его несчастную семейную жизнь, и по-

---

[9] Имелся в виду обыск после первого ареста Г.П. Федотова 24 августа 1905 г. За недостатком улик он был выпущен из тюрьмы на следующий день.

[10] Заседание губернского земского собрания 10 января 1905 г. в Саратове открыло ряд заседаний, на которых бурно обсуждалась политическая ситуация в стране. См. подробнее: *Антонов-Саратовский В.П.* Красный год. Т. 1: Отрывки по памяти и документам о событиях 1905 года в Саратове и Саратовской губернии. М.; Л., 1927. С. 64–69.

[11] Львов Николай Николаевич (1867–1944) – общественный и государственный деятель, депутат I, III и IV Государственной думы от партии кадетов, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции.

этому многое простит ему. Львов с детства был почему-то дорог и интересен ей. Она не произвела тогда на Жоржа никакого впечатления. Он заметил только, что она здоровая, цветущая девушка. Это не могло покорить его. Он не любил здоровых людей, с эгоизмом больного человека.

К тому же в это время он чувствовал себя фанатиком и, хотя с[оциал]-д[емократ], немногим отличался от средневекового монаха: он ненавидел плоть. Но в этот вечер (в конце февраля) Жорж заметил, что в Тане есть изящество, и притом именно духовное. Когда она говорила, ее лицо беспрестанно менялось, выдавая ее настроение. Оно становилось тогда красивым. И она умела удивительно обходиться с людьми – точно все были ее близкие друзья. На что Жорж был нелюдим, а и он почувствовал себя, точно дома. Он почти не стеснялся. О чем-то болтал, о 9 января, о Клемансо[12] и «L'Aurore»[13] с учит[ельницей] фр[анцузского] языка[14]. Б.Б. Арапов[15] рассказывал о казацком побоище на Алекс[андровской] ул[ице], где и ему чуть-чуть не влетело – он тоже был очень мил. Когда Н[аталья] И[вановна] позвала всех к ужину, Жорж остановил Таню в дверях и передал ей поручение от Шульги. Дело шло о какой-то падшей девушке, которую надо было спасать (и к[отор]ая так и осталась не спасенной). Он, вообще, был застенчив, но перед Т[атьяной] Ю[лиановной] он мог говорить об этом смело. Она ведь не простая провинц[иальная] барышня (курсисток Жорж до нее не знал). С ней, кажется, он мог бы вести разговоры на самые опасные темы и быть серьезным, и без всякого смущения на душе – как с товарищем, нет, как с другом. У него был только один такой друг когда-то.

Уходя, Жорж взял с собою один из №№ «Вперeда»[16]. Бурные ленинские речи были для него тогда полны поэтической пре-

---

[12] Клемансо (Clemenceau) Жорж (1841–1929) – французский политический и государственный деятель.

[13] «Орор» (фр. *«L'Aurore»* – «Заря») – французская ежедневная газета либерального и социалистического направления, издававшаяся в Париже в 1897–1914 гг.

[14] Речь шла о Людмиле Павловне Милицыне, выпускнице Сорбонны, дружившей с Дмитриевыми. В фотоальбомах Т.Ю. Дмитриевой сохранилась ее фотография.

[15] Арапов Борис Борисович (1874–?) – присяжный поверенный, член партии кадетов, сосед и друг семьи Дмитриевых.

[16] «Вперед» – первая большевистская еженедельная газета, выходила в Женеве с 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) по 5(18) мая 1905 г.

лести, точно перевод из «Неистового Орландо»[17]. Этот вечер для Тани принес победу. Жорж был уже почти влюблен. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Слишком измучено было его сердце – им же самим. Чем больше жестокости оседало внутри его, тем сильнее была потребность в любви. – Реакция. – Нужно было так мало, чтобы смягчить его: ведь, он не был озлобленным мужчиной, а просто больным, изнервничавшимся мальчиком.

Через день он вернулся отдать газету – Тани не было дома. Но он стал бывать у Д[митриевых] часто, брал книги у Тани – она давала ему Герцена[18] из библиотеки ее отца[19]. Видеть ее стало для него потребностью. Но странное дело. Какое-то сильное, непонятное смущение овладевало им, когда он останавливался у их двери. Он не сразу собирался с духом позвонить. А иногда уходил, не в силах побороть свой детский стыд. Эта застенчивость никогда совсем не проходила у него – даже через 1 ½ года.

Первое, что бросилось ему в глаза в его новой знакомой, была ее удивит[ельная] жизнерадостность. Она всегда была занята, бегала с утра до вечера. И при том у нее была инициатива – она умела двигать людей и заставлять их работать. Жорж стал глубоко уважать ее за это: она казалась ему его прямой противоположностью. Он не мог тогда разглядеть незаживающей раны в ее сердце – в этой сильной, живой девушке. В ее руках он быстро сбросил с себя скорлупу отшельника. Каким-то чудом она заставила его интересоваться судьбой воскр[есной] школы[20] – и он оказался кой для чего годен. Он открыл в себе товарищеские инстинкты, к[отор]ых и не подозревал. Право, он был усердным суфлером. Из всех его социальных званий в жизни – это было самым удачным и счастливым для него. Но не было ли здесь самообмана? Конечно, Таня была для [него] дороже спектакля. Видеть и слышать ее, просто чувствовать ее присутствие – это было для него счастьем. Он следил за ней с затаенным обожанием. Она была тогда душой их милого кружка, где ученики и учит[ельниц]ы жили общей жизнью. Она относилась ко всем одинаково друже-

[17] «Неистовый Роланд» или «Неистовый Орландо» (итал. *Orlando furioso*) – рыцарская поэма итальянского писателя Лудовико Ариосто.

[18] Герцен Александр Иванович (Искандер) (1812–1870) – философ, писатель, общественный деятель.

[19] Дмитриев Юлиан Дмитриевич (?–1898) – член Саратовской судебной палаты, отец Т.Ю. Дмитриевой.

[20] Т.Ю. Дмитриева преподавала в это время в Покровской воскресной школе, в которой учились рабочие типографии Шельгорн.

ски? – к Жоржу так же, как и другим. Он был для нее тем же, что Каретин, Шувалов[21], Ал. Дм. Ей нравилось в нем его услужливость, его по-видимому бескорыстное отношение к другим. И, вообще, он казался славным, симпатичным мальчиком. Красивым он не был. Черты лица его были грубые: слишком широкие скулы и подбородок, чувственные, большие губы. Ей нравились только его глаза: серые, небольшие, но живые, умненькие, с большими черными бровями и слегка вьющиеся волосы. Он умел хорошо, добро улыбаться и держался хотя неловко и застенчиво, но с каким-то еле уловимым оттенком детской грации. Раз он стоял на коленях перед книжным шкафом, доставая какую-то книгу. Тане захотелось провести рукой по его волосам. Ей пришло в голову, что такие волосы, как у Жоржа, точно созданы для того, чтобы их трепала женская рука. И он был такой скромный, паинька, точно напрашивался на ласку. Он почувствовал ее прикосновение, вспыхнул и встряхнул головой, точно зверенок. Но ему было страшно приятно. Она часто говорила ему комплименты за его волосы и брови: она хотела бы иметь такие. А он никогда не смел заикнуться о ее наружности. Всякий комплимент застрял бы у него в горле, хотя, конечно, никакими милыми и лестными словами, он не сумел бы выразить, как ему нравилась Таня. С ее голубыми глазами и светлыми волосами, она казалась ему васильком в колосьях ржи. Но вся прелесть была в игре лица и в тонком духовном изяществе, которое светилось в ней.

С тех пор, как Жорж встретился с ней, вся его внутренняя жизнь преобразилась. Душевная ненависть точно исчезла бесследно: впрочем, она частью притаилась в далеких извилинах души, и иногда смотрела в его глазах – тогда, когда он был печален или о чем-нибудь думал. Прошлого никогда нельзя вычеркнуть из жизни. Он больше уже не знал мягкой, задумчивой тоски. Вместе с страданиями на лицо ложились эти злые, отталкивающие складки. Он не был добрым мальчиком, этот Жорж, о нет. – Но любовь дала ему счастье. Прежде всего чувство прекрасного. То ощущение, что на миг приходит, когда в душу смотрит красота: когда замолкнет последний звук песни – или поэмы. Только он жил в этом чувстве постоянно, окутанным, как светящимся облаком. Жизнь с ее добром и злом, вся показалась ему переливами этой единой

[21] Шувалов (кличка – Лаврентьев) Андрей Никифорович – рабочий, член Саратовской социал-демократической организации, организатор тайных типографий.

красоты. Он наслаждался ей всегда, она облагораживала его. Это ли не счастье? Прекраснее всего была Таня, в Тане ее душа. Изучать эту душу, смотреться в нее, точно в далекое ненасытно-прекрасное море – стало для него жизнью. И вместе с красотой пришла к нему младенческая чистота. Он чувствовал себя чистым – значит, был тогда таким. Был ли Жорж нравственным? Об этом после. С тех пор, как он знал Таню, к нему не смела явиться ни одна грязная или пошлая мысль. Но вместе с этим в его душе поселилась вечная грусть. – И никогда, никогда больше не оставляла его. Он не мог любить весело, ощущая радость жизни и молодости. Он знал только элегию – из всех 9 муз. Он испытал это уже в детских романтич[еских] увлечениях. – Но в этой грусти не было ничего гнетущего. Она сама была прекрасна, точно слезинки в прекрасных глазах, к[отор]ые готовы улыбнуться. Любовь была для Жоржа вечным желанием, неутолимым, вечной неудовлетворенностью. Когда он не видел Таню, он тосковал о ней. Когда они были вместе, его мучило сознание различия их душ. Она всегда была точно слишком далека, даже в минуты признаний, после. Ему хотелось бы слиться с ней, утонуть в ее душе, потерять свое «я», чтобы у них была одна душа, одно желание. И чем она становилась ближе к нему, чем больше раскрывалась перед ним, тем сильнее овладевала им эта томительная жажда. Вместе с остротой его счастья росла его тоска. Он изнемогал от нее в те немногие минуты, когда мог бы назвать себя счастливым.

Впрочем, счастье было неотделимым от этого страдания. Это было одно чувство – прекрасное и мучительное. <u>Такие</u> муки он хотел бы испытывать всю жизнь. Часто в эти весенние ночи он проходил мимо ее окон. Он любил ее улицу с двумя рядами тополей, ее желтый, двухэт[ажный] домик, освещенный луной. Другая сторона лежала в густой тени. Он проходил по ней с сильно бьющимся сердцем и смотрел на ее окна, в к[отор]ых отсвечивался месяц. Иногда внутри горел огонь. Но он никогда не решался остановиться. Он чувствовал себя почти преступником, глупенький, маленький Жоржик! Когда он был вдвое меньше и вдвое глупее, тогда в одиноких мечтах была и вся его любовь. Теперь же он любил не только свои сны, но и ее, живую, милую Таню. Все хотел проникнуть в ее душу. Таня не была скрытной. В это время она со всяким поделилась бы своей жизнью, своим горем. А Жорж внушал ей доверие. Несколько дней после первого знакомства они сидели на балконе и говорили о коммунизме. Эгоист[ическое] чувство не свойственно человеку. За соц[иалистической] рев[олюцией]

лежит гармония, братство – счастье всех. – А вдали виднелась разливающаяся Волга, и Таня была так прекрасна! – Раз он провожал ее, уходя от них: Таня шла на уроки. Весенний резвый ветерок мешал говорить. Но Таня могла молчать. Со всей грустью и увлечением, к[отор]ые совершенно преображали ее, она говорила – о Виктории[22]. Она хотела, чтобы Жорж понял все величие этой необыкновенной женщины, этого непонятного, неземного создания, к[оторо]му она готова была молиться. Виктория поразила Жоржа. Она пришла совсем из другого мира. Это не были его герои – сильные и отважные рыцари, – но новые были прекраснее их. Викт[ория] была не одна, хотя она неизмеримо выше всех. Вместе с ней Таня показала Жоржу людей, которые были ее лучшими друзьями – все образы своего потерянного рая. Она не жалела красок. Она хотела, чтобы Жорж любил ее друзей. Жорж был совершенно захвачен. Таня была для него существом с этой далекой, прекрасной, м[ожет] б[ыть] уже потухшей звезды. Одно он знал твердо: Виктория прекрасна, но в ней чего-то не было, это что-то он чувствовал в Тане, Таня была прекраснее Виктории. С этих пор самым высшим наслаждением для него было жить в мире этих Таниных грез, где он касался Таниной души. А она никогда не уставала рассказывать. Она вся жила в этом дорогом прошлом. И мало-помалу для него становилась ясной скрытая рана ее души. Он удивился, как можно жить с такой тоской и казаться бодрой, веселой. Он не знал, что именно эта внутренняя боль заставляла ее лихорадочно работать. Она хотела забыться! Бедная Таня! Ей казалось, что вся ее жизнь разбита, что она не оправится больше. Два раза так грубо сломали ее счастье. Маленькой девочкой, болезненной и мечтательной, с такой хрупкой и тонкой душой, она потеряла свой первый рай: родину, лес, его сказки – весь этот дивный мир, в к[оторо]м ее детская душа развивалась так причудливо и фантастично[23]. Потом смерть отца – точно черта, к[отора]я отрезала от нее мир ее счастья. Она не перенесла этого. В ней что-то хрустнуло. Она была больна, и совсем никогда

[22] Виктория – главный персонаж одноименного произведения норвежского писателя К. Гамсуна (Hamsun, 1858–1952), перевод которого на русский язык появился в 1908 г. См.: *Гамсун К.* Виктория (История одной любви) / пер. М. Коваленской. М., 1908.

[23] Имелась в виду дача в Тригуляеве на р. Цне близ Тамбова. В альбомах Дмитриевых сохранились фотографии окрестностей, сделанные любительской камерой.

не могла оправиться. И когда, долго спустя, она, казалось, начала находить – не прежнее счастье, о нет, но только забвение, новую жизнь – прекрасного труда, и новых привязанностей, ее растоптали снова, так беспощадно, точно раздавили солдатским сапогом[24]. Да так оно и было. Это случилось совсем недавно. Таня вся еще жила в этом мире – на милых курсах. Душа болела. Ей нужно было друга, к[отор]ый помог бы пережить это тяжелое время. Ее друзья давно разлетелись, как птицы, по свету. А здесь в Саратове она была в сущности совсем одинокой. Это ничего не значит, что она была так добра ко всем, – все были ей чужие. Если Жорж в своей ревности воображал другое, то он глубоко ошибался.

Но Таня должна была найти кого-н[ибудь], кто выслушал бы историю ее страданий, кто лаской облегчил бы ее душу. Жорж подвернулся кстати. У него была наружность, располагающая к откровенности. В его жизни ему случалось быть поверенным чужого горя. Один гимназический товарищ в былое время всегда изливал перед ним свои сердечные горести – виновата была одна жестокосердая барышня. Жорж умел слушать, молчать и понимать. Другой человек – больной и взрослый в час страшной тоски – почти отчаяния – раскрыл ему свою душу. – И Жорж ужаснулся, до чего мерзка и ужасна м[ожет] быть челов[еческая] жизнь. Влюбл[енному] гимназисту он ничем не мог помочь – но уже то, что он его слушал, доставляло тому облегчение. А вот с большим, отчаявшимся человеком они вдвоем сумели оправиться, перемолоть все; драма окончилась благополучно. У Жоржа было одно хорошее свойство, только одно; и это одно было единственным содержанием его души, источником всего доброго и злого – восприимчивость. У Жоржа никогда не было ничего своего, что он родил бы и выносил в душе; он жил впечатлениями. Он отдавался им всецело. Они были для него его единств[енной] реальностью. Он переживал жизнь на сцене так же, как и кругом себя. Только искусство действовало еще сильнее действительности. Когда, бывало, он зачитывался каким-н[ибудь] писателем-публицистом, он становился рабом его, был весь в кругу его идей. И только после ему удавалось освободиться от его чар, переработать в себе его мысли. Зло влияло на него так же, как и добро. Поэтому единств[енная] черта его души –

---

[24] В 1904 г. за участие в антивоенной пропаганде среди рабочих Т.Ю. Дмитриева, учившаяся на Высших женских курсах в Петербурге, была приговорена к административной ссылке в Западную Сибирь, которая была заменена высылкой в Саратов.

была по самому существу своему – иммиоральна. Он одинаково легко мог бы быть и безупречно нравственным, и низким негодяем. Если он еще будет жить, то он м[ожет] быть и тем и другим. Понятно, что он должен уметь разделять чужое горе. Это не доброта, – совсем нет. Он переживал только те же страдания, что и другой, а они мучили его, как свои собственные, и поэтому он от рождения был предназначен для роли наперсника. Он рад этому. Если бы не было так, разве Таня могла бы с ним сблизиться, она, к[отор]ая была так далеко от него и высоко – над ним? Впрочем, страдания пришли потом – не скоро. В то время Таня не столько была поглощена мыслью о безвозвратности прошлого, сколько старалась воскресить его, удержать в памяти его улетающие образы. Легкая дымка грусти была только фоном, а картины всплывали такие прекрасные. И для Жоржа, к[отор]ый жил в Таниной стране, переживать с ней вместе ее счастливые дни – это была какая-то элегическая прелесть.

Много времени спустя он стал ревновать Таню к ее прошлому, – когда он хотел, чтобы она поскорее забыла невозвратное и, перестав оплакивать мертвых, вернулась к жизни, – хотел, чтобы она его любила. Но тогда – разве он мог об этом думать! Он был скорее счастлив, что сердце Тани так чуждо окружающим людям: они не могли отнять ее у него. Ее прошлое точно связывало их невидимыми нитями. Он чувствовал себя ее наследником. И ведь за это только Таня стала дорожить им. Сначала, конечно, он был для Тани одним из многих. И он дрожал за нее. У него было слишком много соперников – все больше мнимых. Он чувствовал опасность везде, куда ни ступала она, во всех, к кому она была хоть капельку добра. Ему совестно вспоминать самому об этом. Это было так детски-смешно! Первый, кого он увидел рядом с Таней, был Боря Ар[апов]. Он совершенно не знал об их отношениях, и о Таниной семье. Спросить он бы не решился. Боря был очень близок с ней – Жоржу сразу пришла мысль, что он ее муж. – Смейся, Таня. – Он даже не знал того, девушка ли Таня. Если не Боря, то, м[ожет] б[ыть], кто-нибудь другой. Она как-то туманно намекнула о своих старых сердечных связях. Жорж не понял тогда. Но почему же она не могла быть обвенчана – хотя бы тайно? И, наконец, если даже не замужем, то – все-таки – Жоржа одно время преследовали дикие предположения. В числе товарищей ее детства был один мальчик, к[оторо]го она называла своим мужем. По своей привычке, она сначала не сочла нужным объяснить это шутливое прозвание. Жоржа резануло только слово. После, когда

он узнал секрет, ему все-таки было не по себе, когда она называла Васю мужем! А потом школа. Конечно, Щеглов был интересен, и играл первую роль. Он производил, кажется, впечатление на учительниц, – Щеглов скоро уехал. Шувалов был странный юноша – с болезненной восприимчивостью, настоящей поэтической душой, и страшно самолюбивый. Кое-что у него было, пожалуй, общего с Жоржем. Но один все-таки привык скрывать свои странности и с грехом пополам мог усвоить себе обыкновенный тон человеч[еских] отношений. Другой поражал с первого взгляда своей внешностью. Таня сумела оценить его и старалась развить чувство прекрасного в его богатой задатками, но полудикой душе. Шувалов был привязан к ней сильно. Было что-то большее, чем простая дружба и признательность в его отношениях к ней. Он посвящал ей свои стихи. Он поклонялся ей. Жорж уверен, что он не ошибался. В сущности, в то время он был самым опасным соперником Жоржа. Конечно, он стоял неизмеримо ниже Тани. Но она увидела в нем необыкновенную чуткость души, к[отор]ой в Жорже не замечала. Жорж был для нее просто милым мальчиком. Его душа казалась ей тогда, – как и год спустя, – такой простою. – Жорж ревновал ее к Шувалову. Впрочем, его ревность была особенная. Если Таня, как казалось ему, была благосклонна к человеку, этого было достаточно, чтобы он стал уважать его: ведь, он был дорог Тане. Он не относился к нему враждебно, скорее напротив: но в нем росла грызущая тоска, – тоска, к[отор]ая в радости и горе, – отвечала у него за все. Не даром же про него было сказано: «И меланхолии печать была на нем»[25].

Это не мешало ему чувствовать себя счастливым. Спектакль подвигался. Постоянные репетиции, где он мог видеть Таню, хотя бы в толпе других людей, – увлекали его. Вечером он обыкновенно провожал Таню до ее дома – редко один. Раз была репетиция в чайной. Таня и Ал. Дм., обнявшись, гуляли по открытым каменным переходам старого здания. Жоржу казалось, что между Т[аней] и А. Д. была какая-то тайная близость, на к[отор]ую ему было немного досадно. После он был удивлен, когда увидел, что между ними установились холодные натянутые отношения. Он еще не знал

---

[25] Строки из элегии «Сельское кладбище» В.А. Жуковского, написанной в мае–сентябре 1802 г. Впервые напечатано в журнале «Вестник Европы», 1802, № 24, с посвящением А. И. Т–у (Андрею Ивановичу Тургеневу). Вольный перевод прославленной элегии Т. Грея «Elegy written in a Country Churchyard» («Элегия, написанная на сельском кладбище»).

цены взаимных женских объятий. В этот вечер Таня нацарапала карандашом на каменной стене – маленькую свинку: она была совсем четырехугольная с палочками вместо ног и хвоста. Жорж сразу почувствовал к ней какую-то нежность. Он заметил это место и сказал себе: М[ожет] б[ыть], через несколько лет я узнаю здесь следы Таниного рисования. Найдет ли он их когда-н[ибудь]?

День спектакля остался ему памятен. Он был оживлен и весел, как редко. Хотя ему пришлось и гореть, и тонуть в суфлерской будке, это не испортило его настроения. Они возвращались с Таней на извозчике, нагруженные зеркалами и узлами. Таня, также взволнованная и довольная, была особенно добра к нему и дольше обыкновенного пожимала его руку. А о нем лучше и не говорить! Было уже очень поздно, но Таня позвала его к себе ужинать. У нее были подведенные черные брови и не смытый румянец на щеках. Она смеялась и говорила, что хочет побыть немного хорошенькой. Как ему хотелось ответить, что она всегда хороша, что для [него] нет ничего на свете милее ее лица!

Для него были полны очарования катанья по вольной, разлившейся реке. С этих пор он безумно любил эту Волгу; она стала его настоящей родиной. Они никогда не ездили одни. Тогда он не желал бы этого. Когда они возвращались светлой весенней ночью – сирень уже цвела – Таня читала иногда стихи. Он хотел бы всегда слушать ее. Она сама была для него соткана из песен и звуков. Она дала ему как-то своего любимого П. Я.[26] Он нашел в нем родные песни. Здесь было мученичество за великую идею – больная ненависть и чистая любовь. Гневные рыдания сливались с очищающей радостью – радостью вечной красоты. Он сам недавно жил этим гневом, да он никогда совсем не исчезал. Теперь он жил красотой. У поэта нашел он синтез. Он и сам пробовал писать стихи и хорошо делал, что не показывал Тане – они были совсем плохи. Раз они катались на лодке в компании молодежи. Таня говорила стихи. Он жадно слушал – потом он запомнил их наизусть. Это была «Фея» Горького[27] и Джэн Вальмор[28]. Волшеб-

[26] Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт и прозаик.

[27] Имелась в виду одна из песенок чабана, начинающаяся словами «В лесу над рекой жила фея», впервые опубликованная в составе произведения М. Горького «О маленькой фее и молодом чабане: Валашская сказка» в 1895 г. в «Самарской газете» и неоднократно переиздававшаяся под названиями: «Легенда о Марко», «Валашская сказка», «Валашская легенда», «Фея», «Рыбак и фея».

[28] Упоминалось стихотворение К. Д. Бальмонта «Замок Джэн Вальмор» из сборника «Горящие здания», опубликованного в 1899 г.

ные слова томили душу, это, правда, были прекрасные баллады. Но ему стало больно от их жестокости. Таня говорила так выразительно, с душой – она слилась пред ним с зеленоглазой Джэн. И перед ним в первый раз встал жгучий вопрос: что, если его фея, к[отор]ую он обожал, была злой волшебницей? Ведь, зло прекрасно. О, оно могущественнее в тысячу раз всех смазливых, невинных, ангельских лиц. И потому что в нем самом, он чувствовал, вставали властные чары этой отравы, он спрашивал себя: может ли Таня мучить людей?

«В ней – осень, ей нужна весна
Восторгов ядовитых»[29].

Жорж мог мучить себя сколько угодно. Он не спал ночью и бредил несколько дней своей Джэн – тогда он не мог решить этой загадки. – После, после... Почему он принял это так близко к сердцу? Он так любил Таню, она так хорошо, неподдельно читала; и потом, – потом он так верил ей. Тогда каждое слово, сорвавшееся с ее губ, было для него откровением Бога. Он не мог ни в чем сомневаться. Он не мог даже судить Таню. После он перестал верить ее словам. Он верил глазам ее, душе. Он узнал, как причудливо-изменчива его фея. Никогда нельзя было понять ее, если довериться тому, что она говорит о себе. Она всегда была глубоко искренна. Я думаю, что она не могла бы лгать. Она всегда говорила, даже не подумав заранее о своих словах. Иногда она хотела удержать их, когда они уже слетели. И при всем том они выражали только ее мимолетные настроения. Они говорили только неполную правду. Не было такого вопроса, на который она не говорила бы в разные минуты и «да» и «нет». Когда Жорж заметил это, он стал верить больше своему чувству, чем словам ее. А так как он любил ее, то стал проницательным и часто угадывал то, чего не мог услышать от нее. Так обучила Таня психологии этого наивного, неопытного мальчика. Это был уже второй период их отношений. Жорж находил несказанное счастье прослеживать извивы ее души и открывать в ней новые и новые черты. Таня распалась перед ним на много образов – противоречивых, и все-таки одинаково прекрасных. Вместо одной любимой Тани у него стало их десять. Он стал аналитиком, но не умел еще склеить из этих частей целого, не понимал еще того, что было Таниным «я». А в первые месяцы, тогда, когда он слушал ее стихи, – он брал ее

---

[29] Строки из баллады К. Д. Бальмонта «Замок Джэн Вальмор», вошедшего в сборник «Горящие здания» (1900).

непосредственно и прямо. Он жадно ловил все, что она говорила о себе, и сочетал – только ничего не мог поделать: работа не выходила. Тогда он не мог допустить в Тани ни единой слабости, ни того, что называется раздвоенностью души. И он слушал удивительные вещи. Таня была с[оциал]-д[емократка]. Таня отзывалась об с[оциал]-д[емократах] с горечью. Таня христианка. Таня язычница. У Тани был идеал: здоровое воспитание тела[30]. Она мечтала о школах, где воспитывались бы люди здоровые и красивые, любящие жизнь. – И Таня в это время указала Жоржу свой высокий идеал: Бранда!![31] Милая Таня, как он любил ее в ее непоследовательности.

В один из этих милых, светлых дней, когда, впрочем, Таня не оказывала предпочтения перед другими из ее свиты. – Жорж заметил, что Таня чем-то опечалена. Они возвращались в лунную ночь – вдвоем, это бывало так редко – Таня созналась, что она получила неприятное письмо. Жорж никогда не напрашивался на откровенность. Таня сама рассказала. Она была очень расстроена. В ее глазах он увидел слезы – впервые. Таню когда-то любил один мужчина – он был все равно что женихом ее. Мама так бы желала их свадьбы. Он тоже нравился ей – она была тогда, вероятно, совсем девочкой. Но раз он поцеловал ее – так грубо, так животно, что она почувствовала к нему отвращение. Она никогда не могла стать его женой. – Сегодняшнее письмо было от него. То, что она рассказала это Жоржу, значило, что он уже не был для нее чужим. В припадке душевного горя, к[отор]ое вырвалось вдруг со дна ее души, она искала друга. Жорж стал им, может быть с этой ночи. Тогда у него сердце надрывалось от жалости. Но в чем же было Танино горе? Письмо – это повод. Он смутно почувствовал причину. Она встала для него во всей жестокой ясности только через год. Но он тогда ощутил, что Таня страдала не только от крушения ее студенческой жизни, от недостатка смысла в жизни. Она хотела личного счастья.

Это было лишь мгновенной тенью. Эта страшная жалоба раздалась одиноко. Таня оправилась. Тогда в ней было достаточно сил, чтобы не поддаться тоске. Жорж мог остаться славным товарищем. Ему незачем брать на себя ее тяжесть, и драмой омрачать их светлые, почти детские отношения.

[30] Т.Ю. Дмитриева увлекалась гимнастикой Миллера.

[31] Бранд – главный персонаж одноименной пьесы Г. Ибсена, которую Г.П. Федотов читал в тюрьме в августе 1906 г. См. его оценки в письмах к Т.Ю. Дмитриевой: Письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой // Федотов Г.П. Собр. соч. Т. 12. С. 36–38.

Я сказал, что меланхолия была у Жоржа неразлучной спутницей его любви. Да, это было так, – но только в глубине души, когда он оставался наедине с самим собой. А вместе с Таней – о, тогда еще сентиментальная грусть была далеко от них. Таня была даже в самом горе такой экспансивной, даже восторженной. Это заражало его. Он чувствовал себя живым, подвижным. Он никогда не помнит себя раньше – с самого детства – в таком бодром, счастливом настроении. Потому что он жил предчувствием счастья, всеми прекрасными возможностями. С тех пор, как распустились ландыши, они иногда ездили в Разбойщину[32]. Там, в лесу Жорж пережил несколько сказочных минут, которые сделали для него другими эти места. Первое путешествие было, по истине, не из удачных. Это была поездка всей воскресной школы. Жорж почему-то должен был бродить по лесу, но не мог найти никого. Усталый и огорченный он вернулся на станцию. Здесь он нашел их всех, среди них Таню. Среди всеобщей суматохи и говора ему почти не удалось сказать ей ни слова. Он даже вернулся в другом вагоне, чем Таня, и отдал кому-то свои цветы, не смея предложить их ей. А, ведь, он собирал их для нее. Такой чудак! Но он не мог заснуть, не увидевши ее еще раз. Внутри его все дрожало от переполнившего его чувства. Он обогнал ее и ждал на перекрестке, около ее дома. Она должна была пройти здесь. Там была одна скамейка; – в вечерних сумерках он внимательно оглядывал всех проходивших. Ему вдруг показалось, что прошла она – далеко от него. М[ожет] б[ыть], он ошибся. Но он не решился догнать ее. Что он ей скажет? Он вернулся домой один. Такой чудак!

Но в другой раз они поехали вдвоем. Это был для него счастливый день. Только противная Зина Маслова – отняла у него Таню на целый час! К этой он даже не ревновал Таню, пот[ому] что Танин визит была чистая вежливость, да она и не скрывала своего нерасположения к Зине. Но вечера он никогда не забудет. Они шли полем. Было то тихое, задумчивое время – зари, – которое они оба так любили. Таня собирала дикие цветы и колосья, и учила Жоржа запоминать их имена. Она любила растения больше, чем живые существа, и часто давала Жоржу маленькие уроки ботаники. Это были самые милые его уроки в жизни. Хотя теперь

[32] Разбойщина – пригородная станция, в расположенный рядом с которой лес по воскресеньям выезжали Т.Ю. Дмитриева и Г.П. Федотов с учениками Покровской рабочей школы. Здесь же рядом находилась дача О.А. Буковской, тети Г.П. Федотова.

он, честное слово, все перезабыл. Ну, что же ему делать? Он был такой непонятливый ученик. Но когда Таня знакомила его с своими травами, у него было такое чувство, точно он был товарищем ее детства... Они шли, и Таня вспоминала свое далекое золотое время. Все свое детство она провела в дремучем лесу. Шум ветвей его, таинственный и родной, обвеял ее маленькую душу и покорил ее – навсегда. В ней жило его мистическое влияние. Она была таким необыкновенным, почти гениальным и не по летам развившимся ребенком, что Жоржу после казалась спустившейся с далекой звезды. Фантазия ее была беспредельная. Деревья были для нее странными, живыми созданиями, и она привязалась к ним так, как никогда ни к одному человеку.

И когда этот лес был вырван из ее сердца – о, это было ужасно!

Совсем стемнело. Они проходили теперь уже по густой чаще. Она казалась Тане жалкой после лесов ее родины. Но она возбуждала в ней воспоминания. Они брели, не зная дороги, пробираясь между деревьями. Таня рассказывала ему свои дивные сказки, свои сны. Среди темных стволов, к[отор]ые, казалось, оживали для них, рядом с ней, странной и любимой, им овладевал мистический экстаз, Таня была для него даже не женщиной, а одним из духов деревьев, лесною феей – Раутенделейн[33]: он так называл ее про себя. И он верил, что сердце ее навсегда осталось в родимом лесу, что никогда, никогда она не полюбит его, – и никого на свете.

Они спустились вниз на дно оврага, к какому-то колодцу. Несколько парней поили там своих лошадей. У них нужно было узнать дорогу. Вдруг Жоржа пронзил ужас. Ему вспомнилась Андреевская «Бездна»[34].

Почти бегом они спешили к поезду. Они стояли около дрожащих рельс и смотрели на растущие вдали огни. В душе Жоржа поднималось безграничное счастье. Их души были так близко, коснулись. Ему казалось, что он обладал тайной ее жизни. Никогда они не могли бы стать ближе друг другу, даже если бы у них было одно тело. И, как всегда, на высшей границе счастья, ему хотелось умереть – сейчас, ведь впереди не может быть ничего

---

[33] Раутенделейн – персонаж драматической сказки в стихах Г. Гауптмана «Потонувший колокол» (1896).

[34] «Бездна» – рассказ А.Н. Андреева, написанный в 1901 г. и впервые опубликованный в газете «Курьер», 1902, 10 января, № 10.

выше, чище... Три красные глаза неслись навстречу. Таня шепнула: «Давай бросимся под поезд». М[ожет] б[ыть], она шутила, м[ожет] б[ыть], в ее словах была капля правды, и она чувствовала так же, как и он. Как он этого не сделал? Не знаю. Зачем он этого не сделал?.. Но когда они мчались назад, и, высунувшись далеко из окна, жадно подставляли свои лица встречному ветру, почти коснувшись волосами, – радость овладела им. Точно счастье, невидимое и огромное, летело на него из темноты. Поймать его, подставить грудь ему навстречу, хотел он. Они говорили о том, как хорошо, должно быть, стоять на передней площадке локомотива и быть пронизанным свистящим ветром!

После случилось Тане еще рассказывать Жоржу о своих былых снах. Это не были даже сны, а видения. По какому-то капризу невидимых сил, м[ожет] б[ыть], по закону фантазии, она в глубине своего Тамбовского леса бредила об Италии. Если она однажды в болезни читала итальянские стихи, к[отор]ых никогда не знала, то такие прихоти душевных сил были и раньше знакомы Жоржу, хотя непонятны. Она рассказывала ему еще более дивные вещи. Вот замок Фратре (так, Таня?). Он стоит на песчаной отмели, и южное море своими волнами несется к нему навстречу – счастливая страна, куда часто улетала гостить ее душа. А иногда ей снилось: в раскрытое окно глядится ночь. И к ней с далеких небесных высот ведет блестящий мост, весь сотканный из звездных лучей и звуков. По этому мосту спускается таинственный Кассий – ее небесный брат. Он берет ее за руку, и они носятся с ним в бесконечности. Она ясно помнит его лицо. Он говорил ей, что если она расскажет о нем кому-н[ибудь] из живых, смертных, он никогда не вернется к ней. Она его давно не видела. Был ли Жорж первый, кому она выдала тайну Кассия? – Ревновал ли Жорж ее к Кассию? Да, немного. Но он всем существом чувствовал, что Кассий и ее сны сплели ее с Таней сильными, чистыми нитями; что с тех пор, как она рассказала ему о Кассии, он стал для нее другим, чем все окружающие ее люди, которые не знали о Кассии. И, м[ожет] б[ыть], когда порвутся другие связи между ними, они все еще будут связаны хрустальными цепями, что сковал им Кассий. Правда, Таня? И я теперь готов сказать тебе то, что когда-то говорил Кассий: мы будем чужие друг другу, Таня, с той минуты, когда ты кому-нибудь, как мне, расскажешь о Кассии...

теперь нужно проститься с Кассием; больше он нам не встретится. Причудою Тани, Жорж заглянул в смутные страны, к[отор]ые ему никогда не снились. Жорж ведь не был мистиком: он был со-

циал-демократом! Да, с[оциал]-д[емократом]. Это, конечно, странно, но это правда. Забыл ли он об этом в первый месяц своей любви?

Нет, нисколько. Революция заполняла все то в его сердце, что не принадлежало Тане. И она была прекрасна, она также. Если бы она была некрасива, разве Жорж стал бы рев[олюционер]ом. Но ее красота была особенная, пламенная, иссушающая. Таня казалась ему, как синее небо, полное покоя и кротости. А революция… Ему казалось, что это – женщина-вампир; ее черные волосы, воспаленный взгляд черных очей, немного безумных, и губы, красные и влажные. Она приходила по ночам сосать у него кровь из сердца. Он изнемогал в ее объятьях, но страстно искал их, ждал ее. Это не просто сравнение, это почти правда. У Тани была могучая соперница, с которой она впоследствии, м[ожет] б[ыть], сама того не зная, вступила в борьбу за обладание его душой. Мне стыдно признаться, – она победила в этой борьбе. – Но с этим вампиром Жоржа сковывала не только страсть, но и долг. Долг! Он всегда смеялся над этим словом, оно не имело смысла для него. И все-таки долг, иррациональное, немое чувство жило в нем. И когда он отворачивался от него, на помощь приходил другой уродец – совесть. Все это чистейший атавизм. Но от этого уродцы не теряют своей реальности. С тех пор, как Жорж стал жить сознательной жизнью, его долг и совесть влекли его к революции. Он <u>должен</u> отдать ей все. Но он не шел. Им овладела нерешительность, нечто более сложное, чем физический страх. Он не мог ступить ногой на топкую почву. Неизвестность, загадочность мучили его. И Таня помогла ему. Зачем он пришел к ней в первый вечер? Что он забыл напомнить, отуманенный другими впечатлениями? Таня сама вспомнила. Спасибо! Однажды утром Таня позвала Жоржика к Ветровым[35] – поговорить о кружке воскресной школы. Он вошел с ней не без робости. Этот низкий, кругленький господин был, по правде, вторым бородатым с[оциал]-д[емократом], к[оторо]го он видел так близко в своей жизни. С деловитым, официальным видом он был погружен в работу. Он просил подождать, пока не закончит своих писем. На диване сидела его жена, бледная, худая женщина с большими, черными глазами. Похожая на большую, дикую птицу. Жорж уткнулся в газету. Ветров кончил. «Итак, вы хотите вступить в организацию», начал он. Это было для Жоржа неожиданностью. Но именно так и должна была за-

[35] Ветров Александр Яковлевич – один из лидеров саратовской социал-демократической организации.

стать врасплох его судьба, чтобы он решился. Таня сидела, опустив глаза. Ей было стыдно за свой невинный обман; она не предупредила Жоржа. Он, наконец, понял все и ответил, что это его желание. Последовал ряд коротких вопросов – настоящий экзамен. Жоржу было очень неловко; его прошлое было таким жалким. Ветров назначил ему свидание на станции в Разб[ойщине], во время минутной остановки поезда. Когда они уходили, Таня сказала: «Уф, я совсем сдурела, целый номер “Искры”[36] прочитала». Конечно, Жоржу было интереснее читать свой «Вперед»: в нем светились ему глаза его красавицы-вампира. Потом Таня стала извиняться. Но если бы она знала, как он благодарен ей за ее маленькую хитрость!

Но у Тани проснулась совесть. Ей стало вдруг неприятно то, что она сделала. Какое-то материнское чувство заговорило в ней. Ей было жаль Жоржа, невинного мальчика, к[оторо]го она толкнула в пропасть. Он может погибнуть там. Оттуда редко возвращаются. О, если бы она могла вернуть назад свои неосторожные слова, или помешать случиться тому, что должно было случиться! Вот они снова в Разбойщине. На этот раз Н[аталья] И[вановна] также приехала познакомиться с его мамой. Но Жорж и Таня отправились утром, одни. Они сделали длинный путь. В лесу было так хорошо, на зеленых лужайках, залитых солнцем. Они садились под деревьями, Таня читала стихи: Бальмонта, П. Я. и свои собственные[*)] Жорж слушал с немым обожанием.

Они пришли поздно к их даче. Н[аталья] И[вановна] давно приехала. Жорж заметил, как Таня обнялась с его матерью. В этом было больше, чем простая ласка: словно она хотела просить прощения за то, что отняла у нее сердце сына и толкнула его навстречу неизвестной опасности. Жоржу так хотелось, чтобы Таня подружилась с его матерью. Он сам привязался к Н[аталье] И[вановне] и видел, что и та к нему благоволила. Но ни той, ни другой дружбы не суждено было быть прочной; виновата ли в этом одна материнская ревность? Таня шутила, забавлялась с живой черепахой, к[отор]ая плавала в ванне, с Лидочкой, к[отор]ая показалась ей оригинальным ребенком и разбудила в ней инстинкты воспитательницы: она ведь так любила детей. Но вечер приближался. Роковой

---

[36] «Искра» – первая общерусская политическая марксистская нелегальная газета, созданная в 1900 г. В.И. Лениным, вышедшим из состава редколлегии в 1903 г. Издание газеты прекратилось в октябре 1905 г. на 112-м номере.

[*)] и говорила о Финляндии (прим. Г.П. Федотова).

вечер. Они пошли собирать цветы. Адский план созрел в голове Тани: она должна удержать Жоржа, не пустить его к поезду. М[ожет] б[ыть], он забудет. Она старалась заговорить его, она пустила в ход свое кокетство, чтобы он не ушел от нее. Но он взглянул вдруг на часы. Как поздно! Он почти опоздал. Хотя, – если бежать сильно, можно успеть. – До свидания, Таня! Но она не сдавалась. Они сидели на земле и она смотрела ему в душу своими глазами, к[отор]ые манили, обещали. Она была так обаятельна в эту минуту. Он чувствовал себя ее рабом. Но он должен! Какой-то мучительный зуд кипел в груди. Точно от этого мгновения зависело все его будущее, его честь. И против воли его влекло прочь от нее, от искушений. Таня схватила его руки. Он вырвался, почти грубо, и побежал, как сумасшедший, по вспаханному полю, умоляя про себя Таню о прощении. Сердце билось, он задыхался, он не мог бежать так долго. Когда он, сломя голову, влетел на платформу, поезд только что подходил. Он успел. Он видел Ветрова. Тот сказал ему 2 слова, назначил прийти, – это были все такие пустяки. Но он был горд, – что не поддался. Это была его первая проба – для будущего.

Когда-то давно, мечтая о задачах жизни, о своем будущем «деле», он спрашивал себя: как далеко он должен повиноваться «идее»? Если она потребует у него самого тяжкого: убить женщину, к[отор]ую он полюбит, должен ли он сделать это? И отвечал: должен. Но говорил себе: после этого я уже не могу больше жить, работать во имя каких бы то ни было идей; я умру вместе с ней. Мог ли Жорж сделать это? Не знаю. С холодной головой – никогда, но в экстазе он мог бы сделать все, как тогда броситься под поезд.

Было поздно возвращаться на дачу. Он стал ждать Таню. И это была также лучшая ночь, как почти все ночи любви. Он сел на скамейку во дворе, под деревьями, и смотрел на бледные, залитые светом поля. Ожидание ему показалось слишком долгим. Наконец, подъехала тележка. То были они. Как будто бы Таня не сердилась. У него с души спала тяжесть. С ним в это время была Танина книжка, воспоминания ее дяди[37]. Сидя на станции один, он развернул последний, белый лист, и чуть заметно, при лунном свете

[37] Фаресов Анатолий Иванович (1852–1928) – дядя Т.Ю. Дмитриевой по материнской линии, беллетрист-народник, был осужден на одиночное заключение по «делу 193-х», впечатления, вынесенные им оттуда, послужили материалом для тюремных очерков, помещенных в «Молве» (1880) под псевдонимом Анатольева.

написал карандашом: «Прости меня» (прости, – а не простите). Он был смущен, отдавая ей эту книгу. Но в этот вечер Таня где-то забыла ее на станции. После ее не удалось найти. И как ни велика была их общая досада на пропажу этой книги, он чувствовал облегчение, думая, что Таня никогда не прочтет этого «прости». Н[аталья] И[вановна] напрасно уговаривала Жоржа вернуться домой с их лошадью. Он хотел провести с Таней хоть пять лишних минут. И когда он, пожав ей руку на прощание, возвращался один в эту белую ночь, о, он не жалел об этом. Счастливые мысли провожали его. В этот день они стали называть друг друга по имени: Жорж и Таня, но, конечно, «Вы». Как странно ему теперь думать, что она была для него когда-то Татьяной Юлиановной. Впрочем, про себя и в своей семье он всегда говорил «Таня».

С тех пор, как Жорж вместе с семьей жил на даче, он виделся с Таней два раза в неделю. Но ему было тяжело не видеть ее по целям дням. Но он должен был привыкнуть к этому. Скоро она должна была уехать – на все лето. Каждый раз, когда Жорж отправлялся в город, рано утром, когда все в доме спали, он срывал несколько роз в их саду для Тани. Когда он в первый раз принес к ним цветы, Н[аталья] И[вановна] спросила его, для кого они, чтобы не было спора между ними тремя. И как ни неприятно было ему обижать Лялю[38] и Н[аталью] И[вановну], как ни совестно было ему всегда перед другими выражать Тане предпочтение, он сказал, что цветы были для одной Тани. Кроме роз, он носил также простые полевые цветы, потому что она их любила. Этим языком, понятным всем, он хотел сказать то, что никогда не решился бы произнести словами. Обыкновенно он являлся к ним утром, когда Таня еще не кончила своего туалета. Он с Н[атальей] И[вановной] пил кофе и читал газеты. Он любил разговаривать с Н[атальей] И[вановной]. Она была умная женщина, и говорить с ней было интересно. Жоржу она казалась и доброй; он думал, что они с Таней должны хорошо относиться друг к другу. Вообще, их дом и семья были в его глазах идеальными. Только позже он понял разлад, который жил здесь, и от к[оторо]го Таня чувствовала себя несчастной.

Вечером чаще всего ездили кататься на лодке с учениками. Таня не принадлежала одному Жоржу. Тогда она для многих была солнышком.

Так прошел счастливый май. Таня собралась уезжать в Гел[енджик]. Впрочем, она долго не могла выбрать между ним и

[38] Дмитриева Ольга Юлиановна (1888–1972) – сестра Т.Ю. Дмитриевой.

Швейцарией. На этом маленьком примере он мог изучить капризную смену ее настроений, к[отор]ая была так характерна для нее. Наконец, Гел[енджик] победил над верной дружбой Оли[39]. Таня звала с собой и Жоржа. Он поехал бы с радостью. Таня обещала поискать там для него какого-н[ибудь] места, чтобы он мог жить. Если удастся найти, он приедет вслед за ними. Жорж сам потихоньку отправил письмо одной знакомой в Гел[енджик], прося о том же. Ответа он не получил. Но с тех пор, как Таня свела его с Ветровым, поездка была оставлена. Он должен работать, и здесь. Это был такой же долг чести, как там, в поле... Итак, они должны были в первый раз расстаться. Он чуть-чуть не опоздал проводить ее – пропустил утренний поезд, и должен был ждать скорого. Но скорый ему казался черепахой. Что, если он ее не застанет?

Она укладывала последние вещи. На столе лежал ее любимый П. Я.; она брала его с собой. Там она отыскала одно стихотворение и указала его Жоржу, как свое любимое. Как жаль, что он забыл слова. Там говорилось, как об искушении, о поцелуе. Любовь должна быть раздавлена, принесена в жертву. Нужно проклясть грезы счастья и личную боль заглушить людскою великою мукой...

Как ни жаль было расстаться с Таней, но между ними не было сказано никаких трогательных слов. Это прощание было для Жоржика светлым, не таким, как все другие. Он был уверен, что она вернется. На пароходе собрались все их друзья. Они не сказали наедине ни слова. Только выпили несколько стаканов пива; впрочем, на прощанье Таня чокалась со всеми. Но теперь Жорж не ревновал ее ни к кому больше. Он чувствовал, что из всех их он был для Тани больше, чем другие, чем Шуваловы... Пароход отчалил. Он долго стоял на конторке, махая платками...

28 дек[абря]. Я провожу Рождество не один, а с тобой, моя милая. Помогай мне в моих воспоминаниях... Ты знаешь, почему я пишу о нас в 3$^{\underline{м}}$ лице? Так я могу быть откровеннее и сказать то, чего не мог бы сказать тебе.

Через неделю ты уедешь в Саратов. Пришли мне открытку в день отъезда. Я еще напишу, вероятно, тебе в Петербург. Я надеюсь довести летопись до настоящего дня. Ты должна знать, чем ты была и чем осталась для меня.

Твой Жоржик.

---

[39] Ковалева (в замужестве – Гамбалевская) Ольга Васильевна – выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов, самая близкая подруга Т.Ю. Дмитриевой.

[2]

Знала ли Таня, уезжая, что Жорж ее начинает любить? Конечно. Такие тайны не скрываются. Любить – это слишком много сказано. Но мечтать о ней, наивно поклоняться... При всей товарищеской простоте их отношений, к[отор]ую сумела создать и сохранить она, ей было немного приятно иметь такого поклонника – именно такого: застенчивого и чистого. Она думала о своем детстве, когда она жила одиноко в своем сказочном мире. Тогда ей хотелось иметь товарища, невинного, как она. Ее красивый музыкант, первая детская любовь, оказался таким... недостойным ее. Теперь Таня смотрела на Жоржа и думала: Зачем она не знала его раньше? Они были бы славными друзьями тогда... когда она только начинала жить, когда в ней жило столько смутных надежд. Теперь ее думы казались Тане кладбищем, где схоронено все, все дорогое ей на свете. Она чувствовала себя гораздо старше Жоржа. Не только 2–3 года, хотя и они так много значили в жизни девушки, разделяют их: она много пережила, а он не испытал еще ничего. В ней поднималась снова материнское чувство к нему. Он не должен ее любить. Это будет только несчастьем для него. Хорошо только то, что естественно, здоро́во. Он должен найти себе веселую, хорошенькую девочку и быть счастливым, беспечным, не мучая себя до времени страданиями сгоревшей души. Мальчик, как он, должен влюбляться, это нравственно, это спасет его от опасной чувственности. Только не ее он должен любить. Она даже приискала ему невесту. Сколько тут было самоотвержения с ее стороны? Не знаю. В сущности, она хотела лишь отказаться от невинного удовольствия, к[отор]ое льстило ее самолюбию, но к[отор]ое могло дорого стоить для них обоих. Невеста была молоденькая, черноглазая девушка. Она была хороша и с темпераментом. Трезво обсуждая этот вопрос, я прихожу к заключению, что выбор Тани был неудачен. У этой маленькой Барцевой[40], наверно, нашлись

[40] Барцева Татьяна Сергеевна (1887–1985) – подруга Т.Ю. Дмитриевой, впоследствии жена С.Л. Франка. Венчание состоялось в протестантской церкви в Саратове в июле 1908 г. Позже Г.П. Федотов язвительно отзывался об этом факте: «Но самое большое и злое удовольствие (не могу простить ему похищения Тани Б[арцевой]) доставил мне Франк, убедив меня окончательно в своей неталантливости. Он совершенно пресен, пресен до безвкусия и интерес его книги исчерпывается тем, что он пересказывает мысли очень умных людей. Пересказывает добросовестно и критикует с осторожностью. Очень много у него интеллектуальной гибкости. Вся беда: нет темперамента. Для человека, не блещущего творчеством и продуктивностью идей, темперамент и талант одно и то же. Я рад, что

бы острые коготки под бархатными лапками, и она могла бы растерзать Жоржу до крови сердце. А это было бы уже лишнее для его воспитания. Но Тане при всем желании не удалось их сблизить. Жорж упорно избегал своей суженой. Он почуял опасность. Ему была ясна задняя мысль Тани: таким путем она хотела отделаться от него. Всякая женщина, к[отор]ая была бы поставлена рядом с Таней, чтобы заменить ее, сделалась бы для него несносной. Поэтому он сразу почувствовал недоброжелательность к Барцевой. К тому же в этой [девушке] за ее скромностью скрывалось некоторое кокетство. А этого греха он не прощал, м[ожет] б[ыть], потому, что сознавал свою слабость перед ним. Давно когда-то маленький фанатик думал в нем: «Если бы я был инквизитором... Я простил бы всех падших женщин, но жег бы на кострах тех, которые играют в любовь». Нет уж, Таня, оставь при себе Жоржа, позволь ему быть твоим пажом. Потом: если бы ты спросила у него, как он воображает себе идеальную любовь, он сказал бы: «Вы помните балладу из Es war ein alter könig, Гейне[41]?

Sein Herz war schwer, sein Haupt war grau;
Der arme alte König,
Er nahm eine junge Frau.
Es war ein schöner Page,
Blond war sein Haupt, leicht war sein Sinn;
Er trug die seidne Schleppe
Der jungen Königin.
Kennst du das alte Liedchen?
Es klingt so süß, es klingt so trüb!
Sie mußten beide sterben,
Sie hatten sich viel zu lieb»[42]

Эрот на Франке так жестоко отомстил за себя, покарав сразу два греха: эмоциональную бесполость и похищение посвященной ему девы». См.: Письма… С. 173.

[41] «Был старый король» (*нем.*) – стихотворение немецкого поэта Г. Гейне (Heine, 1797–1856) из цикла «Neuer Frühling» («Новая весна»), вошедшего в сборник стихов «Neue Gedichte» («Новые стихи», 1844).

[42] Был старый король… (эту песню
Я, други, слыхал встарину)
Седой, и с остылой душою,
Он взял молодую жену.

Был паж с голубыми глазами,
Исполнен отваги и сил;
Он шёлковый шлейф королевы,
Прекрасной и юной носил.

Молча любить, по ту сторону пропасти, как маленькую звезду; стоять за ее стулом с потупленным взором, украдкой выслеживать ее в темноте ночных аллей и провожать ее в спальню короля.

Мучиться тысячью ревностей, и умереть накануне нежданного, сказочного счастья... Однажды Таня сказала ему – Жоржу (а не пажу): «Несчастная любовь – глупость». Он ответил поспешно: «Да, конечно», но не совсем искренно: такая любовь никогда не обманет.

Ах, этот паж! Если бы Жоржик был им, то его, конечно, через день выгнали бы из замка, м[ожет] б[ыть], отрезали ухо на дорогу. Он был таким неуклюжим, он не сумел бы оказать простой услуги своей обожаемой королеве, – ей меньше, чем всем другим. Тане стоило большого труда приучить его подавать ей карточку; он всегда при этом чувствовал себя неловко. Однажды он был очень счастлив, когда мог сделать ей что-н[ибудь] приятное, даже если она об этом не знала.

Она уехала. Он не тосковал без нее. Легкая грусть – но новые сильные впечатления охватили его. Он начинал свою револ[юционную] службу. Сколько тут было нового и прекрасного. Я помню $1^{го}$ мая в зеленой роще и красное знамя над толпой[43]. Красное знамя! Он относился к нему, как к святыне, даже если это была кумачовая тряпка. Оно приводило его в экстаз, как орлы Наполеона его армию. А эти песни, где рыдала ненависть и счастье мученичества, переворачивали всю его душу. Таня уехала. Через несколько дней он был на островах, на $1^{м}$ собрании[44]. Сотни людей, незнакомых ему и все же близких, толпились в темноте. Слабо освещенный огнем костра, стоял таинственный посланец Ц.К. Его звали так странно: «Хрусталин». И сам он, как и невидимый, могучий Ц.К. – были для Жоржа существами другого мира. $3^{й}$ съезд партии только что закончился[45]. Вестник приехал с докладом. Последовала неприятная перебранка с меньшевиком;

Докончить ли старую песню?
Звучит так уныло она…
Друг друга они полюбили,
И смерть им была суждена.

Перевод А.Н. Плещеева.

[43] Имелись в виду маевки 1905 г. в Парусиновской роще. См. о них: *Осипов В.* Саратовская организация РСДРП в 1905–1907 гг. Саратов, 1947. С. 62–63.

[44] Имелось в виду собрание саратовских социал-демократов, состоявшееся 29 июля 1905 г.

[45] Третий съезд РСДРП проходил в Лондоне 12–27 апреля (25 апреля–10 мая) 1905 г.

но ничто не могло испортить настроения Жоржа, когда он на заре возвращался по свежей, заснувшей реке. Он был вполне сектантом и заговорщиком, масоном у с[оциал]-д[емократов]. К счастью, его голова не была закутана таким туманом, как сердце. Он был добрым марксистом.

К его великому счастью первый опыт ему пришлось сделать среди приятелей и учеников Тани. Он чувствовал себя как бы ее наследником и был горд этим. Среди них ему было так хорошо[46]. Точно какой-то мост связал два мира, которые прежде он видел в их противоположности. Его жестокий вампир закрывал свои глаза и точно слился с Таней. Да, многое в их жизни вышло бы по-другому, если бы Таня могла стать с[оциал]-д[емократк]ой. По-прежнему, как и при Тане, он проводил время на даче, с увлечением читая, и два раза в неделю ездил в город. Ему памятны его возвращения, счастливые ночи, когда он шагал по знакомой дороге, весь во власти причудливых, красивых мыслей. Он был с ней все время, точно никогда не расставался. У него родилась потребность и привычка, к[отор]ая сохранилась до сегодняшнего дня: он никогда не засыпал, не вызвав раньше ее образ и не приласкавшись к ней. Он был тогда еще в той полосе любви, когда воображение почти способно заменить жизнь, и женщина в фантазии так же реальна, как перед глазами. Как же ему не быть счастливым? Он все это время провел у Черного моря, с нею. Странны и смешны немного были его фантазии. Вот он приехал к ней. Но он не хочет явиться к ней на глаза, а главное, не хочет, чтобы в ее семье его узнали. Он бродяжничает, у него нет ни копейки денег. Иногда даже от самого Саратова он ходил к ней пешком в компании бывших людей, ночевал в степи, чудесно. Оборванцем он живет на берегу моря и иногда видит ее на прогулке. Потом ему удается достать работу: он делается морожен[щ]иком, – почему-то обязательно морожен[щ]иком. Он привозит свою тележку под окна дачи и угощает ее.

Конечно, она одна его узнала; больше никто на свете. Он шепнул ей 2 слова. Каждый вечер она потихоньку выходит к нему и гуляет с ним далеко от людей, над вечно шумящим морем. Он показывает ей свой грот (ведь, он живет в пещере – как Робинзон[47]). – Там чудно хорошо, а когда он зажигает фонарь, сталактиты блестят, как драгоценные камни...

---

[46] См.: Письма… С. 7–9.

[47] Робинзон Крузо – главный персонаж романов Даниэля Дефо (Defoe, 1659 или 1661–1731), первые два из которых были опубликованы в 1719 г.

Так он мечтал все ночи, с[оциал-]д[емократ], возвращавшийся с похода!

Таня, м[ожет] б[ыть], захочет узнать: эти сны и фантазии, такие детские, – они бывают у мальчиков, когда они переживают свою первую любовь, – была ли его любовь первой? И да, и нет. Но пусть Таня не думает, прежде всего, что Жоржик был совсем дитя. О, он мог бы многое рассказать ей из страшных снов своей души, – и он их после расскажет: ведь, не даром его лицо могло вдруг становиться таким злым. Ах, эта фантазия не спутник детства, это врожденное свойство души. Оно делает детьми седых людей. Как Пер Гюнт[48], Жорж навсегда останется мечтателем. До встречи с Таней Жорж влюблялся, – она знает. В 1й раз ему было 11 лет. Но, честное слово, его страдания были такие же, как у взрослых. Его душевная жизнь тогда наполнила первые недели их дружбы с Таней. Только его застенчивость была в десять раз сильнее: она жгла его. Он не мог видеть своей Анюты[49], ни говорить с ней. Он любил одиночество, писал массу стихов, Жуковский[50] тогда был его поэтом. За все три года, когда он мечтал об Анюте, он ни разу не заикнулся с ней о своем поклонении, даже не желал этого. У них даже не было ни одного tête-à-tête[51]. Веселая хохотушка, – Анюта, иногда забавлялась над своим странным маленьким рыцарем. Он помнит одну шутку – о, он злопамятен, Жорж. Компания взрослой молодежи сидела раз на той скамейке у пруда – ты видела ее, Таня, помнишь? Вдруг Анюта, притворившись расстроенной, отходит от них, садится на берегу, закрыв лицо руками – знаешь, как делают, когда так обманывают маленьких детей. Жорж мучительно ясно понимает это, и ее притворство, и цель, и все-таки не в силах удержаться и идет к ней, как она этого хочет. Как ему было стыдно!..

Другая была его воронежская кузина. Они знали друг друга с детства. Но тогда, когда они подружились, им обоим было по 16

---

48 «Пер Гюнт» (норв. *Peer Gynt*) – пьеса Г. Ибсена, написанная в Италии в 1867 г.

49 Плескачевская Анна – предмет первой влюбленности Г.П. Федотова, когда в течение нескольких летних сезонов он жил в имении у Буковских в с. Затишье Бугурусланского уезда Саратовской губернии. См.: Письмо Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой (после 14 марта 1909 г.) // НИОР РГБ. Ф. 475. К. 4. Ед. хр. 17. Л. 3 об.

50 Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, переводчик, один из основоположников русского романтизма.

51 Свидание наедине, с глазу на глаз (фр.).

лет. У нее были крупные, мужские черты лица и такой же склад ума. Она была спокойна, искренна и наружно холодна. Несмотря на то, что она была некрасива, она была известна у всех ловеласов всех учебных заведений за свои необыкновенно густые, сильно вьющиеся ярко рыжие-золотистые волосы. Жорж был серьезен, как и она. У них установились настоящие товарищеские отношения, каких не было у нас с тобой, Таня. Он в ней совсем не видел женщины. Целый год они читали вместе Бокля[52]. – Это, впрочем, не проходило даром. Через год Жорж все-таки влюбился. В их отношениях не настало ни малейшей перемены. Они только стали говорить на такие темы (этич[еские]), к[отор]ых прежде не касались. Если бы ей теперь сказали, что ее кузен чувствовал к ней какую-то нежность, она никогда не поверила бы. Жоржик страшно боялся выдать чем-л[ибо] свою тайну, чтобы не расстроить их дружбы. И его мучило желание сказать ей. Однажды он написал ей анонимное страстное письмо, изменив свой почерк. Это было преступление. На другой день она показала ему, как товарищу, это глупое письмо и недоумевала, откуда оно. Ему было мучительно стыдно. Он был достаточно наказан. В Петербурге он стал забывать ее.

Тане первой он сказал: «люблю»; но если бы она этого не хотела, она никогда не услышала бы от него. Его любовь к ней началась так же несмело, застенчиво. Но она развилась, переросла ту грань, к[отор]ая отделяет одинокие мечты о любви от признания и взаимности; поэтому я смею назвать ее моей первой любовью.

Со времени своего первого детского увлечения Жоржик так мало исправился, что писал стихи и Тане, хотя не имел никаких поэтических талантов и знал это. – Писал, правда, редко. Но, маршируя одиноко по ночам, трудно удержаться от искушения. Так он сочинил «Мадонну»[53]. Однажды у него явилась фантазия.

---

[52] Бокль (Buckle) Генри Томас (1821–1862) – английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии».

[53] «Мадонна»

Посвящаю Тане Д[митриевой]

Сотворивши мир наш тленный
В день рожденья человека
Бог закон свой неизменный
Дал отныне и до века.

«Каждый юноша, – сказал он, –
В час, когда по воле Бога
В сердце, тронутом любовью,
Вспыхнет жгучая тревога,

Завоюет пусть девицу
И посадит птичку в клетку;
Пусть брюнет возьмет блондинку,
А блондин возьмет брюнетку.

Пусть ее целует в губы,
Пусть цветы дарит невесте,
В честь нее стихи слагает
И детей родит с ней вместе».

Исполняя волю Бога
От Севильи до Гренады
И на всем далеком свете
Раздаются серенады.

Яго любит Изабеллу,
А Альманзар донну Клару.
Поцелуи и объятья,
Мандолины и гитары.

В серебристом блеске ночи
Под луной мелькают тени…
Томной влагой блещут очи,
Слышны вздохи привидений…

О, любовь! В сердца людские
Ты вселяешь дух отваги
В честь тебя на поединках
С грозным блеском гнутся шпаги.

В честь тебя пивные кружки
Разбиваются в трактире…
Как прекрасно все ведется
В нашем славном, старом мире…

Только сумрачный Фернандо
Волю неба презирает.
Он один во всем Мадриде
Дев и женщин не ласкает.

Молчалив и бледен бродит
Днем по улицам Фернандо
И детей порой пугает
Блеском глаз своих безумных.

На красавиц черноoких
Он не хочет бросить взгляды, –

И они, смеясь, болтают,
Что он выходец из ада.

Но едва покровом ночи
Мир оденется бесшумно,
В своей спальне одинокой
Запирается безумный.

Светом розовым лампады
Стены голые облиты…
На полу алтарь поставлен –
Глыба красного гранита.

А на нем стоит мадонна –
Беломраморная дева,
Златокудрых херувимов
Божество и королева *)

*) Отблеск пурпурный трепещет
На устах ее играя,
И колеблется мадонна,
Улыбаясь, как живая.

И у ног ее Фернандо
Бьется с дикою тоскою,
Обнимая белый камень
Святотатственной рукою.

Шепчет клятвы и проклятья
Вместе с жаркими мольбами,
К краю каменного платья
Прижимается устами.

И от губ его, горящих
Чувств дыханием мятежных,
Остаются капли крови
На каменьях белоснежных…

И когда, в конец измучен
Сверхъестественным страданьем,
Он без чувств лежит в экстазе
На полу пред изваяньем,

Чудо, мрамор оживает,
И, согрета теплой кровью,
Бледно-розовая дева
Дышит негой и любовью.

О, если бы Таня была статуей св[ятой] девы, а он христианином! Она так высоко над ним, его обожание так чисто. Он молился бы ей... И вдруг его посетила грешная мысль. Католики на юге в свое поклонение Марии вкладывают столько страсти, почти плотской. И искушение одолело. Кровавыми поцелуями он оживил свою Мадонну. Оживил, и сказал себе. Нет, это не Таня. Я никогда, никогда не посмел дать ей страстного поцелуя. Она выше моей Мадонны.

А жаль, что Жорж не умел писать стихи. Его «Мадонна» была плохим переводом с хорошего оригинала. Он узнал и оригинал. Это был, конечно, Гейне[54]. Хотя он не читал его два года,

---

Счастьем, людям недоступным
Упоен Фернандо сонный,
И до утра ночь проводит
Он в объятиях с мадонной

НИОР РГБ, Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 32. Л. 23–23 об.

[54] Имелось в виду стихотворение «Die Weihe» (1817) Г. Гейне. В русском переводе Д.Д. Минаева публиковалось под названием «Освящение».

Посреди лесной часовни,
Перед ликом чистой Девы,
Мальчик набожный и бледный
Опустился на колени.

«О, позволь, Мадонна, вечно
Здесь стоять мне пред тобою.
Не гони меня отсюда
В мир холодный и греховный.

«О, Мадонна, лучезарно
У тебя струятся кудри.
На устах – священных розах –
Светит чудная улыбка.

«О, Мадонна, словно звезды,
У тебя глаза сверкают
И ладье житейской в мире
Путь указывают верный.

«О, Мадонна, испытанья
Твоего я не боялся,
Только слепо доверяясь
Жару набожного чувства.

но чудный Генрих так слился с его душой, что сквозил почти во всех его смутных ощущениях.

И Таня могла думать, что Жорж забыл ее в это лето! Но он так мало писал ей: кажется два раза. Почему? Ему казалось, что между ним и Таней лежит невысказанная тайна. Он постоянно носил ее с собою. Кроме нее, все, что он мог написать ей, было так пусто, так лицемерно: точно он лгал, скрывая. А этой тайны он не мог коснуться, – к счастью. Ты знаешь, что смелость и натиск никогда не были его добродетелью. Таня писала ему больше: о своих путешествиях, о кабанах, к[отор]ые собирались в горах вокруг костра, об этих удивительных людях, к[отор]ые живут

«О, Мадонна, и сегодня
Ты услышь мою молитву!
У тебя прошу я знака
Благосклонности малейшей!»

Тогда превеликое чудо свершилось!
Лесная часовня мгновенно вдруг скрылась,
И мальчик не верил глазам и тому,
Что в чудной картине открылось ему.

Его окружала красивая зала,
В той зале сидела Мадонна, но стала
Простой миловидною девой она
И кланялась, детского счастья полна.

Отрезавши локон один, благосклонно
С небесной улыбкой сказала Мадонна
Счастливому мальчику кротко: «Даю
Тебе я награду земную твою».

Что ж свидетелем награды?
Ты взгляни на свод небесный.
В небе радуга сияет.
Разливая блеск чудесный.

Сомны ангелов взлетают
И к земле стремятся снова,
И в лазури ясной тают
Звуки гимна их святого.

Мальчик понял, что сердечно
В те края давно он рвётся,
Где цветущи мирты вечно,
Где весны сиянье льётся.

на Перевале. Но самого главного она не сказала, да и не могла сказать: о тех отношениях, к[отор]ые связывали ее не с перевальцами вообще, а кое с кем из них. Незадолго до нашего последнего прощания ты говорила мне, что скучала в Гел[енджике] о своем Жоржике. Не знаю, м[ожет] б[ыть] первые дни, но скорее ты должна была его забыть. Таня там встретилась с людьми... Для Жоржа они были всегда предметом глубокого уважения – нет, больше – поклонения. Таня в самые лучшие, глубокие минуты свои говорила с ним о них и не скрывала своего восхищения. В голове Жоржа все ее переживания, все ее прошлое, как-то само собой отслоилось в три периода: родной лес, курсы, Перевал. И последние были связаны между собой, потому что у толстовцев Таня встретила своих старых друзей. Но она никогда не решалась с откровенной ясностью сказать, что значили они в ее жизни. И в душе Жоржа выросла непоколебимая уверенность, что они значили для нее больше, чем она хотела сказать. Ему представляются три человека. Один из них добр и несчастен. Он женат и у него милые девочки. Они писали Тане такие трогательные письма. Этот человек должен был любить Таню. Она чувствовала к нему дружбу и сострадание. Ее влияние, ее помощь должны были спасти его – от чего?

Другой – блестящий артист, немного избалованный красавец, аристократ-револ[юционе]р, – тонкая, худож[ественная] душа. Он был холоден к женщинам, но так обаятелен. Тане случалось проводить с ним удивительные часы под звездным небом, в горах. Иногда ей хотелось... Но только иногда.

Третий был для нее больше всех. Это он преследовал ее мысли так долго и упорно. Это о нем когда-то, много спустя, думал Жорж, когда говорил Тане: «Я люблю тебя. Но если бы пришел человек – орел, к[отор]ый мог бы взять тебя с собою и дать счастье, я отдал бы тебя». Он тоже был рев[олюционе]р, и тоже красив, как цыган, при всей своей наружной простоте. Он был человек подвига. В жизни не было для него личного счастья. Железная воля и кроткая душа... И он отстранился от женщин, но для Тани, о, для нее он был... по крайней мере, одним из лучших снов ее жизни.

Как исчезал Жорж, влюбленный мальчик, перед этими людьми. Она должна была его забыть.

Он думал, что, если бы она навсегда осталась на Перевале, м[ожет] б[ыть], она нашла бы и цель жизни, – и счастье... Твой прежний Жоржик. Пиши мне.

[3]

Наступил август. Жорж с волнением ожидал ее приезда. Однажды, когда он с бьющимся сердцем позвонил у их подъезда, сбежавшая Паша объявила ему: «Приехали! Только Т[атьяны] Ю[лиановны] еще нет. Барыня вышли. О[льга] Ю[лиановна] дома». Жорж постоял с секунду и пошел назад. Ему не пришло даже в голову, что он ужасно невежлив. Если Ляля относилась к нему недоброжелательно, то в этом нет ничего странного. Она для него не существовала. Он никогда не мог найти, о чем заговорить с ней в те несчастные дни, когда не заставал Таню дома.

Тане тогда тяжело было расстаться с Гел[енджиком]. Как раз пришла ужасная весть о казни Никифорова[55]. Он был близок ей, этот погибший юноша, ближе, чем мог думать Жорж. Его брат не нуждался в утешении: он умел страдать молча. Но общее горе сблизило их – они сознавали это, без всяких жалких слов. А потом семья Анисимовых удерживала Таню: с ее отъездом они теряли друга, к[отор]ый был необходим им. Наконец, она вернулась. Жорж встретил ее смущенно, как всегда, когда долго не видел ее. Она ему рассказывала о своих летних впечатлениях, – он ничего о своих. Она должна была сделать ему маленький выговор: он не умел писать ее фамилии! Это было так характерно для него; столько раз он останавливался перед карточкой на их двери и смотрел на нее, приводя в порядок свои мысли. – И не запомнил! Он был (да и остался) очень рассеянным ко всему на свете, кроме Таниной души. Странно, почему он не помнит из этого времени ни одного дня, проведенного им с Таней. Может быть, потому что их отношения ни капли не изменились. Под покровом простых, товарищеских отношений он скрывал свое отношение, она оказывала ему дружеское доверие. Но они не могли уже видеться теперь так часто, как бы ему хотелось – каждый день. Кружки брали у него много вечеров. В одну прекрасную ночь, при аресте районного комитета, он стремительно попал в тюрьму, чтобы на другой день так же стремительно очутиться на свободе[56]. Для него это было только приятное воспоминание. Но это не прошло без последствий. Через несколько дней он увидел у себя в гостях жандармского офи-

[55] Речь шла о казни эсера А.Л. Никифорова за убийство 28 апреля 1905 г. начальника нижегородского охранного отделения ротмистра А.В. Грешнера. См.: *Кузьмин Д.* А.Л. Никифоров и дело Грешнера: (По личным воспоминаниям) // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 38–54.

[56] Речь шла о первом аресте Г.П. Федотова 24 августа 1905 г.

цера, к[отор]ый пришел, как ангел-хранитель, предостеречь его. Этот жирный ротмистр был противен своим лицемерием, и потом его сомнительный визит мог очень скомпрометировать Жоржа. Потому он обошелся довольно грубо со своим покровителем и тотчас решил уехать. Попасть второй раз в тюрьму, накануне отъезда, он не хотел, потому он торопился. Но Таня! Ему было страшно оставить ее. Какое-то суеверное чувство нашептывало ему: она не придет к тебе, она останется. Таня, как всегда, еще не решила окончательно между курсами и воскресной школой. Жорж точно боялся, что, исчезнув с глаз Тани, он станет ничем для нее и никакими силами не может повлиять на ее решение. Чем ближе к отъезду, тем она становилась дороже и желаннее для него, и рос его страх. Накануне она сама провожала его в темный, холодный вечер. Таня была так ласкова к нему, – редко они чувствовали себя так близкими друг другу. И вот тогда-то у Жоржа родился хитрый план: он будет ждать ее в Аткарске[57]. Он чувствовал, что если она согласится, то свяжет себя, должна будет поторопиться со своими делами и поедет, – хотя бы лишь для того, чтобы не обманывать его. Ей сначала показалась странной эта затея; лучше бы Жоржик подождал ее. Но он знал ее пристрастие (и его также): поступать так, как никогда не сделают другие, – и надеялся. Она не сказала ни да, ни нет. И тогда, когда они прощались на платформе, и он сказал ей: «Таня, решайте в самый последний момент», она не знала. Поезд двинулся, он жадно ждал, она тихо послала вдогонку: «Приеду». Он уехал счастливый и немного гордый.

Дедушка и бабушка и не подозревали, чему обязаны неожиданным визитом внука. Они давно его звали, хворые старики, он к тому же совсем слепой. Нельзя сказать, чтобы ему было весело у них. Старики были истиннорусские, и Жоржик читал им газеты, сочувственно вздыхая их жалобам на безумное время. Потом он уходил в читальню и брал дневник Е. Дьяконовой[58]. Странно, он чувствовал какой-то особенный интерес к этой оригинальной девушке и с глубоким вниманием задумывался над ее самоанализом. Все, что читал он, всегда у него связывалось с личностью Тани,

[57] Аткарск – город (с 1780 г.), расположенный на север от Саратова, и станция на 711 версте от Москвы, узловая для железнодорожных линий, идущих по четырем направлениям: на Ртищево, на Саратов, на Вольск и на Баланду.

[58] Дьяконова Елизавета Александровна (1874–1902) – писательница, автор «Дневника», опубликованного в трех томах: *Дьяконова Е.А.* Дневник (1888–1895). Т. 1–3. СПб., 1905.

но между Дьяк[оновой] и ей ему чудилось что-то родственное. Разница была, громадная – в пользу Тани. Ел[изавета] Д[ьяконова] не умела чувствовать глубоко, но у обеих было что-то блуждающее, смутное, капризное, – словом, женственное. До сих пор он не знал женской души; теперь стал наблюдать ее. Через два дня он сидел рядом с Таней и мчался в Петербург. Она встретила его с такой застенчивой улыбкой и нежностью, к[отор]ые вознаградили бы его за долгий месяц ожидания. Они были одни в этом углу вагона и могли сидеть, взявшись за руки. Вдруг Жорж почувствовал, как ее волосы коснулись его щеки, и вспыхнул от этой ласки. Он никогда, никогда не смел бы первый коснуться ее; он и теперь не решился ее поцеловать. Он был благодарен ей, но не мог ничего сказать... Они стояли на площадке у окна, и Жорж, опустив глаза, неловко и точно боясь выразить свою мысль, говорил. Что он желал бы быть другим к ней, ласковым, побороть свое смущение, – но какое-то непонятное чувство удерживает его движения. Он не может передать того, что происходит в нем – это всегда с ним так, он не знает, отчего. Таня сказала: «Это целомудрие». Это было не совсем так: ведь его мысли были так чисты, и его поцелуи могли бы быть лишь так же невинны. Он любовался ей и почувствовал вдруг прилив необыкновенной искренности. Он хотел, чтобы она видела его сердце. Они говорили задушевно, немного застенчиво. Он почему-то рассказывал ей про тех двух девочек, которыми когда-то увлекался, – кажется, она просила его об этом. Он хотел объяснить ей, что она была для него больше, чем он, но не мог сказать, что он ее любит. Он тихо ласкал ее руку. Она полупечально говорила о том, как скоро проходят привязанности: он также забудет ее. Он возражал ей. Противные кондукторы все хлопали дверями мимо них. Лампа потухла, – они приходили зажигать ее. К чему?

Все путешествие было для Жоржа сладким сном. Он был счастлив видеть ее всегда, следить глазами за каждым ее движением; сквозь сон смотреть на ее спокойное лицо с закрытыми глазами, – иногда встречать ее улыбку, пожать руку, – и пить чай из одной кружки... Они провели день в Москве. С одним студентом, знакомым Тани, они поднялись на Ивана Вел[икого]. Таня говорила, что она любит старую Русь, народ с его традициями. Жорж ненавидел все это. Но он сознавал, что много странных мыслей, к[отор]ые приходили им в голову – там, над Москвой – были понятны только им двум и их спутнику должны казаться ерундой.

Эта связь с Таней радовала его. Они нацарапали надпись карандашом на стенах, по обычаю. Он написал: «Есть мститель

там, над звездами». Они только что спорили об этом, и Жорж сказал, что в небе должно быть страшно холодно. Таня, конечно, не согласна, но это не разделило их. Они были вместе у Лемпертов[59]. Они сразу показались Жоржу очень симпат[ичными]: здоровые, добрые, красивые. Он внимательно посмотрел на старшего, потому что он когда-то был близок с Таней: Сергей был сдержаннее, серьезнее своих братьев и понравился Жоржу: ведь, он теперь не ревновал к нему Тани. Он не мог даже заметить у них той теплоты, к[отор]ую приносят воспоминания. Если Сергей, м[ожет] б[ыть], был взволнован, то он ничем этого не выдал. Жоржу всегда было приятно встречать людей, с к[оторы]ми были связаны воспоминания о прошлом Тани: он любил тот мир, где она была счастлива. И даже те, кто был ему несимпатичен, точно воскрешали собой этот мир, словно доказывая, что он не вымысел, не сон. С такими чувствами, напр[имер], он относился к Гегидзе[60], к[оторо]го в то же время почти ненавидел. Б[орис] М[ихайлович] как-то приезжал к Тане в Саратов, возбудив в Жорже... конечно, ревность! Таня, правда, его не уважала. Но он был талантлив, м[ожет] б[ыть], и умен. Жорж знал, что при всей ее чистоте, на Таню имеет неотразимое влияние все, что носит печать силы. Она покорялась почти без воли этой силе личности, даже злой силе. Ум – эта мощь мозга для современного человека – то же средство обаяния, что были прежде железные мускулы и мужская красота. Отношения Тани к Введенскому и Москалевой были удивительны для Жоржа: он их за это ненавидел. Ну, а Гегидзе? Если этот развратный человек владел такой волей, и если зло было красиво... Жорж долго не мог понять Гегидзе. Почему я вспомнил его теперь? Злой бог послал его к ним в этот день, когда они садились на николаевский поезд. Таня много говорила с ним дорогой: он был интересный собеседник. Но для Жоржа его соседство с ней было почти оскорбительным. Он почувствовал облегчение, когда Таня вернулась в нему и сказала: «Какой противный этот Г[егидзе]!»

Они в Петербурге. Сыро, мрачно, Жорж почувствовал тяжесть на душе. Проклятый город! Однажды Таня дала ему обещание. Это было в тот самый день, когда она была у него в Разбойщине, и он ушел бы от нее. Она просила его: «Жоржик, милый, останьтесь. Ну что вам стоит? Хотите, я обещаю вам? Мы будем жить

---

[59] Речь шла о братьях Николае Антоновиче и Сергее Антоновиче Лемпертах, московских знакомых Т.Ю. Дмитриевой.

[60] Гегидзе (лит. псевд. – Глебов) Борис Михайлович (1880–1942) – писатель.

вместе в Пет[ербурге], где-н[ибудь] в рабочем квартале и вести кружки...» Таня не обязана была держать это слово. Ведь, он не послушал ее. И она приехала теперь не для пропаганды, а все еще с надеждой на учение... Но Жорж все-таки прежде мечтал поселиться где-н[ибудь] недалеко от Тани и часто видеться с нею. Если бы она жила на Вас[ильевском] о[строве], он так же. Но у Тани была своя слабость: она любила чистоту и комфорт. Он знал давно ее аристокр[атические] пристрастия и научился не только извинять, но и любить их, как и все в Тане, даже ее недостатки. Ведь, если бы она не имела их, она была бы другой, не той, к[отор]ая казалась ему прекрасной. Он думал иногда, что если бы Г[осподь] Бог предложил участвовать в создании Тани, он сделал бы ее такой, как она есть, не лучше. Лучше – значит хуже. [«?» – рукой Т. Ю.] Итак, Таня стала жить у Враских[61]... Она говорила со своим милым скептицизмом, что их расстояние может совсем заморозить их дружбу; она смотрела на вещи материалистически, – а 5 верст сильнее какой угодно любви. Однако Жорж видел ее не так уж редко, почти через день. Он бывал бы у нее каждый день, – если бы... Она жила одна. Его охватывало всегда такое смущение и стыд, когда он входил к Враским. Он, правда, научился уважать их. Но его самолюбие сильно страдало. Во-первых, они, конечно, совершенно равнодушны к нему, и стыдно было являться к ним незваным, так часто... Они знали же, что он ходит не к ним, а к Тане. А выдать чем-н[ибудь] его любовь, даже просто привязанность к ней перед чужими ему всегда было неприятно: он хотел бы сохранить ее на дне души, сберечь от всяких нескромных глаз. Его тянуло к ней каждый вечер. Но усилием воли он заставлял себя сидеть дома, день или два, пока ему не казалось, что интервал вполне приличен. Правда, смешно, Таня?

Это было в один из первых дней по их приезде, когда они пошли на генер[альную] репет[иц]ию «Вил[ьгельма] Телля»[62].. Жорж до сих пор не может слышать равнодушно имени славного швей-

---

[61] Упоминалась большая семья сенатора Степана Борисовича Враского (1844–1922), включающая его жену Марию Васильевну (в дев. – Завойко), детей – Бориса Степановича Враского (1873–1918) с женой Екатериной Михайловной (в дев. – Авенариус-Терпигорьева), Ольгу (1877–1912), Надежду (1878–?), Варвару (1885–1950) и Степана (1903–?). В это время они жили по адресу: Петербург, ул. Баскова, д. 4, кв. 34.

[62] «Вильгельм Телль» – пьеса Ф. Шиллера о легендарном народном герое Швейцарии, искусном лучнике, уроженце кантона Ури, жившем в конце XIII – начале XIV в.

царца. Театр Яворской[63] был почти пуст и темен. В былые времена Таня бывала здесь часто, и она рассказывала Жоржу про саму артистку, так как знала ее. Для Жоржа всегда самым большим наслаждением было сидеть рядом с Таней в театре, знать, что она живет тем же впечатлением, теми же мыслями, что и он. Вместе с ней он становился сам восприимчивее, и красота глубже трогала его. А Вильгельм Телль... Он был поэмой борьбы за свободу, к[отор]ой он сам жил; для Тани была в нем прелесть национальной идеи, к[отор]ая освящала борьбу благословением предков, право у Бога, – она недаром любила Финляндию. – Когда швейцарцы сходились в долине Рютли, Таня шепнула ему: «Жоржик, вам хотелось бы быть заговорщиком?» – «Да, еще бы». Они с улыбкой переглядывались между собою, и каждый говорил то, что другой думал про себя. Точно они могли читать в душе друг у друга. Да, опасно сидеть в темной зале театра, когда все смутное и прекрасное поднимается со дна и связывает души тонкими цепями... В залах фойе было еще темнее. Они бродили, как в лесу, и, наконец, нашли себе уютный уголок. Они говорили и молчали, и, когда молчали, то становились еще ближе друг другу. Какая-то дама прошла мимо них. Таня шепнула: «Ведь, люди, наверное, принимают нас за влюбленную парочку». – Жоржик рассмеялся. А на самом деле... они были так скромны, они просто друзья. Да, было темно... Нельзя было даже видеть лица Тани. Вдруг он почувствовал, как она его поцеловала, быстро и отрывисто. И разорвалась та сетка, к[отор]ая сдерживала его волнение. Он обнял и целовал ее, ее волосы... Милая, как она дорога ему! Они ходили, обнявшись, по галереям и вспоминали. Они хотели сказать то, что было еще скрытого у них, чтобы у них была одна душа. Жоржик говорил ей, каким он был влюбленным, пока не знал ее, и сколько света и красоты она внесла в его жизнь. Таня вызвала свои далекие страдания и показала ему свое бедное раненое сердце. Ее рана не заживает, жизнь ее остается разбитой. Ему было горько слушать это – до слез. А Таня рассказала, как она еще девочкой бросилась в Волгу, потому что жизнь ей опостылела. Но смерть была так ужасна, о! Она никогда больше не пыталась делать этого... Жоржик дрожал за нее и в порыве глубокой жалости и сострадания шептал: «Ты моя бедная... русалоч-

[63] Яворская (по мужу – княгиня Барятинская) Лидия Борисовна (1871–1921) – русская актриса. В 1901 г. открыла в Петербурге «Новый театр», разнообразный репертуар которого включал пьесы М. Горького, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Г. Ибсена.

ка». И она осталась с этих пор русалкой в его душе, как будто он видел ее девочкой на песку у реки. Русалка! Прекрасная и загадочная, у к[отор]ой нет тела... Русалка, что чарами своими опутывает сердце и влечет за собой, неотразимо в зеленые волны. И неутомимое страдание грызет ее: оно – душа несчастной, что утопилась в майскую ночь. И она холодна, о, как холодна! Напрасно она хочет согреть свою кровь и избавиться от заклятья. Она не может любить... никого. Эти мысли, нет, ощущения пронизывали ее тогда, почти бессознательно, когда он называл ее русалкой и лаской старался заставить забыть ее горе, – он стал невольно говорить ей «ты» тогда, не замечая: она стала родной ему. И скорбь была перемешана со счастьем: скорбь за ее душу, счастье за то, что она хотела любить его... И в этом было больше счастья. Да, Жорж никогда не знал любви, к[отор]ая шутит и смеется, не понимал ее. Его – была всегда отравлена слезами. И она делала душу такой чистой, а страдание таким высоким... Он провожал ее из театра. Таня уже примолкла. В них наступило спокойствие, в Жорже – счастье. Прощаясь, он долго жал ее руку и вернулся, как во сне. Да, это и, правда, был сон... Когда он опять увидел Таню, она про него не вспомнила, – надолго... Почему?

С новым годом! Чего тебе пожелать, милая, на новый год? Себе самому я могу желать только, чтобы в нем хоть что-н[ибудь] напоминало старый, а в будущем, – чтобы старый опять вернулся... Не смейся надо мной, Таня. У меня еще осталась старая привычка. Я теперь тоже боюсь, что «интервалы» недостаточно приличны. Поэтому 2 следующие письма я пришлю на твое имя Poste restante[64]. Сходи, если тебе не трудно, через день или два за ними.

Да, конечно, нашел чего пожелать тебе: чтобы ты провела время с Олей[65].

Мои поклоны и счастливые пожелания ты передай, пожалуйста, конечно, Н[аталье] И[вановне] и сестре – а потом Серг[ею] Мих[айловичу][66] и Достоевской[67]. Пожалуйста. Это не просто вежливость.

---

[64] Букв.: остающееся (на почте) почтовое отправление; до востребования (*фр.*).

[65] Упоминалась О.В. Ковалева.

[66] Шиллинг Сергей Михайлович (1881–1947) – член Саратовской судебной палаты, в 1906–1909 гг. снимал квартиру в одном доме с Дмитриевыми и был конфидентом Татьяны.

[67] Достоевская Татьяна Федоровна (1884–1958) – пианистка, педагог, внучатая племянница Ф.М. Достоевского, подруга Т.Ю. Дмитриевой.

Ты не пишешь об исходе экзаменов. Это значит, конечно, что они сошли отлично. Я очень рад. Твой Жоржик.

Ceterum censeo, epistulas amicis scribendas esse[68]. Ж[оржик].

[4]

Жорж видел Таню сотканной из противоречий. Но из всех них одно делало ее такой обаятельной в его глазах. Иногда в ней, мечтательной или спокойной, вспыхивали огоньки, – он видел их. Точно внезапный порыв охватывал ее и мчал на своих крыльях, а она, зажмурив глаза, отдавалась ему и готова была мчаться, куда? – хоть в бездну. Жуткое и манящее чувство захватывало дух. Все узнать, осмелиться, сгореть… Не в этом ли весь смысл жизни? А все ее ценности – призраки, к[otор]ые люди создали себе и не могут избавиться от них как от привидений.

Все в жизни дым, все в жизни тлен,
А в смерти все туманно…
Но ради Джэн, а! Ради Джэн
И даже смерть желанна![69]

Он любил цыганское в ее душе, от к[отор]ой вспыхивал сам. Она редко пела. Но на Волге, бывало, она с увлечением уносилась куда-то в этой дикой, вольной песне. «Я в степях Молдавии родилась…» Она уже забыла ее давно, а в нем, как только он вспомнит ее голос, просыпалась страстная тоска. А Вяльцева[70]? Эта странная дружба, к[отор]ая заставила ее, чистую девочку, взглянуть прямо в глаза разврату жизни, она стала понятна ему своей жгучей красотой. Он помнит. Они шли раз по лесной дороге мимо дач, когда оттуда раздался… граммофон! Да, но в нем пела Вяльцева. Как слушала ее Таня! Она называла это своим «капризом» (первым капризом). Сначала Жорж чувствовал ревнивый страх за Таню. Если бы демон одолел ее, он унес бы ее… прочь от него. Но потом – иногда – их навещал обоих этот же самый дух, дерзкий, прекрасный, как сам Дионис[71]… Да, в ней были искры.

---

[68] Впрочем, полагаю, что письма друзьям следует писать (*лат.*).

[69] Строки из баллады К. Бальмонта «Замок Джэн Вальмор».

[70] Вяльцева (по мужу – Бискупская) Анастасия Дмитриевна (1871–1913) – певица, знакомая Т.Ю. Дмитриевой, в альбоме которой сохранилось несколько ее фотографий с дарственными надписями.

[71] Дионис (Διόνυσος, Διώνυσος) – в древнегреческой мифологии бог виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза.

Как умела она говорить: «Хоть день, да мой…» А раз она рассказывала ему «Johannissteuer»[72]. Она возвращалась к нему часто.

Она могла быть чудной Марикой[73] …

Но ангелы молятся на небесах. А на вершине гор, среди вечных снегов растет гордый цветок: эдельвейс. И в Тане вечно жило чувство бледной, чистой красоты[*)] Прекрасны цветы, которые не распустились, детские души, что умерли, прежде чем капля грязи упала на их крылья. Первое утро весны, только предчувствие весны, и робкие шаги любви, которая еще не осмелилась. Что впереди? После мгновения расцвета, страсти, так летучего, что оно ускользает от чувств, холодное умирание, скука, обман. Потому что не было развития, которое бы не обманывало. На свете нет ничего выше прекрасных возможностей. Уметь убить их на время, остановиться, взять от жизни только грезы ее без отравы, – это была нравственность Тани. – Но это тяжко, тяжко. Жорж понимал это, но он качался (и Таня?), он любил и кровь, и белый снег. И утомившись одним, он искал другого (а Таня?). Таня уехала в Финляндию. Она осталась там дольше, чем обещала. Жорж стал беспокоиться. Он отыскал ее тетю, чтобы узнать, нет ли известий от нее. Она вернулась из своей второй родины с корзиной мхов и еловых ветвей, которые напоминали ей о холодном, чистом севере. Она не напомнила Жоржу ни о чем, он понял ее (ему так показалось) по ее настроению, м[ожет] б[ыть], маленьким намекам. Но – не сразу. Он долго мучился над этой загадкой. Таня раскаивается? Или он чем-н[ибудь] оттолкнул ее, не заметив? Был гадким? Или то был порыв, виновата темнота, взволновавшая нервы, и она не любит его при дневном свете? Он покорился. Он не мог бы быть к ней другим, чем она того желала. Она могла создавать и разрушать их отношения. Он признавал ее волю. Захоти она, он мог быть страстным, или нежным, или братом, или простым товарищем, – он бы ушел от нее навсегда, если бы прочел в ее глазах, что она не хочет его видеть. Эта покорность, пассивность, к[отор]ых стыдится настоящий мужчина, были ли они его или – ? Как судить. Женщины любят иногда дерзких, настой-

---

[72] «Иоанново пламя» (1900) – пьеса немецкого драматурга и романиста Германа Зудермана (Sudermann, 1857–1928).

[73] Марика (Marica) – в римской мифологии богиня или нимфа, почитавшаяся у реки Лирис в районе Минтурн в посвящённой ей роще. Жена Фавна, мать Латина, отождествлявшаяся с Венерой (Serv. Verg. Aen. VII 47).

[*)] Потому что любила норв[ежскую] поэзию (прим. Г.П. Федотова).

чивость льстит их самолюбию; – но если они уже любят другого, или в них сильно развиты интеллектуальные наклонности, или (что ближе всего нам) в них начинает царствовать строгость и чистота, – тогда смелость кажется противной, отталкивающей. Смелость все выигрывает или все теряет. Она, м[ожет] б[ыть], необходима, когда дело идет из-за любви, но она не приводит никогда к дружбе. Все эти мысли, от к[оторы]х пахнет пошлостью, но что же делать, если они верны? Только оттого, что Жорж умел быть скрытным и ненавязчивым, их дружба с Таней не порвалась. [«зачем она не порвалась!» – вписано карандашом рукой Т. Ю.] Но почему же, почему Таня так хотела? Жорж подозревал тогда только одну эту причину – север в ее душе. Таня, кажется, знала тоже ее одну. Она хотела сохранить себе его чистым. Но тут вмешивается материалист и говорит: «А вот наш батька Карл Маркс[74] не так учил. Нельзя судить о человеке по тому, что он сам думает о себе». Тане и Жоржу казалось… Но почему вчера в ней поднялись тоска и жалость к себе, и ей захотелось ласки? А сегодня она задумчиво смотрит на белый, падающий снег? Жорж не знал этого. Через тень свою не перепрыгнешь… Таня в Саратове была одна, – как рыба, выброшенная на песок. Она потом как-то сказала Жоржу: «Ты застал меня беспомощной». И это была правда. Он казался ей добрым, понимал ее. Но это только Жорж мог любить, не задумываясь, не зная завтрашнего дня, меняя только свои мечты. Ведь, он был – мальчик. Таня задумывалась, и ей казалось, что, если они закроют глаза, то потонут. [«верно» – рукой Т. Ю.] Да, нужны были напряженные нервы, дорога и мрак, чтобы Таня потеряла самообладание. В Петербурге она была спокойнее. Ее окружали старые, знакомые люди. Правда, лучших друзей не доставало. Воспоминания о них делали ее грустной. Но кругом была жизнь, сутолока, планы, люди. Все должно было рассеять ее, дать ей силу над собой, над своей тоской. Да, ведь, это малодушие. Она будет работать. Жизнь впереди еще. Чем меньше слабостей, обманов, тем лучше. И Таня стала благоразумной. И Жорж потускнел в ее глазах, он был дорог ей на необитаемом острове. Теперь она опять могла сравнивать. И если вставали в ней былые сны, сердце начинало дрожать, она думала уже не о Жорже, а о былых друзьях, к[оторы]х нет. Они были ей дороже его. В одно прекрасное утро хоронили Трубецко-

[74] Маркс (Marx) Карл (1818–1883) – немецкий философ, социолог, экономист, политический журналист, общественный деятель.

го[75]. За ним шли тысячи людей, к[оторы]м ничего не говорило его имя или к[отор]ые были его врагами. Конечно, их немножко побили шашками. Жорж и Таня были стиснуты толпой. Кругом слышались крики людей, к[оторы]х давили. Маленький мальчик припал к стене и рыдал, и через него шли, не обращая внимания на его вопли. Они вдвоем держались за руки. Жорж боялся, как бы в нем не вспыхнул тот животный страх, к[отор]ый передается толпе и обращает ее в зверя. Но, к счастью, он думал о Тане и боялся за нее… Они выбрались из этого ада. У Тани на душе лежал мутный осадок. Не возмущение ужасами, но… «Все люди мне противны». Жорж знал, что он не составляет исключения. Видела ли она гримасу страха на его лице?

Ему было горько, и он стал думать. Тогда вдруг Таня спросила его. О чем? О том же, что стояло вопросом в ее душе все эти дни. «Что лучше? Не иметь или иметь и лишиться?» смысл был этот; слов он не помнит, как и того, что ей ответил. Должно быть, ничего. Но она думала не о нем. Вдруг она сразу исчезла в воротах чужого дома, не сказав ни слова. Через минуту она уже догнала его. К кому она ходила? Жоржа мучило это. Узнать было так легко. Эртелев пер[еулок], № 11, зайти, взглянуть на таблицу жильцов, которую, должно быть, смотрела Таня. Он нашел бы. Ведь, Таня не скрывала от него имен своих друзей. Но он удержался. Это было нечестно. Она не хотела, чтобы он знал. После он сам догадался. У нее всегда сохранялось хорошее, теплое чувство к тому, кто когда-то жил в этом доме № 11. Он был чистым мальчиком, а не только, как Жорж, иногда им казался[76]. А потом гораздо сильнее и чаще поднимались в памяти лица друзей с Черного моря. Она мечтала о них. И, наконец, в самой глубине ее души, куда она неохотно позволяла заглядывать и Жоржу – ему, которому она, кажется, все рассказывала, жили образы могучих людей, что так похожи на Брандта, Жорж исчез перед ними. Он сам признавал это справедливым, только страдал… После он мог сказать себе – тогда, когда у него был уже маленький опыт: «Таня всегда

[75] Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – князь, религиозный философ, публицист, общественный деятель. 2 октября 1905 г. состоялось прощание с С.Н. Трубецким в Петербурге, откуда гроб с его телом был доставлен в Москву, где он был похоронен 3 октября на кладбище Донского монастыря. Г.П. Федотов участвовал в манифестации в Петербурге, где за гробом С.Н. Трубецкого шло около 20 тыс. чел.

[76] Речь шла о друге Т.Ю. Дмитриевой Федоре Васильевиче Карташове (?–1908).

уходила от меня, если искала жизни, силы, прекрасных людей, если она сама становилась сильной. И возвращалась ко мне – в пору усталости и страдания». Ну, что ж? Он любил ее и слабую и страдающую, а свою гордость давно уже сломил, когда начал любить. Но Жорж не был настолько слепым, чтобы не видеть того, что продолжала чувствовать Таня к нему: хорошей дружбы. Она была мила к нему, он не мог жаловаться. И, в сущности, в ней самой не наступило никакой перемены или охлаждения к нему, по крайней мере заметной для него. Она осталась, как была, его сестрой. Она хотела видеть его, предложила даже читать вместе Лаврова[77]. Они одолели 10 страниц. Судьба никогда не хотела позволить им кончить ни одной книги, к[отор]ую они начинали вместе читать. На этот раз судьба явилась в виде 5 верст. Она иногда даже сама заходила к нему, по дороге с Вас[ильевского] о[строва][78] – это был порядочный крюк. Как он был рад видеть ее у себя. – И досадовал, когда она его не заставала… У него есть два истрепанных клочка бумажки, каким-то чудом уцелевшие во время всех революций. «Очень жаль, что не застала вас, Георгий Петрович! Быть может, Вы настолько милы, что пошли к нам, и я Вас увижу. На всякий случай напишу, что приеду к Вам завтра часа в 3, после общей сходки, завтра у нас будет.

Таня».

Кажется, что он был «настолько мил». Но отчего она назвала его Г[еоргий] П[етрович]? Он жалел о Жоржике. Маленькая ласка, что была в ее словах, была ему так дорога, что он сохранил записку. А вот другая. «Заходила к Вам прямо со сходки (кажется, что не в 3, а в 9 часов, когда он отправился за ней), чтобы рассказать. У нас было много студентов, т[ак] ч[то] Вы, б[ыть] м[ожет], придете в среду на курсы, (10 линия, 33) в 12 ч[асов]. Сходку кончать отложили до 5го (октября), слишком устали сегодня. Жаль, что Вас нет, мне хотелось поделиться своими соображениями и посоветоваться.

Таня».

Конечно, он был 5го. Как эти строчки переносят прямо в то время, когда они без устали, изо дня в день ходили по митингам, когда все кипели в горячем котле, к[отор]ый того и гляди, что лоп-

[77] Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – философ, социолог, публицист-народник.

[78] В это время Т.Ю. Дмитриева жила по адресу: 11-я линия Васильевского острова, д. 32, кв. 10.

нет. И в это время Жорж мог жить какой-то своей тоской! Правда, он больше, чем Таня отдавался событиям, но когда оставался один и принимался ходить из угла в угол по комнате, устав читать, – он думал все об одном и том же: Что за странное существо Таня? Что у нее на душе? – Или просто вспоминал о том времени, к[отор]ое он провел вместе с ней – так близко к ней. Или лучше с мыслью о том, что оно прошло и никогда не вернется. Когда он бывал у нее, он возвращался всегда с тяжестью на сердце: он опять не говорил с ней, точно не видел ее, она далеко от него. И говорил себе: «Не ходи завтра. Не ходи завтра». Но у него, в его маленькой, душной комнатушке – 6 шагов в длину, Таня, появляясь, приносила с собой счастье и оставляла надежду. Раз он был болен и не ходил к ней 3 дня. Тогда она сама пришла к нему. 3 дня – так мало, что он был смущен, когда увидел ее. Она была так добра и ласкова, упрекала его за то, что он не написал ей о своей болезни. Этого он не сделал бы ни тогда, ни позже. Почему? Он думает, что писать о своих болезнях, значит, говорить вещи скучные людям чужим и неприятные близким. Таня говорила, что друзья существуют не только для счастливых минут, но и для всяких бед. Он мог бы сказать ей: участие помогает в страданиях души, но не от лихорадки. И потом – ему было бы неприятно, если бы она видела его больным, так же как безобразным. Он помнит, что тогда у него был маленький жар, и ему нравилось, что мысли и образы бегут в голове бестолково, причудливо, – точно он бредит наяву. Иногда ему нравилось это чувство больных. В другой раз, когда Таня навестила его, у него сидел один маленький еврей-студент, единственный гость, который раз был у него, и так неудачно. Он, помню, очень досадовал. Не знаю, в тот ли вечер, когда они, наконец, остались одни, или в другой раз – они говорили о Христе. Это значит, что между ними пролетел добрый ангел. Таня не всегда могла бы говорить о Христе. Ее вера была такой тонкой, детской, – как сказка. Жорж в первый раз был страшно удивлен, когда узнал о ней. Это было еще на Волге. В тот вечер она, взяв Катю М[елентьеву][79], намеревалась покататься на лодке. Уже дорогой Жорж стал спорить с Таней – единственный раз в жизни серьезно – об идеализме. Они кончили свой разговор на пристани. Таня стояла, опершись на перила, и смотря в даль, говорила, что верит в реальность идей. Жорж изум-

[79] Мелентьева Екатерина – выпускница 1-й Саратовской женской гимназии, подруга Т.Ю. Дмитриевой.

ленно возразил: «Но тогда, если быть последовательным, придется верить и в Бога!» – «Да, я верю в него». Жорж мог только ответить: «В первый раз в жизни я вижу человека, к[отор]ый искренне верит в Бога», он, конечно, не понимал ее искренность. Прежде он знал только лицемеров или людей традиции. Да мало ли чего он не знал? – Это была пропасть, к[отор]ой не заполнишь. Но он чувствовал глубокое уважение к вере Тани и мог даже понимать ее, когда мерил ее меркой красоты. Так он любил Христа, к[оторо]го создала Таня; он был, ведь, такой же реальностью, как вечные типы искусства, – те, что у Гете[80], говорят, берегут «матери» где-то вне мира. И все же он не мог удержаться, чтобы не возразить Тане в тот вечер. Она не верила, чтобы в евангел[иях] могли содержаться прямо противоположные слова. Он чувствовал при этом нечто вроде упреков совести за то, что пытался разрушить в Тане «возвышающий обман». Он даже говорил ей, что еванг[елия] не Христос, что ее вера, наконец, не предполагает верность буквы, – точно он сам был сектант[ский] пастор. Он проводил ее немного и помнит, что в этот вечер какое-то теплое, точно в самом деле религиозное настроение связывало его с ней, его сестрой. И все-таки на другой день он отыскал в еванг[елиях] несчастные стихи и передал ей вечером, вместе удовлетворенный своей правотой и смущенный… Этот день они слушали лекцию Ков[алевско]го[81]. Она у него вся записана в маленькой книжке от слова до слова. Впереди вырвана страница – это еванг[ельские] цитаты. Сзади стоит: Иеремия 48:10 «Проклят, кто удерживает меч свой от крови», – это, должно быть доказательство, что Писание оправдывает террор. А еще дальше: Гюйо[82] 176. Если у тебя под руками эта книга – об англ[ийском] утилитаризме[83] – посмотри, Таня, что там может быть на этой странице.

С Новым годом, Таня. Я не виноват, что поздравление придет слишком поздно. Я написал тебе давно – по крайней мере –

[80] Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель.

[81] Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист, социолог, этнограф, академик Петербургской АН (1914). С 1905 г. профессор Петербургского университета, преподавал в Политехническом институте и на Высших (Бестужевских) женских курсах.

[82] Гюйо (Guyau) Жан Мари (1854–1888) – французский философ.

[83] Очевидно, речь шла о книге: *Guyau J.-M.* La morale anglaise contemporaine (1879); рус. пер.: *Гюйо М.Ж.* История и критика современных английских учений о нравственности (1898).

три письма. Но не посылал их, потому что ждал твоей открытки. И вот, о чем я попрошу тебя, Таня, как, впрочем, просил тебя 5 месяцев тому назад. Не рви твоих писем ко мне, даже если они тебе не нравятся. Не знаю, когда ты напишешь мне еще. Боюсь, что мне еще долго придется ждать. А получить от тебя хоть что-н[ибудь], хоть лист белой бумаги, мне легче, чем ждать. Не думай, что я опять с упреком. Я понял, что экзамены должны страшно утомлять тебя. Только не рви, пожалуйста.

Мои лекции начались. Теперь я буду писать редко. От моей «истории» я не спал по ночам, а теперь нужно вставать пораньше. А все-таки раз в неделю буду посылать тебе продолжение. Не для тебя, Таня, потому что не знаю, останешься ли ты довольной, а ради себя самого. Эгоизм – ну, да все люди грешники. Будь здорова.

Жорж.

[5]

Я помню другую их поездку в Политехнический институт, где Таня хотела повидаться с Леней Пактовским[84], славным юношей, к[отор]ый хорошо играл на рояле. Но не это осталось в памяти Жоржа, не песни, не студенты – его друзья, – а другое. Они возвращались мимо высоких сосен, опушенных снегом. Было так светло и прекрасно после душного зала. Белые снежинки кружились и падали на платье Тани, на ее шляпу... Он так любил видеть ее розовое лицо и мех на ее платье среди мягких хлопьев снега. В этих звездочках все, что есть самого чистого, нежно-хрупкого на земле. Они тают, еще не достигнув земли; они тоже – «прекрасные возможности», мечта, которой не коснулась жизнь. И между ними пролетало северное настроение. Он сорвал несколько зеленых веток, потому что Тане дороги сосны. Они больше молчали. Потом Таня сказала: «Лучше всего на свете то, что могло бы быть, но чего не было». Он промолчал; ему понятно было это чувство. Но в то же время им овладела печаль. Так грустно думать, что нет того, что могло бы быть. В этой грусти много красоты. Но... В нем поднимался протест. Почему же все должно оставаться возможностью? Он хотел бы, чтобы все почки раскрылись, до дна выпить вино – пусть в нем яд. Он жалел о том,

[84] Пактовский Леонид Федорович (1886–1970) – выпускник Политехнического института (1903), в это время учился в Петербургской консерватории по классу фортепиано проф. В.В. Делянского.

что могло бы быть так глубоко, до внутренних слез жалел, но ничего не сказал. Таня была так хороша – под снегом. А он думал. О чем? М[ожет] б[ыть], ее мысли были далеко от Жоржа, и они вспоминали о различных неспетых песнях, неродившемся счастье... Когда они входили уже в опустевший, печальный город, Таня стала вспоминать все о том же далеком, прекрасном друге с южного моря, и Жорж понял, что им снились дорогой разные сны.

Как-то раз, по желанию своенравной Вари В[раской], они были в кружке Полонского[85], с к[отор]ым у Тани были связаны хорошие воспоминания, а у Жоржа ничего, кроме Тани. Скучные, ограниченные люди говорили о повести Куприна[86], выкладывали самые банальные фразы и искали в ней картины «среды», чтобы щегольнуть своим нововременным либерализмом. Жорж тоже думал о «Поединке»[87]. Эта вещь казалась ему настоящим худож[ественным] произведением, какие родятся, право, не каждый месяц. У него был свой критерий: она жила так свежо в его воображении со своими нюансами, хотя он уже давно ее читал. Меньше всего его интересовал фон. Он думал о Ромашове и Шурочке[88]. Таня сказала ему в тот вечер, что она презирает Ромашова, а потому она ни за что не хотела бы сказать свои мысли. Конечно, плох был этот «герой», но Жорж чувствовал к нему жалость и странную близость. Чем больше он думал над ним, тем больше улавливал сходства с самим собою! Если бы у Жоржа, действительно, было самомнение, как это иногда казалось Тане по его неприятной манере говорить, ему не пришло бы в голову ничего подобного. Люди любят воплощаться в прекрасных героев, о к[оторы]х слышат или читают; наедине с собой он должен же быть искренним, а он признал в Ромашове своего брата. Разница, к[отор]ая была, падала на счет развития, на круг тех идей, в к[отор]ых жили оба. Но что сближало их, так это одинаковое отношение к жизни. Действительность воспринимается, точно в каком-то облаке, сквозь сон, чувство реального притупляется. Это болезнь воли. Как ве-

[85] После смерти Я.П. Полонского в 1898 г. его друзьями и почитателями был создан «Литературно-художественный кружок им. Полонского», существовавший до 1916 г.

[86] Куприн Александр Иванович (1870–1938) – писатель.

[87] «Поединок» – повесть А.И. Куприна, опубликованная в мае 1905 г. в шестом томе сборника «Знание» с посвящением А.М. Горькому.

[88] Подпоручик Ромашов и Шурочка (Александра Петровна Николаева) – главные персонажи повести «Поединок».

ликолепна эта характерная мелочь, что поручик имел привычку выражаться о себе в $3^{\text{ем}}$ лице: он шел, он взглянул. Это означает ослабленность воли, не раздвоение, – нет, потому что здесь нет двух «я», стоящих друг против друга, одного желающего, другого аналитика. Нет даже чувства личности, потому что оно дается напряженным стремлением воли. Человек представляется самому себе, как клубок спутанных настроений, хотений, воспоминаний, где же «я»? есть какой-то счетчик, который следит: «Он пошел, он сказал...» Жоржу часто случалось ненавидеть те типы, в к[отор]ых он узнавал дурные стороны своей души, развившиеся, односторонние, словом, карикатуру на самого себя. Но Ромашов не карикатура. В нем есть кроме того что-то кроткое, печальное, и Жорж его любил. Кажется, к счастью, эта болезнь не так уж неизлечима. В детстве Жорж имел ту же привычку – пристрастие к $3^{\text{ему}}$ лицу, – потом она у него прошла. Но разве это не намек на нее, не остаток, если он сейчас сидит и пишет о самом себе так свободно, естественно: «Жорж думал», гораздо легче, чем просто: «думал “я”»? И если Таня вспомнит историю романа поручика Ромашова с супругой капитана Николаева, то она должна будет признать, что, ведь, и Жорж так любил ее. И он хотел бы умереть так, как умер поручик.

Есть одно воспоминание у Жоржа. Такое смутное и страстное на фоне северного снега, кот[о]рый так скоро погасил огонь, вспыхнувший раз в темноте... Оно так туманно, что я не знаю, как и рассказывать его. Это только ощущение. Через 2–3 дня Жорж должен был уехать, когда они собрались на «Детей солнца»[89] – вечером. Билетов не было, они напрасно ждали. Всякий знает это напряжение нервов, если приходится уходить ни с чем из театрального подъезда. Ведь человек уже «настроился». И они все были нервны. Почему-то Леля А[нненкова][90] с Варей убежали от них, должно быть с задней мыслью. Жорж с Таней зашли даже в цирк, чтобы хоть где-н[ибудь] провести этот вечер. Дело не вышло и там. Они снова на улице. О, если бы куда-нибудь пойти! Они шли довольно бесцельно. Жорж почувствовал, что у Тани

[89] «Дети солнца» – пьеса М. Горького, написанная в январе-феврале 1905 г. в Петропавловской крепости. Пьеса впервые была представлена в Петербурге на сцене театра В.Ф. Комиссаржевской 12 октября 1905 г.

[90] Анненкова Ольга Николаевна (1884–1949) – переводчица, искусствовед, теософ, подруга Т.Ю. Дмитриевой по Высшим женским курсам, была знакома и переписывалась с Г.П. Федотовым.

особенное настроение, к[оторо]го он не видел у нее никогда – цыганское, но не то, что овладевало ей иногда на Волге. Она что-то сказала ему, я не могу вспомнить этого, м[ожет] б[ыть], к счастью. Или скорей ничего не сказала, – так промелькнуло какое-то слово, как искра... Но он понял, что она переживает одну из тех редких минут, что иногда решают вопрос целой жизни, когда внезапно охватывают душу дикие «тролли» и гонят ее со своим «я хочу». Было что-то серьезное в ней тогда, что испугало его. Почему? Больше всего на свете тогда была она далека от любви к Жоржу, и так как он знал это, то им теперь, как ей там, в лесу, овладела какая-то жалость и любовь к чистым снежинкам, к прекрасным снам; – пусть не воскреснуть дням, они останутся вечно прекрасными. Так простились они. А что она хотела сказать ему, я не знаю. Ты не помнишь ли, Таня?

Скоро придется проститься с Петербургом и вместе с ним с первой частью нашей истории. Если спросить, что она принесла Жоржу, что сильнее всего он воспринимал от общения с Таней (потому что он только и жил под ее влиянием), то он сказал бы: красота, эстетическое развитие. Он был такой варвар в искусстве. М[ожет] б[ыть], в детстве у него были какие-то задатки, но его развитие пошло совсем в другую сторону. С тех пор, как он когда-то, вместе со своими учителями 60[х] гг. проклял «эстетику», он редко даже читал худож[ественную] лит[ерату]ру. Но все-таки, приглушенное и забытое, чувство жило в нем – под пеплом, и Таня оживила его. Но она же и развила его. Она научила его понимать Ибсена[91], Гауптмана[92], Бальмонта[93]. Под ее влиянием он сам уже нашел Метерл[инка][94], Пшибышевского[95]. С тех пор, как он полюбил ее, все интуитивное, неразумное, прихотливое вспыхнуло в нем. А в ней он видел ту, к[отор]ая дала ему откровения, научила его глубже и тоньше переживать – все. Если бы знала Таня, сколько раз он повторял про себя, ночью и днем, эти строки, которым она научила его:

«И вот зачем я здесь, у ног твоих, дитя, [«Боже» – вписано рукой Т. Ю.]

---

[91] Ибсен (Ibsen) Генрик (Хенрик) Иоган (1828–1906) – норвежский драматург.
[92] Гауптман (Hauptmann) Герхарт (1862–1946) – немецкий писатель.
[93] Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт-символист.
[94] Метерлинк (Maeterlinck) Морис (1862–1949) – бельгийский поэт и драматург.
[95] Пшибышевский (Przybyszewski) Станислав (1868–1927) – польский писатель.

Моя голубка дорогая, ...
Ища в глазах твоих, во всей тебе, родная,
Следов, оставленных ужасным божеством,
Отравленных кормящей молоком
Всех, всех лунатиков безумных...»

Если Тане было в нем что-н[ибудь] близкое, то она сама создала его. И после, в особенности тогда, когда их дружба утратила для нее эту тень романтизма, он стал более лунатиком, чем она сама, – не то, конечно, чтобы чувство красоты стало тоньше в нем, чем у Тани, но болезненнее, мучительнее... Если просто поверить тому, что Жорж до сих пор писал о ней, то невольно составляется ошибочное представление о ней, как о нервной, экзальтированной девушке, которую преследуют мистические видения. Жорж подглядел эту мистическую тайну ее души, и она врезалась в его ум, и больше он ничего не хотел видеть. Но право же, Таня не так часто позволяла овладевать собой смутным внутренним силам. Вместе с такой нервной организацией у нее уживалась удивительная простота, которая м[ожет] быть только у русской, сроднившейся с детства с народом. Отсюда в ней столько истинно русских традиций, отсюда ее демократическое уменье говорить и ладить с мужиками и со всеми на свете, к[отор]ое никогда не давалось Жоржу. Она иногда говорила, браня свою наружность: «Я настоящая деревенская девка». Что в этом была доля правды, чувствовал и Жорж, несмотря на то, что он не любил русского и был влюблен в ее лицо. И вот в Петербурге Жоржу пришлось встретиться с людьми, декадентами до мозга костей, перед которыми лунатизм Тани исчезал. Помнит ли она тот вечер, когда Варя В[раская] напрасно старалась привлечь внимание к истории Аглавэны и Селизеты[96] и, наконец, вместе с «макакой» ушла священнодействовать от них? Прости мне, отставному математику, если я выражу свою мысль в форме алгебраических отношений:

$$\frac{\text{Бальмонт}}{\text{Таня}} = \frac{\text{Таня}}{\text{Жорж}} = \frac{\text{Жорж}}{\text{К. Каутский}}$$ [97]

[96] Имелась в виду пьеса М. Метерлинка «Аглавэна и Селизета» (1905).

[97] Каутский (Kautsky) Карл (1854–1938) – немецкий экономист, историк и публицист, один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

Эти отношения не выдуманные. Жорж всегда чувствовал, и они определяли настроение их к обоим крайним членам. Правда, Таня немного насмешливо, как трезвая, простая девушка, относилась к крайним левым декад[ентам], – по крайней мере, в тот вечер? Она считалась, положим, у Лели А[нненковой] и др. – соц[иал]-дем[ократкой] и в свою очередь смотрела на Жоржа, как на материалиста политика, не то, что она, к[оторо]го она просила: научи меня быть с[оциал]-д[емократкой]. А Жорж, будучи пропагандистом, чувствовал себя мистиком. И, м[ожет] б[ыть], по закону этих отношений Таня в Петербурге перестала давать Жоржу уроки эстетики, если не считать тех, кот[о]рые давала ему непосредственно любовь. Не она, а Леля Ан[ненкова], которая (не в пример Варе) была ему так симпатична, отчасти из-за своей старой дружбы с Таней, – Леля просвещала его как-то в древнерусском стиле и в символизме. Но только раз по просьбе Тани она согласилась читать им стихи. Жорж помнит, что она читала, – конечно, из Бальмонта. И одна песня, хотя он забыл ее слова, – своим настроением осталась у него навсегда. Это была сказка про старого короля, который отправился на войну и где-то встретился с феей в горах. И как печальные, однообразные припевы старой тоски, повторялась через строчку одна и та же жалоба:

Скучно в чужой стороне...
Ты не вернешься ко мне...[98] [«Ко мне» – рукой Т. Ю.]

Он целые месяцы не мог отделаться от этих слов, к[отор]ые его преследовали, потому что он думал при этом о Тане: «Ты не вернешься ко мне». Через год, когда та же мысль – только еще сильнее мучила его, он просил Таню достать ему – он сидел тогда в тюрьме[99] – эту книгу, где он мог бы найти родную, но забытую песню: ведь, у него остались только две строчки. Он и до сих пор ее не знает.

В живописи Жорж, если можно, был еще больший профан. Он почти не видел хороших картин. Однажды зимой они с Таней были в музее. Несколько картин привлекли ее внимание, пейзажи Левитана[100], о к[отор]ом Жорж почти ничего не слышал. Там был

[98] Строки из стихотворения К.Д. Бальмонта «Горный король», вошедшего в сборник «Под северным небом» (1894).

[99] См.: Письма… С. 29.

[100] Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – художник.

зимний вечер на реке, тихий, безжизненный, с бледной луной. Таня говорила, что она любит Левитана. В нем есть что-то родное для нее, и эти сумерки зимой всегда подходили к ее настроению. Если через месяц Жорж в Москве останавливался перед Левитаном и после писал ей о нем, это возможно было благодаря его любви, его близости к ней. Таня ответила: «Как хорошо Вы поняли Левитана и мою душу». Но именно душу ее он должен был понять раньше, чем картину. И лишь потому, что он жил мыслью о ее душе, ее тоске, ее полуотчаянии и никогда не мог вполне освободиться от этой тяжести, он мог найти в красках знакомое, родное ему – его Таню [«Зачем ты терзаешь так свою Таню?» – рукой Т. Ю.]. Только в одном была бессильна Таня – со всем своим обаянием для него. Она не могла научить его понимать музыки. Это было несчастье Жоржа, если у него не было музык[ального] слуха и памяти – такое же несчастье, как родиться слепым. Он знал, знал по себе, даже если бы ему не говорила этого Таня, что у тех, кто не понимает музыки, душа не вполне развита, для них не существует целого мира красоты, самого высшего, к[отор]ый только мыслим. Кто не <u>любит</u> музыки, должен быть внутренне холодный человек. Жорж одно мог бы сказать в свое оправдание. Если он, как дикарь, в звуках, то они все-таки (м[ожет] б[ыть], именно <u>поэтому</u>), действуют на него сильно, до боли; они лепят из его сердца, как из мягкого воска, что хотят, и владеют всецело его настроением. Это вполне иррациональная, смутная, непонятная и мучительная власть. И он часто тосковал по ней, она была для него даже тождественна с любовью – по впечатлению, к[отор]ое оставляла на душе. Он думал иногда, что женщина, которая умела бы играть или петь, могла с ним сделать все. Но все же – он не понимал, он варвар... Какую пропасть это проводило между ним и Таней, для к[отор]ой в музыке в сущности было единственно ценное на свете. И он, к[отор]ый хотел иметь с ней одну душу, он не мог следовать за ней в эти страны, он оставался внизу. У Тани был другой – она часто вспоминала о нем, – к[отор]ый так умел понимать-ценить музыку – Ник[олай] П[етрович][101]. Она говорила Жоржу о его письмах, посвященных симфонии Чайковского[102]. У него должно было быть гораздо больше общего с Таней. И не только в музыке, но и во всем дру-

[101] Самбикин Николай Петрович (1882–1928) – математик, поэт, музыкант, социал-демократ, друг Т.Ю. Дмитриевой.

[102] Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – композитор.

гом. Мне хочется сейчас сказать о нем два слова. Потому что он в это время приехал в Пет[ербург] повидаться с Таней. Таня много говорила Жоржу о нем и не находила в нем ни одного недостатка, потому что его самолюбие (Жорж чувствовал это) было не пороком в ее жизни[103]. Таня говорила и больше. Иногда она сравнивала Жоржа с Н[иколаем] П[етровичем], и эти сравнения всегда были в пользу последнего. В ее глазах он стоял головой выше Жоржа. И даже раз – после, после, – она вспомнила о своей дружбе и нашла, что она была выше, лучше, чем их отношения с Жоржем. Она без жалости сказала ему это. Конечно, это было нелегко выслушать, не говоря уже о том, что самолюбие Жоржа, хотя и скрытое, едва ли уступало Н[иколаю] П[етровичу]. Но – странное дело – он не ревновал ее к нему, – он, к[отор]ый когда-то ревновал ее к вымыслам ее фантазии, к маленькому скрипачу, покорившему ее детское сердце. Даже больше. Из всех друзей, с к[оторы]ми была близка Таня, он только к одному относился равнодушно [«Верно» – рукой Т. Ю.], – к Н[иколаю] П[етровичу]. Чем это объяснить? Жорж никогда не почувствовал в ней порыва к нему, тоски о нем. Или ему это так казалось? Ему их дружба представлялась (по крайней мере, со стороны Тани) слишком интеллектуальной. А он? Таня ему раз читала его письмо. Оно было остроумно и только. Так не мог писать человек, к[отор]ый любит, хотя он, м[ожет] б[ыть], прежде любил. Таня сама сказала тогда, с грустью, что это письмо отзывается чем-то фельетонным. Н[иколай] П[етрович] мог быть блестящим, но с его стороны Жоржу не грозило никакой опасности, – гораздо больше от маленького еврея[104]. И то одно, что она могла прочитать Жоржу его письмо, – положим, в нем ничего не было. Но если бы Жорж мог думать, что она когда-нибудь прочитает его письма чужому – мужчине (женщины другое дело), – он не смог бы написать ни строчки. Когда Н[иколай] П[етрович] приехал в Пет[ербург], Жорж очень жалел, что не успел с ним познакомиться. Он даже жалел, что Таня относилась к Н[иколаю] П[етровичу] слишком холодно. Она сказала даже, когда не могла сдержать своего «обещания» прийти с ним в театр, в тот вечер «Детей с[олнца]», когда..., – она сказа-

---

[103] В дневнике Т.Ю. Дмитриевой сохранилась противоречивые оценки Н.П. Самбикина: «умница и старый друг», «оптимист и музыкант», «Все это привлекает меня. Но он груб несколько, любит только себя и через чур самоуверен».

[104] Очевидно, намек на друга-соперника Г.П. Федотова – Владимира Александровича Альтшуллера, в которого Т.Ю. Дмитриева была влюблена.

ла: «Это ничего. Пускай поскучает. Это даже полезно при его самолюбии». Жорж подумал, что, м[ожет] б[ыть], когда-н[ибудь] и о нем она скажет то же, и в душе стоял за скучающего, невольно обманутого Н[иколая] П[етровича]. Впрочем, я думаю, эта холодность у Тани явилась тоже [не] без самолюбия. То письмо... Оно так разочаровало Таню, что она призналась Жоржу: Н[иколай] П[етрович] забыл ее, она чувствует совсем другой тон и призналась: ей приятно чувствовать себя любимой, даже если она не любит. Н[иколай] П[етрович] лишил ее этого удовольствия. Жорж иногда вспоминал об этих ее словах, когда ему пришлось задуматься над тем, не надоела ли ей его «верность», – и эксплуатировал их в свою пользу...

Так жил Жорж в Пет[ербурге] со своей вечной, бесполезной тоской о Тане и за Таню, и редкими просветами красоты, – когда в нем, наконец, заговорила совесть. Что он мучит даром себя, когда он должен забыть о своей личности, отдаться великому делу, к[отор]ое творилось вокруг него. Пусть Таня вспомнит о его религиозном отношении к рев[олюц]ии, и она поймет, что в это бурное время, к[отор]ое ей самой могло казаться или повторением старых песен или нагромождением новых ошибок, для него было великим и полным надежд. Это тогда он держал с ней пари, что рев[олюц]ия победит до 9 янв[аря], проигр[анно]е пари, к[отор]ое до сих пор еще за ним. Таня забыла про него. Но его иногда мучило, когда он вспоминал, какое-то чувство невыплаченного долга и зависимости от нее, внешнего, формального право на его волю.

Если я ничего до сих пор не писал о его полит[ических] настроениях, то потому, что это не на тему. А, в сущности, они значили для него в 1000 раз больше, чем всякая эстетика. В них он, действительно, по временам забывал себя. Тане принадлежали его сны. Дневной свет возвращал его к жизни, значит, к борьбе. Только сам он в ней не участвовал. И это было хуже всего, это терзало его больше всего. Но разве это не от него зависело? Что его удерживало? Какое-то суеверное чувство, смешанная ненависть и страх – перед этим городом, к[отор]ый давил его, как могила. Таня не знала этого. Она видела Пет[ербург] бледной весной, знает его белые ночи... А для Жоржа он всегда был грудой холодного камня, промокшего от дождя, где на каждом углу его сторожила невидимая, могучая вражья сила – как удав – и парализовала его волю, личность, давила его, как червяка. Он жалел о Саратове, где небо было ясное, крыши ниже и люди проще. Там он снова был бы бодрым, мог работать. А здесь – нет. Здесь

только извинчивались последние остатки нервов. Чего стоил для него хотя бы один проклятый день царского манифеста. Он провел его врозь с Таней, она была счастливее его. С утра 18-го мучила досада, уныние, он глядел на ненавистные флаги и думал, что революция может погибнуть из-за этого капкана. Потом гнетущие предчувствия... Он как раз был у своего института, занятого войсками, когда там началась битва. Площадь покрыта резиновыми калошами – трофеями победы. Но это не было смешно, о нет; сейчас отсюда унесли Тарле[105] с проломленной головой, и уже снова подъезжает эскадрон, размахивая шашками. Так начался этот день... И когда мало по малу сердце не выдержало, поддалось общей волне ликующей радости, и он, счастливый как дитя, маршировал за своими красными знаменами, – тогда – выстрелы, кровь. Он в первый раз видел, как убивают людей. Эта кровь на снегу и на лице была поразительно светлой, он не поверил бы этому. И это было то, что ассоциировалось у него с ужасом... Когда он вечером пришел к Враским, должно быть, М[ария] В[асильевна] была поражена им. Он никогда не был таким. После пришла Таня, совсем из другого воздуха, не видавшая смерти, только усталая. Уже поздно, они сидели вдвоем в столовой и говорили. Таня заметила, что у него зрачки ненормально расширены, что, вообще, ему нельзя так дальше жить. У нее был такой ласковый, материнский тон, что он был растроган. Боль немного утихла, стала тупой. Прощаясь, она дружески жала ему руку. Правда, так дальше нельзя было жить. Он должен уехать. Здесь он не может работать. Ему случилось говорить здесь два раза – в первый раз в жизни. Он не мог утерпеть. Сердце рвалось. Кажется, ничего себе, потому что второй раз его уже пригласили, и когда – 18 числа – он стоял на лестнице Думы, то какой-то незнакомый гражданин сказал ему: «Вы, кажется, хорошо говорите. Берите слово», конечно, он отказался. Но даже если бы он стал агитатором, это было бы ни что иное, как пиление смычком по собственным нервам. Он не выдержал бы и двух недель. Эта кровь совсем залила его любовь. Опять пришел к нему прежний вампир и стал грызть его, и увлек его от Тани.

Впрочем, сам он был не нужен ей тогда. Она лишь бескорыстно думала о его судьбе. Ей представлялось так ясно, что

[105] Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк. С 1903 г. приват-доцент Петербургского университета. 18 октября 1905 г. Е.В. Тарле был ранен конными жандармами на митинге у Технологического института в Петербурге.

этот мальчик должен погибнуть, сгореть в аду, в котором уже погибло так много подобных. Она была его честным другом [«ты лгал?» – рукой Т. Ю.]. Раз вечером, когда его отъезд был уже решен, они шли откуда-то по темным улицам, и Таня говорила о его будущем. Она видела дальше, чем он. Он знал одну опасность: сгореть слишком скоро. Таня говорила, что революция может высосать человека, лишить его всех сил, сделать его калекой, умственно и физически. Она убьет энергию, способности, память. Человек может нравственно опуститься. Тогда для Жоржа это было непостижимо. Если он видел гибель, то гибель прекрасную, достойную человека. Таня предлагала ему уехать за границу, но сама же понимала, что тогда это для него невозможно. Последние дни его настроение опять стало нежным и грустным. Он мог думать только о Тане – о разлуке.

Она приедет к нему, но когда. И опять, как всегда, ему казалось, что они прощаются навсегда. «Ты не вернешься ко мне». В последний вечер, тот самый, когда был «макака», он почему-то разошелся, смеялся, болтал, чего с ним никогда не случалось. Но это был только подъем нервов, то веселье, которое иногда находит на людей с щемящей мыслью на душе. Нервный смех. Ему удалось сказать с Таней несколько слов на прощание. Варя ушла приготовить реком[ендательное] письмо к артистке в Москве. Жорж стоял, ожидая, прислонившись к двери, Таня рядом. И он видел на ее лице давно забытую улыбку, которая не возвращалась к ней с того вечера на «Вил[ьгельме] Телле». Только эта улыбка в ней всегда до последнего дня давала ему надежду, даже уверенность, что он с ней – по крайней мере в эту минуту – не просто друзья... Что-то мелькнуло между ними когда-то; м[ожет] б[ыть], оно еще вернется... Она не могла подарить ему ничего лучше на прощание, чем сделать его почти счастливым.

И зачем он вернулся на другой день? Его тянуло за ½ часа до отъезда пожать ее руку. Разве могло остаться у него в памяти что-н[ибудь] лучше, чем вчерашний вечер? У него не было чувства меры; оно здесь также необходимо, как в творчестве. Ему часто случалось в своих отношениях к Тане ощущать, какой великий грех – не уметь вовремя уйти, чтобы сохранить цельную красоту впечатления. Он не видел сегодня вчерашних глаз: это было заслуженным наказанием.

Но, конечно, Таня простилась с ним ласково. Он в Москве ходил, весь полный ей, ее слова еще раздавались в ушах. О ней он думал, когда смотрел картины, когда слушал «привидения».

Было в Москве одно, что еще раз напомнило ему живо Таню. Он пришел ночевать к Сереже Лемп[орту]. Его братья уже уехали. Самого его не было дома – он был на земляческом собрании. Жорж явился прямо из театра среди ночи. И стал ждать. Сергей, всегда спокойный, не выразил даже удивления. Они потушили огонь и улеглись. Но им не спалось. Жорж думал о Тане, – Сергей о ней же. «Вы не спите?», наконец, спросил он. «Нет». Он задал ему несколько вопросов о Т[атьяне] Ю[лиановне]. Жоржу было приятно отвечать ему. Он чувствовал особенную симпатию к этому юноше, потому что он был когда-то другом Тани. А в настоящем, право, в нем было немного гордости при мысли, что теперь он знает столько тайн Тани, что он мог заглянуть в ее душу. Но она стояла еще далеко от него. Он не мог бы по совести претендовать на большее, чем ее дружбу. Они с Сергеем, в сущности – равны...

Первые дни он тосковал о ней, но потом бодрая жизнь взяла свое, закружила его, опьянила, вернула давно потерянную силу и дала, наконец, смысл его существованию. И в вихре новых, красных образов мало по мало смягчилось воспоминание о Тане, бледнело ее лицо, – кто знает? (я хочу быть искренним), – если бы она сама не вернулась к нему, не сделалась ли бы она лишь призраком, мечтой сказки, и не должен ли был бы я написать просто: «конец» вместо конец первой части – нашей истории.

Ж.

Н.В. Гришина

«Слово “плагиат” было сказано...»: научная экспертиза, общественные оценки и дань традиции (на примере диспута Е.Д. Сташевского)*

Представлена заметка, впервые опубликованная в газете «Киевская мысль» в 1913 г., посвященная магистерскому диспуту историка Е.Д. Сташевского. Анализируется проблема научной экспертизы диссертационного исследования, ставится вопрос об общественной оценке деятельности ученых, причинах присуждения ученых степеней авторам «слабых» диссертаций.

Ключевые слова: отечественная историческая наука, диспут, диссертация, научная экспертиза, этос науки, Е.Д. Сташевский.

N.V. Grishina

"The word 'plagiarism' had been said...": scientific examination, public estimation and tribute to tradition (on the case of E.D. Stashevsky dissertation debates)

The article is interesting, first published in the newspaper «Kiev thought» in 1913, dedicated to the master's disputation historian E.D. Stashevski. The article analyzes the problem of scientific expertise dissertation research, the question of public evaluation of scientists, the causes of awarding academic degrees to the authors of «weak» theses.

Key words: national historical science, debate, thesis, scientific expertise, the ethos of science, E.D. Stashevsky.

* * *

Заметка из газеты «Киевская мысль» под названием «Герой спешности» представляет собой размышления по поводу диссертационного диспута историка Е.Д. Сташевского[1]. Автором замет-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ, проект № ФПНИ-06.6-24-14.

[1] Сташевский Евгений Дмитриевич (1884–1938) – историк. В 1911 г. стал приват-доцентом Университета св. Владимира в Киеве. После защиты магистерской

ки стал известный в Киеве литературный критик, выпускник историко-филологического факультета местного университета, не ставший профессиональным ученым, но близкий к научным кругам Всеволод Чаговец[2].

Посещение им диспута, скорее всего, было вызвано не стабильным интересом к подобным открытым мероприятиям, но связано с тем, что соискатель магистерской степени – Е.Д. Сташевский – еще до защиты приобрел скандальную репутацию. Его книга в рецензии историка С.Б. Веселовского была обвинена в поверхности, обширных текстуальных заимствованиях из работ предшественников без должных ссылок на них[3]. Решение защищать такую работу вызывало негодование коллег, так как ставило под сомнение саму суть научных исследований, наносило ущерб статусу «высокой» науки. Коллега Сташевского по университету П.П. Смирнов считал, что его книга «не плод научной работы, а наспех сшитая для практических целей диссертация», официальный оппонент В.Е. Данилевич называл ее не иначе, как «макулатурой»[4].

Невзирая на сложившуюся традицию диспута, который, по сути, являлся известной по результату церемонией, завершающей диссертационный путь[5], многие историки были готовы вынести

диссертации получил должность экстраординарного профессора (1915–1917), которой лишился по решению университетского совета после возобновления обвинений в краже архивных документов.

[2] Чаговец Всеволод Андреевич (1877–1950) – украинский литературный и театральный критик, выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1900).

[3] Подробнее см.: *Михальченко С.И.* Дело профессора Е.Д. Сташевского // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 122–128. См. также обсуждение диссертации и диспута Е.Д. Сташевского между С.Б. Веселовским и заинтересованными киевскими историками Е.Д. Данилевичем, П.П. Смирновым, В.И. Саввой и самим диспутантом: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М.: Древлехранилище, 2001. С. 299–329, 336–337, 348–354, 359–368.

[4] См. Письма П.П. Смирнова и В.Е. Данилевича С.Б. Веселовскому от 11 октября и 19 ноября 1913 г. соответственно: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 313, 359.

[5] Известны случаи, когда соискателям предлагалось забрать диссертацию из факультета и не настаивать на диспуте. Так, в Петербургском университете было «провалено» исследование О.Ф. Вальдгауэра, посвящённое истории искусства. По свидетельству С.А. Жебелева, когда стало ясно, что «диссертация будет отклонена», он вместе с Ф.Ф. Зелинским и М.И. Ростовцевым убедил коллег не

сор из избы. Они рассчитывали, что диспут станет «ритуальной бойней» для нерадивого магистранта, воспитательным примером для молодежи и демонстрацией корпоративных ценностей, пренебрежение которыми должно закрыть претенденту на ученую степень путь в мир ученых.

Думается, что и соискатель ученой степени, и его профессор-руководитель М.В. Довнар-Запольский осознавали слабость диссертации. Однако в основе их решения вынести книгу на публичное обсуждение лежал серьезный мотив, кроющийся в плоскости карьерных соображений. От итогов диспута зависел расклад сил на кафедре русской истории Киевского университета – дефицит остепененных кадров открывал Сташевскому путь к профессуре даже при защите магистерской, а не докторской диссертации. Эти соображения заставили ускорить процесс публикации книги, названной современниками «печатным пряником, которому суждено заменить собою то, что в XIX в. называли диссертацией»[6].

По всей видимости, этот диспут можно оценивать и в контексте схоларных процессов в исторической науке начала XX в. М.В. Довнар-Запольский спешил продвигать собственных учеников, преследуя более серьезную цель формирования своей научной школы. Именно этим современники и историки объясняли то давление, которое Довнар-Запольский оказывал на факультетский совет. В итоге диспут был проведен с весьма серьезными отклонениями от научных норм. Действительно, в ходе диспута произошла смена председателя совета[7], выступление оппонентов началось с речи неофициального оппонента, возражения оппонентов прерывались предложениями сократить свои выступления. Диспут «представлял сплошное нарушение закона академической этики», – писал В.Е. Данилевич в одном из писем С.Б. Ве-

---

проводить голосование. Автору частным порядком рекомендовали, чтобы «он взял свою диссертацию обратно, как если бы он её не представлял». – Из научного наследия: Записка о присуждении учёных степеней С.А. Жебелева // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2007. С. 157.

[6] См. Письмо П.П. Смирнова С.Б. Веселовскому от 5 мая 1913 г.: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 310.

[7] Н.М. Бубнов уступил место председателя В.С. Иконникову, которого привлекли к неофициальному оппонированию диссертации.

селовскому[8]. В итоге поспешно написанная диссертация и защищалась поспешно, что не могло остаться незамеченным.

В итоге диспут, все же закончившийся присуждением искомой степени, стал для Е.Д. Сташевского формальным *успехом*, обернувшимся не только его личным, но и корпоративным *неуспехом*. Это выразилось как в неудобных вопросах, которые задавали представители читающей и интересующейся наукой публики, звучавшие упреками и претензиями ко всей ученой корпорации, так и в продолжении «дела Сташевского» – обвинении историка в краже архивных документов[9].

* * *

Вырезка со статьей В. Чаговца хранится в фонде историка П.П. Смирнова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В фонде представлены и другие материалы, связанные с диссертационной историей Е.Д. Сташевского, – наброски речи неофициального оппонента, фиксация хода диспута, вырезка из газеты «Киевлянин» с официальной информацией о защищенной диссертации[10].

Публикация осуществлена в полном соответствии с текстом статьи, опубликованным в газете. В примечаниях об упоминаемых автором участниках диспута содержится информация на момент происходящих событий.

Герой спешности

– Во что превращается русская наука, во что превращается университетская кафедра?

Что такое современный русский дипломатический ученый?

И вообще – куда мы идем? И притом, так стремительно, с такой головокружительной быстротой!

Эти вопросы все время стояли передо мной во время утомительно-долгого диспута о достоинствах и недостатках работы свежеиспеченного двигателя русской исторической науки, г. Сташевского, столь торжественно увенчанного победными лаврами

[8] См.: Письмо В.Е. Данилевича С.Б. Веселовскому от 19 ноября 1913 г.: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 359.

[9] См.: *Михальченко С.И.* Указ. соч.

[10] ОР РГБ. Ф. 279. К. 16. Ед. хр. 2.

после внушительной и основательной головомойки, от которой порою можно было бы сгореть от стыда!

Дело в том, что о диссертации г. Сташевского существует уже довольно определенное мнение, высказанное выдающимся русским историком Веселовским и напечатанное в специальном органе министерства народного просвещения.

Там указано, что молодой, так сказать ученый «неразборчив в приемах»; что он крайне свободно обращается с чужими выводами и мнениями, вплоть до полного пренебрежения правом авторской собственности, и проявляет в этом смысле чисто анархистский произвол; что он не останавливается даже перед искажением неугодной ему мысли, чтобы сделать ее более пригодной, что общепризнанное «право кавычек» им попирается на каждом шагу, и что, в конце концов, ни один из выводов его исследований не может быть принят без проверки.

Казалось бы, после такой положительно уничтожающей критики молодому ученому, более всего приличествовало-бы взяться за исправление своего далеко не выношенного детища, – но г. Сташевский не посчитался с добросовестными указаниями сведущих людей и представил свою работу, как магистерскую диссертацию! И вчера публично ее защищал…

И – конечно – защитил!

Я просидел целый день, до позднего вечера, на этом средневековом судилище и ушел, унося с собой еще одно доказательство правильности народной мудрости:

– Поспешишь, людей насмешишь.

Право-же, непонятно, почему это понадобилось г. Сташевскому так решительно отвергнуть мудрое изречение Пруткова, что спешность приличествует-лишь при ловле блох, но отнюдь, скажем мы, не при уловлении ученых степеней.

А г. Сташевский поспешил и Бог знает чего нагородил…

Благороднейший представитель старой университетской науки, заслуженный профессор и академик В.С. Иконников[11], даже при всем своем благожелательном отношении ко всякому молодому ученому, в деликатной и корректной форме указал целый ряд непростительных упущений, явившихся следствием этой странной и трудно объяснимой спешности.

---

[11] Иконников Владимир Сергеевич (1843–1923) – историк, профессор русской истории (с 1870 г.), почетный член (с 1910 г.) Университета св. Владимира в Киеве.

И, между прочим, высказывая «desiderata»[12], набросал прекрасный стройный план той работы, которую надо было бы выполнить ученому, взявшемуся за трудную и ответственную тему о московском обществе и государстве от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны.

Мы слушали и уносились мысленно за стройным и обоснованным изложением маститого ученого, как он несколькими штрихами воскрешал гигантскую фигуру Филарета, или как намечал он целую новую диссертацию о роли женщин в эту эпоху, во главе с инокиней Марфой.

Но вслед за тем, маститый оппонент подорвал окончательно шаткие основы центрального места диссертации об утверждении в русском государстве идеи «общего блага» ссылками на факты действительности. На чрезмерный рост обложения, на рост административных злоупотреблений, на «плещеевщину», явившуюся достойным прототипом позднейшей бироновщины, и, наконец, на народные движения при Алексее Михайловиче, явившиеся реальной оценкой столь любезной г. Сташевскому идеи «общего блага».

– «К сожалению, автор обнаружил невероятную, непонятную т е н д е н ц е о з н о с т ь, которой и объясняются все эти промахи и упущения».

Не мог обойти ее молчанием и профессор Довнар-Запольский[13]; и, начавши о здравии, кончил печальным «упокоем».

– «Если бы вы не спешили, вы бы написали книгу гораздо лучшую».

Здесь уже отмечены и другие грехи этой роковой спешности, не менее, однако, существенные.

И небрежность плана, и неряшливость изложения, и цитаты без ссылок, и «идеализация» административных мероприятий Филарета, тогда, как существует целая литература, автором не использованная, об усилении бюрократизации и увеличении тягот в отношении населения…

– «Почему вы не пожелали д о д е л а т ь вопросы, которые уже намечены другими и оставлены вами в том-же недоделанном виде, хотя это было для вас положительно необходимо?»

И ответ – все та-же коварная «спешность».

---

[12] В тексте статьи употребляется в значении «пожелания».

[13] Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – историк, профессор (1902–1920) Университета св. Владимира в Киеве.

– «Почему вы опустили целый ряд вопросов, характеризующих внутреннюю политику затронутой вами эпохи? Вопросы колонизации, военного дела и проч.?»

И ответ – все та-же коварная «спешность».

Куда? Зачем? Откуда эти скачки и рисистые бега в вопросе чистой науки?

Впрочем, и «чистота» этой науки тоже оказалась скомпрометированной и в степени весьма достаточной.

Я не могу понять, почему это декан факультета, профессор Бубнов[14], несколько раз прибегал к приемам явно заимствованным с процесса Бейлиса[15], и обрывал официального оппонента, проф. Данилевича[16], который должен был взять на себя тяжелую, но и весьма ответственную и необходимую задачу доказать, что г. Сташевский действительно пользовался целым рядом приемов, в науке недопустимых и имеющих совершенно определенную квалификацию!

Слово «плагиат» было сказано и его надо было доказать…

Но – «amicus Plato»[17] победил «veritas»[18], и г. Данилевич, уступая предложению г. декана, должен был остановиться на полдороге.

Впрочем, к сожалению, прав был и оппонент, когда сказал:

– «Мы с вами говорим на разных языках».

А в вопросе о научных истинах язык должен быть один: язык нелицеприятной правды, сколько горька бы она ни была!

И опять таки – «спешность».

---

[14] Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) – историк, доктор всеобщей истории, минуя магистерство (1891). С 1905 г. декан историко-филологического факультета Университета св. Владимира в Киеве.

[15] Судебный процесс (март 1911 г.) по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского.

[16] Данилевич Василий Ефимович (1872–1936) – историк, археолог. Выпускник историко-филологического факультета Университета св. Владимира в Киеве (1896), специализировался на российской истории, которой занимался под руководством В.Б. Антоновича. С 1903 г. приват-доцент Харьковского университета. В 1907 г. вернулся в Киев, занял в местном университете вакантное место на кафедре русской истории. В 1913 г. пытался опубликовать свою диссертацию, которую так и не защитил. В 1915 г. вынужден был переехать в Варшаву.

[17] Букв.: друг Платон (*лат.*). В статье употребляется как часть крылатого выражения «Платон мне друг, но истина еще больший друг».

[18] Истина (*лат.*).

– Если бы вы не спешили, вы бы могли написать не одну, а ряд прекрасных диссертаций по теме, затронутой в вашей «моногранной» работе… Но…

И, наконец, очень обстоятельно положил, как говорится, на обе лопатки смелого диспутанта совсем таки молодой ученый г. Смирнов[19]!

Значит, это таки не столь трудно!

В итоге, конечно… удостоен, под гром аплодисментов.

Ибо так полагается, так установлено.

Университетский актовый зал видал и не таких еще диспутантов – и что-же?

– Удостаивали! Под гром аплодисментов!

Но венчанный лаврами «герой поспешности» оставил жуткое впечатление!

Я понимаю, в нашей журнальной, каждодневной работе приходится платить дань этой злой мачехе всякого дела…

И когда, как снег на голову, падают события, на которые приходится реагировать в ту-же минуту!

Но наука – дело иное! И перед нами имена наших великих ученых, являвших достойные подражания примеры уважения к науке!

Оттого и труды их, их диссертации, составляя вклад в науку, знаменуют порою целую эпоху!

Да, тогда не было безумной скачки карьеризма, заразившей современный университет своим тлетворным ядом.

Оттуда и эта непростительная «спешность», и все вытекающие из нее неприятные последствия.

Но… «диссертант удостоен искомой степени»…

Что и требовалось доказать.

А остальное…

Об этом не все думают одинаково!

Всеволод Чаговец

Киевская мысль от 18 ноября 1913 г.

ОР РГБ. Ф. 279 П.П. Смирнов К. 16. Ед. хр. 2. Л. 73.

---

[19] Смирнов Павел Петрович (1882–1947) – историк. В 1907 г. окончил историко-филологический факультет Университета св. Владимира в Киеве, был оставлен М.В. Довнар-Запольским для подготовки к профессорскому званию. В 1912 г. стал приват-доцентом Киевского университета, магистерскую диссертацию защитил в 1919 г.

М.В. Ковалев

Неизданная рецензия А.В. Флоровского на книгу Л.В. Черепнина[*]

Предсталяется рецензия на книгу Л.В. Черепнина о русских феодальных архивах.

Ключевые слова: Л.В. Черепнин, феодальные архивы, А.В. Флоровский, источниковедение СССР и российской эмиграции.

M.V. Kovalev

Unpublished review of A.V. Florovsky by L.V. Tcherepnin's book

Be thought a book review L.V. Tcherepnin of Russian feudal archives.

Key words: L.V. Tcherepnin, feudal archives, A.V. Florovsky, source of the USSR and the Russian emigration.

В мае 2013 г., во время моей работы в Славянской библиотеки в Праге, ее директор доктор Лукаш Бабка сообщил мне, что в собрании рукописей он обнаружил две архивные коробки с неописанными документами видного историка-эмигранта, профессора Антония Васильевича Флоровского[1], которые по какой-то, неизвестной теперь причине, были оставлены без внимания во время научной обработки фонда в 1970–1980-е гг. Вероятно, их начал обрабатывать еще И.П. Савицкий (в одной из коробок имеются

[*] Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 13-31-01251а2.

[1] *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Лаптева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. Серия 8, История. 1994. № 1. С. 55–63; *Аксенова Е.П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87; *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012; *Афиани В.Ю.*, *Лаптева Т.Н.* Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) // Исторический архив. 2013. № 3. С. 149–163 и др.

его заметки), сын евразийского лидера, в ту пору – сотрудник библиотеки[2]. Отдельные документы разложены по тематическим папкам, но большинство представляет собой архивную россыпь. В коробках находится полная библиография трудов А.В. Флоровского, библиографические карточки, рецензии на исследования Л.В. Черепнина, Я. Вавры, М.В. Шахматова, Ю.К. Бегунова, написанные историком некрологи И.И. Лапшина и Я. Бидло, творческие работы студентов Карлова университета, оттиски и рукописи статей Я.М. Бромберга, Г.В. Вернадского, В.А. Мошина, оттиски работ самого А.В. Флоровского как дореволюционного, так и эмигрантского периода, комплект журнала «Евразийские тетради», брошюра С.Г. Пушкарева о крестьянской общине, стихи и литературные заметки. Имеется там и неизвестная ранее корреспонденция: письма В.В. Бартольда, Г.В. Вернадского, А.Н. Грабара, Д.С. Лихачева, Г.И. Лукьянова, Института истории СССР. Особо стоит отметить неизвестные ранее воспоминания А.В. Флоровского, значительно дополняющие канву его биографии, и готовящиеся в настоящее время к изданию автором этих строк.

Среди обнаруженных документов большой интерес представляет несколько историографических работ А.В. Флоровского, в том числе его рецензия на известную книгу Л.В. Черепнина о русских феодальных архивах. Она представляет собой машинопись на нескольких листах с незначительными рукописными вставками, сделанными рукой А.В. Флоровского. Не удалось установить, для какого издания предназначалась эта рецензия, но она так никогда и не была опубликована. Факт ее написания свидетельствует о большом интересе А.В. Флоровского к советской исторической науке. Известно, что после Второй мировой войны он наладил активные контакты с историками из СССР, а впоследствии дважды посещал свою Родину. Пока не удалось установить, был ли А.В. Флоровский знаком с Л.В. Черепниным лично. Во всяком случае, следов их переписки не сохранилось.

Рецензия публикуется с полным сохранением авторской стилистики по оригиналу из собрания рукописей Славянской биб-

---

[2] О судьбе архивного наследия А.В. Флоровского см.: *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальня наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследаия. М., 2013. С. 131–138.

лиотеки в Праге (фонд А.В. Флоровского). Поскольку найденные документы пока не описаны и не инвентаризированы, рецензия не имеет своего архивного шифра.

****

Черепнин, Л. В. (подчеркнуто в оригинале. – *М.К.)* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть первая, Москва – Ленинград, 1948, стр. 472.

<Часть вторая, М., 1951, стр. 428>[3].

Заглавие этой книги много уже ее содержания. Книга касается действительно судьбы и состава русских архивов Москвы, Твери, Новгорода Великого и др. в четырнадцатом и пятнадцатом веках, однако не сама по себе организация и судьба этих архивов стоит в центре внимания автора, но судьба и история известного подбора документов из этих архивов в их истории и общеисторическом значении. К вопросу об архивах автор подходит именно со стороны этих важнейших материалов, принадлежавших к их составу, в центре внимания автора стоят крупнейшие политические акты, следы деятельности верховной власти Москвы, Новгорода, Пскова и разных иных политических центров старой северо-восточной Руси. Автор поставил перед собою задачу выяснить условия и обстоятельства возникновения дошедших до нас собраний духовных грамот князей, договорных грамот между князьями северо-восточной Руси, между московскими великими князьями и Новгородом и Псковом и под. До настоящего времени эти акты подвергались изучению со стороны своего политического, исторического, историко-географического и под[обного] содержания, но исследователи редко ставили перед собою вопрос о происхождении самого подбора этих актов в архивных собраниях, из которых они были извлекаемы для издания в начале XIX века. Для исследователей главным вопросом оставался вопрос о самом акте в его основном содержании, в его дипломатических формах, формулах, взаимных отношениях со стороны текста и под[обное]. Л. Черепнин поставил вопрос существенно иначе. Он заинтересовался самым фактом существования известных комплектов этих актов в разных архивах и подверг изучению эти комплекты со стороны обстоятельств их составления, пополнения и под[обное]. В русской исторической литературе подобному изучению была повергнута в начале нашего века одна специальная коллекция важных для истории московского государства актов, именно сборник ханских татарских ярлыков, данных Московским митрополитам. Изучение

[3] Приписка рукой А.В. Флоровского.

этой коллекции в ее целом <(его автор – М. В. Приселков[4])[5]> дало интересные результаты с точки зрения истории использования этих важных церковно-правовых документов в последующее время, не говоря о том, что такой подход к материалу дал известные плоды и для понимания самых текстов, их сохранности и пр. Этим же методом пользуется и Л. В. Черепнин в своей книге, становясь на еще более широкую точку зрения и вскрывая самую динамику истории этих актовых собраний старых архивов Московского государства, Новгорода, Пскова и т. д. Таким образом, не сами архивы стоят в центре его внимания, но говорящие о них сборники важных государственных актов, по которым можно изучать историю политического роста Московского княжества, его взаимоотношения с иными политическими центрами старой Руси, историю междукняжеских отношений и т. д. Черепнин вносит начало динамики в изучение этого материала, поскольку не ограничивается его изучением как просто археографического факта, но следит за самим возникновением и развитием содержания и формы этих актов в тесной связи с самой динамикой политической жизни Москвы и ее контрагентов в период завершительного роста Москвы, как объединителя северо-восточных областей Руси.

Л. В. Черепнин подвергает изучению эти давно в своем основном тексте известные грамоты не изолированно одну от другой, но в их подборе, какой был сделан в архивах старой Руси в свое время. Этот подбор оказывается на случайным, он отражает не только заботы политических центров Руси о сохранении известных актов, но он отражает и известную заботу власти иметь возможность использовать этот подбор в политической практике в процессе политической работы по объединению русских земель вокруг Москвы. Такой пересмотр подлинных сборников актов дает автору возможность установить, откуда эти сборники попали в архив московской великокняжеской власти. Выясняется, что некоторые такие подборы входили в состав областных архивов – тверского и под[обных], т. е. попали в руки московской власти в порядке изъятия их из ар-

---

[4] Приселков Михаил Дмитриевич (1881–1941) – российский и советский историк, автор работ по истории русского летописания. До революции преподавал в Петроградском университете, Психоневрологическом институте, на Высших женских курсах. В 1930 г. репрессирован и отправлен в ссылку, которую отбывал до 1935 г. Вернулся в Ленинград. Некоторое время заведовал кафедрой истории СССР и был деканом исторического факультета Ленинградского университета. Реабилитирован посмертно в 1953 г. А.В. Флоровский ошибся в инициалах историка, написав вместо «М. Д.» «М. В.».

[5] Приписка рукой А.В. Флоровского.

хивов подчинившихся Москве княжеств. В связи с этим и самый подбор дошедших до нас актов получает свое динамическое объяснение, как результат известной политической акции Москвы. Иначе говоря, московские сборники договорных междукняжеских грамот, известные ныне исторической науке, являются не случайными коллекциями сохранившихся случайно актов, но имеют свое политическое основание. Тоже касается и побора духовных грамот московских и иных князей. В связи со вскрытием этой динамики сборников автор получает возможность понять по-новому и некоторые формулы этих актов, и то обстоятельство, что о некоторых актах такого рода сохранились лишь упоминания, но не они сами в подлинном тексте, и тот факт, что ряд актов сохранился в копиях и иной раз и в двух или более вариантах и т. д. Книга Л. В. Черепнина дает чрезвычайно много интересных указаний для понимания этих текстов в их соотношении с исторической и политической обстановкой эпохи, дает много ценных указаний для истории текста этих грамот, особенно для их датировки и под[обного]. В этом смысле историк политического роста московского великого княжества в XIV–XV вв. должен будет внимательно пересмотреть все выводы прежних исследователей, поскольку они были основаны на этого рода источниках. После известной книги А. Преснякова[6] и исследования Любавского о происхождении великорусского государства[7], т. е. по истории роста Московского княжества, книга Черепнина является важнейшим исследованием <в этой области>[8]. Оно хотя и не ставит прямой своей задачей ревизию выводов Преснякова, Любавского и др[угих], но по существу кладет для такой ревизии новое основание и подсказывает самую эту ревизию во всей широте. Весьма важны на-

---

[6] Имеется в виду книга: *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. М., 1918. Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – российский и советский историк, член-корреспондент РАН (1920), автор работ по истории права, политической истории Древней Руси и Московского царства, общественного движения в XIX в. В разные годы преподавал в Санкт-Петербургском (затем – Петроградском, Ленинградском) университете, на Высших женских курсах, в Институте красной профессуры.

[7] Речь идет о книге: *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение центра. М., 1929. Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – российский и советский историк, академик АН СССР (1929), автор работ по истории Великого княжества Литовского, русской колонизации, исторической географии. Преподавал в Московском университете, в 1911–1917 гг. занимал пост ректора. Арестован по «Академическому делу» и сослан в Уфу.

[8] Приписка рукой А.В. Флоровского.

блюдения Черепнина и над текстами таких источников, как Новгородская и Псковская судные грамоты. Автор выясняет обстоятельства возникновения известных нам текстов этих памятников, восстанавливает самую историю их текста, дает весьма ценные наблюдения над условиями возникновения этих текстов, проясняется их состав, их редакции и под[обное]. В этом смысле книга Черепнина является весьма ценным вкладом в литературу русского источниковедения, и вместе с тем является важным вкладом в историю политического развития Московского великого княжества, поскольку в основе исследования лежат акты, связанные с его междукняжеской политикой, документы, отражающие акцию Москвы по собиранию русских земель вокруг Москвы.

Книга Черепнина будет иметь продолжение. Во втором томе своего исследования Черепнин имеет в виду подвергнуть подобному же обследованию акты монастырей северо-восточной Руси эпохи развития феодализма. Нужно думать, что эта вторая часть работы автора окажется также богатой новыми наблюдениями и выводами и внесет новый свет и новое динамическое освещение в историю церковной политики Московской Руси XIV–XV вв. Было бы желательно, чтобы автор при окончании своего труда дал перечень всех изученных им актов и упоминаний о них с новой проверенной датировкой, это было бы очень полезно для справок.

При своем исследовании Л. В. Черепнин пришел к ряду интересных наблюдений по отдельным частным вопросам политической истории Москвы, Твери, Новгорода, Пскова и т. д. В известных случаях он затрагивает и темы внешних отношений Руси, в частности отношений Руси с Литвой. Одно частное указание представляет особый интерес. Касаясь дела истории литовского князя Ягайло, будущего польского короля Владислава, Л. В. Черепнин в архивных мАтериалах нашел упоминание о плане женитьбы Ягайло на дочери князя Димитрия Донского. Этот проект относится, по-видимому, к 1384 году. Димитрий Донской предполагал выдать замуж за Ягайло свою старшую дочь Софью, причем за этим проектом стояли, конечно, известные политические расчеты и планы, Ягайло должен был стать православным родичем московского князя и войти в сферу его политического влияния. Однако, польское влияние в Литве взяло верх, и Ягайло стал польским королем. Для истории отношений между Литвой и Москвой это обстоятельство имеет огромный интерес.

Slovanská knihovna v Praze. Trezor.
A. V. Florovskij. T-FLOR.
Машинопись с рукописными вставками.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН – Архив Российской академии наук
ВДИ – Вестник древней истории
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
НИОР РГБ (ОР РГБ) – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антощенко Александр Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Богомазова Ольга Викторовна – канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории России Челябинского государственного университета.

Бычков Сергей Павлович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Вигасин Алексей Алексеевич – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории Южной Азии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гордон Александр Владимирович – д-р ист. наук, заведующий сектором ИНИОН.

Гришина Наталья Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета.

Карпюк Сергей Георгиевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ, член редколлегии журнала «Вестник древней истории», организатор научных семинаров «Миусские античные посиделки» и «Античность в современности».

Ковалев Михаил Владимирович – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой, заместитель декана факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина.

Корзун Валентина Павловна – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Крих Сергей Борисович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Кузнецов Андрей Александрович – д-р ист. наук, доцент, проректор по учебной и воспитательной работе, заведующий кафедрой истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Могильницкий Борис Георгиевич (1929–2014) – д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Набокина Татьяна Александровна – аспирант кафедры истории России Челябинского государственного университета, преподаватель истории в Южно-Уральском многопрофильном колледже (г. Челябинск).

Неваров Антон Анатольевич – старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и политологии Омского государственного технического университета.

Николаева Ирина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета.

Попова Татьяна Николаевна – канд. ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

Сидорова Любовь Алексеевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН.

Телушкина Ольга Викторовна – магистр истории, менеджер межвузовского инновационного бизнес-инкубатора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Фостер Бенджамин Рид – профессор ассириологии и вавилонской литературы факультета ближневосточных языков и цивилизаций Йельского университета (г. Нью-Хейвен, США), куратор Йельской Вавилонской коллекции.

Хмылев Лев Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры философии Томского университета систем управления и радиоэлектроники.

Научное издание

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 10

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Редактор *Д.С. Нерозник*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 23.03.2015. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 29,6. Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 31,5. Тираж 150 экз. Заказ 62.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а